

АКАДЕМИЯ НАУК СССР



БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

1980

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1980



Издательство «Наука»

Москва

1981

Этим сборником открывается новое ежегодное издание по вопросам балто-славистики. Предшествующие ему "Балто-славянский сборник" (М., 1972), "Балто-славянские исследования" (М., 1974), "Балто-славянские этноязыковые контакты" (М., 1980) определили программу настоящего издания, нашедшую отражение и в его первом выпуске: сравнительно-историческая грамматика балтийских и славянских языков, исследование контактов балтийских и славянских языков и культур в их настоящем и прошлом, сопоставительно-типологическое изучение балтийских и славянских языков и культур, исследование индоевропейских основ балто-славянской проблематики, проблемы этногенеза балтов и славян на материале языка, топонимии и ономастики, духовной и материальной культуры.

Редакционная коллегия:

Вяч. В. Иванов (отв. редактор),
К. П. Корсакас, В. П. Мажюлис, Л. Г. Невская,
М. К. Рудзите, Т. М. Судник (отв. секретарь),
А. Е. Супрун, В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев

70101-374
Б 042(02)-81 394-81. 4602000000

© Издательство "Наука",
1981 г.

О. Н. ТРУБАЧЕВ

РЕПЛИКА ПО БАЛТО-СЛАВЯНСКОМУ ВОПРОСУ

Новую балто-славянскую серию уместно напутствовать самыми добрыми пожеланиями успеха; не менее уместно - как человеку заинтересованному - высказать по этому случаю свои собственные соображения и, наконец, выразить некоторые надежды в данной области науки. Серьезный уровень обмена мнениями гарантирует серьезная подготовительная работа составителей сборника. Подбор статей и материалов как бы приглашает к деловому и конкретному обсуждению проблем, которые занимают всех нас. Деловое, острое и фундированное материалом обсуждение проблем - это то, что нужно нашей науке, и статьи настоящего сборника служат весьма благодатной почвой для этого. Состав их необычно многоаспектен - от групп крови и культуры до того главного, что делает балтов балтами, а славян славянами, - их языка. Отраднa широта, которой проникнуты статьи. Не самодовлеющий единственный метод анализа, а свой материал как подступ к большой задаче, как правило, не укладываемой в одну методику. Такая междисциплинарная солидарность очень нужна современной небывало разросшейся науке. Описание нынешней языковой ситуации совершенно справедливо понимается (и принимается) как "возможность сквозь призму настоящего взглянуть и на прошлые этапы...".

"Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем" - это необходимый аспект, без которого, видимо, нельзя изучать эти контакты "в прошлом", иными словами, нынешние контакты балтов и славян - это резерв реконструкции их древних контактов. Больше того, нынешние их контакты, *mutatis mutandis*, могли бы нам послужить моделью тех балтославянских контактов, которые были 2000 лет тому назад... Не выпячивая отдельных остродискуссионных моментов, можно было бы говорить при этом о контактах родственных диалектов, в отношении к которым не следует слишком преувеличивать ни близость, ни расхождения. Контакты - там, где они действительно возникали, - могли очень постепенно вырабатываться в пограничной зоне то единство способов выражения, которое бывает в условиях языкового союза. Не об этом ли языковом союзе свидетельствует та легкость и достижимость точного перевода с литовского на русский, *gesp.* белорусский и обратно?

Конечно, реконструируя и моделируя древние балто-славянские контакты по нынешним их контактам, мы неизбежно ошутим неравномерность или просто нехватку данных. В наиболее выгодном положении оказывается при этом изучение балто-восточнославянских контактов: они продолжают и сейчас. Продолжаются и балто-западнославянские, точнее, балто-польские контакты. Но уже контакты балтов с другими частями западнославянской территории остаются в глубокой тени. Скажем иначе: они мертвы, но в исторической их реальности трудно сомневаться. Древние балты, в том числе западные балты, должны были знать великие пути своего времени и проникали, в частности, через Моравские ворота в Моравию, в горах которой этимология выявила ряд локальных лексических балтизмов, (к которым, возможно, причастны зашедшие сюда галинды (или их ветвь). В равной степени мертвы балто-южнославянские контакты, историческая реальность которых доказывается рядом сепаратных балтизмов в южнославянских языках, о чем, кажется, впервые в свое время заговорили именно в Институте славяноведения АН СССР: в болгарском, а также сербохорватском и даже словенском языке. Факт наличия их там крайне интересен, потому что появиться они могли в славянских диалектах еще до того, как те стали южнославянскими, т.е. не менее полутора тысяч лет назад, а скорее, еще раньше. То обстоятельство, что эти южнославянские балтизмы уже выглядят как совершенно обособленные, не мотивированные на славянской почве лексемы, проливает свет на характер балто-славянских контактов в древности: они во многом напоминают современные, когда и балтийский и славянский имеют свою отличную физиономию.

Датировать сложение не только балтийского, но и славянского языкового типа надо, конечно, не I-VI в. н.э., а гораздо более ранним временем. Славистика, изучающая праславянский язык, добилась в последнее время определенных успехов, к числу которых следует отнести концепцию диалектной сложности праславянского. Типологически поучительно было бы предположить нечто аналогичное и для балтийского языкового пространства в древности, т.е. скорее неоднородности его, чем однородности.

Балтийский язык входит в ареал распространения древнеевропейской гидронимии, некоторым исследователям он представляется даже центром радиации этой древней гидронимии. Считается, что праславянский язык не входил в ареал древнеевропейской гидронимии, и это очень странно, потому что противоречит постулируемому надъязыковому и наддиалектному характеру названного гидронимического ареала, а также противоречит всем древним связям праславянского с другими индоевропейскими языками Европы, наконец, противоречит и теории выделения праславянского из недр прабалтийского или его западной ветви, которой в материалах сборника уделено

немалое внимание. Здесь уместно вспомнить об известных больших различиях в лексике между балтийским и славянским, вместе с тем - о сходствах в древней терминологии славянского именно с языками центральноевропейского района. Сюда же надлежит отнести древние балто-славянские различия в морфологии, из них достаточно назвать такое капитальное, как наличие/отсутствие флексии *-yt-* в 3 л. мн. ч. Порождение праславянского из западнобалтийского представляется в этих условиях слишком чудесным и загадочным. В самом деле, в условиях территориальной близости ожидалось бы гораздо большее сходство "предка" и "потомка", чем то, которое мы реально наблюдаем.

Стремление точно определить предка праславянского языка понятно. Вместе с тем не может не настораживать типологическая уникальность в индоевропейской глоттогонии предполагаемого акта порождения праславянского как некоего уравнения: западнобалтийский + италийский = праславянский (вар.: балто-славянский + иранский = праславянский). Архаизм балтийских языковых данных, как и инновационизм славянских, нередко относителен. Вспомним здесь Брюкнера: "Starożytność znowu języka litewskiego, na którą się wszyscy zawsze powołują, raczej pozorna i przypadkowa, niż rzeczywista, góruje w zachowaniu niektórych dyftongów: *au, oi, i* końcowego *s*, jakie posiadają łacina lub greka; poza tą cechą byle narzeczce *słowiańskie* jest niemal równie "stare", jak litewszczyzna, a nieraz starsze (np. w czasowaniu)"¹. В славянском часто приходится иметь дело с своего рода обнелевшими архаизмами, отчего их общиндоевропейская ценность не уменьшается. Да и так ли уж вообще реальны абсолютные архаизмы в той системе отношений, которую представляет собой язык?

Самобытность индоевропейского типа, представленного в праславянском языке, заслуживает, кажется, несколько большего признания. Вероятие происхождения из особых индоевропейских диалектов не исключает достаточно близкого родства с балтийским, помноженного на их ареальные контакты, порождавшие в ряде случаев сближение вплоть до неразличения и возможной двусмысленной атрибуции, которой более всего подошло бы название балто-славянского. В этом смысле даже фамилию *Королюк* можно трактовать как балто-славянскую, если она для одного из авторов предварительных материалов конференции "Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом" (М., 1978), если я верно понял, по-видимому, интерпретируется из лит. *Karabiukas*, так сказать, 'mažas karalius' ('маленький король'), тогда как мы ее с наименьшим основанием читаем как славянскую (белорусскую, украинскую) патронимическую производную форму *Корол'-ук*, т.е. 'королевич', "Короленко".

В общем балто-славянская проблематика вызвала много споров и прежде, едва ли они утихнут и в обозримом буду-

¹ *Brückner A. Starożytna Litwa. Ludy i bogi. Szkice historyczne i mitologiczne. Warszawa, 1904, s. 5.*

щем. Комплексность подхода, безусловно, скажется здесь в свою очередь; археология, например, принесет свои споры (недавний международный симпозиум 1978 г. в Киеве "Этногенез славян" свидетельствует о том же). Диалог надо продолжать, удовлетвоваввшись для начала малым соглашением по вопросу, какой термин лучше - *балтский* или все-таки *балтийский*?

ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ

К ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ БАЛТО-СЛАВЯНСКОГО ДИАЛЕКТНОГО КОНТИНУУМА

Более внимательное изучение различий в словаре и грамматических явлениях отдельных славянских диалектных областей, намеченное более 20 лет назад и детально проведенное за истекшее время, привело к несколько неожиданным результатам, которые по существу многое могут изменить в представлениях о наиболее древних изоглоссах (в частности, лексических), определяющих деление общеславянской области. Древность этих лексических изоглосс удостоверяется в значительной степени тем, что они находят подкрепление в лексических соотношениях между отдельными индоевропейскими диалектами (напомним, что именно словарные отношения остаются до сих пор наиболее разработанной стороной индоевропейской лингвистической географии). В качестве наиболее показательного примера можно привести выводы ряда исследований последнего времени, которые позволили установить наличие многочисленных лексических совпадений южнославянских диалектов с балтийскими, что требует нового исторического подхода ко всей проблеме членения балто-славянской диалектной общности начиная с индоевропейской эпохи (т.е. с того времени, когда балтийские языки и славянские существуют на одной территории в качестве диалектов одного языка - позднеиндоевропейского или, точнее, позднеевропейского или поздnezападноевропейского, что может быть на основании сопоставления лингвистических и археологических данных отнесено к концу III-II тыс. до н.э.). Следовательно, между сосуществованием прабалтийского и праславянского диалектов (в то время еще предельно мало отличавшихся друг от друга) в Северном Причерноморье и сопредельных с ним областях Восточной и Юго-Восточной Европы в III-II тыс. до н.э. и началом распада общеславянского языкового единства в V-VI вв. н.э. проходит около двух с половиной (или даже трех) тысяч лет. За это время прабалтийские и праславянский диалекты, начинавшие уже расходиться между собой, находились в контакте друг с другом и с другими индоевропейскими диалектами - как западноиндоевропейскими (прежде всего германскими, о чем свидетельствует большая группа балто-славяно-германских изоглосс, особенно лексических, относящихся ко времени до изменения балтийских и славянских палатальных по ти-

пу языков *satəm*), так и иранскими (что может объясняться "скифо-европейскими" контактами эпохи существования языкового союза диалектов тех западноевропейских и восточноиранских - в широком смысле слова "скифских" - племен, которые были объединены тесными связями еще со времени их совместных переселений из Центральной Азии). Новейшие исследования в области славянской географии слов с убедительностью свидетельствуют о том, что при подобных контактах между древними индоевропейскими диалектами, образовавшимися (после значительно более раннего отделения от них целого ряда других диалектов - индоевропейской, тохарских, греческо-армянского и др.) вторичный языковой союз ("аллогенетическое родство" по акад. Г.В. Церетели), уже складывались диалектные различия внутри праславянского.

В качестве простого примера можно указать на весьма показательное лексическое противопоставление в обозначении попарно соотнесенных терминов со значениями 'правый' - 'левый', игравшими очень важную роль в древнеславянской системе мифологических и обрядовых представлений. Эта функционально значимая пара противопоставленных друг другу слов-антонимов в славянском обозначалась несколькими способами, из которых сопоставимый с балтийскими названиями (типа лит. *dešinys-is* 'правый'), имеющими индо-иранские (др.-инд. *dakṣina-*) и древнеевропейские (лат. *dexter*) соответствия, древнеиндоевропейский термин для обозначения 'правого' сохранился только в южнославянском, ср. стилистически обыгранное сопоставление церковнославянского (генетически восточно-южнославянского) и древнерусского (древневосточнославянского) способов обозначения этих понятий в списке древнерусского перевода "Книги бытия" (XIII, 9) времени интенсивного литературного двуязычия у восточных славян - XIV в.: *Любо ти на лвоо, а азъ на право, любо ти на десно, а азъ на шюе*. Принятый в северной (но не в южной) группе славянских диалектов (и восточных, и западных) способ обозначения понятия 'правый' посредством слова, имеющего прежде всего юридические ассоциации, представляет особый интерес, во-первых, ввиду весомости для древних славян всего комплекса представлений, связанного с правдой-правом соответственно кривдой-ложью, которые у северных групп славян наложились и на второй антоним (ср. др.-рус. *кривчи* в значении 'неправый': *не ходаше поуте^м кривч^м, но правч^м*, и в значении пространственном: др.-рус. *Кривчи Бблок* и т.п.; ср. этноним кривичей и другие с ним сходные и т.п.); во-вторых, потому, что этот же семантический способ образования понятия 'правый' характерен для древнегерманского (ср. в современных языках англ. *right*, нем. *recht* и т.п.). В данном случае представляется несомненным, что сохранение индоевропейского архаизма в южнославянском привело к совпадению его с также архаичным балтийским; общий принцип сохранения архаизмов на периферии ареала при инновации в центре (в данном случае в центре балтийско-славянского диалектного ареала, понимаемого как единое целое) давно уже выявлен лингвистиче-

ской географией. Но существенно при этом, что для этого достаточно далекого времени, когда можно говорить о едином балто-славянском диалектном ареале (где диалекты первоначально непрерывно переходят друг в друга, образуя пространственно-временной континуум), несущественно различие между восточной и западной группой северных диалектов праславянского, которые все вместе семантической инновацией объединяются с прагерманским, противопоставляясь прабалтийскому.

Из древних выявленных лингвистами в последние годы фактов этого же рода, которые могут представить особый интерес для историков, занимающихся проблематикой славянского этногенеза (но пока еще не привлекли их внимания), следует назвать обнаружение целых небольших текстов — фразеологических сочетаний и основанных на них сложных слов с достаточно специализированными значениями (в частности, относящимися к социальной сфере). Из открытий такого рода, которые смело можно назвать сенсационными, достаточно указать на обнаруженное В.Н. Топоровым (особенно много сделавшим для выявления южнославяно-балтийских сходств рассматриваемого типа) совпадение схрв. *zadržno vladanje* с прус. *draugi-waldūnen* 'со-наследник' (прус. *waldūns* 'наследник'), лит. *draiūvaldonis*, схрв. *zadržuga-bratstvo* и лит. *draiūbrolis*. Речь идет о специфическом терминологическом сочетании, которое относится к языку права, строго кодифицированному и потому сохраняющему множество архаизмов. Еще существеннее то, что составные части этого термина представляют собой типичную социальную лексику западноиндоевропейского диалектного ареала. В первой части этого сочетания (и основанного на нем словосложения в балтийском) выступает термин взаимности, заменивший в славяно-балто-германском диалектном ареале древний синонимичный термин взаимности, сохранный в хет. *araš aran* 'друг друга', др.-инд. *ari* (с иранскими и греческими соответствиями); ср. показательное сходство в образовании от него таких производных, как обозначения дружины в германском (**druhtiz* с отражениями во всех древних языках) и славянском, ср. лит. *draugovė* 'дружина' и т.п. Во второй части сочетания используется производное от основы **wel-* 'управлять, царь-предводитель', объединяющей все древнеевропейские (западноиндоевропейские) диалекты с тохарским, и следовательно, особенно архаичное. Но все сочетание в целом, хотя оно и построено из элементов, которые могут быть возведены к западноиндоевропейскому (или к одному из ранних его диалектных членений, включавших славяно-балто-германский ареал), сохраняется только в южнославянском и балтийском. Можно думать, что, как и специфическое для южнославянского обозначение "правого" (и "левого"), это словосочетание все вместе является архаизмом, а не инновацией. Но этот архаизм дает указание на то, что именно северная диалектная группа характеризовалась инновациями, отделявшими ее как от балтийских языков, так и от южнославянских. При этом (как и в случае архаичной фонетической

изоглоссы *tl > kl*) в некоторых из подобных случаев от других восточных диалектов отделяется близкая к балтийским крайне северная (прасеверновеликорусская) группа. Явным архаизмом, общим у южнославянского (за исключением прасловянского, особенно близкого к пращешско-словацкому) не только с балтийским, но и с прасеверновеликорусским, является болг. *бръмбар* 'жук', макед. *бумбар* 'жук', схрв. *бумбар* при сев.-вел.-рус. *бубарка* 'букашка', *бубарица* 'жук', лит. *bambalas*, лтш. *bāmbals* 'жук', прус. *Bambeln* (топоним XV в. н.э.); архаизм восточноиндоевропейской формы с суффиксом *-l- ~ *-r- удостоверяется греч. *βομβυλλίος* 'шмель', др.-инд. *bambarah* 'пчела', парачи *bham'bur* 'оса'. Судя по наличию подобных соответствий в греческо-арийском (греческо-индоиранском), слово может восходить к эпохе сохранения ранних контактов праславянского с иранским. Для более позднего времени можно предполагать наличие центральной северной диалектной зоны, характеризующейся инновациями, не затрагивающей ни праюжнославянского, ни прасеверновеликорусского.

Древние изоглоссы, которые объединяют южнославянские с юго-западной частью восточнославянского ареала, противопоставляя их западнославянским (кроме словацкого) и части восточнославянских диалектов, можно предположить при сравнении разных вариантов грамматических окончаний. В частности, вариант глагольной формы 1 л. мн. ч. наст. вр. *-то* известен в словацком, западно-южнославянском, северномакедонском и западноболгарском, украинском и белорусском, тогда как *-ту* представлен в древнерусском, лужицком, польском, древнечешском и в языке некоторых частей Супрасльской рукописи, *-те* — в древнерусском, нижнелужицком, чешском, македонском, болгарском при стандартном *-то* в старославянском, болгарском, древнерусском, чешском и древнепольском. При всех (определяемых специфичностью развития конца слова в славянском) трудностях возведения этих морф к соответствующим диалектным индоевропейским вариантам представляется возможным допустить достаточную древность части этих вариантов, сопоставимых с балт. жемайт. *-тов*, лтш. *-tās*, прус. *-tai*, тох. В. 1 л. мн. ч. действ. зал. *-m(o)*, др.-инд. инъюнктивн. *-ma* (ср. перфект *vid-mā* 'мы узнали': гот. *witum*), Кельт. *-m < *-mo* и т.п.

Еще больший интерес представляет то, что и на синтаксическом уровне оказывается возможным проведение различий между южнославянскими (позднее балканославянскими) диалектами и северными диалектами, не сохранившими черт, общих с частью балтийских диалектов. При этом с выявленными в недавнее время южнославянскими синтаксическими архаизмами оказываются сопоставимыми архаизмы западно-балтийские, представленные в прусском: прус. *din* 'он', отождествляется со второй частью болг. *еди-кой* 'кто-нибудь', серб.-церк.-слав. *једє киј*; восстановленное *(*j*)e-di ~ **de* находит подтверждение в авест. *təm dim... yo* 'того, который что'. По способу образования подобных относительных определенных синтаксических конструкций

славянские языки удается разделить, как показывает публикуемое в настоящем томе исследование А.А. Зализняка, на несколько диалектных подгрупп. Они различаются по тому, какое относительное местоимение в них используется (ср. др.-рус. *котории*, ст.-слав. *которь, которь*, лит. *katrās* 'который из двух', лтш. *katrs* с соответствиями как в германском - гот. *hwār*, др.-англ. *hwæðer*, - так и в восточноиндоевропейском: греч. *κοτερός*, др.-инд. *katarāḥ* при ст.-слав. и - в и-же, имеющем в этой функции соответствия только в балтийском и в восточноиндоевропейской - индо-иранско-греческо-фригийской диалектной группе) и какой следующий за ним элемент (типа частицы) вносит дополнительный синтаксический оттенок определенности (ср. др.-рус. *котории то*, др.-рус. *то-то*, где функция *то* сходна с ролью этимологически соответствующего элемента в ст.-чеш. *to ti, tot'*, чеш. *to=té=ž*, *ty=té=ž* и соответствующих ст.-польск. *to=to*, *to=ci=ż*, а за пределами славянского ареала - в зап.-герм. *the*: др.-в.-нем. *in themo tage, the her her ni wāntt, inti in theru zit, the her ni weiz 'in die, qua non sperat, et hora, qua ignorat'* Татиан, 147, 12; др.-англ. *Unferd malelode, ... þē æt fōtum sæt frēan Scyrdinga* 'Скавал Унферд..., который сидел у ног владыки Скильдунгов'; в южном ареале ту же роль играет ст.-слав. *-же* и родственные ему частицы, ср. ст.-чеш. *je-ž*, чеш. *jenž*, этимологически связанное с греч. *-δε < *g^we*). По этой синтаксической изоглоссе, как и по некоторым другим, указанным выше, отдельно выделяется западно-южнославянский, судя уже по древнейшим памятникам, где характерны конструкции типа ст.-словен. *roti, kojihže ne paset* (во Фрейзингенских отрывках) и т.п.

С точки зрения лингвистической географии представляется вероятным, что выделяемые по рассмотренным лексическим и грамматическим критериям центральные зоны инновации, объединяющие обычно западнославянские диалекты (или их восточную часть) с восточнославянскими (без северных), достаточно рано сформировались внутри общеславянской языковой общности. Их новообразования не захватывали южнославянского (позднее ставшего балкано-славянским) языкового ареала, отчасти также и других периферийных ареалов: прасеверновеликорусского, поморско-полабского и пралужицкого. Это вело к диалектному обособлению этих ареалов, в частности южнославянского, но то, что специфику этого ареала составляли архаизмы (а не инновации), не дает еще возможности говорить об отдельном южнославянском внутри общеславянского. Южнославянский как непрерывная область (континуум) диалектов формируется значительно позднее, после переселения носителей этих диалектов на Балканы, но часть изоглосс, его характеризовавших, сложилась как реликтовые еще в достаточно ранний период истории праславянского.

КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА И БАЛТИЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Результаты ряда исследований в области балтийского языкознания за последние годы (балто-славянская проблематика, гидронимия балтийского типа, балтийские заимствования в славянских языках и славянские заимствования в балтийских) позволяют, кажется, сформулировать нетривиальный тезис о зависимости самого понятия "балтийский" (прежде всего в том, что касается его внутреннего содержания) от тех пространственно-временных координат, которыми описывается это понятие. Если говорить в общем о тех изменениях в понимании "балтийскости" (балтийское состояние, балтийский тип, балтийская модель и т.п.), которые лежат сегодня на поверхности, то они рельефнее всего выступают в связи с резким нарушением тех временных и пространственных рамок, которые по традиции определяли понятие "балтийские" языки в пределах сравнительно-исторического индоевропейского языкознания. В настоящее время привычное понимание "балтийского" типа лишь с большим трудом (и соответственно с чувством эстетической в широком смысле неудовлетворенности) может быть соотнесено с вырисовывающимися новыми временными и пространственными характеристиками этого "балтийского" типа. Причем это фатально увеличивающееся неблагополучие в увязке традиционной картины с новыми фактами и новыми интерпретациями открыло два фронта: со стороны общеиндоевропейской древности и со стороны хронологически более поздних (чем балтийский) типов, прежде всего - славянского.

В индоевропеистике и балтистике явно или прикровенно всегда исходили из того, что между общебалтийским (или даже просто неким архаичным вариантом балтийского типа), и общеиндоевропейским существовал определенный временной разрыв, который должен быть заполнен каким-то вполне определенным (хотя и никогда не выявленным) лингвистическим содержанием. Предполагалось, что будущие исследования заполнят этот разрыв. Эта надежда продолжает теплиться (по крайней мере, в отношении определенных фрагментов языковой системы). Тем не менее пока этот разрыв заполняется более чем слабо. Зато, когда устанавливаются новые факты (напр., грамматические), которые можно квалифицировать как наиболее архаичные для балтийского состояния, они обычно сразу же ложатся в то, что можно назвать "индоевропейским праязыковым горизонтом". И обратно: многие индоевропейские реконструкции, предложенные в последнее время и оформленные именно как реконструкции, реально присутствуют в балтийских языках, хотя и представлены обычно в более позднем варианте морфологического кода. Из сказанного могут быть сделаны два лишь по внешности противоположных вывода: 1) "балтийское" языковое время р а с т я г и в а е т с я за пределы общебалтийского по направлению к более древнему состоянию и за пределы современных балтийских языков по

направлению к хронологически и типологически более поздним языковым формациям (ср. славянские языки как "дети" балтийских, т.е. как принципиально иная, более продвинутая во времени генерация, а не просто как "немного менее древние языки"); 2) "балтийское" языковое время с п р е с с о в ы в а е т с я, стремится к нулю: ср. возможность понимания современных балтийских языков - в определенных фрагментах - не только как образа (трансформации) индоевропейского древнего типа, но в некоем роде как сам этот тип. П а р а д о к с а л ь н о с т ь балтийского в известном смысле сродни эдиповой ситуации. Смирено принимая на себя роль сына по отношению к отцу (индоевропейскому праязыку), он во многом равноценен ему, равноценен в лингвистическом измерении (т.е. речь идет о ситуации: отец в маске сына). Вместе с тем, выступая в роли брата (по отношению к славянскому), балтийский, являясь представителем более архаичной генерации, фактически реализует другую (чем принимается языковедами) схему: "отец" - "сын". Иначе говоря, в обоих случаях балтийский занижает свой возраст: он существует как бы наряду то со своим предком (индоевропейский), то со своим потомком (славянский); последняя ситуация, парадоксальная среди живых языков (с ней можно сравнить в качестве мысленного опыта положение, при котором наряду с современным русским языком существовал бы и его предок по прямой линии, сохранивший индоевропейский набор флексий (т.е. *волк* и **vilkos*, *волка* и **vilkom*, *о волке* и **vilkoj* и т.п.), заставляет совершенно по-новому взглянуть на всю проблему заимствований в балто-славянском языкознании. Возвращаясь к указанной "протеичности" балтийского и трактовке отношений языкового преемства, уместно подчеркнуть еще две особенности, обычно не попадавшие в поле зрения исследователей или же истолковываемые ими иным образом, а именно: 1) при естественном развитии у балтийского е щ е б у д у т свои потомки, которые могут более или менее существенно отличаться от уже существующих потомков (славянский); в частности, напр., вариант *vilks* (Nom. Sg.) при *vilka* (Acc. Sg.), видимо, обеспечивает уклонение от схемы с редуцированным в Nom. Sg. (*vilkv*), обязательной для славянского типа; 2) язык - "отец" (балтийский) и язык - "сын" (славянский) находились в течение всего достоверно известного времени их истории на смежных территориях, что наиболее естественным образом должно трактоваться как указание на существование некогда единого в языковом отношении ареала.

Здесь-то и возникает вопрос о "балтийском" пространстве. Теперь ясно, что максимальный ареал, который может быть признан балтоязычным на основании гидронимических данных, охватывает территорию во много раз большую, чем ареал балтийских языков (и народов) в историческую эпоху; исключительно показательно, что эти "новооткрытые" балтийские ареалы находятся и к востоку, и к югу, и к западу (за Вислой) от теперешних мест обитания балтийских народов. В связи с гидронимией балтийского типа

следует напомнить два обстоятельства: 1) языковой материал, лежащий в основе этой "балтийской" гидронимии, в высокой степени е д н к а к по своему инвентарю, так и по своим хронологическим характеристикам (эта "изохронность" балтийской гидронимии предполагает или древнее языковое единство всей этой обширной территории, или некий этнодемографический "взрыв", приведший к распространению единой гидронимии на пространном ареале, видимо, в сжатые сроки); 2) "балтийская" гидронимия практически (по крайней мере, на уровне словообразовательных типов и в значительной степени в корнеслове) совпадает с "центральноевропейской". А это (как, впрочем, и обратная формулировка: "центральноевропейская" гидронимия распространяется и на область балтийских языков - настоящую и прошлую) и должно толковаться как знак присутствия в Прибалтике древнего "центральноевропейского" типа гидронимии, т.е. одного из наиболее архаичных типов индоевропейской речи среди тех, что доступны реконструкции. Если вспомнить, что балтийские языки в целом сохраняют в наибольшей сохранности по сравнению со всеми другими современными индоевропейскими языками (даже с новогреческим, удержавшим старое -s в именной флексии) древнее индоевропейское наследие (причем это преимущество балтийских языков в этом отношении должно рассматриваться как принадлежность их к иному порядку по сравнению с другими языками), окажется, что оба аргумента обращены к одному центру - к признанию балтийских языков и балтийского ареала своего рода "заповедником" древней индоевропейской речи.

К сожалению, в сравнительно-историческом языкознании часто приходится сталкиваться с иллюзиями, связанными со схемой родословного древа и своего рода эгалитаризмом, когда исходят из того, что все индоевропейские языки (независимо от того, хорошо или плохо сохранили они старое наследие) - уже нечто принципиально о т л и ч н о е от того, что восстанавливают как индоевропейский праязык (или континуум древнейших индоевропейских диалектов), и что все ветви индоевропейского праязыка равно отстают от языка-"отца". Подобные иллюзии - общий грех и неизбежное следствие определенного научного умонастроения, когда исследователь слишком жестко и определенно отделяет себя (субъект), *здесь и теперь* от *другого* (объект), *там и тогда*. Отчасти те же причины, которые обусловили блистательное непонимание древними греками (начиная с элеатов с их апориями) логических основ движения, по-своему продолжают деформировать ряд важнейших проблем в некоторых областях современной гуманитарной науки исторического цикла. Исследователь с похвальной целью лучшего, более объективного описания фактов отключает себя от них, выходит из сферы взаимного контакта с ними (*я не то, что мной изучается*). Эта во многих случаях (непредельных) оправданная позиция грозит кризисом, когда речь идет о п р е д е л ь н о й ситуации. В указанном выше понимании "балтийский" относится именно к этой крайней категории случаев: сгущение пара-

доксов в этой области сигнализирует о том, что сам материал сопротивляется выводимым из него схемам, протестует против, казалось бы, естественных, но, по сути своей, чрезмерных допущений. В такой ситуации уместно на время вернуться к анализу тех условий, которые раньше не входили в игру или определялись как нечто неизменное (чем можно пренебречь независимо от того, какой материал анализируется) или заданное в аксиоматической форме. По-видимому, та предметная область, к которой сейчас применяется понятие "балтийский", стала ныне тем фрагментом, где категории времени и пространства нельзя считать только внешними рамками языкового развития. Они сами участники, творцы и результат (т.е. субъект и объект) этого развития, и тем в большей степени, чем очевиднее нетривиальность (нестандартность) их проведения в связи с балтийским материалом.

Усвоение подобных взглядов, бесспорно, дает определенные основания для научного оптимизма. В частности, оно позволяет (по крайней мере, в некоем идеальном аспекте) понять балтийские языки не только как отдаленного потомка и наиболее достоверного из современных языков продолжателя и свидетеля индоевропейской речи, но и как с а м о е э т у р е ч ь в д е й с т в и и, хотя и ограниченную рядом существенных факторов. Впрочем, эта точка зрения, естественно, никак не противоречит иному аспекту проблемы: балтийские языки как н о в ы й языковой тип (sub specie эволюции). При всем этом следует иметь в виду и психологическую ситуацию ориентации субъекта, являющегося одновременно и объектом эволюционного, временного ряда: так, можно думать, что носители древнейшей индоевропейской речи, восстанавливаемой исследователями в статусе индоевропейского праязыка, будучи спрошенными о своем подлинном языковом состоянии, совершили бы ту же ошибку, что и наши современники (напр., говорящие на современных балтийских языках и - соответственно - исследователи этих языков), сказав, что их язык - лишь остаток, продолжение, рефлекс чего-то более старого, цельного, единого, совершенного и завершенного. Конечно, в каком-то смысле сходное можно было бы сказать и о других современных индоевропейских языках. Но все-таки все они отделяются в этом отношении от балтийских языков некоей существенной границей: балтийские языки имеют очевидное преимущество в архаичности, именно они задают меру отхода от индоевропейского типа, и в имплицитруемой ими градации им нет равных в этом отношении. Поэтому было бы некорректно говорить о других языках то, что не сказано в первую очередь о балтийских.

Очень многое указывает на то, что балтийское сравнительно-историческое языковедение, столь богатое фактами и концепциями, накопленными в свою более чем столетнюю историю, сейчас выходит на новые рубежи. Они не всегда еще вполне осознаются, потому что многие признаки нового состояния пока еще продолжают более или менее автоматически и по видимости удобно укладываться в традиционные схемы. Многое может проясниться при теоретическом

осмыслении роли и значения балтийских языков в индоевропейистике, апеллирующей к непривычно широким и даже парадоксальным горизонтам. Необходимо и соответствующее этим новым теоретическим возможностям исследование материала. Среди desiderata балтийского сравнительно-исторического языковедения в контексте сказанного предлагается обратить внимание на следующие проблемы:

1) создание сравнительно-исторической г р а м м а т и к и балтийских языков, в которой акцент делался бы не на с о п о с т а в л е н и и фактов трех балтийских языков (обычно без определения внутренней ценности сопоставляемых фактов), а на проблеме реконструкции более древнего балтийского состояния, не совпадающего с реально засвидетельствованным;

2) создание сравнительного балтийского с л о в а р я с реконструкцией архаичного ядра балтийской лексики и указанием точек "включения" ее в общиндоевропейский словарь;

3) создание общего труда по гидронимии и топонимии балтийского типа за пределами современного балтийского ареала (хотя бы восточнославянские и польские территории), напр., атласа и соответствующего исследования;

4) создание сводного труда по проблеме славянских заимствований в балтийских языках и балтийских заимствований в славянских; необходимо особо выделить аспект освоения славянской речи в районах двуязычия (учитывая и эвентуальные, так сказать, "разовые" (ad hoc), ситуационные включения славянских слов в балтийский текст, в частности, в диалоге носителей разных языков); существен и учет широкого круга лексики, относительно которой нельзя сказать ни того, что она заимствована, ни того, что она не может быть заимствована;

5) создание серии исследований в области вклада балтийского элемента в культуру северо-восточной Европы и его связей с другими культурными ареалами (мифология, ритуал, народная словесность и изобразительное искусство; социальная организация и экономика, "предправо"; сфера "подъязыковых" реалий); особое внимание должно быть уделено проблеме реконструкции древних текстов, использующих разные системы кодов.

Многие из этих проблем получили плодотворное развитие в научном творчестве великого литовского языковеда Казимира Буги, столетие со дня рождения которого отмечалось в 1979 г. Его труды - тот непреходящий и неразмennyй ресурс, который всегда будет в распоряжении исследователя балтийской языковой и этно-культурной проблематики на новых и дальних путях.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА И ДРЕВНЕЙШИЕ БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ СВЯЗИ

В. В. МАРТЫНОВ

БАЛТО-СЛАВЯНО-ИРАНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ГЛОТТОГЕНЕЗ СЛАВЯН

В наших предшествующих работах, посвященных балто-славянским языковым отношениям¹, мы стремились показать, что а) словообразовательная система языка диагностирует наилучшим образом глоттогенез его носителей; б) славянское именное словообразование совпадает с балтийским в формантно-функциональном плане. Здесь нам бы хотелось попытаться ответить на вопрос, чем в таком случае объясняются столь очевидные различия между балтийской и славянской лексикой². Ответ на этот вопрос, как мы себе представляем, должен также помочь объяснить расхождения в области морфологии, поскольку для тех и других следует искать общие экстралингвистические причины.

При изучении балто-славяно-италийских изолексов³ нами было обнаружено, что в ряде случаев в праславянском сохранились балтийские лексические реликты, в значительной мере вытесненные их италийскими синонимами. Это напоминало ситуацию, приведшую к возникновению английского языка, для которого характерна борьба синонимов англосаксонского и старофранцузского происхождения. Подобно тому, как исторически засвидетельствованное нашествие франкоязычных норманнов привело к вытеснению или семантическому перераспределению англосаксонской лексики, археологически документированное нашествие предположительно италийского этноса⁴ привело к вытеснению или семантическому перераспределению протобалтийской лексики. Снятие италийского лексического пласта существенным образом приближает славянскую лексику к балтийской.

Археологически документированное нашествие скифов

¹ Мартынов В. В. Праславянская и балто-славянская суффиксальная деривация имен. Минск, 1973; *Он же*. Балто-славянский инновационный процесс в области именного словообразования. - *Baltistica*, 1977, II priedas.

² См.: *Rozwadowski J.* O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckich i słowiańskich. *Wybór pism*, t. II. Warszawa, 1961, s. 107.

³ Мартынов В. В. Балто-славяно-италийские изоглоссы. Лексическая синонимия. Минск, 1978.

⁴ *Lehr-Spławiński T.* Z zagadnień językowych północno-indoeuropejskich. - *RS*, 1964, XXIII, 1, s. 11.

спустя семь веков на тот же ареал⁵ привело, как мы думаем, к результатам аналогичного характера. В настоящее время нами осуществлено исследование балто-славяно-иранских изолексов, совпадающее по методике с предшествующим. Постепенное ретроспективное снятие иранского и италийского наслоений приближает славянскую лексику к балтийской и демонстрирует правильность тезиса о западнобалтийской языковой основе праславянского.

Таким образом, в нашем представлении глоттогенез славян выглядел следующим образом. Сначала протобалтийский субстратный язык в его западном ареале подвергся воздействию суперстратного италийского, что привело к возникновению "протославянского" (XII в. до н.э., становление лужицкой культуры). Последний в свою очередь подвергся воздействию суперстратного иранского, что привело к возникновению "праславянского" (V в. до н.э., разрушение лужицкой культуры)⁶.

Лексика любого языка включает разноязычные по происхождению ингредиенты, которые нельзя смешивать с иноязычными проникновениями⁷. Если "язык С возник в результате суперстратного влияния языка А на язык В, то лексику, перешедшую из языка А в язык С, нельзя считать ни заимствованной, ни проникшей. Она составляет лексический А-ингредиент языка С"⁸. Праславянский включает балтийский и италийский ингредиенты. Предполагается, что источником первого является субстратный язык, а второго - суперстратный. Возникший при этом язык в свою очередь может быть субстратным для очередного наслоившегося на него языка, который в таком случае станет источником нового ингредиента. Таким третьим лексическим ингредиентом праславянского языка стал иранский, после чего формирование праславянского языка вступило, по-видимому, в завершающую фазу.

Понятие ингредиента в отличие от проникновения относится не только к лексике. Субстратно-суперстратное взаимодействие приводит к изменениям в грамматике. Что же касается лексики, то, аналогично проникновению, формирование лексического ингредиента реализуется путем взаимодействия абсолютных синонимов, которые в результате перераспределяют свою семантику⁹.

В данной статье, являющейся продолжением работы о балто-славяно-италийских изолексах, мы рассмотрим бал-

⁵ *Sulimirski T.* *Kultura łużycka a Scytowie*. - WA, 1939-1948, XVI.

⁶ Ср.: *Pisani V.* *Baltico, slavo, iranico*. - *Ric.Sl.*, 1967, v. XV, p. 22; *Benveniste E.* *Les relations lexicales slavo-iraniennes*. - In: *To Honor Roman Jakobson*, v. I. *Hague-Paris*, 1967, p. 20.

⁷ Ср.: *Мартынов В. В.* Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963, с. 38-42.

⁸ *Мартынов В. В.* Балто-славяно-италийские изоглоссы, с. 9.

⁹ См.: *Мартынов В. В.* Балтийский лексический ингредиент праславянского языка. - *Acta Baltico-Slavica*, 1980, t. XIII.

то-славяно-иранские параллели с тем, чтобы восстановить другой фрагмент субстратной, протобалтийской по происхождению, праславянской лексики. Для этого мы используем разработанную нами диагностику, в соответствии с которой славянская синонимическая пара считается максимально удовлетворяющей критерию обнаружения ингредиентов, если один из ее элементов обязательно имеет балтийские и, возможно, иные индоевропейские параллели, а другой соответственно только точную, в данном случае иранскую, параллель¹⁰. В список синонимических пар мы включили также грамматические слова, что усилило аргументацию в пользу ингредиентного характера анализируемой лексики.

Переходим к анализу славянских синонимических пар, максимально удовлетворяющих критерию обнаружения балтийского и иранского ингредиентов.

Прасл. *běsv* - *divь* 'злой дух'

Прасл. *běsv* 'злой дух, бес', *běsvnъ* 'неистовый, бешеный, бесноватый (одержимый злым духом)', *běsvnĕti* (< *běsvnъ* + *ĕti*) 'неистовствовать, беситься, буйствовать (быть одержимым злым духом)'¹¹ генетически соотносится с лит. *baidyti* 'пугать, устрашать' (*běsv* < **bēds-*). Ср. лит. *baidas* 'пугало, страшилище' и схрв. *bēda* 'бес, дьявол'. Абсолютным синонимом к прасл. *běsv* было *divь*: болг. *div* 'злой дух', укр. *div* то же, др.-рус. *divь* (в "Слове о полку Игореве"). Сюда же ст.-сл. *divь* 'чудовище, страшилище', болг. *div* то же, др.-рус. *divь* то же, польск. *dziw* то же. Об этом же значении свидетельствует польск. *dziwołag* 'чудище', *dziwożona* 'русалка', чеш. *divý muž* 'леший', *divá žena* 'ведьма, русалка', схрв. *divљи човек* 'леший', словен. *divij mož* то же, которые сравнимы с болг. *дива*, *самодива* 'русалка'¹². Прасл. *divь* восходило к и.-е. *deiwos* 'бог' и отражало специфически иранский семантический переход 'бог' > 'демон' (см. прасл. *divь* - *bogъ*)¹³. О том, что прасл. *divь*

имело значение 'злой дух, демон' помимо приведенных выше данных свидетельствует также и семантика его производных: чеш. *divý* 'бешеный', н.-луж. *żiwу* 'необузданный', полаб. *daivě* 'буйный' (= 'одержимый злым духом'), а также образованные от этих прилагательных глаголы: схрв. *divљати* 'буйствовать, бушевать, беситься', словен. *divjati* то же (= 'быть одержимым злым духом'); особняком стоит кашуб. *zěvic* 'заچارовать, сглазить'. Прасл. *divь* 'злой дух, демон, чудовище', с нашей точки зрения, относится к иранскому ингредиенту (ср. др.-иран. *daēva* 'злой дух' < **deiva*), а *běsv* - к балтийскому.

Прасл. *bl'usti* - *patriti* 'смотреть, заботиться, беречь, распоряжаться'

Прасл. *bl'usti* имеет балтийские и другие индоевропейские соответствия (ср. лит. *bausti* 'принуждать', гот. *ana-biudan* 'распоряжаться')¹⁴. Прасл. *patriti*, которое не имеет балтийских соответствий, находится с *bl'usti* в дополнительном ареальном распределении: первое - преимущественно на славянском западе, второе - на юге и востоке (рус. *блюсти* = чеш. *o-patrovati* 'ухаживать, оберегать', блр. *блюди* = польск. *o-patrzny* 'предусмотрительный'). Апофонический вариант к *bl'usti* (**beyd-*) - *bdeti* (**bud-*) заключен в рус. *с-на-бдить*, которое семантически тождественно польск. *o-patrzyc* 'снабдить', хорв. *o-patriti* то же. Этот последний пример указывает на то, что реликты прасл. *patriti* существуют за пределами западнославянских языков. В свое время обращалось внимание и на другие параллели в южнославянских и восточнославянских языках: болг. *namря* 'заговаривать от сглаза' (= 'оберегать от дурного глаза')¹⁵ и рус. *namрать*¹⁶ 'дорожить, беречь' (ср. рус. *соблюдать* в значении 'беречь'). Уже отмечалась идентичность прасл. *patriti* и др.-инд. *pātar* 'хранитель' (= 'блюститель')¹⁷, однако только недавно было установлено, что *patriti* - результат иранского влияния (ср. др.-иран. *pāraī* 'хранить, стеречь')¹⁸. Словообразование не позволяет предположить параллелизм в развитии славянских и иранских форм (*pāvraī* < *pātar* < *pā* = 'охранять, стеречь')¹⁹, и мы

¹⁰ Мартынов В.В. Балто-славяно-италийские изоглоссы, с. 9.

¹¹ Этимологический словарь славянских языков, вып. 2. М., 1975, с. 88-91; Słownik prasłowiański, t. I. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1974, s. 243-245. Ср. в последнее время: Polák V. Etymologické příspěvky k slov. demonologii. - Slavia, 1977, XLVI, 3, s. 284-285.

¹² Ср.: Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, с. 173; Трубачев О.Н. Две болгарские этимологии. - Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь шестидесятилетия проф. С.Б. Бернштейна. М., 1971, с. 458-462.

¹³ Георгиев В.И. Индоевропейский термин **deiwos* в славянских языках. - In: To Honor Roman Jakobson, v. I. Hague - Paris, 1967, p. 735-736; Benveniste E. Op. cit., p. 202; Gołqб Z. Linguistic Traces of Primitive Religious Dualism in Slavic. - In: For Wiktor Weint-raub. Hague - Paris, 1975, p. 151-157; ср.: Polák V. Op. cit., s. 288-289.

¹⁴ Этимологический словарь славянских языков, вып. 2, с. 136-137; Słownik prasłowiański, t. I, s. 278-279.

¹⁵ Ср.: Лекос И. Малко известни български съответствия в западнославянски (евент. и руски) думи. - SO, 1933, 12, с. 138-140; Dukova U. Zur Frage des iranischen Einflusses auf die slawische mythologische Lexik. - ZfSl, 1979, 24, I, S. 10..

¹⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. III. М., 1971, с. 217.

¹⁷ Petersson H. Baltisches und Slavisches. Lund-Leipzig, 1916 (Lunds Universitets Arsskrift, N.F. AVD. 1, Bd. 12, N 2), S. 88-89.

¹⁸ Трубачев О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений. - Этимология 1965. М., 1967, с. 48.

¹⁹ Там же, с. 49.

делаем вывод о принадлежности *patriti* к иранскому, а *bl'usti* - к балтийскому ингредиентам.

Прасл. *bur'a* - *dvždžb* 'непогода'

Прасл. *bur'a* 'буря, гроза, дождь, непогода' генетически соотносится с лит. *biaurūs* 'дурной, плохой': лит. *biaurūs* *bras* 'плохая погода, дождь', *biūra* 'очень плохая погода; идет сильный дождь'²⁰. Абсолютным синонимом к прасл. *bur'a* 'непогода' оказывается прасл. *dvždžb*²¹. Собственно славянская этимология для нее не обнаруживается. Возведение к и.-е. *duš-diu-* 'плохое небо'²² фактически означает указание на иранский источник, поскольку первая часть сложного слова восстанавливается именно в иранском звуковом оформлении (*duž-* перед последующей звонкой), точно соответствующем прасл. *dvž-džb*. Ср. др.-иран. *duž-daenā* 'еретик' (= 'следующий плохой религии'), *duž-dōidra* 'имеющий дурной (плохой) глаз' и др.-инд. *dur-dīnam* 'дождливый (плохой) день'²³. Такого рода образования очень продуктивны в иранских языках. Вторая часть сложного слова должна означать 'светлое, чистое небо' (ср. др.-инд. *diu-* 'небо, день, свет'), т.е. то, что соответствует понятию '(хорошая) погода'. Тогда иран. **duž-diu* - 'непогода, плохая погода'. Следовательно, *dvždžb* 'дождь' < *dvždžb* 'непогода' < иран. *duž-diu*. Иран. *duž-* 'плохой, дурной': лит. *biaurūs* 'плохой, дурной' = *dvždžb*: *bur'a*, которые противопоставлены как представители иранского и балтийского ингредиентов славянской лексики.

Прасл. *bortviti* - *gatati* 'неясно говорить, ворожить'

Прасл. *bortviti* 'говорить неясно, неразборчиво' < прасл. **bortviti* 'колдовать, ворожить' (ср. лит. *burtvis* 'колдун, чародей' < *būrti* 'гадать, колдовать'). Лит. *būrti* в свою очередь восходит к **būrti* 'делать надрезы, насечки' (ср. лит. *būrtas* 'жребий' и прасл. *bortb* 'борть')²⁴. В качестве абсолютного синонима к прасл. *bortviti* выступает прасл. *gatati* (ср. др.-рус. *gamatu* 'говорить неясно' и скрв. *gāmatu* 'ворожить, колдовать'). О том, что прасл. *borti* было вытеснено прасл. *gatati*,

свидетельствует и известное высказывание черноризца Храбра: "Чрътами и рѣзами чѣтѣхъ и гатаахъ". Прасл. *gatati* не имеет балтийских параллелей, но зато имеет точное соответствие в др.-иран. *gāidā* 'религиозный гимн', *gāidram* 'пение (сакральное)'²⁵. Мы видим поэтому в *bortviti* (*bortti*) балтийский, а в *gatati* - иранский ингредиент славянской лексики.

Прасл. *brzv* - *xvrtv* 'скорый, быстрый (гончая)'

Прасл. *brzv* (*brzdv*) имеет балтийские параллели: лит. *brzdūs* 'подвижный, живой' и др.²⁶, чего нельзя сказать о прасл. *xvrtv*. Лексемы семантически пересекаются в значении 'гончая' (рус. *борзая*), что способствует предположению о прасл. *xvrtv* < и.-е. **ser-* 'течь, спешить, гнать' (ср. др.-инд. *sarati* 'гонит, преследует', *sptaḥ* 'гончий')²⁷. Др.-инд. *sptaḥ* должно соответствовать древнеиранское лексикализованное причастие **hṛta-*, которое мы считаем источником прасл. *xvrtv*. Этот пример может быть отнесен к числу возможных праславянских иранизмов с начальным *x-* (~ др.-иран. *h* < и.-е. *s-*)²⁸.

Прасл. *děl'a* - *radi* 'для, ради'

Прасл. *děl'a* 'для, ради' генетически соотносится с прасл. *dělo* 'дело' (< и.-е. *dhē-*). Если принять монофтонгический вокализм для рассматриваемых лексем, то из родства *děl'a* и *dělo* не следует славянское происхождение лит. *dėl* 'для, ради', лтш. *dēļ* то же, которые вслед за рядом исследователей мы считаем родственными прасл. *děl'a*²⁹. Абсолютным синонимом к прасл. *děl'a* является прасл. *radi*, которое не только семантически, но и синтаксически адекватно прасл. *děl'a*. Кроме того, они имеют одинаковую морфологическую вариативность (*děl'vma* = *rad'vma*)³⁰. Уже давно было обращено внимание на этимологическую тождественность прасл. *radi* и др.-перс. *rādiy* 'ради'. Последние исследования показали общеиранский характер древнеперсидского слова, причем праиранская

²⁰ Otrębski J. Les mots d'origine commune dans les langues slaves et baltiques. - LP, 1949, I, p. 128; Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I. Heidelberg-Göttingen, 1962, S. 42-43.

²¹ Этимологический словарь славянских языков, вып. 5. М., 1978, с. 195-196.

²² См.: Vaillant A. Le nom slave de "la pluie". - RÉS, 1927, t. 7, fasc. 1-2, p. 112-113; Trubetzkoy N. Ursl. *dvždžb* 'Regen'. - ZfslPh, 1927, 4, S. 63.

²³ Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Bd. II. Heidelberg, 1956, S. 54.

²⁴ Этимологический словарь славянских языков, вып. 3. М., 1976, с. 132-133; Топоров В.Н. Прусский язык. А.-Д. М., 1975, с. 266-267.

²⁵ Rozwadowski J. Stosunki leksykalne między językami słowiańskimi a irańskimi. Wybór pism, t. II. Warszawa, 1961, s. 121-122.

²⁶ Этимологический словарь славянских языков, вып. 3, с. 137-139; Słownik prasłowiański, t. I, s. 427.

²⁷ Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław, 1957, s. 136; Мартино В.В. Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968, с. 136-137.

²⁸ Gotqb Z. The Initial *x-* in common Slavic: A Contribution to Prehistorical Slavic-Iranien Contacts. - American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists, v. I. The Hague, 1973, p. 132-133.

²⁹ Этимологический словарь славянских языков, вып. 4. М., 1977, с. 234-235.

³⁰ Etymologický slovník slovanských jazyků, sv. I. Praha, 1973, s. 55-59, 227-229.

лексема была реконструирована как *rādī*³¹. Независимо от дальнейших этимологических связей, наличие тождественных балтийских форм для прасл. *dēl'a* и тождественных исключительно иранских форм для прасл. *radī* свидетельствует о том, что они отражают соответственно балтийский и иранский ингредиенты славянской лексики.

Прасл. *divo* - *bogv* 'бог'

Прасл. *divo* 'бог' (и.-е. *deivos*) восстанавливается из производного имени *divo(jv)*³² 'неприрученный (о животных), невыращенный (о растениях)'. Ср. такое табуистическое название волка, как скрв. *dywli nās* = лтш. *dieva suns* 'неприрученный пес' = 'божий пес'. Можно привести названия ряда неприрученных человеком животных и диких растений, которые образованы аналогичным способом, т.е. эпитет в славянских языках образован от *divo*, а в балтийских - от *dievas* 'бог'³³. Отсюда **divo* 'бог', **divo(jv)* 'божественный' > *divo(jv)* 'не принадлежащий человеку, неприрученный, невыращенный'. Ср. аналогично прасл. *divo ognv* = др.-инд. *deviam agnim* 'ритуальный огонь', рус. *дивий мед* = *божий мед*³⁴. Абсолютным синонимом к восстановленному таким образом прасл. *divo* 'бог' является прасл. *bogv*³⁵. Балтийские языки не знают соответствия для прасл. *bogv* ни в одном из его значений (напр., **bogv* 'богатство, счастье'), а значит, слово появилось по окончании балто-славянского периода. В этот период существовало слово, развившееся из и.-е. *deivos*, реликты которого мы должны искать (см. выше) именно в "божественном", а не в "демоническом" смысле, ибо во втором случае действует иранский суперстрат (ср. прасл. *běsv - divo*), а не протобалтийский субстрат. Таким образом, прасл. *divo* - *bogv* соответственно относятся к балтийскому и иранскому ингредиентам.

Прасл. *do* - *pri* - *kv* 'к'

Прасл. *do* 'к (предлог и приставка)' легко восстанавливается как древняя форма, однако балтийская параллель

³¹ Семереньи О. Славянская этимология на индоевропейском фоне. - ВЯ, 1967, № 4, с. 3-9; *Semerényi O. Iranica. II (20) - Sprache, 1966, XII.*

³² Этимологический словарь славянских языков, вып. 5, с. 35-36.

³³ *Mühlenbach K., Endzelin J. Lettisch-deutsches Wörterbuch, Bd. I. Riga, 1921-1925, S. 486.*

³⁴ См.: *Dukova U. Zur Frage des iranisches Einflusses auf die slawische mythologische Lexik, S. 12; Тоноров В.Н. Балтийские и славянские названия божьей коровки (Coccinella septempunctata) в связи с реконструкцией одного из фрагментов основного мифа. - Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом. М., 1978, с. 136.*

³⁵ Этимологический словарь славянских языков, вып. 2, с. 161-163; *Słownik prasłowiański, t. I, s. 296-297.*

к нему вызывает сомнения. Предполагается, что лит. *da*, лтш. *da* славянского происхождения³⁶. Прасл. *do* находится в семантическом дополнительном распределении с *pri*: ср. болг. и макед. *do* 'при' и *pri* 'к'. О том, что прасл. *pri* имело значение 'к' и, следовательно, в болгарском и македонском сохранилось его древнейшее значение, свидетельствует, во-первых, семантика префикса *pri-*, который выступает как абсолютный синоним префикса *do-* (ср. рус. *прибавить* и *добавить*) и, во-вторых, балтийское соответствие: др.-прус. *prei* 'к, при', лит. *priẽ* то же, лтш. *prie-* (префикс)³⁷. Абсолютным синонимом прасл. *pri* является прасл. *kv* 'к'³⁸, которое не имеет балтийского соответствия и в то же время имеет иранское. Последние данные иранских языков показывают, что они знали не только соответствующий послелог, но и предлог (ср. согд. *kw* 'к')³⁹. Это дает основание предполагать воздействие иранского суперстрата. Следовательно, прасл. *pri* (*do*) - *kv* отражают балтийский и иранский ингредиенты.

Прасл. *kosa* - *volsv* 'волос человека (на голове)'

Прасл. *kosa* имеет точное соответствие в балтийском (лит. *kavà* 'коса', лтш. *kava* то же и восходит к соответствующему глаголу со значением 'чесать' (прасл. *česati*, лит. *kasyti*). Относительно семантики ср. скрв. *kosni* 'волосной' и *vāksnat* то же. В качестве абсолютного синонима в праславянском выступает *volsv*, которое не имеет балтийских параллелей при наличии прямого иранского: др.-иран. *varsa* 'волос человека (на голове)', ср.-перс. *vars* 'волос'. Остальные индоевропейские параллели (в том числе древнеиндийские) далеки семантически от иранских и славянских. Мы полагаем, что прасл. *volsv* - иранизм, результат воздействия скифского суперстрата. Судя по непоследовательной рефлексии и.-е. *l* в осетинском (ср. осет. *sald* 'холодный' и перс. *sard* то же) и его передаче как *l* в скифо-сарматской антропонимике⁴⁰, фонетика *volsv* может отражать иран. *valsa*. Кроме того, иранские формы отражают суффиксацию -*ra*, объединяющую их с др.-инд. *valśaṅ* 'ветвь' и отсутствующую в других индоевропейских параллелях (ср. лит. *vālav* 'лошадиный волос'). Прасл. *kosa* - *volsv*, следовательно, относится к балтийскому и иранскому ингредиентам.

³⁶ Ср.: *Etymologický slovník slovanských jazyků, s. 59-66; Мажюлис В. Происхождение приставки da- в балтийских языках. - ВСЯ, 1958, 3, с. 127-133.*

³⁷ *Etymologický slovník slovanských jazyků, s. 210-216.*

³⁸ *Ibid, s. 99-106.*

³⁹ *Benveniste E. Une corrélation slavo-iranienne. - In: Festschrift für Max Vasmer. Berlin, 1956, S. 72. Ср.: Vaillant A. La préposition ku. - RÉS, 1956, 33, p. 108-110.*

⁴⁰ *Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, с. 38-39.*

Прасл. *modrv* - *polvb* - *sinjb* 'синий'

Прасл. *modrv* генетически соотносится с лит. *mādaras* 'грязь'. Ср. семантику лит. *mėlas* 'синий', лтш. *mėlins* 'грязный', др.-инд. *mala* 'грязь' и др. У южных славян эта лексема конкурирует с *polvb* (словен. *plav* и *moder* - абсолютные синонимы, оба в значении 'синий', ср. словен. *plavica* 'василёк' и *modrič* то же). За пределами южнославянских языков *polvb* не выступает в значении 'синий'. Однако, если др.-рус. *половьць* - калка с тюрк. *kuman* 'синий' и самоназвание половцев, то это значение возникло еще в праславянском. Балтийские параллели: лит. *paivas* 'бледный, светло-желтый, светло-русый' (такое же значение зафиксировано в севернославянских языках), ср. семантику нем. *blau* 'синий' и лат. *flāvus* 'светло-желтый, светло-русый, блеклый'. В настоящее время трудно реконструировать семантическое соотношение прасл. *modrv* и *polvb*. Однако оба они имеют балтийские и другие индоевропейские соответствия в отличие от прасл. *sinjb*. Интересно отметить, что схрв. *сињи* 'синий' используется в основном как название цвета моря: схрв. *сиње море* = рус. фолькл. *си́не море* (постоянный эпитет). Это обстоятельство приводит к мысли об иноязычном, "морском" происхождении лексем. Известно, что древнегреческое название Черного моря восходит к иранскому (Πόντος "Ἄζηνος 'синее море'). Ср. др.-иран. *axšaena*, осет. *axsɛɪn*, афг. *sɪn* и др.⁴¹ Возможность иранского источника предполагалась и раньше⁴². Таким образом, прасл. *sinjb* отражает иранский ингредиент.

Прасл. *ognv* - (*v*)*atra* 'огонь'

Прасл. *ognv* имеет соответствия в балтийских и других индоевропейских языках (лит. *ugnīs*, *agnūs* 'огненный'). Другим древним названием огня является *vatra*. Их параллелизм подтверждается парами типа схрв. *огниште* - *вѣтриште* 'очаг', *живи деан* - *жива вѣтра* (в ритуальном значении) и др.⁴³ Праславянский характер *vatra* доказывается распространением лексемы далеко за пределами балканского ареала, особенно на приднепровской Украине и старой русской территории. Производный характер русских параллелей (*ватруга*, *ватрулька*, *ватруха*, *ватрушка*, ср. польск. *watrzniak* 'испеченная на углях овсяная лепешка') в еще большей степени подчеркивает древний реликтовый характер слова. О древнем характере *vatra* свидетельствуют также такие дублеты, как др.-рус. *обатрпиту сѧ* 'воспалиться' - ст.-слав. *обѣтрпиту сѧ* то же, укр. *ватрпиту* 'гореть' - *ятрпиту* 'зажигать (огонь)'. Здесь наблюдается смешение двух древних лексем: прасл. *atriti* (с *j*- или *v*-

⁴¹ Абеев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.-Л., 1958, с. 220.

⁴² Mikkola J.J. Berührungen Zwischen den Westfinnischen und Slavischen Sprachen. Helsingfors, 1894, S. 162.

⁴³ См.: Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы, с. 144.

протезами) 'зажигать' и прасл. *jētriti* (от *jētro* 'внутренности') 'бередить (рану)'. Возможно, к прасл. *vatra* восходит также рус. *ватарь-камень*. Если синоним рус. *алатырь-камень* - *бел-горюч камень* является калкой, то *алатырь* < иран. **al-ātar* (= 'бел-горюч'). Дополнительным подтверждением могло бы служить рус. *белатор-камень* (полукалька: *бел-атор*). Выделяемая в этих вариантах общая часть *-атор* регулярно восходит к иран. *ātar* - 'огонь'. Таким образом, прасл. (*v*)*atra*⁴⁴ мы рассматриваем как результат воздействия иранского суперстрата.

Прасл. *onv* - *ovv* 'тот'

Прасл. *onv* генетически соотносится с лит. *anàs* 'тот'. Что касается прасл. *ovv*, то оно лишено балтийских соответствий при наличии др.-иран. *ava-* 'тот', др.-перс. *ava-* то же⁴⁵. Для праславянского реконструируется следующая подсистема указательных местоимений: объект говорящего лица *sv* (лит. *šis* 'этот') - объект лица, с которым говорят *tv* (лит. *tàs* 'тот') - объект третьего лица *onv* (лит. *anàs* 'тот'). В этой подсистеме для *ovv* нет места, поэтому при ее взаимодействии с *ovv* произошло перераспределение мест. Прасл. *onv* - *ovv* должны рассматриваться как соответственно представляющие балтийский и иранский ингредиенты.

Прасл. *slava* - *xvala* 'выражение благодарности'

Прасл. *slava* генетически соотносится с лит. *šlòvé* 'честь, хвала, слава', лтш. *slava* то же и др. Прасл. *xvala* лишена балтийских соответствий. Попытки этимологически связать ее с *slava* или *xula* неубедительны, хотя между ними, очевидно, существуют вторичные народноэтимологические сближения. Недавно была предпринята попытка включения прасл. *xvala* в число возможных славянских иранизмов с начальным *x-* (~др.-иран. *h-* < *u.-e. s-*)⁴⁶. При этом обращено внимание на состав таких антропонимов, как слав. *Bogu-xvalv* и перс.-мид. *Baga-farna* (*Baga-xvarna*)⁴⁷, и прасл. *xvala* возводится к др.-иран. *hvārənah-*, др.-перс. *farnah-* 'слава, роскошь, величие'. Последнее восходит к др.-инд. *svarati* 'светит, блистает', *svar*

⁴⁴ Ср. в последнее время: Hamp Eric P. On the Distribution and Origin of *vatra*. - In: Opuscula slavica et linguistica. Festschrift für Alexander Issatschenko. Klagenfurt, 1976, S. 207-209. Реконструкция прасл. *atra* с последующим *ɣ*-протезированием принята О.Н. Трубачевым. См.: Этимологический словарь славянских языков, вып. 1, с. 91-92.

⁴⁵ Pisani V. Baltico, slavo, iranico, p. 19. Ср.: Pisani V. Slavo e iranico. - Atti del III Congresso Internazionale dei Linguisti. Firenze, 1935, p. 371-379.

⁴⁶ См.: Gotqb Z. The Initial *x-* in common Slavic, p. 143-145.

⁴⁷ Milewski T. Ewolucja morfologiczna indo-europejskich imion osobowych. - BPTJ, 1957, XVI, s. 50.

ДРЕВНЕЙШАЯ БАЛТО-СЛАВО-ИНДОИРАНСКАЯ
ИЗОГЛОССА (*s_{i-k} > *š)

'солнце', др.-иран. *hvarə* то же. Соответствующая древнеиранская глагольная форма была бы **hvarati*, от которой образуется **hvāryā*, а после аланского перехода -*ry*- > -*l*- - **hvālā*. Принимая в целом данную этимологию, мы бы хотели обратить внимание на то, что непоследовательная рефлексация и.-е. *l* в осетинском и передача его как *l* в скифо-сарматской антропонимии, о чем уже говорилось (ср. *kosa* - *volsv*), дают основание обойти без "аланского перехода", тем более что зафиксировано осет. *farn* (ожидалось бы *xvarn* или *xarn*) и ряд других иранских форм персидско-мидийского происхождения⁴⁸. Мы бы считали, что др.-иран. *hvarənah* - *nomen actionis*, образованное посредством суффикса -*ana* (ср. *hamarənah* 'битва'). Это дает основание для восстановления др.-иран. **hvarati* 'славит, хвалит', от которого и образовалась лексема-источник посредством тематического суффикса -*a*- и *vrddhi* корневого гласного с ударением на суффиксе (**hvārā* и скифский вариант *hvālā*). Этот тип словообразования не имеет параллелей за пределами индоиранских языков. Дополнительным и очень важным аргументом в пользу скифского *hvālā* как источника прасл. *xvala* является убедительное толкование имени родоначальника скифов *Κολαξαις* как *xola-xšaya* 'солнце-царь' (ср. др.-иран. *hvar-xšaita*, перс. *xoršed*)⁴⁹. Из этого несомненно следует, что иранское название солнца, которое, как уже отмечалось, генетически соотносится с рассматриваемым др.-иран. *hvarəna-*, содержало неизменяем и.-е. *l*, а значит, реконструкция скифского *hvālā* целиком оправдана. Отсюда мы заключаем, что прасл. *xvala* отражает иранский ингредиент.

Прасл. *tesla* - *sekyra* - *toporv* 'топор'

Прасл. *tesla* имеет известные балтийские и индоевропейские соответствия, *sekyra* - только италийские⁵⁰, что свидетельствует о принадлежности первого к балтийскому, а второго - к италийскому ингредиентам. Что касается прасл. *toporv*, то оно традиционно связывается с иранскими названиями этого орудия⁵¹. Иран. **tapara* < **parata* 'топор', которое отражает древнеперсидскую форму, восходящую к протоиран. **parasu-*. Судя по осет. *faeraet* 'топор' (вместо регулярного *faeraes*), скифский заимствовал лексему из древнеперсидского⁵². Таким образом, прасл. *toporv* отражает иранский ингредиент.

⁴⁸ Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. т. I, с. 421-422.

⁴⁹ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор, I. М.-Л., 1949, с. 243; Он же. Скифо-европейские изоглоссы, с. 39-40.

⁵⁰ Мартинов В.В. Балто-славяно-италийские изоглоссы, с. 36-37.

⁵¹ Зализняк А.А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений. - ВСЯ, 1962, 6. с. 40.

⁵² Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, с. 451.

0. Результаты изменения и.-е. **v* после *i*, *u*, *r*, *k* (условно **s_{i-k}*) в праславянском, литовском, древнеиндийском и древнеиранских языках хорошо описаны и многократно комментировались. Тем не менее проблема изучения этого изменения остается, поскольку не установлены его общие фонетические и фонологические предпосылки, практически не реконструированы этапы, убедительно не объяснены причины его непоследовательности в балтийском и, наконец, не доказано, развилось ли оно независимо в праславянском, прабалтийском и индоиранском, или же относится к числу общих (прото)балто-славо-индоиранских инноваций.

А. Мейе подверг сомнению справедливость последней точки зрения, установившейся к началу XX в.; он не считал **s_{i-k}* > **š*, *x* даже общим балто-славянским явлением¹.

В развернувшейся затем дискуссии, практически не прекратившейся до настоящего времени, были высказаны все возможные предположения о соотношении **s_{i-k}* > **š*, *x* в балтийском и праславянском: одни исследователи сочли критику Мейе необоснованной, другие приняли ее, а третьи пытались выработать компромиссное решение.

Очевидно, назрела необходимость рассмотреть вопрос о принципиальной разрешимости этой важной для индоевристики проблемы. В данной статье предпринята попытка систематизировать известные балто-славянские и индоиранские факты с целью показать, что без учета типологических данных они не поддаются однозначной интерпретации в рамках правил, принятых в сравнительно-историческом языкознании.

1. Если фонетический результат изменения **s_{i-k}* был, видимо, одинаков в праславянском, балтийском, древнеиранском и древнеиндийском², то условия перехода **s_{i-k}* > **š* разнятся в каждом из них:

¹ Meillet A. Les dialectes indo-européens. Paris, 1908, p. 40-49. (ed. 2. Paris, 1933); характерно, что в "Общеславянском языке" (М., 1951; 1-е изд. - 1924 г.) он не так категоричен, указывая: "Переход *v* в *x*, *v* в определенных условиях опирается на диалектное явление общеиндоевропейской эпохи" (с. 29).

² О др.-инд. *ś* < **š* < **s_{i-k}*. См.: Wackernagel J. Altindische Grammatik. I. Lautlehre. Göttingen, 1896, S. 229 (со ссылками на предшествующую литературу); о слав. *x* < **š* < **s_{i-k}*: Lazicius J. Zur Wandlung idg. *s* > slav. *ch* - IF, 1933, 51, S. 196-199; Vaitlantz A. Grammaire comparée des langues slaves, t. 1. Paris, 1950, p. 28; Shevelov G.Y. A prehistory of Slavic. The historical phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964, p. 127; Bräuner H. Slavische Sprachwissenschaft. I. Einleitung. Lautlehre. Berlin, 1961, S. 20.

Общеславянское состояние восстанавливается по фак-

	(a) индоир.		(b)	(c)
	др.-инд.	др.-ир.	прасл.	балт.
В корнях слов	+	+	+	+
Во флексии	+	+	+	-
В суффиксах	+	+	+	±
После приставок	+	+	-	-
Перед согласными	+	+	-	+(?)
Наличие дублетов (кроме <i>r</i>) (+)		-	-	+
Изменение <i>*z_{i-k}</i>	+	+	-	-

(a). Известно, что в индоиранском **s* > **š* после **i* < и.-е. **ə* и после *r* < и.-е. **l*, **r*. Последующие согласные не препятствовали здесь изменению **s_{i-k}*, только в древнеиндийском находим *s* перед *r*, *r*: *tīśrāḥ*, *tīśpbhīḥ*, *tīśṛnām*; *uśar-*, но *uśrā-* (ср. лит. *aušra*) и др., ср. ав. *tīš(a)ro* < **tīśras*. Др.-инд. *-sr-*, *-sr-* в данном случае могут быть и новообразованием (< индоир. **šr*, **šr*), и архаизмом. После *ī*, *ū*, *ṛ* + *m* и анусвары *ṃ*, восходящей к этим звукам, в санскрите зафиксировано *ṣ* в морфологических формах, где оно не могло развиться по аналогии, например, в ном., асс. pl. neutra на *-iṣ*, *-uṣ* (*cākṣūṃṣi* 'глаза') и поэтому, согласно Вакернагелю, его можно считать фонетически закономерным в данной позиции³.

В остальном древнеиндийский и древнеиранский согласуются, т.е. **s_{i-k}* > *š*, *š* здесь систематически во флексиях (напр., др.-инд. *agnī-ṣu*, *aktu-ṣu*, *nṛ-ṣu*, *vik-ṣu*, ав. *hšaṛī-ṣu*, *vañhu-ṣu*; др.-инд. *vakṣyāmi*, ав. *vaḥṣya* 'я скажу'), после приставок (др.-инд. *ni-ṣidati*, ав. *ni-šasta*) и в суффиксах. Все это позволяет считать изменение **s_{i-k}* общим индоиранским явлением, тем более, что в этих языках аналогично изменялось и **z* (и.-е. **mizda* ~ др.-инд. *miḍha*, ав. *miždem*, ср. праслав. **mъzda*).

Дублеты с *š* и *s* в древнеиндийском появляются вследствие выравнивания по аналогии, преимущественно в сложениях; они принадлежат разным эпохам и разным памятникам⁴, чем в принципе отличаются от литовских (см. далее).

там литовского языка, см.: *Karaliūnas S. Kai kurie baltų ir slavų kalbų seniausiąjų santykių klausimai. - Baltų ir slavų kalbų ryšiai* (LKK, X), Vilnius, 1968, l. 84.

О следах **rs* > *rš*, *ṛ* и **ks* > (*k*)*š* в армянском см.: *Meillet A. Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique*. Vienne, 1936, p. 40; факты армянского языка, ввиду их малоисследованности, в данной работе не рассматриваются.

³ *Wackernagel J. Op. cit.*, S. 231.

⁴ *Ibid.*, p. 236.

Г. Моргенштерне обнаружил, что в некоторых наиболее изолированных от внешнего влияния архаичных языках Кафиристана ((к)ати, (п)расун, (в)айгели, (а)шкун, (д)амели) после *u* встречается не *š*, но *s*, например: к. *dūs*, в., а., д. *dōs*, п. *ulus* 'вчера' (скр. *doṣā*, ав. *daūša* 'вечер'); к. *mūśā*, а. *mūśā*, п. *mūsu*, в. *puśā* 'мышь' (скр. *mūṣ*, ав. *mūśa*; тадж. *муш* и др.); а. *susu*, пашаи *sus* 'сухой' (др.-инд. *ṣuṣkaḥ*, ав. *huska-* и т.д.), хотя к. *yūṣṭ* 'губа', *uṣe* 'лекарство' (которые могут быть заимствованы из индоарийских диалектов)⁵.

Эти факты, а также и.-е. **k̂* > каф. *č* (фонет. *t̂s*), позволяют думать, что "общеарийский язык не был однородным, и кафирские языки могут восходить к диалекту, который не был непосредственным предком ни индоарийского, ни иранского"⁶. М. Эмено допускает, что *s* после *u* в кафирском может быть новообразованием, однако восстановить в деталях историю развития каф. **s_{i-k}*, видимо, не удастся, и поэтому положение Моргенштерне вряд ли будет опровергнуто.

(b). В праславянском **x* < **s_{i-k}* выступает в основах слов, в окончаниях (напр., loc. pl. **-xv* < **-su*; 2 л. ед. числа глаголов **-xi* > **-š(i)*), в сигматическом аористе (**žixv*, **byxv*, **umrēxv* - но **jēsv*, **vešv* < **ved-su*); возможно, как реликт s-futurum'a в ст.-слав. БЫШАЩЕ(И)С, БЫШЩЕ(И)С (< **būšjont-*), в суффиксах (типа **-xv*, **-xa*, на основе которых сформировались **-exa*, **-axa*, **-oxv* и др.⁸). Преобразованию **s_{i-k}* (> **š*) > **x* препятствует последующий согласный, ср. **iskati* (лит. *ieškoti*), **byste* - но **byxv* и т.д. После приставок, оканчивающихся на *-i*, *-u*, *-r*, последующий *s*- основы в праславянском сохранялся неизменным, только в **xodv* предполагается **x*- < **s*- такого происхождения⁹.

Дублетов с *s*/*x* (< **s_{i-k}*) в славянском не зафиксировано; ст.-слав. написание СД (но смѣхъ), скорее всего, содержит *c* < **x* по третьей палатализации.

(c). В литовском **s_{i-k}* не изменялось в именных и глагольных окончаниях, ср. *sūnuse* (слав. **synъxъ*), *trisu* (слав. **trъxъ*), fut. *eisiu* и под.; part. act. *ejusi*;

⁵ *Morgenstierne G. Indo-iranien k in Kafiri. - NTS*, 1945, XIII, p. 232.

⁶ *Ibid.*, p. 234.

⁷ *Emeneau M.B. The dialects of old Indo-Aryan. - In: Ancient indoeuropean dialects. Berkeley and Los Angeles, 1966, p. 137.*

⁸ *Stawski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. - In: Słownik prasłowiański, t. I. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1974, s. 70-80.*

⁹ *Meiє A. Общеславянский язык, с. 29.*

суф. superlativ'a -'aus (типа *mieliausis*), которому соответствует, видимо, слав. *-uxv. После приставок, оканчивающихся на -i, -u, -r, исконное s здесь также сохраняется. Таким образом, морфологическая граница в узком смысле этого слова препятствовала изменению *s_{i-k} в балтийском.

š < *s_{i-k} зафиксировано в суффиксах -uš- (*vėtušas*, *kermušė*), -šš- (< *istja: *ėriššias*), -išk- < *-isk-, слав. *basko (*moterišké* ~ слав. *materbasko); однако в -yst-, -üst-, -uist-, а также в -(s)la-, -(s)lu-, -(s)na-, -(s)ma-, -(s)ni-, -(s)nu-, -sa, -su находим s вместо ожидаемого š¹⁰.

Если верить не только в существование балто-славянского единства, но и предполагать, что прабалто-славянский ареал был исключительно однородным, то можно думать, вслед за Х. Андерсеном, что все перечисленные случаи с s вместо ожидаемого š в литовском (балтийском) объясняются выравниванием по аналогии, подобно тому, как это произошло в праславянском, где распространялся, однако, *x < *s_{i-k}¹¹. Доказать эту гипотезу невозможно¹².

Характерной чертой литовского являются дублиеты с š и s после i, u, r, k типа *kūšti* ~ *kūsti*, *blūkšti* ~ *blieks-ti*, *pleišké* ~ *pleiskana*, *raušyti* ~ *rausyti* и др., о которых см. далее; š//s в большинстве таких случаев несомненно выравниванием по аналогии.

Факты, рассмотренные под рубриками (а-с), можно интерпретировать следующим образом:

1) расхождения в условиях изменения *s_{i-k} свидетельствуют о том, что оно произошло независимо в индоиранском, праславянском и (пра)балтийском;

2) расхождения в условиях изменения *s_{i-k} объясняются тем, что центр этой инновации находился в протоиндоиранских диалектах индоевропейского позднего периода, а протобалтийские диалекты лежали на периферии ареала распространения *s_{i-k} > *š; следовательно, в основе своей - это общее (прото)балто-славо-индоиранское новообразование; или

2а) изменение *s_{i-k} зародилось в диалектах позднего индоевропейского и самостоятельно развивалось уже в отдельных индоевропейских языках.

Возможны также следующие суждения:

3) нет достаточных оснований с уверенностью принять ни решение 1, ни решение 2;

¹⁰ Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, p. 162-170; 202-207; 215-226; 310-311; 319-334.
¹¹ Andersen H. IE *s after i, u, r, k in Baltic and Slavic. - Acta linguistica Hafniensia, v. XI, N 2, p. 182-186; Idem. On some old Balto-Slavic isoglosses. - In: Donum Balticum. To Professor Chr.S. Stang on the occasion of his seventieth birthday. Stockholm, 1970, p. 14-21.
¹² Stang Chr.S. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo-Bergen-Trömsø, 1966, S. 16.

4) компромиссная точка зрения типа: во время изменения *s_{i-k} "балтийские, славянские и индоиранские диалекты контактировали между собой; во всех трех языковых группах и.-е. *s изменилось в одинаковой позиции и результат этого изменения был одинаковый"¹³.

Для того, чтобы принять одно из этих решений, нужны: а) дополнительные характеристики изменения *s_{i-k}, которые бы послужили решающим аргументом в пользу i-k какого-либо из них, или б) общие теоретические правила, позволяющие или сделать выбор, или хотя бы расположить возможные решения по степени их надежности.

Поскольку исследователи не располагают ни такими данными, ни такими правилами, то проблема выбора решается с учетом соображений более "высокого ранга". Почти очевидно, что сторонники имманентного подхода с уверенностью изберут решение 1, а для предпочитающих "ареальные" или "внешние" объяснения фонетических изменений приведенных фактов будет достаточно для принятия решения 2 или 4.

Интуитивно чувствуется, что то или иное решение принимается с учетом лексического материала, на котором демонстрируются результаты изменения *s_{i-k}. Ни в одной работе, однако, мы не найдем каких-либо суждений по этому поводу, сформулированных в явном виде. Очевидно, что если бы каждый из языков имел свой собственный и характерный только для него набор лексем с рефлексами *s_{i-k}, чаша весов явно склонилась бы в пользу решения 1; в действительности же наблюдаем следующее.

2. Из списка балтийских слов с предполагаемым š < *s_{i-k}, составленного С. Каралюнасом¹⁴, необходимо исключить *kriaušė* 'груша' как слово неизвестного происхождения (см., напр., Фасм.) и включить в него *erškėtis* (Fr.). Тогда окажется, что: (а) восемь из них имеют только славянские соответствия (*aškus* ~ *iasno, *laškas* ~ *listo; *reiškia* ~ *rěsno; *riešas* ~ *orěxv; *širšiuš* ~ *syršenp; *makštis* ~ *mosyna; *kermušė* ~ *cermvxa; *baikšti* ~ *baxati); (б) восемь - славянские и индоиранские (плюс иноязычные в некоторых случаях): *mašas* ~ *mēxv ~ др.-инд. *meṣaḥ*, ав. *mašsa*; *viršus* ~ *vyrxv ~ др.-инд. *vārṣma*; *jūšė* ~ *juxa ~ др.-инд. *jūḥ*; *ieškoti* ~ *iskati ~ др.-инд. *icchati* ~ ав. *isaiti*; *garšva* ~ *gorxv ~ др.-инд. *ghorṣati*, *ghrṣtas*; *vėtušas* ~ *vetvrv ~ согд. *uṣṣnyu*; *šeši* ~ *šestv ~ др.-инд. *ṣaṣtiḥ* ~ ав. *xšvaš*; *erškėtis*, *arškėtas* ~ слов. *rěšek* ~ др.-инд. *rṣati*, *rṣti* ~ ав. *arš-ti*; (с) шесть - собственно индоиранские: *veššis* ~ др.-инд. *vṛṣaḥ*, ав. *varšni*; *višta* ~ др.-инд. *vīḥ*, *veḥ*, ав. *viš*; *mūšti* ~ др.-инд. *muṣṭi*, ав. *mušti* 'кулак'; *kūšys* ~ н.-перс. *kus*; *kiškà* ~ др.-инд. *kakṣa*; *mišėti* ~ др.-инд.

¹³ Karaliūnas S. Op. cit., p. 86.

¹⁴ Ibid., p. 83; мы не рассматриваем образования типа *inkštiras* (*inkstiras*), *augštas*, *balkšvas*, *brukėnys*, *lakšta* (ср. *lakstyti*), в которых и š, и s могут быть аналогичными, ср. *lipšnus*, *darbėnus* и др. (Эндзелин И. Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911, с. 34)

mpš-, marša; (d) пять слов имеют соответствия только в кентумных языках (*aukštas, plaišas, miškas, rīšti*); (e) три являются балтийскими новообразованиями: *ērišē, ēriššias, rīauši(u)s*. В группах (a), (b), (e) имеются дублиеты с $\check{s} // s$: (a₁) *glušnūs, klušnūs // glūšas* ~ слав. **gluxo*; *kuīsti // kuīšti* ~ слав. **cesta* (ненадежное сопоставление); *riaušės // rōšti // rīausyti* ~ слав. **ruxo*; *blūčkēsti // bličkēsti* ~ слав. *blěsko*; *šermūksnė // šermūksnė* ~ *šermoxa*¹⁵; (b₁) *krūšti, kraušyti, kruša // krūsnis* (LKŽ) ~ слав. **kruxo*, *krūšiti* ~ ав. *xrušda*; *pūškė // pūslas* ~ слав. **porxo* ~ др.-инд. *pr̥ṣan-*, *pr̥ṣati*; *pūšė, pūškas // pūsti, pūslė, pūsti* ~ слав. **pruxoti* ~ др.-инд. *pūṣyati, pōṣaḥ*; *aušrà // aus(t)rà* ~ слав. **ustro* ~ др.-инд. *uṣrà*, ав. *uṣraḥ*; (e₁) *blūšti // blūsti*; *liaušys, liaušius, liaušà // laušius* (LKŽ); *plėiškė // plėiskana*; *kišti // kisti* (слово с неопределенными параллелями).

Балтийские слова с $s < *s_{i-k}$ (a) в двенадцати случаях имеют славянские (и иноязычные в ряде примеров) соответствия: *mūsas* ~ **muxo*; *mūšė* ~ **muxa*; *viesulas* ~ **vi-xoro*; *vīsas* ~ **vuxo* (> **vobso* 'omnis'); *tiesà, teisūs* ~ **ti-xo*, *tėšiti*; *daūsos* ~ **duxo*; *pl(i)auskà* ~ **pljuxka*, *pluxa* (чеш.); *usnis* ~ др.-рус. *uṣb* (~ герм., лат. соответствия); *rėgztis, rėgzi* ~ **rešeto*; *rūšys* ~ *ru-xo* (ненадежное соответствие); *lysė* ~ **lėxa*; *viskū, viskėti* ~ **vixati* (сомнительно); (b) семь слов из этой группы имеют славянские и индоиранские параллели (плюс иноязычные в некоторых примерах): *ausis* ~ **uxo* ~ ав. *uši*; *blusà* ~ **bluxa* ~ иранск. **brusā* (афг. *vraza*); *pausyti* ~ **pruxati*; *pvėnica* ~ др.-инд. *piṣṭaḥ*, ав. *pišant-*; *klausà* ~ **sluxo* ~ др.-инд. *ṣroṣa*, ав. *sraoša-*; *sausas* ~ **suxo* ~ др.-инд. *ṣuṣkaḥ*, ав. *huška-*; *tausytis* ~ **tušiti* ~ др.-инд. *tūṣyati*, ав. *tušna-*; *praūsti* ~ ст.-слав. прыханий (и **pruxkati*), др.-инд. *pruṣṇoti*; (c) собственно балто-индоиранских параллелей среди слов с $s < *s_{i-k}$, кажется, нет; (d) четыре слова в данной группе имеют соответствия в них, кроме славянского и индоиранского, языках: *pūšė, au(k)sas, veišti, niaūsti*, и (e) два являются балтийскими новообразованиями (*kniāusti(s), triūsti*).

В общем, балтийская лексика, которая о б ы ч н о (мы подчеркиваем это) фигурирует в примерах, иллюстрирующих $\check{s} < *s_{i-k}$ (44 лексем) и $s < *s_{i-k}$ (25 лексем), по характеру параллелей распределена следующим образом:

$\check{s} < *s_{i-k}$				
балто-слав.		балто-слав.-индоир.		балто-индоир.
(a)	(a ₁)	(b)	(b ₁)	(c)
8	5	8	5 ¹	6
29,5%		29,5%		14%

¹⁵ Мы не включили в эту группу *aiḥsnis, aiḥkēlis* ~ **olv-xa*, поскольку *-k-* в литовских словах может быть поздней вставкой (**aiḥsnis* > *aiḥsnis*).

$\check{s} < *s_{i-k}$		
балто-кент.	балт. новообр.	
(d)	(e)	(e ₁)
5	3	4 ¹
11%	16%	

$s < *s_{i-k}$		
балто-слав.	балто-слав.-индоир.	
(a)	(b)	
12	7	
48%	28%	

$s < *s_{i-k}$		
балто-инояз.	балт. новообр.	
(d)	(e)	
4	2	
16%	8%	

Если не учитывать лексем с начальным **x-*, происхождение которого следует рассматривать особо¹⁶, то окажется, что славянских основ с $x < s_{i-k}$, имеющих (a) балтийские (и не индоиранские) параллели, насчитывается 25; к подгруппе (b) здесь относится также **razuxa*, ср. лтш. *raduse*, индоир. **daus-* (др.-инд. *dōḥ*, ав. *daoš-*), т.е. всего 21 основа; (c) четыре славянские лексем имеют индоиранские соответствия (**raxo* ~ др.-инд. *rak-ṣaḥ*; **tyšob* ~ др.-инд. *tūṣ-*, ав. *tūš-*; **vėxa* ~ др.-инд. *veṣkaḥ*; **snvxa* ~ др.-инд. *snvā*); (d) для слав. **breuxo* имеются параллели в германском и ирландском, для **višnija* - германские; **borsvno*, согласно В. Мартынову, заимствовано из итальянского¹⁷; (e) собственно славянскими новообразованиями являются **smėxo*, **grėxo*, **plešv*, **strėxa*, **šišvka*, **spėxo*, **laxo*, **lixo*. В итоге славянские лексем с * $x < *s_{i-k}$, обычно фигурирующие в списках примеров (62 в нашем перечне), по характеру соответствий распределены следующим образом:

балто-слав.	балто-слав.-индоир.	славо-индоир.
(a)	(b)	(c)
25	21	4
40%	34%	6%
славо-инояз.	слав. новообраз.	
(d)	(e)	
3	9	
5%	15%	

¹⁶ Иллич-Свитич В.М. Один из источников начального *x-* в праславянском. (Поправка к "закону Зибса"). - ВЯ, 1961, № 4, с. 93-98.

¹⁷ Мартынов В.В. Балто-славяно-италийские изоглоссы (лексическая синонимия). - В кн.: Доклады VIII Международного съезда славистов. Минск, 1978, с. 31-32.

Списки слов с результатами изменения $*s_{i-k}$ для древнеиндийского и древнеиранского, насколько нам известно, не составлялись. Для целей статьи важно отметить прежде всего, что значительное количество индоиранских корней с $*š < *s_{i-k}$ не имеет соответствий в балтийском и славянском, например¹⁸: $*bhišag-$ ($bhišak$, $baešazyā$ 'исцеление'), $*bhakš-$ ($bhakšati$, $bassaiti$ 'одолеть'), $*bhuš-$ ($bhūšati$ 'стараться'), $*būšti$ 'успех'), $*dauš-$ ($došā$, $dao-$ 'вечер'), $*dviš-$ ($dviš-$, $dvaēš-$ 'враждовать'), $*dviš-$ ($hidati$ 'злить'), ($jušate$, $zaoš-$ 'радоваться'), $*għiš-$ ($hidati$ 'злить'), ($haršate$ 'возбуждаться'), $zar-$ $zōišni$ 'ужасный'), $*għrš-$ ($haršate$ 'возбуждаться'), $zar-$ $šayama-$ 'подняв перья'), $*ikš-$ ($ikšana$ 'вид'), $*iš-$ ($iša$ 'владыка'), $*iuš-$ ($yoḥ$, $yaog-$ 'святой'), $*makš-$ ($makša$, $maxši$ 'муха'), $*miš-$ ($mišati$ 'моргать'), $*muš-$ ($mušāti$ 'воровать'), $*trš-$ ($trša$ 'жажда'), $*pāršn-$ ($pāršni-$, $pāšna-$ 'пятка'), $*prš-$ ($parša$, $parša-$ 'связка'), $*priš-$ ($plošati$ 'жесть'), $*rākš-$ ($lākšā$, н.-перс. $raxš$ 'лосось') и т.д., всего 49 корней по указанному списку. Вместе с 31 балто-славо-индоиранским, славо-индоиранским и балто-иранским соответствием это составляет 80 слов; 39% их, следовательно, ориентировано на балто-славянский языковой ареал.

Приведенные подсчеты очень грубы, однако они наверняка рисуют картину более точную, чем та, которая может интуитивно сложиться у исследователя, когда он познакомится с материалами о судьбе $*s_{i-k}$, находящимися в научном обороте. Важно обратить внимание на то, что, несмотря на огромный список балто-славо-германских лексических параллелей, более трети лексем с результатами изменения $*s_{i-k}$ в балтийском и праславянском ориентировано на индоиранский, а славо- и балто-иноязычные соответствия занимают среди них очень скромное место (3% и 12%). С другой стороны, более трети индоарийских корней с $*š$ этого происхождения имеет балтийские и славянские параллели. Среди балтийской лексики с $š$ и $s < s_{i-k}$ и славянской с $x < *s_{i-k}$ процент балто-славянских параллелей еще более высок (25 из 69 слов - 36%; 25 из 62 - 40%).

Эти данные никак не могут быть решительным аргументом в пользу решения 1, согласно которому $*s_{i-k}$ изменялось независимо во всех трех языках. С другой стороны, они не обязывают принять решение 2, хотя слов с рефлексами $*s_{i-k}$ более всего в индоиранском и меньше всего - в балтийском (81 и 44 соответственно); малая интенсивность изменения $*s_{i-k}$ в балтийском подчеркивается также наличием дублетов, балто-славянскими и балто-славо-индоиранскими параллелями с $s < *s_{i-k}$ в балтийском и отсутствием собственно балто-индоиранских основ с $s < *s_{i-k}$. Но сторонники решения 1 всегда могут возразить, что это неудивительно: поскольку $*s_{i-k} > *š$ - древнее изменение, то и отражено оно в родственных лексемах, а балтийские факты прямо свидетельствуют о независимом развитии $*s_{i-k} > *š$.

¹⁸ Герценберг Л.Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л., 1972, с. 180-228.

Очевидно также, что на основе приведенных фактов могут быть предложены компромиссные решения 3 и 4, и, значит, привлечение лексических данных не упрощает ситуацию.

3. Интересующая нас проблема "выбора решения" является типичной в сравнительно-историческом языкознании. Анализ ее в общем виде выполнен Бх. Кришнамурти.

Известно, что какие-либо языки $L_1...L_n$ имеют родственные лексемы $m_1...m_n$ с результатами определенного преобразования R в случаях, если (а) " L_1 и L_2 унаследовали m_1 и m_2 из общего предка $*L$ ", в котором осуществилось R ; (б) " L_1 и L_2 унаследовали правило R из $*L$ в других морфемах, где осуществилось R , и независимо провели его" в родственных словах m_1 и m_2 ; (с) "только L_1 унаследовал m_1 из $*L$, но вследствие культурных потребностей и географических контактов с L_1 , язык L_2 заимствовал m_1 в виде m_2 "; (д) оба языка L_1 и L_2 независимо развили одно и то же правило R и применили его к унаследованным морфемам n_1 и n_2 , получив m_1 и m_2 "¹⁹.

Бх. Кришнамурти справедливо отмечает, что ситуация (д) возникает вследствие развития "натуральных" фонетических процессов типа утери конечных согласных, палатализаций и пр., т.е. практически фреквентальных.

"Сравнительно-исторический метод предполагает ситуацию (а) как основу для реконструкции. Не существует способа отличить последствия (а) от последствий (б). Обычно, однако, последствия (а) и (б) являются различными за исключением редких случаев совпадения, поскольку невероятно, чтобы унаследованное правило преобразования охватило одинаковый инвентарь лексических единиц родственных языков"²⁰. Иными словами, "в той степени, в какой изменение регистрируется в родственных морфемах, в такой же степени само это изменение унаследовано из предшествующей стадии"²¹. Эти обобщения сделаны Бх. Кришнамурти на основе результатов анализа (выполненного на ЭВМ) очень большого по объему материала (по данным дравидских языков).

Изменение $*s_{i-k}$ не является "банальным", и поэтому наличие большого количества родственных лексем, содержащих его рефлекс, служит, казалось бы, веским аргументом в пользу положения (а) (тождественного решению 1). Однако указание на типологически более вероятную ситуацию не снимает проблемы. Ведь очевидно, что если m_1 и m_2 сохраняются в родственных языках до сих пор, то они были и раньше, и $*s_{i-k}$ могло осуществиться в них тогда, когда m_1 и m_2 функционировали в самостоятельных языках L_1 и L_2 . Становится очевидным, что правило разграничения ситуаций (а) и (б), сформулированное Бх. Кришнамурти, имеет силу, если 1) после распада $*L > L_1...L_n$ достаточно быстро обновлялся лексический состав $L_1...L_n$; 2) если какое-либо редкое изменение проведено непосле-

¹⁹ *Krishnamurti Bh. Areal and lexical diffusion of sound change: evidence from Dravidian.* - Lg, 1978, v. 54, № 1, p. 15.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

довательно; так, можно утверждать, например, что балтийские факты с большой долей вероятности свидетельствуют о зарождении изменения $*s_{i-k}$ в общем протобалто-славяноиндоиранском ареале и затем развитии его уже в отдельных праязыках (\equiv далеко разошедшихся диалектах).

Теперь обратим внимание на следующее. Почти все исследователи, рассматривавшие судьбу $*s_{i-k}$, не скрывали своего удивления по поводу его странности²². Удивление вызывается прежде всего тем, что практически невозможно объяснить причину одинакового воздействия на s таких акустически и артикуляционно разных звуков, как i, u, r, k . И самое главное, удивляет типология чешская необычность изменения $*s_{i-k}$.

Действительно, мы не понимаем фонетической природы очень многих исторических преобразований в фонетике, но если они повторяются в разных языках, то удивления не вызывают. Переход же $*s_{i-k} > *š$ не имеет точной аналогии в описанных языках мира. Сочетание $*rs$ дало $rš$ в немецких диалектах, на что обратил внимание еще Эндзелин²³; $is > iš > iš̄$ — известный процесс прогрессивной ассимиляции; "намеки" на возможность $ks > kš, us > uš, rs > rš$ зафиксированы²⁴, однако ни в одном из известных случаев s не изменялось с одинаковым результатом (и довольно последовательно) после i, u, r, k одновременно.

Это типологическое наблюдение позволяет утверждать: изменение $*s_{i-k}$ не могло зародиться независимо в каждом из языков, где зафиксированы его рефлексы. Сложность фонетической мотивировки поведения s исключает возможность его контактного распространения. В итоге на основе известных данных возможно утверждать следующее:

- в части индоевропейского языкового ареала, диалекты которого позднее легли в основу протобалто-славянских и протоиндоиранских (и, видимо, протоармянских), по неизвестным нам причинам началось изменение s после i, u, r, k ;

- значительный слой балто-славяноиндоиранских параллелей среди основ с результатами изменения $*s_{i-k}$ указывает на единый центр и древность эпохи его зарождения;

- фонетические этапы преобразования $*s... *š$ пока неясны; в результате его возникла фонема $*š$;

- протобалтийские диалекты находились на периферии ареала, охваченного изменением $*s_{i-k}$ (решение 2) или: после начала $*s_{i-k}$ произошло дальнейшее размежевание индоевропейских диалектов, так что $*s_{i-k} > š$ развивалось в них самостоятельно (т.е. ситуация $i(а) + ситуация (b)у$); так или иначе, разница в условиях осуществления $*s_{i-k} >$

$*š$ указывает на независимое развитие этого изменения, а на особенности структуры ареала его зарождения и/или процессы дифференциации индоевропейских диалектов;

- $*š < *s_{i-k}$ позднее изменилось в $š$ в древнеиндийском (после начала древнеиндийско-дравидских контактов), и в $*x$ в праславянском, причем это было одно из первых (после $*sk > *š$ и $*sg > *š$) собственно праславянских фонетических изменений.

А.Б. БРЕЙДАК

ДРЕВНЕЙШИЕ ЛАТГАЛО-СЕЛОНО-СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

При исследовании древнейших балто-славянских языковых связей нередко, с одной стороны, переоценивается значение западнобалтийско-славянских изоглоссов, с другой стороны, недооценивается значение восточнобалтийско-славянских изоглоссов. Такое положение тормозит дальнейшее изучение балто-славянских языковых отношений.

Для создания адекватной теории древнейших балто-славянских языковых отношений необходимо исследовать балто-славянские изоглоссы как с точки зрения отдельных балтийских, так и с точки зрения отдельных славянских идиомов. В данной статье рассматриваются древнейшие латгалоселоно-славянские языковые связи как частный вопрос более общей проблематики восточнобалтийско-славянских и вообще балто-славянских языковых отношений.

Эпентеза l, l', n, n'

В нижнелатышских говорах (ретроспективно — в земгальском и куронском племенных языках) общепалатальные звуко сочетания $*pj, *bj$ изменились в $pļ, bļ$ только в начале корня (примеры с $*vj, *mj > vļ, mļ$ в начале корня отсутствуют), например $pļāūt$ 'косить' (ср. лит. $piāuti$ 'резать; пилить; жать; косить; грызться, резаться', др.-прусск. $piuclan$ 'серп'), $bļāurs$ 'злой, ужасный, угрюмый, плохой' (ср. лит. $biaurūs$ 'отвратительный'). Я. Эндзелин и Я. Отрембский считали, что общепалатальные звуко сочетания $*pj, *bj, *vj, *mj$ первоначально изменились в $pļ, bļ, vļ, mļ$ как в начале корня, так и на стыке корня и суффикса во всем ареале латышского языка и лишь впоследствии звуко сочетания $pļ, bļ, vļ, mļ$ на стыке корня и суффикса в нижнелатышских диалектах опять были заменены звуко сочетаниями pj, bj, vj, mj ¹. Однако для такого предположения нет никаких оснований². На наш взгляд, в земгальском и куронском языках, легших в основу ниже-

²² См., например: Мейе А. Общеславянский язык, с. 29;

Shevelov G.Y. Op. cit., p. 127.

²³ Эндзелин И. Указ. соч., с. 74; более подробно об этом явлении см.: Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. М.-Л., 1956, с. 330.

²⁴ Климов Г.А., Эдельман Д.И. К формированию фонологического ряда шипящих. — In: Phonologica. 1976. Akten der dritten Internationalen Phonologie-Tagung. Innsbruck, 1977, S. 213-216.

¹ Endzelīns J. Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951, l. 173-174; Отрембский Я.С. Славяно-балтийское языковое единство. — ВЯ, 1954, № 5, с. 38.

² См. также: Зинкявичус Э.П. К истории палатализации согласных в балтийских языках. — Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas vēstis, 1973, N 4, с. 93.

латышских говоров, *pj, *bj изменились в pļ, bļ только в начале корня. В латгальском же и селонском племенных языках общебалтийские звукосочетания *pj, *bj, *vj, *mj изменились в pļ, bļ, vļ, mļ не только в начале корня, но часто и на стыке корня и суффикса (примеры с *vj, *mj > vļ, mļ в начале корня отсутствуют). Об этом свидетельствуют многочисленные случаи эпентезы ʃ, l' в памятниках старолатгальской письменности, в латгальских народных песнях, в топонимии и антропонимии Восточной Латвии и в современных латгальских и селонских говорах.

Эпентетический ʃ в начале корня в латгальских и селонских говорах — как и в нижнелатышских говорах — встречается только в нескольких словах, например pļaut², pļāut² 'косить' (ср. лит. piāuti 'резать; пилить; жать, косить; грызться, резаться'), spļaut², spļāut² 'плевать' (ср. лит. spiāuti 'плевать').

Эпентетические ʃ, l' на стыке корня и суффикса в латгальских и селонских говорах наличествуют: 1) в некоторых формах глагола, но особенно часто в формах настоящего времени изъявительного наклонения, например kiōpju 'взбираюсь; лезу' Вишки³ (ср. н.-лтш. kārju то же), gliōbju 'спасаю' Калупе⁴ (ср. н.-лтш. glābju то же), stumliu 'cisņe, premo'⁵, stumļu² 'толкаю' Звиргздене, Карсава, Мердзене, Наутрены, Нирза, Пилда, Цибла и др. АБ⁶ (ср. н.-лтш. stumju то же); 2) в некоторых именах прилагательных, например šļapļa 'мокрая' Балтинава, Виляка, Шкилбены АБ; 3) в некоторых наречиях, например tūi² 'близко' Лубана⁷, tūli² то же Звиргздене, Нирза, Пилда, Цибла и др. АБ (< *tūvjoī), zemī² 'низко' Лубана⁸, zemī² то же Берзгале, Берзпилс, Бриги, Варакляны, Дрицены, Звиргздене, Карсава, Мердзене, Наутрены, Нирза, Пилда, Цибла и др. АБ (< *zemjoī); 4) в некоторых именах нарицательных, например drēbju (= drēbļu) 'одежды' (gen. pl.)⁹ (ср. н.-лтш. drēbju то же), zemļu 'земель' (gen. pl.)¹⁰ (ср. н.-лтш. zemju то же); 5) во многих именах собственных (в топонимах, некоторых фамилиях и прозвищах), например в названиях деревень Jāuzēml'i² Берзгале, Наутрены, Pl'ep'l'i Истра, Strup'l'i Виляны, Vēipl'i² Звиргздене АБ¹¹.

³ Rūke V. Višķu izloksnes apraksts. — In: Ceļi. Rakstu krājums, IX. Rīgā, 1939, l. 378, 389.

⁴ Rudzīte M. Latviešu dialektoloģija. Rīgā, 1964, l. 304.

⁵ Kurmin J. Słownik polsko-łacińsko-łotewski. Wilno, 1858, s. 17.

⁶ Здесь и далее АБ — полевые материалы автора статьи.

⁷ Zirnītis E. Lubāniešu izloksne. — Filologu Biedrības Raksti, XVII. Rīgā, 1937, l. 122.

⁸ Ibid.

⁹ Evangelia Toto Anno... Vilnae, 1753, p. 72, 73.

¹⁰ Taūtas dziesmas. (Papildinājums Kr.Barona "Latvju Dainām".) Prof. P. Šmita red. II sējums. Rīgā, 1937, l. 383 (народная песня № 49993).

¹¹ М. Семенова высказала мнение, что эпентетический l'

В результате диссимиляции (при наличии двух l в слове!) возникли такие формы, как, например, имя прилагательное šļapļa 'мокрая' Виляны, Ливаны, Ружина и др. АБ (< *šlapļa то же, ср. н.-лтш. šlapja то же) и глагол gliōbju 'спасаю' Нирза АБ (< glīōbju то же, ср. н.-лтш. glābju то же). Потом в некоторых латгало-селонских говорах эпентетический ŋ проник и в другие глаголы, например grēmju² 'стону' Извалта, Науене¹² (< *grēmju² то же, ср. н.-лтш. grēmju то же), stūmju² 'толкаю' Извалта, Науене (< stūmju² то же, ср. н.-лтш. stumju то же)¹³, rōpņās² 'лезет; лезут' Дигная¹⁴ (< *rōpņās² то же, ср. н.-лтш. rāpjas то же).

В некоторых южнолатгальских говорах эпентетический ŋ в глагольных формах настоящего времени был заменен твердым n, возможно, под влиянием глаголов с основой на -no-, например slāpju² 'скрываю' Краслава (ср. н.-лтш. slēpju то же), vēmju 'меня рвет' Краслава, vāmju то же Скайста (ср. н.-лтш. vemju то же)¹⁵.

В литовском и древнепрусском языках эпентетического ʃ после губных согласных нет. Ср., например, др.-прусс. piucian 'серп', лит. piāuti 'резать; пилить; жать; косить; грызться, резаться' и лтш. pļāit 'жать; косить'; лит. bīauris 'отвратительный' и лтш. bļāurs 'злой; ужасный; угрюмый; плохой'¹⁶. В праславянском же звукосочетания *pj, *bj, *vj, *mj изменились в pļ, bļ, vļ, mļ в начале корня и на стыке корня и суффикса¹⁷. Следовательно, изофона (эпентетический l'(ʃ) после губных) объединяет только латышский (ретроспективно латгальский, селонский, земгальский и куронский племенные языки) и славянские языки. Необходимо подчеркнуть, что по рассматри-

в топонимию Латгалии проник из славянских языков.

См.: Семенова М.Ф. Из топонимии Латгале. — LVU zinātniskie raksti, XI. Rīgā, 1956, l. 229. Но так как j после губных на стыке корня и суффикса в латгальских говорах (как видно из вышеизложенного) закономерно развился в l', l, то с мнением М. Семеновой нельзя согласиться.

¹² Rudzīte M. Tagadnes formas ar -ŋ- dažās Latgales izloksnēs. — Baltistica, 1972, I priedas, l. 137.

¹³ Ibid.

¹⁴ Из материалов "Диалектологического атласа латышского языка", хранящихся в Ин-те языка и литературы Академии наук ЛатССР.

¹⁵ Alksnis M.A. Krāslavas izloksne. — Filologu Biedrības raksti, XII. Rīgā, 1932, l. 39.

¹⁶ Endzelīns J. Baltu valodu skaņas un formas. Rīgā, 1948, l. 40; Idem. Altpreussische Grammatik. Riga, 1944, S. 47-48; Otrębski J. Gramatyka języka litewskiego, I. Warszawa, 1958, s. 339-340.

¹⁷ Об этом подробнее см.: Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, с. 78-80; Бернштейн С.В. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 170 и 213; Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.-Л., 1962, с. 190-195.

ваемому фонетическому признаку особенно близки к славянскому (а на современном этапе - к русскому, белорусскому, украинскому и словенскому языкам¹⁸) латгало-селонские говоры (ретроспективно латгальский и селонский племенные языки), в которых эпентетический ℓ' ($\{$) развился не только в начале корня, но и на стыке корня и суффикса в противоположность нижнелатышским говорам (ретроспективно земгальскому и куронскому племенным языкам), в которых эпентетический $\{$ развился только в начале корня. Возможно, что эпентетический $\{$ как в начале корня, так и на стыке корня и суффикса наличествовал и в некоторых исчезнувших восточнобалтийских идиомах на нынешней восточнославянской территории¹⁹. Рассматриваемая летто-славянская изофона возникла после распада в восточнобалтийского (летто-литовского) языкового единства, в последний период истории праславянского языка²⁰ (по относительной хронологии - до депалатализации мягкого j перед гласными среднего и заднего рядов в латгальском, т.е. до возникновения собственно латгальской фонематической подсистемы согласных).

Латгало-селонские эпентетическими \acute{n} (η), n вместо o $ж$ и $д$ $а$ $е$ $м$ $о$ $г$ $о$ ℓ' ($\{$) соответствуют эпентетические n^3 , n и в южнобелорусских (особенно юго-западнобелорусских) говорах, например *дремн'у́*, *дремну́* при диалектной и литературной форме *драмл'у́* 'дремлю', *кормн'у́* при диалектной и литературной форме *кармл'у́* 'кормлю'²¹. Необходимо подчеркнуть, что конкурирующие формы с эпентетическими ℓ' ($\{$), \acute{n} (η), n как в латгало-селонских, так и в южнобелорусских говорах иногда могут наличествовать одновременно в одних и тех же говорах. Эпентетические \acute{n} (η), n - это важная ареальная изофона, объединяющая латгало-селонские и южнобелорусские говоры²². Правда, в наши дни это два изолированных ареала, но в прошлом они, очевидно, составляли единое целое²³.

- ¹⁸ Эпентетический ℓ' не только в начале корня, но и на стыке корня и суффикса (как в сербохорватском, словенском и восточнославянских языках) наличествовал и в староболгарском языке, а реликты эпентетического ℓ' на стыке корня и суффикса имеются и в польском, чешском и словацком языках. См.: Филлин Ф.П. Указ. соч., с. 190-195.
- ¹⁹ Такой вывод можно сделать на основании данных балтийской гидронимии на восточнославянской территории.
- ²⁰ Бернштейн С.Б. Указ. соч., с. 170.
- ²¹ Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963, карты № 156, 160; Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Уступныя артыкулы, даведачныя матэрыялы і каментары да карт. Мінск, 1963, с. 647-648, 650-651.
- ²² Об эпентезе ℓ' ($\{$), \acute{n} (η), n в латгало-селонских говорах более подробно см.: Брейдак А.Б. Судьба прабалтийских звукосочетаний $*p\acute{j}$, $*b\acute{j}$, $*v\acute{j}$, $*m\acute{j}$ в верхнелатышском диалекте. - В кн.: Контакты латышского языка. Рига, 1977, с. 10-19.
- ²³ По этому поводу ср. мнение К. Буги и Я. Эндзеллина о том, что южная граница прародины балтов достигала ре-

Энклитическая форма возвратного местоимения

В говорах Латгалии между приставкой и корнем глагола или отглагольного существительного имеется возвратная морфема $-sa-$, $-za-$, а в конце слова (после гласных среднего и заднего рядов) $-s^{24}$, например *ap-sa-ova* 'он обулся; она обулась; они обулись' Прейли, *nū-za-ova*² 'он разулся; она разулась; они разулись' Нирза, *vāiscū-s*² 'я называюсь' Мердзене АБ.

По мнению В. Поржезинского, в латышском языке представлены возвратные морфемы $-si-$, $-se-$ ²⁵ и $-sa-$. Морфема $-si-$ (= лит. $-si-$) является продолжением старого дательного падежа. В литовско-латышскую эпоху из общебалтийского $*sa^o i$ была получена форма $*sie$, которая в энклитической позиции изменилась в si . Морфема $-se-$ представляет собой форму старого винительного падежа $*sa^e$ (ср. греч. $\acute{\epsilon}$), которая в общеиндоевропейском чередовалась с $*sa^o$, откуда латышская возвратная морфема $-sa-$. Последняя форма в восточнолатышских говорах может быть и рефлексом старого $*sa^e$ ²⁶.

Я. Эндзелин отрицал рефлексы индоевропейского винительного $*se/*so$ в латышском языке. По его мнению, возвратные морфемы $-sa-$, $-za-$ произошли из $-si-$ в результате ассимиляции гласного после приставок *ap-*, *at-*, *pa-*, *sa-* и потом были обобщены. В литовско-латышской морфеме $-si-$ он видел старую форму $*sie$, которая является продолжением дательного падежа $*sei$ ²⁷.

Согласно правилам исторической фонетики латгальских говоров, в латгальском племенном языке возвратные формы глаголов и отглагольных существительных в абсолютном конце слова после $-s$ утратили краткий гласный среднего или заднего ряда. Смягченный же согласный $-s$ в окончаниях после гласных переднего ряда - явление вторичное. Если бы в возвратных формах исчез краткий гласный перед-

ки Припяты. См.: *Būga K. Rinktiniai raštai*, II. Vilnius, 1959, p. 276; *Idem. Rinktiniai raštai*, III. Vilnius, 1961, p. 743-744; *Endzelīns J. Ievads baltu filoloģija*. Rīgā, 1945. l. 35.

- ²⁴ Согласный s после гласных переднего ряда в говорах Латгалии (за исключением селонских говоров в окрестностях Крустпилса, в которых палатализация согласных отсутствует) всегда смягчен, например *skrūtī-s*² 'сореувноваться в бегах' Бриги, Нирза АБ.
- ²⁵ Примеры с морфемой $-se-$ недостоверны, а морфема $-si-$ в южнокуронских говорах и памятниках старолатгальской письменности является литуанизмом. Единичные примеры морфемы $-si-$, возможно, проникли в латгальские народные песни из церковной литературы. См.: *Endzelīns J. Latviešu valodas gramatika*, I. 911-914; *Брейдак А.Б. Смягчение согласных и некоторые вопросы исторической морфологии говоров Латгалии*. - В кн.: Балто-славянские исследования. М., 1974, с. 224.
- ²⁶ *Поржезинский В.К. Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках*. М., 1903, с. 88-90.
- ²⁷ *Endzelīns J. Latviešu valodas gramatika*, I. 914-916.

него ряда *e* или *i*, то в таком случае конечный согласный *s* был бы смягченным и после *û*, *ûo*, *â* (ср., например, формы будущего времени *jûoš* 'будет ехать; будут ехать' Бриги АБ < **jôsi*, *dûš* 'даст, дадут' Мердзене АБ < **dôsi*); но таких форм в действительности нет. Поэтому ясно, что в эпоху исчезновения кратких гласных конечных слогов в латгальском племенном языке не могло быть возвратных морфем **se*, **si*. Единственным приемлемым решением, не противоречащим данным исторической фонетики, может быть только одно: в эпоху исчезновения кратких гласных конечных слогов в латгальском языке была возвратная морфема **-so-*, **-zo*, давшая рефлексы *-sa-*, *-za-* между приставкой и корнем и *-s*, *-š* в абсолютном конце слова. Судя по данным латышских народных песен²⁸ и латышской диалектологии²⁹, эта морфема была также в куронском и селонском языках.

В восточнобалтийских языках возвратные морфемы имеют значение дательного или винительного падежа. Поэтому можно согласиться с мнением В. Поржезинского, что в восточнобалтийском были две формы энклитического возвратного местоимения (дательный падеж и винительный падеж), позже — возвратные морфемы³⁰. В литовском языке была обобщена форма дательного падежа *si* (< **sie* < **sei*), в латгальском же, селонском и куронском — форма винительного падежа **so* (ср. греч. *ἑ* < *σε*). Реставрированной латгалоселонско-куронской энклитической форме возвратного местоимения **so* 'себя' соответствует краткая форма возвратного местоимения *so* 'себя' в серболужицком языке.

Окончание **-ē* родительного падежа единственного числа личных и возвратного местоимений

В латгальских и селонских говорах широко распространены окончания родительного падежа единственного числа личных и возвратного местоимений *-e*, *-ę*, *-ā*, *-a*, например *manę* 'меня' Акнисте, Асаре, Баркава, Бебрене, Лубана, Сусея и др., *maņa* то же Берзпилс, *maņa* то же Аташиене, Балтинава, Варакляны, Преили и др., *teve* 'тебя' Акнисте, Асаре, Сусея и др., *teve* то же Баркава, Лубана и др., *tāvā* то же Берзпилс, *t'ēva* то же Балтинава, *seve* 'себя' Акнисте, Асаре, Сусея и др., *seve* то же Баркава, Лубана и др. По мнению Я. Эндзелина, окончание *-a* взято из склонения имен существительных с основой на *-(i)āo-*, с которыми эти местоимения имели одинаковые окончания в винительном и местном падежах единственного числа, а окончание *-ā*, возможно, возникло чисто фонетически из окончания *-a*. Только окончания *-e*, *-ę* являются рефлексами старого окончания **-ē*. В свою очередь окончание **-ē* возникло в результате контаминации (возможно, что форма возвратного местоимения **sevē* как винительный

падеж образовалась в результате смешения **seve* и **sē*). По мнению Я. Эндзелина, трудно сравнить вышеупомянутые формы личных и возвратного местоимений латгальских и селонских говоров с древнерусскими формами родительного и винительного падежей единственного числа личных и возвратного местоимений *менѣ*, *тебѣ*, *себѣ*, которые он привел без указания источников³¹.

В толковании происхождения окончаний родительного падежа единственного числа личных и возвратного местоимений *-e*, *-ę*, *-ā*, *-a*, данным Я. Эндзелином, есть две слабые точки. Во-первых, он упустил из виду, что в большинстве латгальских говоров и в некоторых глубинных селонских говорах гласный *e* в результате вторичной перегласовки закономерно развился в гласные *ā*, *a*³². А из этого вытекает, что все четыре окончания *-e*, *-ę*, *-ā*, *-a* можно считать закономерными рефлексами старого окончания **-ē* (в некоторых западнолатгальских и севернолатгальских говорах, в которых на современном этапе уже нет рефлексов *ā*, *a* перегласованного гласного *e*, судя по более ранним записям текстов этих говоров, такие рефлексы наличествовали). Во-вторых, как было показано в предыдущей главе, энклитическая форма винительного падежа возвратного местоимения в латгальском и селонском племенных языках была **so*, но не **sē*. Поэтому с толкованием происхождения окончаний родительного падежа единственного числа личных и возвратного местоимений *-e*, *-ę*, *-ā*, *-a* в латгальских и селонских говорах, данным Я. Эндзелином, нельзя согласиться.

Нет никаких препятствий для признания общего исходного окончания **-ē* для обсуждаемых окончаний *-e*, *-ę*, *-ā*, *-a* в латгальских и селонских говорах и для окончания *-ѣ* в некоторых славянских языках, например болг. *тебѣ* 'тебя' (XVII в.), схрв. *тебѣ* 'тебя' (XVII в.)³³. На наш взгляд, в противоположность балто-славянским формам родительного падежа единственного числа личных и возвратного местоимений **men-e*, **tev-e* или **tew-e*, **sev-e* или **sew-e*³⁴ (= и.-е. основы **mene*, **tewe*, **sewe*³⁵) в некоторых диалектах балто-славянского языкового континуума наличествовали формы с окончанием со ступенью долго-

³¹ Endzelīns J. Latviešu valodas gramatika, l. 506-507.

³² Breidaks A. Latgaliešu tautas dziesmu fonētikas jautājumi. — Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis, 1974, N 10(327), l. 129-131.

³³ О форме родительного падежа единственного числа *тебѣ* в славянских языках см.: Годолина М.А. История форм личных и возвратного местоимений в славянских языках. М., 1963, с. 35-36, 42.

³⁴ Эндзелин Я. Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911, с. 180; Мейе А. Общеславянский язык, с. 365.

³⁵ Brugmann K. Vergleichende Laut-, Stammbildungs- und Flexionslehre nebst Lehre vom Gebrauch der Wortformen der indogermanischen Sprachen, Bd. II, Teil. II. Strassburg, 1911, S. 415; Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938, с. 340,

²⁸ Ozols A. Latviešu tautasdziesmu valoda. Rīgā, 1961, l. 86.

²⁹ Rudzīte M. Latviešu dialektoloģija, l. 141, 378.

³⁰ Поржезинский В.К. Указ. соч., с. 90-92.

ты **men-ē*, **tev-ē* или **tew-ē*, **sev-ē* или **sew-ē*. Следовательно, анализируемые окончания в латгальских и селонских говорах и окончание *-ē* в некоторых славянских языках можно признать рефлексами старого балто-славянского окончания **-ē* родительного падежа единственного числа личных и возвратного местоимений.

Латгало-селонно-славянские изолексы

Имеется несколько латгало-селонно- (куроно-) славянских изолекс:

1) *caārys*² 'прогорклый, затхлый' Аулея, Баркава, Берзгале, Берзпилс, Варакляны, Варкава, Ляудона, Наутрены, Пилда и др. (< **kēd-ro-s*): рус. *чад*, укр. *чад*, блр. *чад*, болг. *чад*, схрв. стар. *чад*, словен. *čad*, чеш. *čad*, словц. *čad*, польск. *czad* 'угар, чад'³⁶;

2) *gāuturs* 'болтун, пустомеля', *gāuturāot* 'болтать' Берзгале, Наутрены АБ: рус. *гүтор* 'беседа, болтовня', *гүторитв*, *гүторить*, *гүтаритв* 'говорить, болтать', *гүторра*, *гүтарка* 'болтун', блр. *гүтарыць* 'говорить, болтать', укр. *гүтір* 'разговор, беседа', *гүторити* 'болтать', словц. *hutorit* 'говорить, болтать', в.-луж. *hutora* 'ворчливый, недовольный человек', *hutoric so* 'браниться, ворчать'³⁷;

3) *kript* 'коченеть (от холода)' Алуksне, *kript* 'то же Варакляны, *kript* 'то же Пилда, Шкилбены АБ: словен. *krepen* 'окоченелый', *skrepeniti* 'окоченеть (от холода)'³⁸;

4) *purza* 'испачкавшийся остатками еды ребенок' Кауна-та и др., *purzāot* 'пачкать' Пилда, Цибла и др. АБ, (*iz*)*purzāt* 'einen zu dessen Nachteil physisch oder rechtlich bearbeiten' Берзауне, *puržava* 'высохшая лужа в болотистых местах, напр., на лесной дороге' Юркале: рус. южн. *пóрзний*, *спóрзний* 'жирный; порочный, богохульный, грязный', укр. *пóрзний*, *спóрзний* 'жирный', *пóрзнитися* 'есть мясо в праздники', схрв. *przniti* 'марать, пачкать, грязнить; портить настроение (в компании), расстраивать компанию; разрезать кишки (при потрошении)', чеш. *przniti* 'осквернять', словц. *przniti* 'осквернять' польск. *parznąć*,

³⁶ K. Mühlenbachs. Lettisch-deutsches Wörterbuch. Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin. Bd. I. Riga, 1923-1925, S. 376 s.v. *caārys*²; Endzelin J., Hausenberg E. Ergänzungen und Berichtigungen zu K. Mühlenbachs Lettisch-deutschem Wörterbuch, Bd. I. Riga, 1934-1938, S. 276 s.v. *caārys*².

³⁷ Брейдак А.Б. Об одной славяно-латгальской диалектной изолексе. - Acta Baltico-Slavica, XII. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1978, с. 133-135.

³⁸ Брейдак А.Б. Этимология лтш. диал. *kript* 'коченеть (от холода)'. - В кн.: Контакты латышского языка. Рига, 1977, с. 7-9.

Согласно письменной информации Ф.Д. Климчука, к этой изолексе относится и блр. *скрпнйтись* 'сильно перемерзнуть; сильно переутомиться; сильно разочароваться в чем-нибудь, в ком-нибудь, получить моральный удар' в Брестском Полесье.

paranić, paraniac 'zanieczyścić, strefić' (праслав. **przniti* 'марать, пачкать, гадить')³⁹.

Первая из вышеуказанных изолекс является латгало-селонно-славянской, вторая и третья - латгало-славянскими, а четвертая - латгало-селонно-куроно-славянской (следовательно, последняя изолекса охватывает и самый западный ареал латышского языка).

Имеется и целый ряд латгало-селонно-литовско-славянских изолекс, но на них мы здесь не остановимся, ибо в лингвистической литературе они уже рассмотрены⁴⁰.

Как видно из вышеизложенного, латгальские и селонские говоры дают много ценного материала для изучения древнейших латгало-селонно-славянских языковых отношений.

Древнейшие латгало-селонно-славянские (как и балто-славянские в целом) языковые связи нам представляются как континуум близкородственных диалектов, еще не достигших порога интеграции.

В.В. СЕДОВ

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП СЛАВЯНСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДНЕПРОВСКИХ БАЛТОВ

Балты с глубокой древности заселяли области в средней полосе Восточной Европы от берегов Балтики до западных районов Волго-Окского междуречья. В середине I тысячелетия н.э. балтский этноязыковый массив, дифференцированный еще в начале железного века на три крупные диалектно-племенные группировки - западную (пруско-ятвяжскую), восточную (летто-литовскую) и днепровскую, как показывает археология и гидронимия, занимал обширную территорию от побережья Балтийского моря (между Вислой и Западной Двиной) на западе до верхней Оки на востоке и до поречья Припяти на юге. Само название этой языковой группы индоевропейцев не сохранилось. В письменных источниках I тысячелетия н.э. балты именовались эстиями или айстами. Свидетельства исторических источников полностью корреспондируются с выводами археологии. Историк VI в. Иордан сообщает, что они жили, с одной стороны, вдоль побережья Балтийского моря за племенем видивариев, обитавшем близ устья Вислы, с другой стороны, с юга соседями с кочевым племенем акациров, которое заселяло бассейн Дона¹.

³⁹ Mühlenbach - Endzelin. Bd. III, S. 421.

⁴⁰ Breidaks A. Augšzemnieku dialekta latgalisko izloksņu dialektālās leksikas vēsturiskie sakari ar slāvu valodām. - Latvijas PSR zinātņu Akadēmijas vēstis, 1969, N 5, l. 27-33; Брейдак А. Диалектная лексика латгальских говоров верхнелатышского диалекта и ее исторические связи. Автореф. канд. дис. Рига, 1969, с. 21-22.

¹ Седов В.В. Этногеография Восточной Европы середины I тысячелетия н.э. по данным археологии и Иордана. - В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978, с. 12, 13.

Регион, принадлежащий днепровским балтам, в середине и третьей четверти I тысячелетия н.э. характеризуется древностями типа Тушемля-Банцеровщина-Колочина. Тушемля на Смоленщине, Банцеровщина в средней Белоруссии и Колочин в Гомельском Поднепровье - наиболее изученные городища этой культуры, которую следовало бы именовать тушемлинско-колочинской. Жили днепровские балты на открытых поселениях - селищах, по топографическому положению разделяющихся на две группы. Первую группу составляют селища, расположенные по берегам рек или озер отдельно от городищ и независимо от них. Ко второй группе относятся поселения, находящиеся при городищах или близ них, с которыми они связаны непосредственно. Площадь поселений от 0,5 до 2 и более га.

На самой ранней стадии развития тушемлинско-колочинской культуры (IV-VI вв. н.э.) ее носители проживали исключительно на селищах первой группы. Нужно полагать, что к концу VI в. ситуация в исследуемом регионе серьезно изменилась, стала тревожной. Население стало принимать меры к обеспечению своей безопасности. В VII-VIII вв. широко сооружаются укрепленные пункты - городища. Часто использовались старые городища, относящиеся к раннему железному веку и какое-то время стоявшие заброшенными. Теперь они подверглись существенной реконструкции - были сооружены новые или досыпаны старые валы, подсыпаны и укреплены края площадок, эскарпированы склоны, по краям городищ или на вершинах земляных валов строились деревянные оборонительные стены. Городища стали сравнительно мощными для того времени крепостями-убежищами. Население не жило в них постоянно, а собиралось там в моменты опасной ситуации. Теперь получают распространение селища второй группы. Поселения стали отстраиваться по соседству с городищами, часто на склонах холмов или мысов, на вершинах которых находились укрепленные убежища.

Некоторые городища-убежища были и святилищами. Таково, в частности, городище Тушемля в верховьях Сожа². Оно устроено на продолговатом мысу, ограниченном двумя оврагами. Овальная площадка убежища занимала около 800 кв. м и защищена была по периметру двумя земляными валами с деревянными стенами. Со стороны плато было устроено еще три земляных вала с такой же бревенчатой оградой наверху.

По периметру городищенской площадки находилась замкнутая постройка столбовой конструкции шириной 4-4,5 м. Основу ее стен составляли массивные столбы-стояки, поставленные с интервалами 2,2-2,5 м, в пазы которых были впущены концы горизонтально положенных бревен. Поперечными стенками постройки подразделялась на несколько отдельных помещений размерами около 4х6 м. Семь-восемь из них имели в середине очаги, остальные использовались для хозяйственных нужд.

² Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.-Л., 1963, с. 59-71.

Внутренняя, свободная от построек площадка имела форму вытянутого овала размерами 20х10 м. В мысовой части ее находилось языческое святилище - круглая утрамбованная площадка диаметром 6 м, вокруг которой стояли столбы, вероятно, идолы, а в центре более массивный столб, очевидно, с изображением главного божества.

Городища-святилища, подобные Тушемлинскому, известны и в других местах. Но многие городища-убежища, по-видимому, не имели культовых сооружений.

Ареал тушемлинско-колочинской культуры охватывает все Верхнее Поднепровье, включая левобережную часть Припятского бассейна и бассейн Сейма на юге, и Витебско-Полоцкую часть Западнодвинского бассейна. На этой территории распространена единая материальная культура - близкие между собой глиняные сосуды тюльпановидной, цилиндрико-конической, а изредка и ребристых форм, орудия труда и бытовые предметы. Погребальными памятниками являются грунтовые могильники с захоронениями по обряду трупосожжения. В составе металлических украшений из памятников этой культуры доминируют изделия балтского облика. Это - не только предметы с выемчатыми эмальями, о балтской атрибуции которых писалось неоднократно, но и массовые украшения³.

В зависимости от характера домостроительства регион тушемлинско-колочинской культуры подразделяется на две области. Смоленщина, Западнодвинский бассейн и правобережная часть Верхнего Поднепровья характеризуются наземными домами со столбовыми или срубными стенами. Это - четырехугольные постройки размерами от 3х4 до 4х5 м с очагами - овальными углублениями в полу, иногда выложенными мелкими камнями и сверху промазанными глиной. Очаги, как правило, занимают срединную часть жилища. Эти дома ведут свое происхождение от построек предшествующих древностей той же территории - культуры штрихованной керамики и днепро-двинской культуры, из которых эволюционировали тушемлинско-колочинские древности в целом.

Жилищами на поселениях юго-восточной части ареала рассматриваемой культуры (Подесенье) были прямоугольные полуземлянки размерами от 3х3 до 4х4 м при глубине котлована 0,3-0,8 м с опорным столбом в центре пола и открытым очагом, размещенным в срединной части. Стены построек обычно имели столбовую конструкцию, а иногда делались из плетня, обмазанного глиной.

Не исключено, что такое деление ареала тушемлинско-колочинской культуры на две части свидетельствует о членении днепровских балтов на две культурно-племенные группы.

Принадлежность тушемлинско-колочинских древностей днепровским балтам устанавливается археологически - на основе происхождения их от достоверно балтских культур раннего железного века и отсутствия генетической преем-

³ Пергавко В.Б. Украшения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана. - Вестник Московского ун-та, История, 1978, 2, с. 59-72.

ственности между ними и славянской культурой, получившей распространение в этом регионе начиная с VIII-IX вв.⁴ На северо-западе днепровские балты вплотную соприкасались с литовскими племенами и латгалами, а на востоке соседили с голядью (мощинская культура в бассейне верхней Оки). Земли севернее ареала днепровских балтов принадлежали финно-угорским племенам (см. карту).

Славяне с глубокой древности были юго-западными соседями балтов. В V-VII вв. славяне уже заселяли широкие пространства Средней и Восточной Европы от Эльбы на западе до среднего Днепра на востоке⁵. В культурном отношении они не были в это время едины. С днепровскими балтами непосредственно соседями славяне двух диалектно-племенных группировок. На правобережье среднего Днепра, на Волыни и далее вплоть до среднего течения Эльбы жили славянские племена, представленные пражско-корчакскими древностями. Это - с(к)лавены Иордана и византийских историков. Они характеризуются двумя основными этнографическими признаками - глиняной посудой пражско-корчакского типа и наземными срубными домами с печами-каменками или очагами, занимающими один из углов постройки. Более южные части славянского ареала от Адриатики до левобережной части Среднего Поднепровья занимали славяне другой культурно-племенной группировки (анты и их потомки), которым свойственны пражско-пеньковская глиняная посуда и ее дериваты, а также полужемляночные жилища со специфическим интерьером и печами-каменками.

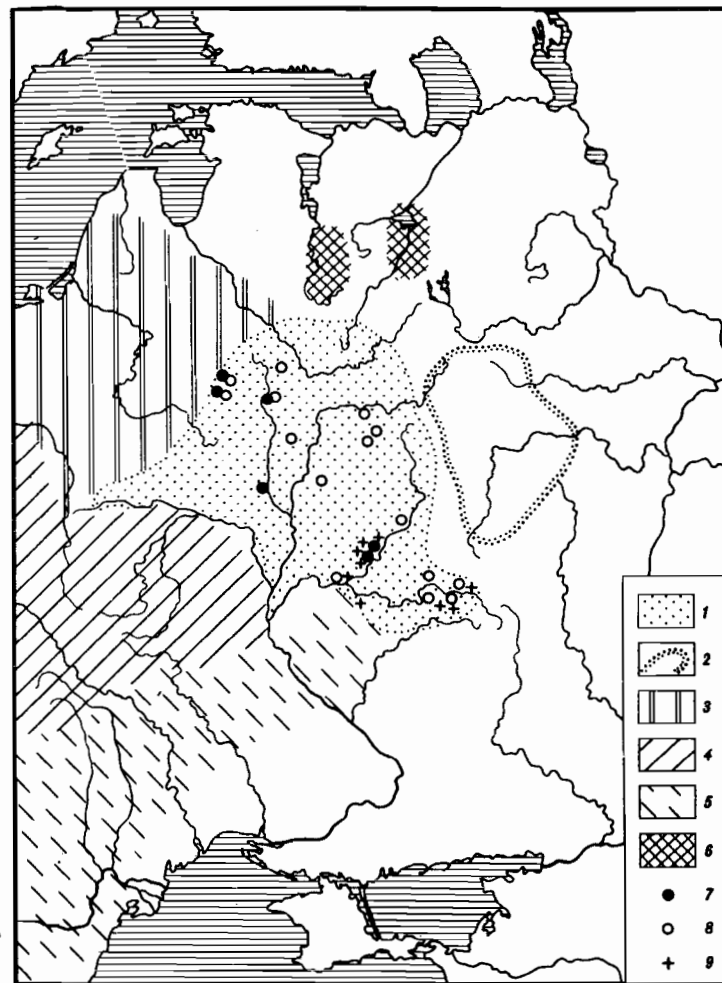
Уже в VI в. на территории расселения днепровских балтов отчетливо фиксируются славянские культурные элементы, свидетельствующие о начале инфильтрации славян в среду балтов. Прежде всего это проявляется в появлении в разных местах Верхнего Поднепровья полужемляночных жилищ с печами и с типично славянским интерьером. Распространение печей-каменок на поселениях днепровских балтов, по-видимому, также отражает славянское культурное воздействие.

Жилища-полужемлянки с печью в углу при отсутствии опорного столба в центре исследованы археологами на двух поселениях среднего течения Десны - в Целиковом Бугре и на Стрелице⁶. Оба поселения принадлежат тушемлинско-колючинской культуре. Основная часть жилищ здесь - полужемлянки с центральным опорным столбом и очагом в срединной части. Очевидно, основную часть населения этих селищ составляли местные балты, к которым и подселились славянские переселенцы. Керамический материал Целикова

⁴ Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, с. 77-161.

⁵ Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 101-143.

⁶ Горюнов Е.А. Селище Целиков Бугор на Средней Десне. - КСИА, 1972, вып. 129, с. 42-46; Третьяков П.Н. Древности второй и третьей четвертей I тысячелетия н.э. в верхнем и среднем Подесенье. - В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 110-112.



Славяне и балты в Восточной Европе в третьей четверти I тысячелетия н.э.

1 - ареал тушемлинско-колючинской культуры (днепровские балты); 2 - мощинская культура (голядь); 3 - земли, занятые пруссо-ятвяжскими и летто-литовскими племенами; 4 - ареал культуры пражско-корчакского типа (славяны); 5 - ареал культуры пражско-пеньковского типа (анты и их потомки); 6 - условные области кривичей и яльменских словен; 7 - балтские поселения со славянскими жилищами; 8 - балтские поселения с находками славянского и южного происхождения; 9 - поселения с находками славянской керамики

Бугра и Стрелицы не отражает славянского проникновения. Однако в том же районе Среднего Подесенья на тушемлинско-колочинских поселениях Заярье, Левкин Бугор, Лавриков Лес и Колодезный Бугор вместе с керамикой колочинского облика и полуземлянками с опорным столбом и очагом в центре встречены единичные сосуды, которые могут быть интерпретированы как пражско-пеньковские. По-видимому, инфильтрация славян в этом регионе была немногочисленной.

Две полуземлянки славянского типа открыты также на селище Щатково в нижнем течении Березины⁷.

Славянское проникновение обнаруживается не только в южных районах Верхнего Поднепровья, но и в отдаленных от славян северо-западных частях ареала днепровских балтов. Так, среди исследованных жилищ на поселении у д. Городище в Мядельском р-не Минской обл. свыше половины были наземными и имели столбовую или срубную конструкцию стен и открытые очаги, расположенные в центре. Единичные наземные дома имели печи-каменки, занимавшие угловое положение. Третья часть раскопанных построек были полуземлянками. Стены одной из них имели столбовую конструкцию, другие были срубными. Размеры их от 6,5 до 13-15 кв.м. Во всех полуземлянках открыты печи-каменки⁸.

Поселением, сочетающим наземные срубные дома с полуземлянками, является и селище Дедиловичи (Замковая Гора) в Борисовском р-не⁹. Здесь преобладали полуземляночные жилища. Большая часть их имела печи-каменки, меньшая отапливалась очагами. И печи, и очаги в полуземлянках находились в одном из углов. Можно полагать, что на этом поселении славянский компонент составлял значительный процент. Однако в целом селище нельзя считать славянским, поскольку прочие этнографические элементы, в частности глиняная посуда, принадлежат тушемлинско-колочинскому облику.

В ряде мест выявляются не славянские и балтские жилища, а постройки, сочетающие в себе культурные элементы, характерные для обеих этнических группировок. Так, на селище близ д. Ревячки (Мядельский р-н Минской обл.) исследованы раскопками два наземных жилища (одно срубное, другое со столбовой конструкцией стен) с печами-каменками и одна полуземляночная постройка с очагом, расположенным в углу строения¹⁰.

Интересно, что славяне, оседавшие на территории днепровских балтов, не создавали собственных поселений, а подсаелись к местному населению. Как правило, они не

⁷ Очерки по археологии Белоруссии, ч. I. Минск, 1970, с. 170, 171.

⁸ Митрофанов А.Г. Селище VI-VII вв. близ дер. Городище. - В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1969, с. 240-260.

⁹ Митрофанов А.Г. Новые данные о памятниках VII-VIII вв. Средней и Северной Белоруссии. - В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1966, с. 221-233; *Он же*. Железный век средней Белоруссии. Минск, 1978, с. 94-99.

¹⁰ Митрофанов А.Г. Железный век средней Белоруссии, с. 85-87.

приносили с собой глиняной посуды и, очевидно, пользовались местной, тушемлинско-колочинской. Изготовление глиняной посуды было женским делом в то время. В связи с этим можно полагать, что славянская инфильтрация осуществлялась не группами, состоявшими из отдельных семей, а коллективами, включавшими преимущественно мужское население. Переселенцы оседали на поселениях днепровских балтов, может быть, вступая в брачные связи с местными женщинами.

Археология пока не может определить, в каком направлении протекали ассимиляционные процессы в смешанных славяно-балтских поселениях: имела ли здесь место ассимиляция пришлого населения или же протекал обратный процесс. Во всяком случае, поселения с балтскими и славянскими культурно-этническими компонентами, по-видимому, стали проводниками распространения в Верхнем Поднепровье славянской культуры. Вместе с инфильтрацией славянского населения в Верхнеднепровский регион начинают проникать предметы труда и бытовые вещи славянского или южного происхождения.

Так, в земле днепровских балтов появляются каменные жернова круглой формы, отражающие заметный прогресс в развитии земледелия. Они найдены на упомянутом выше поселении у д. Городище, а также в городищах-убежищах Тушмеле и Городке на Смоленщине. Балтское население Верхнего Поднепровья до этого пользовалось каменными зернотерками. К третьей четверти I тысячелетия н.э. принадлежат находки железных ножей с волутообразными завершениями рукоятей. Они хорошо известны в славянском мире¹¹. В области расселения днепровских балтов ножи с волутообразными рукоятками найдены прежде всего на поселениях со славянскими элементами в домостроительстве близ д. Городище и Ревячки, а также в Лукомле, Тайманове и Ярцеве. От славян распространяются среди днепровских балтов и высокие биконические пряслица с небольшим в диаметре отверстием, вероятно, железные шпоры с острым коническим шипом и загнутыми внутрь крючками на концах и другое.

Скорее всего, славянской инфильтрацией обусловлено и проникновение в верхнеднепровские земли различных вещей южного происхождения. Таковыми являются бронзовые гроздевидные серьги, широко распространенные в южных областях славянского ареала и в славяно-аварских могильниках Среднего Подунавья, бляшки с орлиными головами, позволившие А.К. Амброзу говорить о связях ювелирного дела Верхнего Поднепровья с ремесленными центрами VI в. Нижнего Подунавья, бронзовые двупластинчатые фибулы, связанные происхождением с регионом Крыма, серолощенный кубок

¹¹ *Szymański W.* Przyczynki do zagadnienia, chronologii i zasięgu występowania żelaznych noży z rękojeściami zakończonymi wolutami. - *Wiadomości archeologiczne*, 1964, XXI, z. 3/4, s. 221-228; *Idem.* Wczesnośredniowieczne noże z rękojeściami zakończonymi wolutami w świetle nowych badań. - *Wiadomości archeologiczne*, 1965, XXXI, z. 2/3, s. 146-148.

из поселения Демидовки на Смоленщине, проникший из бассейна Дуная, где ему имеются аналогии в древностях V в., и, может быть, некоторые иные находки¹². Не исключено, что в отдельных местах ареала днепровских балтов в результате инфильтрации населения с юга в третьей четверти I тысячелетия н.э. образовались небольшие изолированные островки славянского населения, которые способствовали распространению отдельных элементов славянской культуры. Однако у нас нет каких-либо оснований говорить о начале славянизации днепровских балтов в этот период. Археологические материалы неоспоримо свидетельствуют, что славянское освоение Верхнего Поднепровья началось только в VIII-IX вв., когда в эти земли с разных сторон двинулись более или менее значительные массы славян¹³.

М.И. ЛЕКОМЦЕВА

К РЕКОНСТРУКЦИИ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ ЯЗЫКОВ ГОЛЯДИ И ДНЕПРОВСКО-ДВИНСКИХ БАЛТОВ (I)

Вопрос, который в 1911 г. поставил А.И. Соболевский: "Где жила Литва?"¹, - сейчас можно считать в целом решенным². Исследования гидронимов и топонимов³, новые

¹² Шмидт Е.А. О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины. - В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 63-69; Амброз А.К. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. - Там же, с. 70-74.

¹³ Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 77-190.

¹ Соболевский А.И. Где жила Литва? - Изв. АН, 1911, сер. VI, № 12-18.

² Моора Х.А. О древней территории расселения балтийских племен. - Советская археология, 1958, № 2, с. 9-33; Вангаас А.П. Максимальный ареал балтской гидронимии и проблема происхождения балтов. - В кн.: Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. Рига, 1980, с. 119-123; Топоров В.Н. Galindite-Galindite-голядь (балт. *Galind- в этнолингвистической и ареальной перспективе) - Там же, с. 124-136.

³ Būga K. Kalbų mokslas bei mūsų senovė (1913). - Rinktiniai raštai, t. I. Vilnius, 1958, p. 415-418; Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. I. Die Ostgrenze der baltischen Stämme; II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heitigen slavischen Ländern. - Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1932, 1934; Idem. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprechforschung. Berlin, 1941; Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего

Поднепровья. М., 1962; Топоров В.Н. О балтийских элементах в гидронимии к западу от Вислы. - Slavica Pragensis, VIII. Acta Universitatis Carolinae. Philologica, 1966, 1-3, p. 255-263; Он же. К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы. - Baltistica I(2), 1966, с. 103-111. Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968; Топоров В.Н. "Baltica" Подмосковья. - В кн.: Балто-славянский сборник. М., 1972, с. 217-280; Он же. Балтийский горизонт древней Москвы. - Acta Baltico-Slavica, 1980, XIV.

данные и их интерпретация в археологии⁴, согласованность выводов этих наук с наблюдениями этнографов и фактами истории дают возможность локализовать в пространстве и времени как балтов в целом, так и их отдельные племена. Синтезирующая работа В.В. Седова⁵ дает представление о том, где "сидела" голядь и где жили днепровско-двинские балты к тому времени, когда здесь началась славянская инфильтрация - движение "приселения" кривичей и вятичей. Сразу стоит оговорить то обстоятельство, что языковая ситуация во время и после "приселения" славян никак не исчерпывалась взаимодействием - двуязычием двух балтских говоров - племени днепровско-двинских балтов и голяди с двумя славянскими говорами кривичей и вятичей. Древнейшее население этих земель (меря, мурома и мордва - племена финно-угорской семьи языков) долгое время сохраняло свой язык и культуру⁶ и активно участвовало в этноязыковых процессах Волго-Окского междуречья. Однако о возможности реконструкции языка мери и типах взаимодействия финно-угорских языков с балтскими, а потом - со славянскими языками на этой территории будет сказано в другом месте.

Задачей настоящей работы является реконструкция (естественно, предварительная) фонологической системы говоров голяди и днепровско-двинских балтов. Материалом для реконструкции служат: 1) данные гидронимии и топонимии балтского типа на рассматриваемой территории - сейчас они представляют около 2000 лексем; 2) сопоставление фонологических систем славянских диалектов, прошедших (предположительно) через фильтр билингвизма, с фонологическими системами говоров тех же (по археологическим данным) племен, не вступивших в длительные контакты с балтами (см. карту); 3) данные антропонимии и заимство-

4 Кухаренко Ю.В. Зарубинецкая культура. М., 1964; Седов В.В. Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970; Митрофанов А.Г. Древности восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа (VII в. до н.э. - VIII в. н.э.). - В кн.: Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом. М., 1978, с. 102-104; Седов В.В. Славяне и балты в древности. - Там же, с. 119-121.

5 Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского Междуречья. М., 1961, особенно карты № 2-4 и рис. 81 на с. 184.

вания из балтийских говоров в соответствующих русских диалектах.

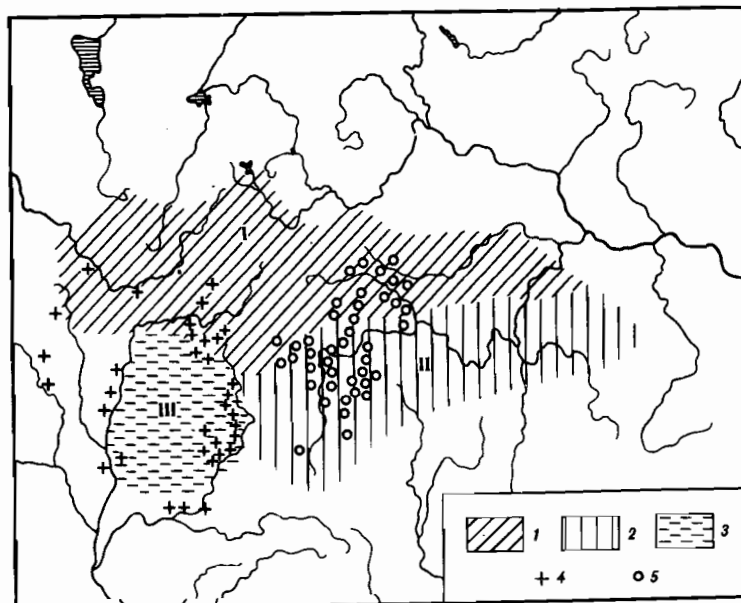
Несмотря на то, что при сочетании методов внешней и внутренней реконструкции, использовании данных типологических зависимостей внутри системы (фонологических универсалий) и представлении о вероятности изменения фонологической системы в зависимости от степени ее свободы, возникает возможность провести реконструкцию с наибольшими гарантиями, все-таки часто ускользают при этом такие явления, связанные с билингвизмом, как особенности распространения инноваций в условиях языкового контакта и за его пределами, разная скорость эволюции взаимодействующих фонологических систем, морфонологическая дивергенция близких говоров и т.п.

Тем не менее попытка предпринять реконструкцию фонологической системы языков днепровско-двинских балтов и голяди уже на данном этапе представляется необходимой как для систематизации наших представлений об этом, так и для дальнейших разысканий балтских реликтов в словаре русских говоров и финно-угорских языков. Кроме того, реконструкция фонологических систем языков днепровско-двинских балтов и голяди позволит уточнить генетические отношения между языками балтов и сделать классификацию балтийских⁷ языков более полной.

В первой части этой работы реконструируется фонологическая система языка голяди, во второй части делается уточнение и проверка полученной реконструкции и приводятся примеры лексических (главным образом антропонимических) соответствий, если принять предлагаемую реконструкцию. В следующей части аналогичным образом восстанавливается фонологическая система языка днепровско-двинских балтов, а затем определяется место голяди и ее западных соседей - балтов в общей генетической классификации фонологических систем балтийских языков⁷.

Как показывает карта расселения голяди, кривичей и вятичей (см. карту), можно ожидать взаимодействия части носителей языка кривичей и вятичей с голядью (пока нет оснований предполагать внутреннюю дифференциацию языка голяди), в результате чего должно наблюдаться однотипное изменение фонологических систем у тех кривичей и вятичей, которые прошли через фазу балто-славянского двуязычия.

⁷ В традиционном в и.-е. языкознании смысле. Сейчас в смежных науках утвердилось выражение "балтские" в отличие от "балтийские" 'расположенные около Балтийского моря', т.е. в новом употреблении слова сюда включаются финно-угорские языки (эстонский, финский, вепсский, ижорский, ливский), германские и славянские языки. В связи с задачами изучения генетического и ареального сходства разграничение типа балтский - балтийский желательное и в языкознании (при сохранении "балтийский" в первом смысле необходимо будет ввести нечто вроде типа "прибалтийский" во втором смысле и указать при этом точку отсчета).



I - область расселения кривичей; II - область расселения вятичей; III - область расселения радимичей; + - археологические памятники днепровско-двинских балтов; O - памятники западных балтов

Сост. по материалам: Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970 (рис. 13 на с. 49 и рис. 19 на с. 81)

Как уже отмечалось⁸, наиболее архаические русские говоры средней полосы (продолжающие традицию вятичей на территории древнего поселения голяди) являются, по выражению В.Н. Сидорова, "сколком" с ёкающих говоров Владимирско-Поволжского типа, т.е. говоров, продолжающих "линию" вятичей вне балтийского субстрата, - за одним исключением: в них всякое безударное *o* заменяется на *a*, т.е. [domá], [n'osú], [z'w'ozdá] (ср. [n'es'í], [g_z'w'ez'd'e]) в них будет соответственно [dam'á], [n'asú], [z'w'azdá], но [n'es'í], [g_z'w'ez'd'e].

⁸ Петровская Ю. К диалектологии рязанских говоров. Говор села Матыр Зарайского уезда. - ОРЯС, 1922, т. 93; Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 80; Сидоров В.Н. О происхождении умеренного яканья в среднерусских говорах. - Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1951, 2; Он же. Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах. - Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, 1952; Он же. Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье. - Из истории звуков русского языка. М., 1966; Лecomцева М.И. Проблемы балтийского субстрата аканья. - В кн.: Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980.

Это явление можно объяснить, если принять ту точку зрения, согласно которой при двуязычии сначала происходит отождествление по просодическим признакам, а после этого — по собственно фонологическим (ингерентным). Тогда следует, что славянское краткое *o* (в говорах оно, по предположению, кратко) в языке голяди могло стать эквивалентом или долгого *o* (как в ударных слогах в этих говорах на современном этапе), или кратких гласных, среди которых не было *o* (т.е. *a*, *i*, *u*). Если это так, то можно было бы ожидать:

- 1) выравнивание ударных гласных по долготе. Другими словами — под ударением все гласные становятся хотя бы факультативно долгими;
- 2) в отдельных случаях под ударением вместо исконного *o* может появиться *a* (по предположению сначала оба гласных кратки, а потом *a* под ударением удлиняется);
- 3) как гиперкорректные формы могут возникнуть под ударением морфемы с *o* вместо исконного *a*;
- 4) в безударных слогах краткое *o* могло бы спорадически заменяться на *u*, *i*, *y*, т.е. должны быть реликтовые формы с *u*, *i*, *y* вместо этимологического *o*.

Что касается выравнивания всех ударных гласных по долготе, то этот процесс охватил, по-видимому, все говоры русского языка, т.е. он оказался шире, чем сфера воздействия балтийского субстрата. Может быть, с балтийским субстратом можно связать дифтонгоидальный характер ударных *o*, *e* — этимологически они могут быть любого происхождения, т.е. и из *v*, *v*.

На территории бывшего расселения голяди встречаются такие формы с ударным *a* вместо исконного *o*, как *кляклий* 'клекий, сырой, непеченый (хлеб)', *искрамсано* 'искромсано' (д. Межутино, Заслоново, Глядково Уваровского р-на Московской обл.), фамилия *Лачин* — при гидрониме *Лоча*⁹ (Большая и Малая) (д. Белый Раст Дмитровского р-на Московской обл.).

Формы с ударным *o* вместо этимологического *a* распространены на территории голяди и днепровско-двинских балтов очень широко, они захватывают и московское просторечие: ср. *плóтишь*, *сбóдишь*, *дбóришь* и т.п. Хотя эти формы объясняются действием закона аналогии на материале чисто русских говоров, без обращения к балтийскому субстрату, они естественно входят и в сферу поддерживаемых субстратом явлений и могут считаться примером взаимодействия двух факторов, направленных в одну сторону.

На возможность замены *o* на *u*, *i* указывают многочисленные лексикализованные и грамматикализованные формы с *u*, *i* вместо этимологического *o*, отмеченные еще в прошлом веке¹⁰: ср. формы типа [aguréc] ~ [uguréc] ~ [igu-réc], [arát] ~ [ipát] и мн. др.

Вывод о том, что в языке голяди не было краткого *o*,

⁹ Топоров В.Н. "Baltica" Подмосковья, с. 222.

¹⁰ Будде Е.Ф. К истории великорусских говоров. Казань, 1896; Шахматов А.А. Звуковые особенности ельнинских и мосальских говоров. Варшава, 1903, и мн. др.

но были краткие *i*, *e*, *á*, *ý*, поддерживается и соответствиями между безударными *i*, *e*, *a*, *o*, *u* у потомков кривичей, живших вне территории балтов, и безударными *i*, *e*, *a*, *u* у потомков кривичей, осевших на землях голяди. Проверка здесь состоит в том, что у потомков кривичей в отличие от вятичей *e*, *e* в безударных слогах слились в *e(ê)*, и *o* было, таким образом, только после твердых согласных. Голядский субстрат у соответствующей части потомков кривичей проявляется в замене безударного *o* на *a* и в сохранении, как и у соответствующей части потомков вятичей, *ě* ([damá], [n'ésú], [z'w'ez'd'á], [n'es'í], g_zw'ez'dé¹¹). Все сопутствующие этому факты проявляются у потомков кривичей в равной степени. (Ср. приводимые В.Н. Топоровым такие наименования рек, как *Коша* — *Кашинка* — *Кушнинский*)¹².

На основании сказанного предполагается следующая система вокализма для языка голяди:

<i>ý</i>	<i>ú</i>	<i>ī</i>	<i>ū</i>
<i>ě</i>		<i>e</i>	<i>ō</i>
<i>ǎ</i>		<i>ā</i>	

т.е. система вокализма голяди характеризовалась 1) противопоставлением долгих и кратких гласных; 2) отсутствием в системе краткого вокализма губного гласного среднего подъема (*o*), т.е. несимметричностью систем долгого и краткого вокализма.

В русских говорах, продолжающих линию развития тех потомков кривичей, которые осели на землях голяди, отмечаются дифтонги. Это видно в таких названиях, как *Луза* — ср. лтш. *Luvas*, *luvājs* 'стебель овса', — ср. недалеко река *Стебелька*¹³; *Раушская* набережная, фамилия *Лаушкин* (д. Б.Васильевское Звенигородского р-на Московской обл.), *Реутово*, *баушка* 'бабушка', *деушка* 'девушка' и т.п. Как видно из последних примеров и обозначения *Раушской* набережной (по устному сообщению В.Н. Топорова, раньше эта набережная называлась *Ровушка*), часть этих дифтонгов возникла за счет выпадения *v*, *b* между гласными. Элизия *v* в интервокальном положении встречается и в латышских диалектах¹⁴; в литовских диалектах встречается переход *v* > *u*, ср. в жемайтском *būvū* 'buvo', *gāvū* 'gavo'¹⁵, в аукштайтских говорах вместо *rabūvusi* говорят *rabūus* или *rabūus*¹⁶, по всей Литве распространено наречие *sudieū* < *su dievū*¹⁷ и т.п. Здесь интересно не только совпадение процессов утраты интервокального *v*, но и сама фонологическая возможность существования таких дифтонгов.

¹¹ Леконцева М.И. Указ. соч., см. карты на с. 165.

¹² Топоров В.Н. "Baltica" Подмосковья, с. 221, 223.

¹³ Там же, с. 241.

¹⁴ Endzelīns J. Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951, 1. 160.

¹⁵ Сообщение А. Гирдяниса — см.: Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966, p. 149.

¹⁶ Ibid., p. 184.

¹⁷ Ibid., p. 185.

Дифтонги с *j* не так заметны, но из соображений симметрии можно предположить совпадение сочетаний гласного и *i* в славянских формах с голядскими дифтонгами с *i*: зайчик оказался параллельным *Чихулайчик* (прозвище в д. Межутино Уваровского р-на Моск. обл.), *лейка* - *Вилейка*¹⁸.

Показательными являются и гидронимы с назальными дифтонгами: ср. *Ендова*, *Ланка*, *Шанкинка*, *Ломна*, *Немда*¹⁹.

На основании этого можно сделать вывод, что язык голяди характеризовался дифтонгами:

au	ai	an	am
eu	ei	en	em

Эти дифтонги были закрытыми.

Для представления о системе консонантизма языка голяди большое значение имеют результаты исследования переходного смягчения в русских говорах. Хотя сейчас оно представлено отдельными островками, разбросанными на значительной территории, лингвогеографический анализ позволяет сделать вывод, что эти островки являются остаточным явлением, характеризовавшим единый массив от "северо-запада от Москвы" до Орла²⁰. Сопоставление карты типов переходного смягчения (приводимой К.Ф. Захаровой)²¹ с археологическими данными по расселению голяди (см. карту) показывает, что если не считать нескольких островков на окающей территории - островков, представляющих результат позднего междиалектного взаимодействия²², то реконструируемый в русской диалектологии массив, характеризующийся переходным смягчением, как раз приходится на область древнего расселения голяди.

При переходном смягчении задненёбные *k*, *g* характеризуются средненёбной артикуляцией²³. Так, у потомков кривичей на территории голяди встречаются такие формы, как [tʰisél] 'кисель', [tʰipitók] 'кипяток', [ándel] 'ангел', [rúti] 'руки', [nódi] 'ноги', [vlótfi] 'в лодке', [bótiiti] 'ботинки', [dʰe] 'где' и т.п. (записано в д. Белый Раст Дмитровского р-на Московской обл.) - общее распределение типов переходного смягчения см. на карте № 12 в работе Н.Ф. Захаровой. Область со среднеязычным рядом (*tʰ*, *dʰ*, *ŋ*, *j*) окружена островками, представляющими гиперкорректные формы типа [késtʰ] 'тесто', [vrógé] 'вроде'.

Эта ситуация напоминает распределение среднеязычных и их гиперизмов в балтийских языках. Так, в литературном латышском, как и в его среднем и ливонском диалектах, среднеязычными *k*, *g*, *ŋ*, *ʃ* передаются заимствования из соседних языков как с задненёбными *k*, *g*, так и с переднеязычными *t*, *d* в позиции перед гласными переднего ряда:

¹⁸ Топоров В.Н. "Baltica" Подмосковья, с. 250.

¹⁹ Там же, с. 248, 241, 240, 233, 223.

²⁰ Захарова К.Ф. Переходное смягчение задненёбных согласных *k* и *g*. - В кн.: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970, с. 67-68.

²¹ Там же, с. 67, карта № 12.

²² Там же, с. 68.

²³ Там же, с. 65-67.

напр., *ķisēlis* < рус. кисель, *ķurmis* < рус. тюрьма, *ķīla* 'залог' из ливского *ķīl*²⁴, *brūgēt* 'мостить' из верхненемецкого *bruggen*²⁵.

В дзукских говорах литовского языка отмечаются отдельные формы типа [drūstiñikail]//[drūskiñikail] 'Друскининкай', [tʰitas]//[kitas] 'другой'²⁶, с одной стороны, и такие гиперкорректные формы, как отмеченные в Швендубре [kėvas]//[tėvas] 'отец', [dʰe]//[dėde] 'дядя' и др.²⁷

Такой параллелизм позволяет высказать следующее предположение: язык голяди в целом характеризовался средненёбным рядом типа ливонского или среднелатышского: *tʰ(=k)*, *dʰ(=g)*, *ŋ*, возможно, *l*, *r*.

Для языка голяди можно предположить противопоставление свистящих и шипящих, в рамках которого могла быть зона свободного варьирования. Так, для названий *Сатовка*, *Сатунь*, вероятно, *Сетунь*, отмечаются такие параллели, как прусск. *Satho*, *Satheken*, *Sattenicken*, яит. *Sata*, *Сатуня*, лтш. *Satīki*, *Sātupe* и др., куршск. *Sathen*, *Saten*, *Satepurve*²⁸; с гидронимом *Осенка* сопоставляются прусск. *Asseniken* и др., лит. *Assinis*, *Asūys*, *Āsupis* и др., лтш. *Asāni*, *Asensupīte*, *Asenu-puorvs pļ.* и др., может быть, куршск. *Assen*, *Assiten*, *Asoten*²⁹; с *Руссой* - прусск. *Russa*, *Russ* и др., лит. *Rusne*³⁰, с антропонимом *Стиприн* (д. Б.Васильевское Звенигородского р-на Московской обл.) - лит. *stiprūs* 'сильный, крепкий', лтш. *stiprs* 'сильный, крепкий, твердый'.

С другой стороны, гидроним *Шатуха* сравнивается с лит. *Šatà*, *Šatupis*³¹ и др., *Шова* - может быть, с *Šašulys*, *Šavulà*, *Sašių km.* и др.³², *Шершня* - с гидронимами типа лит. *Šiřkšnė*, *Šeřkšnė* и т.п., лтш. *Širninu pļ.* и др.³³

С другой стороны, в некоторых случаях можно предположить свободное варьирование: отмечались такие случаи, как *Санкина-Шанкинка*, *Дрезна-Дрежна*³⁴ и под. Длительность балто-славянского контакта и система пересчета с одной фонологической системы на другую³⁵ затрудняют реконструкцию подсистемы непрерывных согласных в языке голяди. Маскирующими факторами являются здесь и воздействие языка мерянских племен, и, возможно, разная скорость эволюции говоров голяди, неодинаковая степень и структура билингвизма, в ряде случаев - специфика морфонологиче-

²⁴ Endzelīns J. Op. cit., l. 162.

²⁵ Ibid., l. 164.

²⁶ Zinkievičius Z. Op. cit., p. 140.

²⁷ Ibid.

²⁸ Топоров В.Н. Указ. соч., с. 242.

²⁹ Там же, с. 249.

³⁰ Там же, с. 232.

³¹ Там же, с. 253.

³² Там же, с. 231.

³³ Там же, с. 233.

³⁴ Там же, с. 269.

³⁵ Там же.

ских чередований. Но пока можно предположить в языке голяди ряд свистящих (*s, z, c*) и шипящих (*š, ž, č*).

В русских диалектах на рассматриваемой территории отмечается усиление ассимиляции при произношении *t', d', s', z'*. Они произносятся с "более отчетливым мягким свистящим элементом" (произношение с мягким шипящим элементом наблюдается значительно реже, но в общем на тех же территориях)³⁶.

В этой связи стоит обратить внимание на мазурение в польских говорах, которые как раз расположены на землях, где прослеживается балтийский (пруссский) субстрат³⁷ и следы "саканья" в пелясском говоре³⁸.

Особенностью некоторых русских говоров на территории исторической голяди является замена *x* на *k*: [kl'ér] 'хлеб', [kl'éf] 'хлев', [pakát] 'пахать' и т.п. Это явление может толковаться как еще одно свидетельство балтийского субстрата. Аналогична передача *x*, напр., славянского или германского через *k* в сохранившихся балтийских языках, напр., лтш. *kalps* 'батрак, работник' < *xolon*, *slikts* 'плохой' < в.-нем. *slicht*³⁹; лит. *kòlera* 'холера', *klāmas* 'хлам' и под. Тогда с этим же классом явлений можно связать названия рек *Хлиденк* и *Кледейка*⁴⁰.

Если консонантизм голяди характеризовался среднеязычным рядом, то типологически наиболее вероятным будет предположение, что там отсутствовало противопоставление по мягкости-твердости. Поэтому можно представить систему консонантизма голяди следующим образом:

p	t	t"	č	k
b	d	d"		g
m	n	n"		
v	s		š	
	z		ž	
	l	l"		
	r	r"		
		j		

Необходимо отметить, что, судя по фонологической структуре собранных балтских гидронимов, в языке голяди отсутствовали элементы сингармонизма и сохранялись без изменения начальные группы согласных. Эти черты отличали язык голяди от языков ее финно-угорских соседей.

Из того, что в языке голяди предполагаются закрытые дифтонги, типологически следует, что там были и закрытые слоги.

³⁶ Русская диалектология. Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1962, с. 86.

³⁷ *Dejna K. Dialekty polskie. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1973, s. 103-107.*

³⁸ *Судник Т.М. К истории языковой ситуации Пелясы. - Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980, с. 184-185.*

³⁹ *Endzelīns J. Op. cit., s. 162.*

⁴⁰ *Топоров В.Н. "Baltica" Подмосковья, с. 256.*

Итак, предварительная реконструкция фонологической системы языка голяди выглядит следующим образом:

1) в системе вокализма определяющим является противопоставление по долготе;

2) структура долгих и кратких гласных несимметрична: отсутствует *ō*;

3) для языка голяди предполагаются дифтонги типа *ai, eu, ai, ei, an, en, am, em*;

4) система консонантизма характеризуется противопоставлением звонких и глухих, назальных и неназальных;

5) особенностью консонантизма языка голяди можно считать наличие в нем средненёбного (палатального) ряда и в связи с этим отсутствие противопоставления по мягкости-твердости;

6) отсутствует противопоставление задненёбных по непрерывности (т.е. задненёбные представлены только взрывными).

Уточнению и проверке полученной реконструкции посвящается II часть настоящей работы.

С.Ф. КОЛБУШЕВСКИЙ*

К ГЕОГРАФИИ НЕКОТОРЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ И ВОСТОЧНОБАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ (на материале польских и латышских диалектов)

До последнего времени исследования балто-славянских контактов касались преимущественно диахронического плана (генетический аспект) и в меньшей степени - плана синхронного (типологический аспект), см. Брозович 1977, 36. Как заметил этот ученый, "... мы в лингвистике очень много говорим о том, чем балто-славянский мир был в прошлом... Поэтому следует посмотреть, что представляет собой этот мир в настоящее время. Может быть... если мы установим точно, чем он является в настоящее время, то сумеем сделать выводы о том, чем он должен был быть в прошлом, чтобы вообще мог стать тем, чем он есть в современности" (с. 43).

Нижеследующие рассуждения представляют попытку рассмотрения указанных контактов не с точки зрения явлений, приписываемых далекому прошлому балтийских и славянских языков, но с точки зрения современных явлений, которые выступают как на территории западнославянских языков, так и на территории языков восточнобалтийских. В то же время не исключено, что параллельные инновации, о которых идет речь, причинно связаны со спорными (до сих пор) проблемами этногенеза и - прежде всего - топонимизма балтов и славян.

Следующие параллельные фонетические явления, отмеченные в польских и латышских диалектах, выступают не на

*©S.F. Kolbuszewski, 1981 г.

изолированных друг от друга территориях, но в ареале, образующем определенный континуум.

1. Колебания *a:e* в позиции после *r* в корневых слогах - явление, известное романским, германским, славянским, балтийским языкам (ср. Endzelīns 1951, 55 - § 22). В балтийских и славянских языках пространство, где наблюдается указанное чередование *ra : re*, охватывает среднелатышские говоры (Endzelīns 1951, 54; Rudzīte 1964, 72), литовский язык (Otrębski 1955, 23, 38; Zinkevičius 1966, 186, примеч. 43), польские мазовецкий и другие говоры (Dejna 1973, 162 и след., а также карта № 29; Otrębski 1958, 218). Короче говоря, мы имеем здесь дело с так называемым территориальным изменением, по концепции Я. Отрембского (Otrębski 1964, 211, 215), охватывающим латышскую, литовскую, ятвяжскую, мазовецкую области, образующие вместе определенный континуум.

2. Представляется, что проблему перехода *i < *y* в среднелатышском диалекте не следует рассматривать в отрыве от неразличения *i - y (< *u)* в северных польских диалектах, т.е. прежде всего в мазовецком и др. - а также vice versa (ср. в этой связи Otrębski 1964, 210, 215). Ср.:

лты. диал. <i>desmit</i>	vs.	<i>dęsmītais</i> (< * <i>ytais</i>)
<i>dedzini(et)</i>	vs.	<i>dędzināt</i> (< * <i>ynat</i>)
мазовецк. <i>sin, riba</i>	<	<i>syn, ryba</i>

(Rudzīte 1964, 73; Dejna 1973, карта № 25A).

Различение же [i] vs. [y] выступает в следующих диалектах и языках (здесь не рассматриваются фонологический статус *i* vs. *y* и дискуссионные вопросы, с этим связанные): в селонских и латгальских говорах (Брейдак 1972, 33, примеч. 3; Kuškis 1967, 10), в кодифицированном латгальском (Bukšs 1973, 87; Zeps 1962, 53), в литовских дзукских говорах (Nasiuk 1978, 20, 26; Zinkevičius 1966, 168), в южных польских говорах (Dejna 1973, 150 и след., карты № 25-26; Otrębski 1964, 210) и в польском литературном языке. Таким образом, мы снова сталкиваемся с определенным типологическим фактом, который выступает в ареале, образующем некоторый континуум. Отметим, что М.И. Лекомцева (1974, 238) приводит обширный перечень языков и диалектов, различающих [i] vs. [y]: эстонский диалект Сету, селонские, латгальские говоры, литовские южноаукштайтские говоры, русский, белорусский, польский языки и т.д.

3. Параллельные фонетические (или же фонологические) процессы в разных языках - весьма распространенное явление. Однако иногда поверхностная структура параллельных явлений настолько различна, что очень трудно обнаружить в них общие черты, не обращаясь к их глубинной структуре. Это наблюдается, например, в случае латгальской перегласовки (так называемой первой латгальской метафонии) и перегласовки в польском языке (так называемой польской депалатализации).

В связи с этим следует заметить следующее.

Латышский (представляющий амальгаму балтийских племен-

ных языков - селов, земгалов, куршей и угро-финских ливов, ср. Rūķe-Dravīna 1977, 18-20) знает исключительно перегласовку типа *ē/ġ* - т.е. оппозиция *ē* vs. *ġ* является в латышском изолированной оппозицией. Латгальский же диалект (продолжение языка племени латгалов) знает следующие типы перегласовки: *i/y*, **ē/ā*, *a/o* - т.е. оппозиция **ē* vs. *ā* является оппозицией пропорциональной.

Сказанное можно представить в следующей таблице:

Латышский язык	Латгальский диалект
<i>ē/ġ</i>	<i>i/y</i> <i>*ē/ā</i> <i>a/o</i>

(см. Kolbuszewski 1978, 57 и примеч. 6).

Возвращаясь к проблеме латгальских и польских перегласовок, заметим: только осознание того факта, что в основе латгальской перегласовки *e/a*, *ie/ā* (поверхностная структура) лежат sui generis альтернации *e/a*, **e/a* (глубинная структура), а в основе польской перегласовки *e/o*, *e/a* (поверхностная структура) лежат sui generis альтернации *e/*ā*, **ē/*ā* (глубинная структура), позволяет утверждать, что в данном случае мы имеем дело с параллельными в принципе явлениями.

Ср.: др.-польск. *w miedzie* : польск. *miód* vs. латг. *medeņš* : латг. *mads*; польск. *w krześle* : др.-польск. *krzašto* vs. латг. *kriesleņš* : латг. *krāsls*. (Bezenberger 1885, 113; Kolbuszewski 1978, 49-60).

Перегласовка в латгальском диалекте (Брейдак 1972, 33 и след.; Lelis 1961, 150; Bukšs 1978, 17 и след.), перегласовка в говорах так называемой Малой Литвы (Bezenberger 1884, 100 и след.), перегласовка в говорах так называемой Великой Литвы (Гирдянис 1978, 75-76), наконец, перегласовка в польском (ср., в частности, Moszyński 1965, 82-83) выступают на пространстве, образующем также определенный континуум.

Следует заметить, что А. Гирдянис (1978, 75-76), рассматривая проблему с фонологической точки зрения, признает параллелизм явлений литовской и польской перегласовки. Причины их возникновения он усматривает при этом в так называемой корреляции согласных фонем (*твердая* vs. *мягкая*) и ее воздействии на гласные фонемы. В вопросе о перегласовке А. Гирдянис занимает, таким образом, традиционную позицию в противоположность Л. Мошинскому (Moszyński 1965, 82-83) и А. Брейдаку (Брейдак 1977, 30-31), которые явления той же перегласовки интерпретируют в категориях гармонии гласных.

4. В связи с изложенным встает еще один вопрос: не следует ли редукцию *-e/ġ > [-a]* в польских говорах северо-восточной окраины (Bednarczuk 1974, 328), связанную, как известно, с белорусским аканьем (ср. Zdanciewicz 1966, 33 и др.), и вторую латгальскую метафонию (латгальская депалатализация) */-e/ < *ē > -[ā]/* // *=[a]* (Breidaks 1974, 129; Bukšs 1974, 258) также рассматривать вместе?

В приведенных рассуждениях освещен лишь факт характерной ареальной дистрибуции параллельных фонетических явлений в западнославянских и восточнобалтийских диалектах. При этом остается открытым вопрос: являются ли указанные параллели следствием влияния какого-то (общего?) языкового субстрата на балтийской и славянской территории или же они - результат некоторых общих тенденций развития, унаследованных еще от периода так называемой балто-славянской общности?

Перевела с польского Т.М. Судник

Принятые сокращения

- Bednarczuk 1974 - *Bednarczuk L.* Z północno-wschodniej peryferii polszczyzny. - *Język polski*, 1974, N 54, s. 326-332.
- Bezenberger 1884 - *Bezenberger A.* Zur litauischen dialektforschung, I, II. - In: *Beiträge zur Kunde der Indogermanischen Sprachen*, VIII, 1884, S. 98-137; IX, 1885, S. 253-261.
- Bezenberger 1885 - *Bezenberger A.* Lettische Dialekt-Studien. Göttingen, 1885.
- Брейдак 1972 - *Брейдак А.* Некоторые вопросы истории консонантизма и развитие фонологической системы согласных в говорах Латгалии. - *Baltistica*, 1972, I priedas, с. 33-53.
- Breidaks 1974 - *Breidaks A.* Latgaliešu tautas dziesmu fonētikas jautājumi. - In: *Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas vēstis*, 1974, № 10, l. 127-136.
- Брейдак 1977 - *Брейдак А.* О влиянии прибалтийско-финских языков на латгальский и селонский идиомы. - *Baltistica*, 1977, II priedas, с. 26-35.
- Брозович 1977 - *Брозович Д.* О типологических сходствах и различиях в фонологических системах балтийских и славянских языков. - *Baltistica*, 1977, II priedas, с. 36-43.
- Bukšs 1973 - *Bukšs M., Placinskis J.* Latgaļu volūdas gramatika un pareizkraksteibas vōrdneica. München, 1973.
- Bukšs 1974 - *Bukšs M.* Latgaļu volūdas vacums, pastōveiba un formu bogōteiba. - *Acta Latgalica*, 1974, 5, l. 241-262; ср. s.v. Depalatalizacija - l. 258-259.
- Bukšs 1978 - *Bukšs M.* Über einige Palatalisierungen und deren Bedeutung für die Verhinderung der Metaphonie im Latgalischen. - *Acta Latgalica*, 1978, 7, S. 17-28.
- Dejna 1973 - *Dejna K.* Dialekty polskie. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1973.
- Endzelīns 1951 - *Endzelīns J.* Latviešu valodas gramatika. Rīga, 1951.
- Гирдянис 1978 - *Гирдянис А.* Влияние твердых и мягких согласных на развитие вокализма в балтийских диалектах. - В кн.: Конференция "Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом". Предварительные материалы. М., 1978, с. 75-76.

- Hasiuk 1978 - *Hasiuk M.* Fonologia litewskiej gwary sejneńskiej. Poznań, 1978.
- Kolbuszewski 1978 - *Kolbuszewski S.F.* Przegłos zachodniosłowiański i przegłos wschodniobałtycki. Paralele. - In: *Z polskich studiów slawistycznych* (Językoznawstwo). Warszawa, 1978.
- Kušķis 1967 - *Kušķis J.* Dažas sēļu valodas vokāļisma īpatnības pēc mūsdienu latviešu valodas sēlisko izloksņu materiāliem. - In: *Latviešu valodas apcerējumi*. Rīga, 1967, l. 9-20.
- Лекомцева 1974 - *Лекомцева М.И.* К типологической характеристике фонологических систем диалектов латышского языка. - В кн.: Балто-славянские исследования. М., 1974, с. 227-241.
- Lelis 1961 - *Lelis J.* The place of Latgalian among the Baltic dialects. Cambridge, 1961.
- Moszyński 1965 - *Moszyński L.* Przyczyny rozkładu praskłowiańskiego systemu językowego. - In: *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, V. Warszawa, 1965, s. 77-85.
- Otrębski 1955 - *Otrębski J.* Aus der Geschichte der litauischen Sprache. - *Lingua Posnaniensis*, 1955, V, S. 23-40.
- Otrębski 1958 - *Otrębski J.* Gramatyka języka litewskiego, t. I. Warszawa, 1958.
- Otrębski 1964 - *Otrębski J.* Udział Jaćwingów w ukształtowaniu języka polskiego. - *Acta Baltico-Slavica*, 1964, I, s. 207-216.
- Rudzīte 1964 - *Rudzīte M.* Latviešu dialektoloģija. Rīga, 1964.
- Rūķe-Draviņa 1977 - *Rūķe-Draviņa V.* The standartization process in Latvian 16th century to the present. - In: *Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm slavic studies*, 1977, 11.
- Zdancewicz 1966 - *Zdancewicz T.* Wpływy białoruskie w polskich gwarach pod Sejnam. Poznań, 1966.
- Zeps 1962 - *Zeps V.J.* Latvian and Finnic linguistic convergences. - In: *Indiana Univ. publications. Uralic and Altaic series*, 7. The Hague, 1962.
- Zinkevičius 1966 - *Zinkevičius Z.* Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966.

В.А. ДЫБО

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ПОРОЖДЕНИЯ АКЦЕНТНЫХ ТИПОВ ПРОИЗВОДНЫХ ИМЕН В ПРАБАЛТИЙСКОМ

Как было замечено уже Ф. де Соссюром, в системе литовского словообразования действуют два принципа выбора (порождения) акцентных типов¹.

Один, который мы называем категориальным,

¹ Ф. Соссюр де. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 624-625.

заключается в том, что акцентный тип производного полностью определен словообразовательным, или морфологическим, типом производного (словообразовательным суффиксом или словообразовательной моделью). У большого количества словообразовательных типов этот принцип явно вторичен, а так как тенденция его расширения отчетливо проступает во всей истории литовского языка, то трудно назвать словообразовательный тип, в котором первичность этого способа выбора акцента нельзя было бы поставить под сомнение.

Другой принцип выбора акцентных типов заключается в том, что акцентный тип производного выбирается в связи с акцентной парадигмой производящего. При этом могут быть как просодические, так и не просодические факторы, которые определенным образом модифицируют данный выбор. Этот принцип выбора акцентных типов производных мы называем в т о р ы м принципом парадигматического акцента. (Непроизводным в языках с парадигматическим акцентом присущи два или несколько акцентных типов - акцентных парадигм (а.п.), выбор которых традиционен, т.е. каждая непроизводная основа имеет одну из этих а.п., которая не предсказывается какой-либо информацией, исходящей из синхронной системы языка. Эта особенность языков с таким типом организации ударения называется п е р в ы м принципом парадигматического акцента).

Имеются два источника, позволяющие реконструировать наиболее раннее состояние системы выбора (порождения) акцентных типов производных, которое можно назвать пра-литовским или прабалтийским. Это материал древнелитовских акцентуированных текстов (в первую очередь текстов Н. Даукши) и наиболее описанных диалектов (особенно Тверечюс). Перестройка, которой подвергается система порождения акцентных типов производных в истории литовского языка, довольно значительна. В современных диалектах сохраняются лишь фрагменты первичного состояния, но так как в разных диалектах эти фрагменты различны, и в то же время объединены единым принципом - "вторым принципом парадигматического акцента", то, изучив эти фрагменты и объединив их, мы получим достаточно большой фрагмент первоначальной системы, который хорошо верифицируется и дополняется материалом древнелитовских акцентуированных текстов.

Согласно "второму принципу парадигматического акцента" выбор акцентных типов в этом реконструированном фрагменте акцентной системы определяется двумя параметрами: акцентной парадигмой (а.п.) производящего и морфонологическим классом суффикса. Двум а.п. непроизводных: 1 а.п. (лит. 1 и 2 а.п.) и 2 а.п. (лит. 3 и 4 а.п.)² - соответствовали три акцентных типа производных: тип А - неподвижное ударение на корне; тип В - неподвижное ударение на суффиксе; тип С - подвижное ударение (= 2 балтийской а.п.). Суффиксы делились на два морфонологических клас-

² Реконструируемое состояние относится к периоду до действия закона де Соссюра.

са - I класс: *-išk-* (adj.), *-in-* (adj.), *-āt(i)*, *-ast(i)*, *-ing-* (adj.), *pa-√-(j)ė*, *pa-√-(j)ys*; II класс: *-iškj-* (adj.), *-inj-* (adj.), *-um-*, *-at(ā)*, *-īst(j)ė*, *-inīk-*, *īb(j)ė*, *-uot-*. Выбор акцентного типа производился следующим образом: от основ 1 а.п. независимо от класса суффикса выбирался акцентный тип А, от основ 2 а.п. при суффиксах I класса - тип С, при суффиксах II класса - тип В:

Т а б л и ц а 1

Класс суффикса \ А.п. производящих	1	2
	A	C
I	A	C
II	A	B

П р и м е ч а н и е. Ниже при подаче материала использованы следующие сокращения:

D. - Н. Даукша (акцентные типы в основном устанавливаются по примерам, представленным в работе: *Skardžius P. Daukšos akcentologija*, Kaunas, 1935. В случае необходимости ссылок на формы, не отмеченные П. Скарджосом, они приводятся по изданию: *Daukšos Postilė. Fotografuotinis leidimas*. Kaunas, 1926, с указанием страницы и строки.

Tw. - материал из диалекта Тверечюс, приводится по работе: *Otrębski J. Wschodniolitewskie narzeczce twereckie*, I, III. Kraków, 1934, 1932.

Šl. - материал из словаря: *Šlapelis J. Kirčiuotas lenkiškas lietuvių kalbos žodynas*. Vilnius, 1940 (Antroji laida).

Юшк. - примеры из словаря: *Юшкевич А. Литовский словарь*, вып. I-III. СПб., 1904-1922.

Fr. - *Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch*, Bd. I, II. Göttingen, 1962, 1966.

Куршат - примеры из диалекта Фр. Куршата.

Не маркированные подобным образом примеры относятся к литовскому литературному языку.

Цифрами в скобках (1, 2, 3, 4) обозначены литовские акцентные парадигмы, отмечаемые в источнике; акцентуационные варианты приводятся через косую черту посредством или указания начальной словоформы с ее акцентной парадигмой, или лишь указания акцентной парадигмы варианта. Акцентные парадигмы современного нормативного литовского языка, если они отличаются от засвидетельствованных в источнике, приводятся через стрелку (→), если необходимо, таким же образом приводится начальная словоформа с указанием ее нормативной акцентной парадигмы. В подзаголовках разделов стрелка (→) связывает предполагаемый из системных соображений первичный акцентный тип с акцентным типом, реально засвидетельствованным.

Балтийские (пралитовские) реконструкции в таблицах совершенно условны, они максимально приближены к орфографической форме современного литовского слова. Пралитовские ударения обозначаются обычным способом:

˘ - акут, ~ - циркумфлекс, ˘ - краткостное ударение. Пралитовские заударные долготы в реконструкциях, отражающих состояние до действия закона де Соссюра и непосредственно после него до сокращения конечных долгот по закону Лескина, маркированы следующим образом: ˘ - акутовая заударная долгота, ~ - циркумфлексная заударная долгота (в дифтонгах и дифтонгических сочетаниях этот значок ставится на второй части), в ударных и предударных слогах знак долготы (˘) употребляется орфографически. Формы с ударением, передвинутым в результате действия закона де Соссюра и последовавших за ним процессов выравнивания, в таблицах подчеркнуты.

I. Суффиксы и конфиксы I класса

1. Суффикс *-isk-(D)*

Тип А (в D 1 а.п. + совр. 1 а.п.)

а) От акутированных основ неподвижной (1) акцентной парадигмы. 1. *kūniškas*, f. -a (1): *kūnas*, pl. -ai (1); 2. *výriškas*, f. -a (1): *výras*, pl. -ai (1); 3. *gėdiškas*, f. -a (1): *gėda*, gen. sg. -os (1); 4. *mōteriškas*, f. -a (1): *mōtė*, gen. sg. -eres (1); 5. *brōliškas*, f. -a (1): *brōlis*, pl. -iai (1); 6. *svietiškas*, f. -a (1/3 + 1): **svietas*, pl. -ai (1/4? + 1, ср. *šviētās* Tw. III, 54).

б) От циркумфлектированных и краткостных основ неподвижной (2 и 1) акцентной парадигмы. 1. *dvāsiškas*, f. -a (1): *dvasiā*, gen. sg. -ios (2); 2. *žėmiškas*, f. -a (1): *žėmė*, gen. sg. -ės (2); 3. *šėdiškas*, f. -a (1/3 + 1): *šėdas*, pl. -ai (2/4 + 2); 4. *pāgoniškas*, f. -a (1 + *pagōniškas*, 1): *pāgonis*, gen. pl. -ių (1/*pagōnis*, 1 + *pagōnis*, 1); 5. *karāliškas*, f. -a (1): *karālius*, pl. -iai (2).

Тип С (в D. 3 а.п./1 а.п. + совр. 1 а.п.)

а) От акутированных основ подвижной (3) акцентной парадигмы. 1. *sūniškas*, f. -ā. (3/1 + 1): *sūnis*, acc. sg. *sūnį* (3/1 + 3); 2. *žmōgiškas*, f. -ā (3 + *žmōgiškas*, 1): *žmōgūs*, acc. sg. *žmōgų* (3/1 + 4); 3. *āngeliškas*, f. -ā. (3 + 1): *āngelis*, pl. -ai (3); 4. *kriksšėiōniškas*, f. -ā (3/1 + 1): *kriksšėiōnis*, acc. sg. *kriksšėiōnį* (3/1 + 1).

б) От циркумфлектированных и краткостных основ подвижной (4 и 3) акцентной парадигмы. 1. *diėviškas*, f. -ā (3/1 + 1): *diėvas*, pl. -ai (4); 2. *kūniškas*, f. -ā (3 + 1): *kūniškas*, pl. -ai (3); 3. *meįgiškas*, f. -ā (3/1 + 1): *mergā*, gen. sg. -ōs (4); 4. *vaikiškas*, f. -ā (3 + 1): *vaikas*, pl. -ai (4/?2 + 4); 5. *vėliniškas*, f. -ā (3/1 + 1): *vėlinias*, pl. -iai (3); 6. *viėšpatiškas*, f. -ā (3 + 1): *viespatis*, gen. sg. -iės (3/1 + 1).

Таким образом, система порождения акцентных типов в этом словообразовательном типе, восстанавливаемая для пралитовского, может быть проиллюстрирована в следующей схеме (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

А.П. произво- дящих Форм произ- водных	Неподвижная		Подвижная	
	Акут	Циркум- флекс, краткость	Акут	Циркум- флекс, краткость
Sg. m.	<i>výriškas</i>	<i>dvāsiškas</i>	<i>sūniškas</i>	<i>diėviškas</i>
f.	<i>výriškā</i>	<i>dvāsiškā</i>	<i>sūniškā</i>	<i>diėviškā</i>
Pl. m.	<i>výriškiē</i>	<i>dvāsiškiē</i>	<i>sūniškiē</i>	<i>diėviškiē</i>
f.	<i>výriškās</i>	<i>dvāsiškās</i>	<i>sūniškās</i>	<i>diėviškās</i>

2. Суффикс *-in-*

Этот словообразовательный тип в литовском, в противоположность славянским, в значительной степени редуцирован и систему порождения акцентных типов прилагательных с суф. *-in-* приходится восстанавливать, опираясь на довольно фрагментарные данные.

Тип А (частично сохранен как 1 а.п., частично + 3 а.п.)

а) От акутированных основ неподвижной (1) акцентной парадигмы. 1. *āuksinas*, f. -a (1): *āuksas* (1); 2. *āmžinas*, f. -a (D. 1/3, Šl. 1 + 3): *āmžius* (1); 3. *mōlinas*, f. -a (D.: nom. pl. *mōlinos* 581₂₆, gen. pl. *mōlinų* 582₂₀; Куршат: *mōlinas*, -a, adv. *mōlinai*; 1 + 3): *mōlis* (1).

б) От циркумфлектированных и краткостных основ неподвижной (2) акцентной парадигмы. 1. *sidābrinas*, f. -a (D.: nom. pl. *sidābrinos* 581₂₅, gen. pl. *sidābrinų* 353₄₂, 561₅; 1 а.п.): *sidābrās* (2); 2. *vārinas*, -a (D.: nom. sg. *vārinas* 452₁₈, 454₄₁, 454₄₂, gen. sg. *vārinio* 452₃₇, acc. sg. *vāriną* 51₁₆, *vāriną* 454₂₆, 454₂₈; nom. pl. *vārinis* 581₂₅/gen. pl. *vārinų* 561₅₂; 1/3 + 28): *vārias* (2); 3. *puřvinās*, f. -a (D.: gen. sg. *puřvinos* 559₄₈; 1 + 3): ? **puřvas*, pl. **-ai* (*2 + 4, повсеместно?).

Тип С (3 а.п.; расширен в совр. языке)

а) От акутированных основы подвижной (3) акцентной парадигмы. 1. *plāukinas*, f. -ā (3): *plāukas*, pl. -ai (3).

б) От циркумфлектированных и краткостных основ подвижной (4) акцентной парадигмы. 1. *krūvinas*, f. -ā (D.: *krūvinām* 145₁₀; Куршат: *krūvinas*, -ā, adv. *krūvinaĩ*; 3): *krūvjas* (4); 2. *sniėginas*, f. -ā (3): *sniėgas* (4).

Система порождения акцентных типов прилагательных на *-in-* в пралитовском оказывается тождественной системе порождения акцентных типов предыдущего словообразовательного типа (см. табл. 3).

А.П. произ- водных Формы	Неподвижная		Подвижная	
	Акут	Циркум- флекс, краткость	Акут	Циркум- флекс, краткость
Sg. m.	<i>áuksinas</i>	<i>vàrinas</i>	<i>pláuķinas</i>	<i>krùvīnas</i>
f.	<i>áuksinā</i>	<i>vàrinā</i>	<i>plauķinā</i>	<i>kruvīnā</i>
Pl. m.	<i>áuksiniē</i>	<i>vàriniē</i>	<i>plauķinie</i>	<i>kruvīnie</i>
f.	<i>áuksinās</i>	<i>vàrinās</i>	<i>plauķinās</i>	<i>kruvīnās</i>

3. Суффикс -at(-is)

Тип А

а) От акутированных основ неподвижной (1) акцентной парадигмы. 1. *pīlnastis*, gen. sg. -ies (у D. loc. sg. *pīlnatiē* 180²⁹, так же в совр., 1 а.п.): *pīlnas*, -a (D.: 1/3 + 3)²⁹, лтш. *pīlns*, слав. **pīlnъ*.

б) От циркумфлектированных и краткостных основ неподвижной (2) акцентной парадигмы. 1. *āklatis*, -ies 'слепота' (диал. и D.: ном. sg. *āktatis* 420_n, *āklatis* 582₅₂, gen. sg. *nūgāktaties* 523₁₇, 1 а.п.): *āklas*, -ā (D. 2/4 + 4)

Тип С (расширен)

а) От акутированных основ подвижной (3) акцентной парадигмы. 1. *vienatis*, gen. sg. -iēs (3): *vīenas*, -ā (3), лтш. *viēns*.

б) От циркумфлектированных основ подвижной (4) акцентной парадигмы. 1. *sausatis*, gen. sg. -iēs (3): *saūsas*, -ā (4), слав. **sūxъ*.

Установление в этой группе имен наличия первичного акцентного типа А, связанного закономерностью выбора с первичными акцентными парадигмами производящих прилагательных (а.п. 1 и а.п. 2), почти механически приводит к реконструкции следующей первичной системы порождения акцентных типов (см. табл. 4):

Т а б л и ц а 4

А.П. произ- водных Формы	Неподвижная		Подвижная	
	Акут	Циркум- флекс, краткость	Акут	Циркум- флекс, краткость
Sg. nom.	<i>pīlnatis</i>	<i>āklatis</i>	<i>vienatis</i>	<i>sausatis</i>
gen.	<i>pīlnaties</i>	<i>āklaties</i>	<i>vienatiēs</i>	<i>sausatiēs</i>
acc.	<i>pīlnatī</i>	<i>āklatī</i>	<i>vīenatī</i>	<i>saūsatī</i>

4. Суффикс -ast(-is) (редкие изолированные формы)

Тип А

а) От акутированных основ неподвижной (1) акцентной парадигмы. 1. *pīlnastis*, gen. sg. -ies (1) Fr. 591: *pīlnas*, -a (1/3 + 3), лтш. *pīlns*, слав. **pīlnъ*; 2. *iļgastis*, gen. sg. -i s 'тоска' (1 а.п., Юшк., интонация под влиянием *iļgis?*): **iļgas*, f. -a (1 + 3), лтш. *iļgs*, слав. **dōlgo*; 3. *āmzinastis*, -ies 'вечность': *āmzinās*, -a (1 а.п. у D. и по диал. + 3 а.п.); 4. *lūgastis*, gen. sg. -ies (1): *lūgus* (1 а.п.).

Тип С

а) От акутированных основ подвижной (3) парадигмы. 1. *gyvastis*, gen. sg. -iēs (диал. 3 + 1): *gūvas*, -ā (3), лтш. *dzīvs*, слав. **zīvo*.

Система порождения акцентных типов, которую предполагают эти фрагменты словообразовательного типа, отличается от предшествующей лишь отсутствием в приведенном выше материале основ с краткостными и циркумфлектированными корнями (см. табл. 5).

Т а б л и ц а 5

А.п. произ- водных Формы	Неподвижная	Подвижная
Sg. nom.	<i>pīlnastis</i>	<i>gyvastis</i>
gen.	<i>pīlnasties</i>	<i>gyvatiēs</i>
acc.	<i>pīlnastī</i>	<i>gūvastī</i>

Случаи с краткостными и циркумфлектированными корнями, по-видимому, могут быть истолкованы, исходя из этой же схемы: 1. *bāžmastis*, gen. sg. -ies (1): *bāžmas* (2); 2. *rāmastis*, gen. sg. -ies (1): *rāmas* (2) или **rāmus* (2 + *ramūs* 4); 3. *biaūrastis* (1; Юшк. I 213): *biaūrus* (2; D. и Юшк. I 213), *biaurastis*, gen. sg. -iēs (3; Ds.), в соответствии с новым: *biaurus* (4); 4. *nerimastis*, gen. sg. -iēs (3; Куршат): *nērimas* (3; диал.); литер. *nērimes-tis*, gen. sg. -ies (1), в соответствии с новым и литературным *nērimas* (1).

5. Суффикс -ing(-D.)

Тип А (1 а.п. с ударением на корне + 1 а.п. с ударением на суффиксе)

а) От акутированных основ неподвижной (1) акцентной парадигмы. 1. *kūningas*, f. -a (1 + *kūningas*, 1): *kūnas*, pl. -ai (1); 2. *gēdingas*, f. -a (1 + *gēdingas*, 1): *gēda*, gen. sg. -os (1); 3. *mēilingas*, f. -a (1 + *mēilingas*, 1): *mēilē*, gen. sg. -ēs (1); 4. *smūrtingas*, f. -a (1 +

smurtīngas, 1): smūrtas (1); 5. malōningas, f. -a (1 + maloningas, 1); 6. pabāisingas, f. -a (1 + ?): pabāisa, gen. sg. -os (1).

б) От циркумфлектированных и краткостных основ неподвижной (1 и 2) акцентной парадигмы

б₁) Неодносложные основы с ударением на начальном гласном (1 а.п.). 1. ākmenīngas, f. -a (1 + akmenīngas, 1): ākmuo, gen. sg. -enes (1 + 3); 2. rūpestīngas, f. -a (1 + rupestīngas, 1): rūpestis, gen. sg. -ies (1); 3. veīkalingas, f. -a (1 + veikalīngas, 1): veīkalas (1/3 + 3); 4. reīkalingas, f. -a (1/reikalīngas, f. -a 3 + 1): reīkalas (1/3 + 3).

б₂) Односложные основы и многосложные основы с ударением на последнем слоге (а.п. 2). 1. lōbingas, f. -a (1)/lobīngas, f. -ā (3) (+ lobīngas, 1): lōbis (2); 2. vaisīngas, f. -ā (3 + 1): vaīsvius (2); 3. galīngas, f. -ā (3 + 1): galiā (2); 4. šiūdingas, f. -a (1 + ?): šiūdas (2); 5. stebūklingas, f. -a (1 + stebūklingas, 1): stebūklas (2).

Тип С

а) От акутированных основ подвижной (3) акцентной парадигмы. 1. nāudingas, f. -ā (3/1/naudingas, f. -ā 3 + 1): naudā, acc. sg. nāudā (3/1 + 3), лтш. nāuda.

б) От циркумфлектированных основ подвижной (3, 4), акцентной парадигмы.

б₁) Многосложные основы. 1. išmintīngas, -ā (3 + 1): išmintis, -iēs (3).

б₂) Односложные основы. 1. godīngas, -ā (3 + 1): godā, -ōs (4); 2. žalīngas, -ā (3/1 + 1): žalā, gen. sg. -ōs (4); 3. uolīngas, -a (1): uolā, gen. sg. -ōs (4).

Зафиксированное у Н. Даукши распределение может быть интерпретировано как результат аналогических выравниваний в системе выбора, отличающейся от первоначальной деформациями акцентных кривых по закону де Соссюра:

Т а б л и ц а 6

Вид производящей основы		А.п. производящих		Неподвижная		Подвижная	
		Акут	Циркумфлекс, краткость	Акут	Циркумфлекс, краткость		
До действия закона де Соссюра	Односложные основы	m.	kūnīngas	gālīngas	nāudingas	žalīngas	
		f.	kūnīngā	gālīngā	naudingā	žalingā	
	Двусложные основы	m.	-	ākmenīngas	-	išmintīngas	
		f.	-	ākmenīngā	-	išmintingā	

Т а б л и ц а 6 (окончание)

Вид производящей основы		А.п. производящих		Неподвижная		Подвижная	
		Акут	Циркумфлекс, краткость	Акут	Циркумфлекс, краткость		
После действия закона де Соссюра	Односложные основы	m.	kūnīngas	galīngas	nāudingas	žalīngas	
		f.	kūnīngā	galīngā	naudingā	žalingā	
	Двусложные основы	m.	-	ākmenīngas	-	išmintīngas	
		f.	-	ākmenīngā	-	išmintingā	

Дальнейший процесс выравнивания с победой типа galīngas, -a (у жемайтов, северных аукштайтов и в литературной норме) или типа žalīngas, -ā³ (у южных аукштайтов) и с почти полным устранением типов с ударением на корне создал современный категориальный акцент в этом словообразовательном типе⁴.

6. Конфикс pa:..(-ē) (Šl.)

Тип А

а) От акутированных имен неподвижной (1) акцентной парадигмы. 1. patiltė (1): tiltas (2), 2. paūksnė (1); ūksna (1); 3. pakrūtė (1): krūmas (1); 4. paplėntė (1): plėntas (1); 5. pakojė (1): kója (1); 6. pajaurė (1):

³ У Н. Даукши преобладает тип žalīngas, -ā, однако наличие вариантов типа galīngas, -a, не связанных уже с неподвижным акцентным типом производящего, говорит о том, что победа одного из конкурирующих вариантов еще не произошла, хотя в значительной степени предрешена.

⁴ В качестве примера современной диалектной системы выбора акцентных типов этих прилагательных, близкой к системе, зафиксированной у Н. Даукши, и являющейся результатом дальнейшего развития процессов, отмечаемых в последней, можно указать систему Тверечюс (167-168): I. От имен акутированной неподвижной (1) а.п.: 1. pīehinga f.: pīenas (1). II. От имен циркумфлектированной неподвижной (2) а.п.: 1. peršingā f.: paššas (2); 2. telingas, f. -ā: tēalū (gen. pl.; 2); 3. nesveikacīngas: sveikatā (2). III. От имен акутированной подвижной (3) а.п.: а) односложные основы - 1. gerīngas, f. -ā: éras (3); б) двусложные основы - 1. kāsulīngas: kosulys, acc. sg. kósulį (3). IV. От имен циркумфлектированной подвижной а.п.: а) односложные основы (а.п. 4) - 1. pakelīngas: kėlias (4); б) двусложные основы (а.п. 3) - 1. pīhīgīngas: pīnigas (3).

jáuras (1), *jáura* (1) 7. *paprūde* (1): *prūdas* (1); 8. *panóse* (1): *nósis* (1); 9. *pamiltés* (pl.) (1): *miltai* (1); 10. *paliepe* (1): *liepa* (1); 11. *palépe* (1): *lépa* (1); 12. *palóbé* (1): *lóbas* (1); 13. *paslėpsnė* (1): *slėpsna* (1); 14. *pagáirė* (1): *gáirė* (1); 15. *padūmė* (1): *dūmai*, *dūmas* (1); 16. *pašónė* (1): *šónas* (1); 17. *patvārslės* (pl.) (1): *tvārslas* (1); 18. *pagúrklė* (1): *gúrklis* (1); 19. *patárškė* (1): *márška* (1); 20. *pasóstė* (1): *sóstas* (1); 21. *paklėtė* (1): *klėtis* (1); 22. *patámšė* (1): *tám-sus* (1, также у D.) и вторичный вариант *tamsus*.

b.) От циркумфлектированных (долготных) имен неподвижной (2) акцентной парадигмы: 1. *pavařtė* (2): *vařtai* (2); 2. *paviřtė* (2): *vieta* (2); 3. *paraĩkė* (2): *ranka* (2); 4. *paslaĩ(s)tė* (2): *slaĩtas* (2); 5. *papiřstė* (2): *piřstas* (2); 6. *paraĩstė* (2): *raĩstas* (2); 7. *padruĩzlės* (pl.) (2): *druĩzlės* (2); 8. *paramỹnė* (2): *patynà*, *-mỹnos* (2); 9. *padaĩgtė* (2): *daĩgtis* (2); 10. *pakaruõklė* (2): *karuõklis* (2); 11. *pakr(i)aiřšė* (2): (D. *kriaũsius* 2 + S1. 4); 12. *pařvaĩstė* (2): *řvaĩstas* (2).

Тип А → тип С

b.) От краткостных имен неподвижной (2) акцентной парадигмы: 1. *paupė* (3): *upė* (2); 2. *pavasari* (2): *vasari* (2); 3. *pakerė* (3): *kėras* (2); 4. *parastė* (3): *rāstas* (2); 5. *pagirė* (3): *girià* (2); 6. *palapė* (3): *lāpas* (2); 7. *pamedė* (3): *mėdė* (2); 8. *paradė* (3): *pādas* (2).

Напрашивается аналогия с подобным же распределением в йотированном классе глаголов.

Тип С → тип А

a.) От акутированных имен подвижной (3) акцентной парадигмы. 1. *palángė* (1): *lāngas* (3), лтш. *luõgs*; 2. *pažándė* (1): *žāndas* (3), лтш. *ziõds*; 3. *pastóge* (1): *stógas* (3), лтш. *stāgs*; 4. *pasuólė* (1): *sūolas* (3), лтш. *suõls*; 5. *paklúonė* (1): *klúonas* (3); 6. *pakaĩnė* (2, метатоническая замена закономерного *pakálnė* (1, D. и диал.)): *kálnas* (3).

Этот переход, вызван, по-видимому, действием закона де Соссюра, повлекшим дальнейшие выравнивания. Этим объясняется, вероятно, и наличие в данной группе и форм 3 а.п.: 1. *pařirdė* (3): *řirdis* (3); 2. *pařelmenė* (3): *řelmiõ* (3); 3. *pařlauķė* (3): *lāuķas* (3, у Šl. опеч. 4). Последние примеры характерны тем, что у них имеются варианты на *-ys*. А у имен с конфликтом *pa-... (ys)* процесс аналогического выравнивания после действия закона Ф. де Соссюра происходил в противоположном направлении (см. ниже). Наличие парных вариантов, по-видимому, и обусловило это исключение в направлении указанного морфонологического процесса.

Тип С

b.) От циркумфлектированных основ подвижной акцентной парадигмы.

b₁) Односложные основы (а.п. 4). 1. *patuinė* (3): *tuĩnas* (4); 2. *pavarde* (3): *vařdas* (4); 3. *padaržė* (3): *dařžas* (4); 4. *palauķė* (3): *lauķas* (4); 5. *pakiemė* (3): *kiėmas* (4); 6. *pamergė* (3): *mergà* (4); 7. *papilvė* (3): *pilvas* (4); 8. *palomė* (3): *lomà* (4); 9. *padermė* (3): *dermė* (4); 10. *papietuvė* (3): *piėtūs* (pl., 4); 11. *paslėnė* (3): *slėnys* (4); 12. *pasparnė* (3): *sparnas* (4); 13. *pasvirnė* (3): *sviřnas* (4); 14. *pakampė* (D. 3; у Šl. ошибочно 4): *kampas* (4); 15. *pakraigė*, *pakraikė* (3): *kraĩgas*, *kraĩkas* (4)

b₂) Многосложные основы (а.п. 3). 1. *patvenkinė* (3): *tvenkinys*, *tveĩkinio* (3).

c.) От краткостных основ подвижной акцентной парадигмы.

c₁) Односложные основы (а.п. 4). 1. *pakaklė* (3): *kāklas* (4); 2. *pakelė* (3): *kėli*as (4); 3. *paragė* (3): *rāgas* (4); 4. *panagė* (3): *nagà* (4); 5. *panamė* (3): *nāmas* (4); 6. *pamiškė* (3): *miřkas* (4); 7. *padugnė* (3): *dūgnas* (4); 8. *padvarė* (3): *dvāras* (4); 9. *papušė* (3): *pušis* (4); 10. *pasekmė* (3): *sekmė* (4); 11. *parugė* (3): *rūgas* (4); 12. *pasmakrė* (3): *smākras* (4); 13. *pabarė* (3): *bāras* (4); 14. *pagalė* (3): *gālas* (4); 15. *pāgiris* (pl., 3): *girà* (4); 16. *pakapė* (3): *kāpas* (4); 17. *pasnapė* (3): *snāpas* (4); 18. *pastalė* (3): *stālas* (4); 19. *pařakė* (3): *řakà* (4); 20. *pařalė* (3): *řalis* (4); 21. *pařilė* (3): *řilas* (4); 22. *palasė* (3): *lāšas* (4); 23. *paledė* (3): *lėdas* (4).

c₂) Многосложные основы (а.п. 3). 1. *pavakarė* (3): *vākařas* (3); 2. *paķerė* (3): *ķķeras* (3); 3. *padebesė* (3): *debesis*, *debesys* (3).

Примечание: *pakraĩtė*, 2, по-видимому, свидетельствует о первоначальном **kraĩntas* 2 + 4 у Šl. И повсеместно? Литер. *pakrāntė*, 1, может быть, связано с формами *krānta*, *krāntis*, ср. лтш. *kraĩnts*.

Таким образом, если исключить из рассмотрения краткосложные основы, процесс генерализации в которых подвижного акцентного типа требует особого изучения на более широком фоне, возможно, совместно с аналогичным явлением в глаголе, то реконструкция первоначального правила порождения акцентных типов производных в данном словообразовательном типе и последующих его деформаций и перестройки может быть представлена в следующей схеме (см. табл. 7):

7. Конфликс *pa-...(-i/ys)* (Šl.)

Тип А

a.) От акутированных имен неподвижной (1) акцентной парадигмы. 1. *pavĩlnis* (1): *vĩlna* (1); 2. *paũolis* (1): *ũola* (1 и вар. 4); 3. *paĩksnis* (1): *ũksna*, *ũksnė* (1); 4. *parĩevis* (1): *pieva* (1); 5. *pasĩenis* (1): *siena* (1); 6. *paslėpsnis* (1): *slėpsna* (1); 7. *pakrósnis* (1): *krós-nis* (1); 8. *pakũdris* (1): *kũdra* (1); 9. *pakĩnkis* (1): *kĩnka* (1); 10. *pajuostis* (1): *jũosta* (1); 11. *pajũris* (1): *jũra*, *jũrė* (1); 12. *pajáuris* (1): *jáuras*, *jáura* (1); 13. *palóvis* (1): *lóva* (1); 14. *panósis* (1): *nósis*

А.п. производящих		Неподвижная		Подвижная	
		Акут	Циркумфлекс	Акут	Циркумфлекс
До действия закона де Соссюра.	Sg. nom.	<i>patíltē</i>	<i>paviētē</i>	<i>palangē</i>	<i>palaukē</i>
	acc.	<i>patíltē</i>	<i>paviētē</i>	<i>pàlāngē</i>	<i>pàlaukē</i>
	instr.	<i>patíltē</i>	<i>paviētē</i>	<i>pàlāngē</i>	<i>pàlaukē</i>
После действия закона де Соссюра	Sg. nom.	<i>patíltē</i>	<i>paviētē</i>	<i>palangē</i>	<i>palaukē</i>
	acc.	<i>patíltē</i>	<i>paviētē</i>	<u><i>palángē</i></u>	<i>pàlaukē</i>
	instr.	<i>patíltē</i>	<u><i>pavietē</i></u>	<u><i>palángē</i></u>	<i>pàlaukē</i>
После морфологических процессов выравнивания	Sg. nom.	<i>patíltē</i>	<i>paviētē</i>	<u><i>palángē</i></u>	<i>palaukē</i>
	acc.	<i>patíltē</i>	<i>paviētē</i>	<u><i>palángē</i></u>	<i>pàlaukē</i>
	instr.	<i>patíltē</i>	<u><i>pavietē</i></u>	<u><i>palángē</i></u>	<i>pàlaukē</i>

(1); 15. *paódis* (1): *óda* (1); 16. *palépis* (1): *lépa* (1); 17. *palépis* (1): *lépa* (1); 18. *papélkis* (1): *pélkē* (1); 19. *pasáulis* (1): *sáulē* (1); 20. *pakójai* (1, pl.): *kóju* (1); 21. *pakálpiai* (1, pl.): *kálpai* (1); 22. *pagúrklis* (1): *gúrklis* (1).

а₂) От краткостных многосложных имен неподвижной а.п. с ударением на первом слоге (1 а.п.). *pavāsaris* (1): *vāzara* (1).

б) От циркумфлектированных (долготных) имен неподвижной (2) акцентной парадигмы. 1. *paviētis* (2): *vietā* (2); 2. *paraŃstis* (2): *raŃstis* (2); 3. *pakarūóklis* (2): *karióklis* (2); 4. *pakeleīvis* (2): *keleīvis* (2); 5. *pagāikšlis* (2): *gāikšté* (1, Fr. 128. Вариант с метатонией?).

Тип А → тип С

б₂) От краткостных имен неподвижной (2) акцентной парадигмы. 1. *pažemšs* (3): *žēme* (2); 2. *paupšs* (3): *upē*, *upis* (2); 3. *pasmuklšs* (3): *smūklē* (2); 4. *pagatvšs* (3): *gātvē* (2); 5. *paēššs* (3): *ešā* (2), *ešē* (3); 6. *pagiršs*

(3): *giriā* (2); 7. *pabalšs* (3): *balā* (2); 8. *paamaršs* (3): *mārēs* (2, pl.); 9. *palubšs* (3): *lūbos*, *-bu* и *-bū* (2 и 4); 10. *paóuknšs* (3): *óuknos* (в литер. 2, у Šl. а.п. не указана).

Тип С

а) От акутированных имен подвижной (3) акцентной парадигмы. Переход в тип А в этой группе производных не наблюдается: действует тенденция к восстановлению первичного вида акцентной кривой, деформированной законом де Соссюра. 1. *paúodegšs* (3): *uodegā* (3); 2. *pavandenšs* (3): *vanduó* (3); 3. *pagalvšs* (3): *galvā* (3); 4. *pažmonšs* (3): *žmónēs*, *-nišs* (3, pl.); 5. *patrobšs* (3): *trobā* (3); 6. *paširdšs* (3): *širdis* (3); 7. *pašēlmenšs* (3): *šēlmuó* (3); 8. *palauššs* (3): *lāušas* (3, у Šl. ошибочно 4); 9. *pagerklšs*, gen. sg. *pagérklis* (3, с сохранением деформации акцентной кривой по закону де Соссюра): *gerklē*, acc. sg. *gérklē* (3). Относительно рефлексов закона де Соссюра в этой группе имен ср. литер. *pagálvis* (1), где выравнивание в сторону ликвидации подвижности.

б) От циркумфлектированных основ подвижной акцентной парадигмы.

б₁) Односложные основы (а.п. 4). 1. *pažiemšs* (3): *žiemā* (4); 2. *patvoršs* (3): *tvorā* (4); 3. *patuinšs* (3): *tuīnas* (4); 4. *paausšs* (3): *ausis* (4); 5. *pažymšs* (3): *žymē* (4); 6. *pavyzdšs* (3): *vyz(d)šs* (4); 7. *pašlaunšs* (3): *šlaunis* (4); 8. *pagrindšs* (3): *grindā* (4); 9. *pamerģšs* (3): *merģā* (4); 10. *pastotšs* (3): *stotis* (4).

б₂) Многосложные основы (а.п. 3). 1. *pavaldinšs* (3): *valdīnšs* (3); 2. *pažymīnšs* (3): *žymīnšs* (3).

с) От краткосложных основ подвижной акцентной парадигмы.

с₁) Односложные основы (а.п. 4). 1. *paakšs* (3): *akis* (4); 2. *papilšs* (3): *pīšis* (4); 3. *paplutšs* (3): *plutā* (4); 4. *palazdšiaš* (3, pl.): *lazdā* (4); 5. *pašakšs* (3): *šakā* (4) или *šākē* (2); 6. *pašalšs* (3): *šālis* (4); 7. *pašaknšs* (3): *šaknis* (4).

с₂) Многосложные основы (а.п. 3). 1. *pavakaršs* (3): *vākařas* (3); 2. *paražastšs* (3): *pažastis* (3); 3. *padebesšs* (3): *debesis* (3); 4. *palikinšs* (3): *likinšs* (3).

Примечание. Вторично *pagrebēstšs* (3) в связи с переходом производящего из а.п. 2 в а.п. 4: *grebēstas*, pl. *grebēstaš*, ср. литер. *grebēstas*, 2.

Так же как и в предыдущем типе исключив из рассмотрения краткосложные основы, мы можем представить следующим образом первоначальную систему выбора акцентных типов и основные последующие процессы в ней (см. табл. 8). Простого сопоставления последней таблицы с предыдущей, по-видимому, вполне достаточно, чтобы прояснить причину иного направления процесса выравнивания, чем в предшествующем словообразовательном типе.

Таблица 8

А.п. производящих		Неподвижная		Подвижная	
		Акут	Циркумфлекс	Акут	Циркумфлекс
До действия конец Сосюра	Sg. nom.	<i>pavílnis</i>	<i>paviētis</i>	<i>pagalvūs</i>	<i>pažiemūs</i>
	acc.	<i>pavílnī</i>	<i>paviētī</i>	<i>pāgālvī</i>	<i>pāžiemī</i>
	instr.	<i>pavílnjuō</i>	<i>paviētjuō</i>	<i>pāgālvjuō</i>	<i>pāžiemjuō</i>
После действия конец Сосюра	Sg. nom.	<i>pavílnis</i>	<i>paviētis</i>	<i>pagalvūs</i>	<i>pažiemūs</i>
	acc.	<i>pavílnī</i>	<i>paviētī</i>	<u><i>pagālvī</i></u>	<i>pāžiemī</i>
	instr.	<i>pavílnjuō</i>	<u><i>pavietjuō</i></u>	<u><i>pagālvjuō</i></u>	<i>pāžiemjuō</i>
После морфологических процессов выравнивания	Sg. nom.	<i>pavílnis</i>	<i>paviētis</i>	<i>pagalvūs</i>	<i>pažiemūs</i>
	acc.	<i>pavílnī</i>	<i>paviētī</i>	<i>pāgalvī</i>	<i>pāžiemī</i>
	instr.	<i>pavílniu</i>	<u><i>pavieđiu</i></u>	<i>pāgalviu</i>	<i>pāžiemiu</i>

II. Суффиксы II класса

1. Суффикс *-iskj-* (D.)

Тип А (в большинстве случаев + тип В)

а) От акутированных основ неподвижной (1) акцентной парадигмы. 1. *téviskē* (1): *tévas* (1); 2. *móteriskē* (1/ *moteriskē*, 2 + *moteriskē*, 2): *mótē* (1); 3. *výriskis* (DP: *vīriškių* 562₂₈, *vīriške* | *mus* 562₃₀₋₃₁; 1 + *vyriskis*, 2): *výras*, pl. *-ai* (1)

Тип В

а) От акутированных имен подвижной (3) акцентной парадигмы. 1. *berniškē* (2): *bérnas*, pl. *-ai* (3).

О том, что подобное различие выбора существовало и у производных от имен 2 и 4 а.п., свидетельствуют диалектные данные, ср. *dvāriškis* (Юшк. II, 548, sub v. *isitēmētyti*, 1 а.п.): *dvāras*, pl. *-ai* (D.: 2 + 4); 2. *galīškis* (Юшк. II, 406; 2 а.п.): *gālas*, pl. *-ai* (D.: 4 + совр. 4).

Очевидно, что первоначальное правило выбора акцентных типов должно быть реконструировано таким образом (см. табл. 9):

Таблица 9

А.п. производящих	Неподвижная		Подвижная	
	Акут	Циркумфлекс, краткость	Акут	Циркумфлекс, краткость
Sg. m.	<i>výriskis</i>	<i>dvāriškis</i>	<i>berniškis</i>	<i>galīškis</i>
f.	<i>výriskē</i>	<i>dvāriškē</i>	<i>berniškē</i>	<i>galīškē</i>
Pl. m.	<i>výriskiai</i>	<i>dvāriškiai</i>	<i>berniškiai</i>	<i>galīškiai</i>
f.	<i>výriskės</i>	<i>dvāriškės</i>	<i>berniškės</i>	<i>galīškės</i>

2. Суффикс *-inj-* (Tv.)

Тип А

а) От акутированных имен неподвижной (1) акцентной парадигмы. 1. *dūoniņis* (1): *dūona* (1); 2. *dūmiņē* (1): *dūmai* (1); 3. *glīnziņis* (1): *glīnda* (1); 4. *ģirniņis* (1): *ģirnās* pl. (1); 5. *kāliņis* (1): *kālis* (1); 6. *kārvīnis* (1): *kārvē* (1); 7. *kāuliņis* (1): *kāulas* (1); 8. *kūģiņis* (1): *kūģis* (1); 9. *māliņis* (1): *mālis* (1); 10. *lēpiņis* (1): *lēpa* (1); 11. *mīļciņis* (1 + *miltinis*, 2): *mīlte^a* (1); 12. *plūksniņis* (1): *plūksna* (1); 13. *sūriņis* (1): *sūris* (1); 14. *šieņis* (1): *šiena* (1); 15. *šāniņis* (1): *šānas* (1); 16. *ūņciņis* (1): *ūņcis* (1).

б) От циркумфлектированных и краткостных основ неподвижной (1, 2) акцентной парадигмы. 1. *pākuliņis* (1 + *pakulīnis*, 2): *pākulās* (pl., 1); 2. *pāšukiņis* (1 + *pašukīnis*, 2): *pāšukās* (pl., 1); 3. *ruņķiņē* (1): *ruņķā* (2); 4. *rūbiņis* (1): *rūbas* (2); 5. *šlīņšciņis* (1): *šlīņšciēs* (2); 6. *ūišciņis* (1): *ūišta* (2).

Тип В

а) От акутированных имен подвижной (3) акцентной парадигмы. 1. *arkliņis* (2): *arklīs* (3); 2. *berziņis* (2): *bē^arzas* (3); 3. *grēbtīnei* (2): *grēbtīs* (3); 4. *ūžuolīnis* (2): *ūžuolas* (3); 5. *krēslīnis* (2): *krēslas* (3).

б) От циркумфлектированных и краткостных имен подвижной (3, 4) акцентной парадигмы. 1. *apačiņis* (2): *apačā* (3); 2. *atāuzīnis* (2): *ataude^aī* (Pl., 3); 3. *avižiņis* (2): *āvīžās* (pl., 3); 4. *darziņis* (2): *daržas* (4); 5. *dvarīnis* (2): *dvāras* (4); 6. *ziēniņis* (2): *ziēnā* (4); 7. *žubiņīnei* (2): [*dvyniāī* (4)]; 8. *galīnis* (2): *gālas* (4); 9. *kaciļiņis* (2): *kācīlas* (3); 10. *karkliņis* (2): *kaŗklas* (4); 11. *kāriņis* (2): *kārīs* (4); 12. *kļēviņis* (2): *kļē^avas* (4); 13. *krāščiņis* (2): *krāstas* (4); 14. *kumpīnis* (2): *kuņpas* (4); 15. *lāukīnis* (2): *lāukas* (4); 16. *liņiņis* (2): *liņē^aī* (pl., 4); 17. *mīliņis* (2): *mī^alas* (4); 18. *peleņiņis* (2): *pelene^aī* (pl., 3); 19. *ruģīnis* (2): *ruģēī* (4); 20. *rīšiņis* (2): *rīšīs* (4); 21. *smalīris* (2): *smalā* (4); 22. *sparniņis* (2): *sparņas* (4); 23. *sāikliņis* (2): *sāiklas* (4); 24. *šakniņis* (2): *šakniēs* (4); 25. *šāuzīnis* (2): *šāude^aī* (4); 26. *šerīnis* (2):

šilvīt (pl., 4); 27. šilvītis (2): šilvas (4); 28. šilķī-
nis (2): šilķas (4); 29. vīralītis (2): vīralas (3).

Парадигматический выбор в этом словообразовательном типе нарушается рядом исключений, семантическое объединение которых довольно хорошо показывает, как данная система разрушается: 1. *alkšņītis* (2) 'ольховый': *alkš-
nis* (2) 'ольха'; 2. *grīķītis* (2) 'гречневый': *grīķei*
(pl., 2) 'гречка'; 3. *vuosītis* (2) 'ясеневый': *vuosīs*
(1) 'ясень'; 4. *puķītis* (2) 'бобовый': *pūpās* (pl. 2)
'бобы'; 5. *mieķītis* (2) 'ячменный': *mieķei* (pl., 2)
'ячмень'; 6. *meķītis* (2) 'деревянный': *mēķas* (2) 'де-
рево' и, возможно, 7. *šmilgītis* (2): *šmilgā* (2?, литер.
šmilga, 1 'полевица'). Если учитывать, что лишь одно
прилагательное, образованное от названий растений, *le-
pītis*, имеет тип А, и еще восемь прилагательных имеют
закономерный тип В, то можно считать, что в системе гово-
ра прилагательные от имен, обозначающих растения (из ко-
торых сделано, состоит что-л.), акцентируются по типу В,
независимо от а.п. производящего (исключение *lepītis*).
Дальнейшее расширение типа В наблюдается в литературном
языке.

Первичная система порождения акцентных типов та же,
что и в предыдущем словообразовательном типе (см. табл. 10).

Т а б л и ц а 10

А.п.про- изво- дя щих	Неподвижная		Подвижная	
	Акут	Циркум- флекс, краткость	Акут	Циркум- флекс, краткость
Sg. m.	<i>dūminis</i>	<i>vīštīnis</i>	<i>beržinis</i>	<i>daržinis</i>
f.	<i>dūminē</i>	<i>vīštīnē</i>	<i>beržīnē</i>	<i>daržīnē</i>
Pl. m.	<i>dūminiai</i>	<i>vīštīnīai</i>	<i>beržīnīai</i>	<i>daržīnīai</i>
f.	<i>dūminēs</i>	<i>vīštīnēs</i>	<i>beržīnēs</i>	<i>daržīnēs</i>

3. Суффикс -um(-as) (D.)

Тип А

а) От акутированных прилагательных неподвижной (1)
акцентной парадигмы. 1. *alkaņumas* (1 + *alkaņumas* 2):
alkaņas f. -a (1/3 + 3); 2. *amžinumas* (1/*amžinumas*,
2 + 2): *amžinaš*, f. -a (1/3 + 3); 3. *brāņgumas* (1 + *bran-
gumas*, 2): *brāņgus*, f. -i (1/3 + 3); 4. *dārgumas* (1/*dar-
gumas*, 2 + 2): *dārgus*, f. -i (1/3 + 4); 5. *dōsnumas*
(1 + *dōsnumas*, 2): *dōsnus*, f. -i (1/3 или 4 + 4); 6. *gāu-
sumas* (1 + *gausumas*, 2): *gāusus*, f. -i (1 + 4); 7. *grū-
numas* (1/*grūņumas*, 2 + 2): *grūņas*, f. -a (1/3 или 4 + 3);
8. *ižūlumas* (1 + *ižūlumās*, 2): *ižūlas*, f. -a (1 + 4);
9. *kārtumas* (1/*kartumas*, 2 + 2): *kārtus*, f. -i (1/3 или
4 + 4); 10. *kūniškumas* (1 + ?): *kūniškas*, f. -a (см. вы-
ше тип с суф. -iškās); 11. *lūgumas* (1 + *lygumas*, 2): *lū-
gus*, f. -i (1/3 или 4 + 3); 12. *mēilumas* (1/*meilumas*,
2 + 2): *mēilus*, f. -i (1 + 4); 13. *mēilingumas* (1 + *mei-*

lingumas, 2): *mēilingas*, f. -a (1); 14. *patōgumas* (1/*pa-
togumas*, 2 + 2): *patōgus*, f. -i (1 + 4); 15. *pīlnumas*
(1/*pīlnumas*, 2 + 2): *pīlnas*, -a (1/3 + 3), лтш. *pīlns*,
слав. **pōlnъ*; 16. *priešumas* (1 + ?): *priešus*, -i (1 + ?); 17. *rūs-
tumas* (1 + *rūstumas*, 2): *rūstus*, f. -i (1 + 3); 18. *skāistumas*
(1/*skaistumas*, 2 + 2): *skāistus*, -as; f. -i, -a (1 + 4);
19. *tāmsumas* (1/*tamsumas*, 2 + 2): *tāmsus*, f. -i (1/3 или
4 + 4); 20. *tēvainumas* (1 + ?): *tēvainis* (1 + ?); 21.
tōbulumas/tobulumas (1/*tobulumas*, 2 + 2): *tōbūlas*, f. -a
(1/3 + 3); 22. *tūlumās* (1 + ?): *tūlas*, f. -a (1/3 + 3);
23. *vālnumas* (1/*valnumas*, 2 + ?): *vālnas*, f. -a (1/3
или 4 + ?); 24. *vēikumas* (1 + *veikumas*, 2): *vēikus*, f.
-i (1 + 3/1).

б) От циркумфлектированных и краткостных прилагатель-
ных неподвижной (2) акцентной парадигмы: 1. *āklumas* (1/
aklumas, 2 + 2): *āklas*, -ā (2/4 + 4); 2. *bjaūrumas* (1/
bjaurumas, 2 + 2): *biaūrus*, f. -ī (2/4 + 4); 3. *būdrumas*
(1 + *budrumas*, 2): *būdrus*, f. -ī (2/4 + 4); 4. *būklumas*
(1/*buklumas*, 2 + 2): *būklus*, f. -ī (2/4 + 4); 5. *čūstu-
mas* (1/*čustumas*, 2): *čūstas*, -ā (2/4); 6. *daīlumās* (1 +
dailumas, 2): *daīlus*, -ī (2 + 4); 7. *drāšumas* (1 + *dra-
šumas*, 2): *drāšus*, -ī (2 + 4); 8. *graūdumas* (1/*graudumas*,
2): *graūdus*, -ī (2/4 + 4); 9. *greitumas* (1 + *greitumas*,
2): **greītas* (2, по adv. *greītai*, + 4); 10. *kaņtrumas*
(1/*kantrumas* 2 + 2): *kaņtrus*, f. -ī (2/4 + 4); 11. *lāpu-
mas* (1/*lapumas*, 2): *lāpus*, f. -ī (2 + ?); 12. *leņģumas*
(1 + *lengvumas*, 2): **leņģvas* (2, по adv. *leņģvai*, /4 + 4);
13. *meļkumas* (1/*menkumas*, 2 + 2): *meļkas*, f. -ā (2 + 4);
14. *nōbažnumas* (1): *nōbažnas*, f. -a (1); 15. *paklūsnumas*
(1/*paklusnumas*, 2 + 2): *paklūsnius*, f. -i (2 + 4); 16. *pa-
vōjumas* (1/*pavojumas*, 2 + 3): *pavōjus* (2/4 + 4); 17. *pūt-
lumas* (1/*putlumas*, 2 + ?): *pūtlus*, f. -ī (2 + 4); 18.
smāķkumas (1/*smarkumas*, 2 + 2): *smāķkus*, f. -ī (2 + 4);
19. *staīgumas* (1 + *staigumas*, 2): *staīgus*, f. -ī (2 + 4);
20. *suņkumas* (1/*sunkumas*, 2 + 2): *suņkus*, f. -ī (2/4 +
4); 21. *šveļnumas* (1 + ?): *šveļnus*, f. -ī (2/4 + 4);
22. *šviēsumas* (1/*šviesumas*, 2 + 2): *šviēsus*, f. -ī (2/4 +
4); 23. *tiēsumas* (1/*tiesumas*, 2 + 2): *tiēsus*, -ī (2/4 +
4); 24. *truņpumas* (1/*trumpumas*, 2): *truņpas*, f. -ā
(2/4 + 4); 25. *vaļgumas* (1/*vargumas*, 2): *vaļgus*, f. -ī
(2/4 + 4).

Тип В (как единственный зафиксированный представлен
лишь в производных от прилагательных, зафиксированных
у D. только в подвижной акцентной парадигме. Приводятся
самые надежные случаи)

1. *aštrumas* (2): *āštras* (4); 2. *gerumas* (2): *gēras*
(4); 3. *gilumas* (2): *gilūs* (4); 4. *gražumas* (2): *gražūs*
(4); 5. *mažumas* (2): *māžas* (4); 6. *nuogumas* (2): *nuogas*,
f. -ā (3), лтш. *niōgs*, слав. **nāgъ*; 7. *paklaidumas* (2):
paklaidūs (3); 8. *piģumas* (2): *piģūs* (4); 9. *platumas*
(2): *platūs* (4); 10. *pranarumas* (2): *pranarūs* (4); 11.
saldumas (2): *saldūs* (3), лтш. *salds*, слав. **sōldъ*.

Таким образом, в этой группе существительных правило
порождения акцентных типов производных было аналогичным

установленному выше для прилагательных на *-isk(is)* и *-in(is)*. При этом, как и в двух предшествующих случаях, закон де Соссюра, меняя акцентную кривую имен с ударением на суффиксе, существенным образом не влиял на само правило выбора (см. табл. 11).

Т а б л и ц а 11

А.п. производящих		Неподвижная		Подвижная	
		Акут	Циркум-флекс, краткость	Акут	Циркум-флекс, краткость
До действия закона де Соссюра	Sg. nom.	<i>brángumas</i>	<i>àklumas</i>	<i>nuogùmas</i>	<i>gerùmas</i>
	gen.	<i>brángumā</i>	<i>àklumā</i>	<i>nuogùmā</i>	<i>gerùmā</i>
	acc.	<i>brángumā</i>	<i>àklumā</i>	<i>nuogùmā</i>	<i>gerùmā</i>
	instr.	<i>brángumû</i>	<i>àklumû</i>	<i>nuogùmû</i>	<i>gerùmû</i>
После действия закона де Соссюра	Sg. nom.	<i>brángumas</i>	<i>àklumas</i>	<i>nuogùmas</i>	<i>gerùmas</i>
	gen.	<i>brángumā</i>	<i>àklumā</i>	<i>nuogùmā</i>	<i>gerùmā</i>
	acc.	<i>brángumā</i>	<i>àklumā</i>	<i>nuogùmā</i>	<i>gerùmā</i>
	instr.	<i>brángumû</i>	<i>àklumû</i>	<i>nuogumû</i>	<i>gerumû</i>

Падение же этого правила произошло из-за коренной ломки, которую претерпела система акцентных парадигм прилагательных, разрушившей саму основу правила порождения.

4. Суффикс *-at(a)* (D.)

Тип А (сохранялся в виде варианта у D.)

Образован от прилагательных неподвижной (1 и 2) акцентной парадигмы: 1. *svéikata* (1/*sveikatā*, 2 + 2): *svéikas*, *-a* (1/*sveikas*, *-ā*, 4); 2. *dyštata* (1/*dyštātā*, 2): *dyštas*, *-ā* (2/4). Несмотря на заимствованный характер последнего слова, акцентовка производного явно подчиняется литовским закономерностям.

Тип В (зафиксирован как единственный у D. лишь в слове, образованном от акутированной основы с подвижным акцентом)

1. *gyvatā*, gen. sg. *-ātos* (2): *gyvas*, *-ā* (3), лтш. *dzīvs*, слав. **živъ*.

Так как в системе, в которой сохранились следы противопоставления акцентных типов в этой группе имен, они зафиксированы лишь у имен с акутированным корнем, то непосредственно правило выбора устанавливается лишь для последних (см. табл. 12):

Т а б л и ц а 12

А.п. производящих		Неподвижная		Подвижная	
		Акут	Циркум-флекс, краткость	Акут	Циркум-флекс, краткость
До действия закона де Соссюра	Sg. nom.	<i>svéikatā</i>		<i>gyvātā</i>	
	gen.	<i>svéikatās</i>		<i>gyvātās</i>	
	acc.	<i>svéikatā</i>		<i>gyvātā</i>	
	instr.	<i>svéikatā</i>		<i>gyvātā</i>	
После действия закона де Соссюра	Sg. nom.	<i>svéikatā</i>		<i>gyvatā</i>	
	gen.	<i>svéikatās</i>		<i>gyvatās</i>	
	acc.	<i>svéikatā</i>		<i>gyvatā</i>	
	instr.	<i>svéikatā</i>		<i>gyvatā</i>	

Однако наличие в системе этих имен у D. акцентного типа с накоренным циркумфлексным ударением и согласование вариантов акцентных типов с вариантными а.п. производящих (как и в предыдущем словообразовательном типе) делают экстраполяцию данного правила на циркумфлексные и краткостные основы (на том же уровне, что и для акутовых основ) достаточно надежной⁵.

5. Суффикс *-yst(-ė)* (D.)

Тип А

а) От акутированных имен неподвижной (1) акцентной парадигмы: 1. *brólýstė* (1 + *brólýstė*, 2): *brólis* (1); 2. *moterýstė* (1 + *moterýstė*, 2); 3. *pópiežystė* (1): *pópiežius* (1); 4. *byskupystė* (1): *býskupas* (1); 5. *jáunýstė* (1 + *jaunýstė*, 2): *jáunas*, f. *-a* (вар. 1 а.п. у D.:

⁵ По-видимому, следует отличать экстраполяцию правила порождения, предлагаемую в данном случае, равно как в случае основ на *-astis* (см. выше), от экстраполяции правила порождения на краткостные основы в случаях образования с конфиксами *pa-...-ė* и *pa-...ys/is*.

gen. sg. f. *iáunos* 568²⁰, вопреки лтш. *jaûns*); 6. *mielaširdystē* (1/*mielaširdystē*, 2 + 2): *mielaširdus*, f. -i (1/*mielaširdus*, 3); 7. *bērnystē* (1): в соответствии с *bērnas*, pl. -ai (1 у D./3 + 3).

б) От циркумфлектированных имен неподвижной (1, 2) акцентной парадигмы: 1. *apāstalystē* (1): *apāstalas* (1); 2. *karālystē* (1 + *karalystē*, 2): *karālius* (2); 3. *nōbažnystē* (1): *nōbažnas* (1 а.п. у D.); 4. *beñdrystē* (1/*bendrystē*, 2 + 2): *beñdras* (2, D.: adv. *bēdrai* 321³³, ср. *beñdrumas*, 1 у D., наряду с *bendrumas*, что говорит и о вар. 4 а.п.).

Тип В

а) От акутированных имен подвижной (3) акцентной парадигмы: 1. *vienystē* (2): *vienas*, f. -ā (3), лтш. *viēns*; 2. *veruystē* (2): *vėrgas*, pl. -ai (3).

б) От циркумфлектированных и краткостных имен подвижной (3, 4) акцентной парадигмы: 1. *kunigystē* (2): *kūnigys*, pl. -ai (3); 2. *pranašystē* (2): *pranašas*, pl. -ai (3); 3. *ubagystē* (2): *ubagas*, pl. -ai (3); 4. *viešpatystē* (2): *viešpatis*, -tiēs (3 + *viešpats*, -ties, 1); 5. *dievystē* (2): *diēvas*, pl. -ai (4); 6. *draugystē* (2): *draugas*, pl. -ai (4); 7. *mergystē* (2): *mergā*, gen. sg. -īs (4); 8. *našlīystē* (2): *našlīys*, *našlē* (4); 9. *vagystē* (2): *vagis*, gen. sg. -iēs (4).

Реконструкция системы порождения акцентных типов этих имен может быть представлена следующим образом (см. табл. 13).

Т а б л и ц а 13

А.п. производящих		Неподвижная		Подвижная	
		Акут	Циркумфлекс, краткость	Акут	Циркумфлекс, краткость
До действия закона де Соссюра	Sg. nom.	<i>brālīystē</i>	<i>beñdrīystē</i>	<i>vienīystē</i>	<i>draugīystē</i>
	gen.	<i>brālīystēs</i>	<i>beñdrīystēs</i>	<i>vienīystēs</i>	<i>draugīystēs</i>
	acc.	<i>brālīystē</i>	<i>beñdrīystē</i>	<i>vienīystē</i>	<i>draugīystē</i>
	instr.	<i>brālīystē</i>	<i>beñdrīystē</i>	<i>vienīystē</i>	<i>draugīystē</i>
После действия закона де Соссюра	Sg. nom.	<i>brālīystē</i>	<i>beñdrīystē</i>	<i>vienīystē</i>	<i>draugīystē</i>
	gen.	<i>brālīystēs</i>	<i>beñdrīystēs</i>	<i>vienīystēs</i>	<i>draugīystēs</i>
	acc.	<i>brālīystē</i>	<i>beñdrīystē</i>	<i>vienīystē</i>	<i>draugīystē</i>
	instr.	<i>brālīystē</i>	<i>beñdrīystē</i>	<i>vienīystē</i>	<i>draugīystē</i>

6. Суффикс *-inyk(-as)* (D.; система выбора акцентных типов в этом словообразовательном типе в основном сохранилась)

Тип А

а) От акутированных имен неподвижной (1) акцентной парадигмы. 1. *duksīnykas* (1): *duksas* (1); 2. *prīešīnykas* (1): *prīešas* (1); 3. *tārpīnykas* (1): *tārpas* (1).

б) От циркумфлектированных и краткостных имен неподвижной (2) акцентной парадигмы. 1. *beñdrīnykas* (1): *beñdras* (2, subst., следы 2 а.п. adj. приведены выше); 2. *mētīnykas* (1): *mētas*, pl. -ai (2); 3. *šīmtīnykas* (1): *šīmtas* (2, вар., см. Иллич-Свитыч 51); 4. *triūbīnykas* (1): *triūbā*, gen. sg. -ōs (2); 5. *vañādīnykas* (1): *vañadis* (2); 6. *viētīnykas* (1): *vieta*, gen. sg. -ōs (2); 7. *žvaīzdīnykas* (1): *žvaīzdē* (2/*žvaizdē*, 4, о первичности 2 а.п. см. Иллич-Свитыч 106).

Тип В

а) От акутированных имен подвижной (3) акцентной парадигмы. 1. *darbīnykas* (2): *dārbas*, pl. -ai (3); 2. *šarvīnykas* (2): *šarvas*, pl. -ai (3); 3. *teisīnykas* (2 + *tēsinīnkas*, 1), у D., вероятно, образовано от подвижного варианта прилагательного *teisus* (3 или 4).

б) От циркумфлектированных и краткостных имен подвижной (4 и 3) акцентной парадигмы. 1. *barnīnykas* (2): *barņis*, -iēs (4); 2. *bursīnykas* (2/*būrsīnykas*, 1): *bursā*, -ōs (4/?); 3. *dalinīnykas* (2): *dalīs*, -iēs (4); 4. *daržīnykas* (2): *daržas*, pl. -ai (4); 5. *dešimtīnykas* (2): *dešimtis*, -iēs (3); 6. *kiemīnykas* (2): *kiēmas*, pl. -ai (4); 7. *samdīnykas* (2): *samdā*, -ōs (4); 8. *skolīnykas* (2): *skolā*, gen. sg. -ōs (4); 9. *smarkīnykas* (2): *smarkā* (4); 10. *žolīnykas* (2): *žolē*, gen. sg. -ēš (4); 11. *žuvinīnykas* (2): *žuvis*, gen. sg. -iēs (4).

Один из наиболее ясных случаев парадигматического выбора акцента является в то же время наиболее информативным. Суф. *-inyk-* II класса может рассматриваться как состоящий из двух суффиксов: суф. I кл. *-in-* + суф. II кл. *-yk-*. В этом, собственно, заключен ответ на вопрос, почему в образованиях от имен подвижной а.п. ударение падает не на первый, а на второй слог суффикса (см. табл. 14), деталь, имеющая существенное значение для всех последующих рассуждений.

7. Суффикс *-yb(-ē)* (D.)

Тип А

а) От акутированных имен неподвижной (1) акцентной парадигмы. 1. *rūstybē* (1/*rūstīybē*, 1 + *-īybē*, 1): *rūstus* (1/*mob.* + 3); 2. *tāmsybē* (1/*tamsīybē* + *-īybē*, 1): *tāmsus* (1/*mob.* + 4); 3. *vālnybē* (1/*valnīybē*, 1): *vālnas* (1/*mob.*); 4. *vienybē* (1/*vienīybē*, 1 + *-īybē*, 1): *vienas*, f. -a (1 - т.е. от вторичного неподвижного варианта, см. Иллич-Свитыч 72-73); 5. *vīresnybē* (1/*vyresnīybē*, 1 + *-īybē*, 1): *vīresnis* (1/*vyrēsnis*, 2 и 4).

А.п. произ- водящих		Неподвижная		Подвижная	
		Акут	Циркум- флекс, краткость	Акут	Циркум- флекс, краткость
До действия закона де Соссюра	Sg. nom.	áuksinȳkas	viētīnȳkas	darbinȳkas	daržīnȳkas
	gen.	áuksinȳkā	viētīnȳkā	darbinȳkā	daržīnȳkā
	acc.	áuksinȳkā	viētīnȳkā	darbinȳkā	daržīnȳkā
	instr.	áuksinȳkūo	viētīnȳkūo	darbinȳkūo	daržīnȳkūo
После действия закона де Соссюра	Sg. nom.	áuksinȳkas	viētīnȳkas	darbinȳkas	daržīnȳkas
	gen.	áuksinȳkā	viētīnȳkā	darbinȳkā	daržīnȳkā
	acc.	áuksinȳkā	viētīnȳkā	darbinȳkā	daržīnȳkā
	instr.	áuksinȳkūo	viētīnȳkūo	<u>darbinȳkūo</u>	<u>daržīnȳkūo</u>

б) От циркумфлектированных основ неподвижной (2) акцентной парадигмы (NB: отсутствие деформации акцентного типа по закону де Соссюра, при акутированности суф. -yb- в образованиях от слов подвижной а.п.). 1. *bjaũrybē* (1/*bjaũrybē* + -ybē, 1): *bjaũrus* (2/4 + 4); 2. *drāsybē* (1 + *drāsybē*, 1): *drāsus* (2 + 4); 3. *kañtrybē* (1 + *kant-rybē*, 1): *kañtrus* (2/4 + 4); 4. *suñkybē* (1/*sunkybē*, 1 + -ybē, 1): *suñkus* (2 + 4); 5. *šviēsybē* (1/*šviesybē*, 1 + -ybē, 1): *šviēsus* (2/4 + 4).

Тип В

а) От акутированных имен подвижной (3) акцентной парадигмы. 1. *augštȳbē* (1): *augštas* (3). Имеется единственный вариант: *augštībese* 409¹⁰; 2. *girtȳbē* (1): *girtas* (3, вар. *imob.*, вероятно, вторичен); 3. *jaunȳbē* (1): *jaunas* (3/1 + 3); 4. *sargȳbē* (1): *sargas* (3); 5. *pirmȳbē* (1): *pirmas* (1/3, форма образована по подвижному варианту).

б) От циркумфлектированных и краткостных имен подвижной (3, 4) акцентной парадигмы. 1. *artimȳbē* (1): *ařtimas* (3); 2. *gerȳbē* (1): *ģeras* (4). 3. *linksmȳbē* (1): *liņk-smas* (4, D.: *adv. linksmāļ*); 4. *piktȳbē* (1): *piktas* (4, подавляющее число примеров при одном 2 а.п.); 5. *silpnȳbē* (1): *silpnas* (4); 6. *šventȳbē* (1): *šveņtas* (4, большинство примеров, но встречается вар. а.п. 2); 7. *teisybē* (1): *teisus* (2/4), образовано по варианту 4 а.п. (или отражение действия закона де Соссюра?).

Особенностью этого образования является неясность интонационного статуса суф. -yb-. В диалекте Куршата этот

суффикс выступает с акутом в образованиях на -yb-a, тогда как в образованиях на -yb-ē он имеет циркумфлекс. У Даукши под ударением в этом суффиксе следует предполагать акут, но образования от имен неподвижной а.п. показывают отсутствие следов передвижения ударения по закону де Соссюра, что за неимением других объяснений заставляет предполагать циркумфлектированность суффикса.

По-видимому, наиболее вероятным в настоящее время будет предполагать первоначально циркумфлексовую интонацию суффикса, возникшую в результате метатонии в йотированных образованиях на -yb-ē из акута, который сохранился в образованиях на -yb-a. Эта интонация и отразилась в отсутствии передвижения ударения на суффикс по закону де Соссюра. Позднее же в диалекте Даукши и подобных циркумфлекс суффикса в ударных позициях был устранен и был восстановлен акут под влиянием образований на -yb-a. В этом случае первоначальная система выбора акцентных парадигм и ее дальнейшая история могут быть схематически изображены следующим образом (см. табл. 15).

Т а б л и ц а 15

А.п.производя- щих		Неподвижная		Подвижная	
		Акут	Циркум- флекс, краткость	Акут	Циркум- флекс, краткость
До действия закона де Соссюра	Sg. nom.	támsȳbē	biaũrȳbē	augštȳbē	gerȳbē
	gen.	támsȳbēs	biaũrȳbēs	augštȳbēs	gerȳbēs
	acc.	támsȳbē	biaũrȳbē	augštȳbē	gerȳbē
	instr.	támsȳbē	biaũrȳbē	augštȳbē	gerȳbē
После дей- ствия за- кона де Со- ссюра	Sg. nom.	támsȳbē	biaũrȳbē	augštȳbē	gerȳbē
	gen.	támsȳbēs	biaũrȳbēs	augštȳbēs	gerȳbēs
	acc.	támsȳbē	biaũrȳbē	augštȳbē	gerȳbē
	instr.	támsȳbē	biaũrȳbē	<u>augštȳbē</u>	<u>gerȳbē</u>
После вос- становления акута суф- фикса	Sg. nom.	támsȳbē	biaũrybē	augštȳbē	gerȳbē
	gen.	támsȳbēs	biaũrybēs	augštȳbēs	gerȳbēs
	acc.	támsȳbē	biaũrybē	augštȳbē	gerȳbē
	instr.	támsȳbe	biaũrybe	augštȳbe	gerȳbe

Тип А

а) От акутированных имен неподвижной (1) акцентной парадигмы: 1. *míltuotas* (1 → *míltuotas*, 1): *míltai* (1, pl.); 2. *pienuotas* (1 → *pienuotas*, 1): *pienas* (1); 3. *šviestuotas* (1 → *šviestuotas*, 1); 4. *šūduotas* (1): *šūdas* (1); 5. *māluotas* (1 → *mōliuotas*, 1): *mōlis* (1); 6. *dūonuotas* (1 → *duonuotas*, 1): *dūona* (1); 7. *plūksnuotas* (1 → *plunksnōtas*, 1): *plūksna* (1); 8. *sūožuotas* (1 → *suodžiūotas*, 1): *sūodys* (1, pl.); 9. *vėjuotas* (1 → *vėjuotas*, 1): *vėjas* (1).

Тип А → тип В (по закону де Соссюра)

б) От циркумфлектированных и краткостных имен неподвижной (2) акцентной парадигмы. 1. *dumblūotas* (1): *dumblas* (2); 2. *raštūotas* (1): *rāštas* (1); 3. *bašvīniūotas* (1): *bašvīnei* (2, pl.); 4. *spāliūotas* (1): *spāliai* (2, pl.); 5. *aguoniūotas* (1): *aguona* (2).

Тип В

а) От акутированных основ подвижной (3) акцентной парадигмы. 1. *plāukiūotās* (1): *plāukas*, pl. *-aĩ* (3); 2. *tāukiūotas* (1): *taukaĩ* (3).

б) От циркумфлектированных и краткостных основ подвижной (3, 4) акцентной парадигмы. 1. *mūžaliūotas* (1): *mužalaĩ* (3, pl.); 2. *račiūotas* (1): *rāgas* (4); 3. *rāupūotas* (1): *rāupas* (4); 4. *kračiūotas* (1): *kračjas* (4); 5. *snargliūotas* (1): *snarglĩs* (4); 6. *šerūotas* (1): *šeriaĩ* (4, pl.); 7. *virēniūotas* (1): *virēĩ* (4, pl., + *viris*, 2); 8. *medūotas* (1): *medūs* (4).

Первичная система выбора и ее деформация, обусловленная действием закона де Соссюра, показаны в табл. 16.

Рассмотренный материал, по-видимому, достаточно наглядно показывает, как широко был представлен парадигматический принцип выбора акцента производными в пралитовском и сколь интенсивны были процессы, приведшие к замене этого принципа у большинства словообразовательных типов категориальным принципом организации акцентировки. Естественно думать, что и у словообразовательных типов, здесь не рассмотренных, происходила подобная же замена.

Так как парадигматический принцип организации акцента фрагментарно представлен также в литовском глаголе и отглагольном словообразовании (см. работы Ф. де Соссюра, Я. Эндзелина и К. Буги), то следует принять, что этот принцип проводился через всю систему языка, подобно тому как это восстанавливается для праславянского⁶.

⁶ См.: Диббо В.А. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. 1. Балто-славянский прототип славянской акцентной системы. - В кн.: Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980; Он же. Акцентология и словообразование в славянском. - Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации. М., 1968.

А.п. производящих		Неподвижная		Подвижная	
		Акут	Циркумфлекс, краткость	Акут	Циркумфлекс, краткость
До действия закона де Соссюра	Sg. m.	<i>míltuotas</i>	<i>duĩbluotas</i>	<i>taukiotas</i>	<i>kračiūotas</i>
	f.	<i>míltuotā</i>	<i>duĩbluotā</i>	<i>taukiotā</i>	<i>kračiūotā</i>
	Pl. m.	<i>míltuotĩe</i>	<i>duĩbluotĩe</i>	<i>taukiotĩe</i>	<i>kračiūotĩe</i>
	f.	<i>míltuotās</i>	<i>duĩbluotās</i>	<i>taukiotās</i>	<i>kračiūotās</i>
После действия закона де Соссюра	Sg. m.	<i>míltuotas</i>	<i>dumblūotas</i>	<i>taukiotas</i>	<i>kračiūotas</i>
	f.	<i>míltuotā</i>	<i>dumblūotā</i>	<i>taukiotā</i>	<i>kračiūotā</i>
	Pl. m.	<i>míltuotĩe</i>	<i>dumblūotĩe</i>	<i>taukiotĩe</i>	<i>kračiūotĩe</i>
	f.	<i>míltuotās</i>	<i>dumblūotās</i>	<i>taukiotās</i>	<i>kračiūotās</i>

А.А. ЗАЛИЗНЯК

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ И ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ

§ 1. Из типологии известно, что в языках, где вообще имеются придаточные предложения, вводимые союзными словами, союзные слова (иначе говоря, относительные местоимения и наречия) могут по-разному соотноситься с вопросительными и указательными местоимениями (и местоименными наречиями) того же языка. В частности, во многих языках мира относительная и вопросительная функции выполняются одним и тем же рядом слов; ср., например, рус. *кто, что, который, куда, как* и т.д., лат. *qui, quis, qualis, quot, ubi* и т.д. Реже встречается совмещение относительной и указательной функции (как в англ. *that*, нем. *der*)¹.

В тех языках, где относительный ряд не совпадает ни с вопросительным, ни с указательным, относительные слова лишь весьма редко имеют самостоятельную производную основу. В подавляющем большинстве случаев они имеют сле-

¹ См.: Зализняк А.А., Падучева Е.В. К типологии относительного предложения. - В кн.: Семиотика и информатика, вып. 6. М., 1975, с. 98.

дующую структуру: соответствующее вопросительное (или, реже, указательное) слово + дополнительная морфема, которую можно назвать "релятивизатором". Например, в словенском слова относительного ряда: *kdor* 'кто, который', *kar* 'что', *kolikor* 'сколько', *kjer* 'где', *kadar* 'когда', *kakor* 'как' и т.д. - отличаются от слов вопросительного ряда (*kdo*, *kaj*, *koliko*, *kje*, *kada*, *kako*) наличием релятивизатора -*r*.

Очень часто в роли релятивизатора выступает морфема, имеющая в прочих случаях указательное или противительное значение. Так, например, во франц. *lequel*, итал. *il quale* роль релятивизатора играет определенный артикль; ср. также венгерские относительные *aki* 'кто, который', *ami* 'что', *ahol* 'где', *amikor* 'когда', *ahogyan* 'как' и т.д. и вопросительные *ki*, *mi*, *hol*, *mikor*, *hogyan* (а - определенный артикль). Противительная частица в роли релятивизатора представлена, например, в старослав. *иже*, *егоже* (в соединении с указательным словом), в верхнелужицк. *štož* 'кто, который', *štož* 'что', *kotryž* 'который', *kajkiž* 'какой', *šejiž* 'чей', *kelkož* 'сколько', *hdyž* 'где', *hdyž* 'когда' и т.д. (в соединении с вопросительным словом).

В некоторых случаях относительное слово получается присоединением дополнительной морфемы к слову, которое и без того имеет (или имело) относительное значение. Таковы, например, др.-перс. *hya* 'который' (вытеснившее прежнее простое **ya*), гомеровское *ὅσπερ* 'который' (сосуществующее с простым *ὅς*), старослав. *егдаже*, *еликоже* и др. (сосуществующие с *егда*, *елико*). Роль таких "усилителей значения относительности" исполняется теми же категориями морфем, что и роль чистых релятивизаторов (так, др.-перс. *h-* имело указательное значение, греч. *-τε* - присоединительное, старослав. *же* - противительное).

§ 2. Из общих описаний древнерусского языка можно заключить, что язык древнерусских нецерковных памятников (которому церковнославянские *иже*, *еликоже*, *егдаже* и т.д. были в основном чужды) типологически не отличался в рассматриваемом отношении от современного русского, а именно, вопросительная и относительная функции выполнялись здесь одним и тем же рядом слов: *кто*, *что*, *который*, *колько*, *куда*, *где*, *како* и т.д. Так, в соответствии с этими описаниями при препозиции придаточного предложения типа *кто во русь гостить*, *тѣмъ было любо*, при постпозиции - типа *тѣмъ было любо, кто во русь гостить*.

Однако, как показывает наблюдение над древнерусскими грамматами и другими нецерковными текстами, описанная картина верна лишь отчасти - в основном для предложений с препозитивным придаточным. Для постпозитивных придаточных отчетливо прослеживается типологически иная система, а именно: в относительной функции здесь выступают не просто местоимения или местоименные наречия вопросительного ряда (*кто*, *что*, *како* и т.д.), а эти же местоимения или наречия с частицей, которая служит релятивизатором. Эта частица непосредственно следует за местоиме-

нием (наречием); таким образом, прочность связи между местоимением и частицей здесь примерно такая же, как, скажем, в современных *кто-нибудь*, *какой-либо* и т.п. В роли релятивизатора могут выступать две частицы: *же* и *то*. Соответственно, имеются две основные модели: а) модель *кто же*, например, *тѣмъ было любо, кто же во русь гостить*; б) модель *кто то*, например, *тѣмъ было любо, кто то во русь гостить*. Легко видеть, что обе они имеют прямые типологические параллели (см. § 1). Помимо основных, имеются также некоторые второстепенные модели (в частности, модель *иже то*, в которой вместо *кто* выступает *иже*).

Вероятно, модели *кто же* и *кто то* первоначально не были семантически тождественны. Так, в частности, *же* в некоторых контекстах обнаруживает специфический обобщающий оттенок (типа лат. *-cumque*, см. § 4). Однако в большинстве случаев в письменную эпоху эти модели выступают уже как практически равнозначные. Характерно то, что они сравнительно редко сосуществуют в рамках одного памятника. Такое сосуществование обнаруживается в основном в Русской Правде (отчасти также в летописных записях о событиях X-XII вв.). В XIII-XIV вв. распределение этих моделей в значительной мере приобретает диалектный характер: *же* на юго-западе, *то* в первую очередь в новгородских, смоленских и московских памятниках (но в небольшой степени также и на юго-западе).

Конструкция с релятивизатором в принципе обслуживает придаточные относительные, но не косвенный вопрос (типа *повѣжь, кто во русь гостить*). Поскольку, однако, граница между этими двумя видами придаточных не всегда четка, данная конструкция изредка может встретиться также и в косвенном вопросе.

Как уже указано, в древнерусском основной сферой применения моделей с релятивизатором являются постпозитивные придаточные. Однако это ограничение не абсолютно: сочетание с релятивизатором (особенно *те*, которые имеют обстоятельный характер, например *коли то*, *како то*) могут встретиться и в препозитивном придаточном. В большей степени, чем другие модели, способностью к препозитивному употреблению обладает модель *иже то*.

Необходимо подчеркнуть, что в древнерусском употреблении релятивизаторов (даже в постпозитивном придаточном) никогда не было полностью обязательным: даже в памятниках, где наиболее ярко отразилась система с релятивизаторами, имеются также примеры, где относительное местоимение просто совпадает с вопросительным (см. ниже, в § 3, об аналогичной ситуации в ряде других славянских языков).

Кроме того, фактическая картина, наблюдаемая в древнерусских памятниках, в том числе и нецерковных, всегда несколько сложнее изложенной схемы за счет того, что в них с большей или меньшей частотой встречаются также относительные слова церковнославянского типа: *иже*, *еже*, *якоже*, *егдаже* и т.д. Следует отметить, что по крайней мере одна словоформа из этой группы, а именно *еже*, не была чужеродным телом в нецерковных русских текстах

(где она часто имеет звуковой облик *же*), особенно в роли союза.

На протяжении письменной истории восточнославянских языков роль моделей с релятивизатором постепенно уменьшается; *же* и *то* в составе относительной конструкции употребляются все реже и со временем полностью исчезают. Этот процесс непосредственно прослеживается по памятникам. В великорусской зоне модель *кто то* угасает уже к XV в.; в украинско-белорусской зоне модель *кто же* удерживается (вероятно, не без польского влияния) не меньше чем до конца XVI в.

З а м е ч а н и е. В современном белорусском языке относительные слова иногда могут сопровождаться частицей *гэта*, например: *чалавек, каторы гэта быў у нас; вечарам, як гэта я прыехала; даўно-даўно, як гэта нас яшчэ не было на свеце*. Сходство с древней моделью *кто то* здесь очевидно; но вопрос о том, является ли это сходство просто типологическим (ср. § 1) или основано на наследовании старой модели с заменой частицы, требует дополнительного исследования.

3. Как модель *кто же*, так и модель *кто то* хорошо известны в славянских языках и за пределами восточнославянской области. Не претендуя на полный обзор инославянских данных, отметим лишь основные факты.

Модель *кто же* широко представлена в западнославянских языках, особенно в старых памятниках (тогда как в современную эпоху ее сфера уже заметно сужена). Так, эта модель является нормой для относительных слов в верхнелужицком (см. примеры в § 1) и нижнелужицком языках, хотя в той же роли здесь в принципе могут выступать также и местоимения (наречия) без *-ž*. В современном чешском языке относительные *kterýž, kdož, což, kdež, kudyž* и т.д. представляют собой книжные или устаревшие варианты к более обычным *který, kdo, co* и т.д. (в относительной функции). В современных словацком и польском языках сочетания типа *кто же* в относительной функции уже не употребляются (а выступают лишь как свободные сочетания вопросительного местоимения или наречия с частицей *že, ž* в ее обычном противительном или усилительном значении). Между тем, в частности, в старопольском языке относительные слова с *-ž* (*któryž, ktož, což, kiedyž, skądże* и т.д.) представлены еще весьма обильно. Застывшими осколками старой системы являются в современных языках такие союзы, как чешск. *když* 'когда, если', польск. *gdyż* 'так как' (тогда как значение 'когда, если' закрепилось здесь за вариантом без *ž* - *gdy*), словацк. *keďže* 'так как' (ср. *keď* 'когда, если').

В южнославянской области к сочетаниям с *же* исторически восходят словенские относительные слова с *-r* (*kdor* и т.д., см. § 1).

Модель *кто то* в развитом виде представлена в болгарском: в относительной функции здесь выступают *който* 'кто, который', *какъвто* 'какой', *колкото* 'сколько', *когато* 'когда', *гдето* 'где' (также 'который, что'), *къде-*

то 'куда', *както* 'как' и т.д.; не имеет *то* только *що* 'который' (*щото* существует лишь как союз со значением 'чтобы, так что'); в роли относительного местоимения *щото* употребляется только в говорах). Заметим, что в болгарском относительные слова с *то* могут выступать как в постпозитивном, так и в препозитивном придаточном (ср., например, *какъвто гостът, такъв и млинът* 'какой гость, такой и пирог').

В польском языке представлены *który to* 'каковой' (например, *otrzymałem list od redaktora, który to list...* 'получил письмо от редактора, каковое письмо...'), *kiedy to* 'когда', 'именно тогда, когда', также книжные *dokąd to* 'куда', *skąd to* 'откуда'; кроме того, неизменяемое *co to* (разговорное) 'который' (точнее, 'такой что', поскольку антецедент в этом случае отражается в придаточном предложении анафорическим местоимением, например, *biała rajczyna co to ja ludzie* <<*babim latem*>> *nazywają* 'белая паутинка, которую люди называют "бабым летом"').

В западнославянских языках отмечена также модель *кто же то* (с двумя частицами одновременно): чеш. *kteřýžto* 'который' (книжн.), *kdežto* 'тогда как, однако', словц. *kdežto* 'тогда как' (устар.), старопольск. *któryž to* 'который' и др.

Приведенные факты явно показывают, что как модель *кто же*, так и модель *кто то* имеет праславянские истоки. При этом в большинстве славянских языков историческая эволюция этих моделей направлена в ту же сторону, что в восточнославянском, т.е. они постепенно уступают место системе без релятивизаторов. Таким образом, древнерусские конструкции типа *кто же* и типа *кто то* должны рассматриваться как архаизмы и можно предполагать, что в дописьменный период их было больше, чем даже в древнейших памятниках.

К сожалению, существование в древнерусском союзных слов типа *кто же* и в особенности типа *кто то*, несмотря на прямой параллелизм с другими славянскими языками, не привлекло достаточного внимания исследователей. Староукраинские сочетания типа *кто же* (*кто жь*) по крайней мере отмечены как особые единства в словоуказателе к изданию В. Розова (Розов) (заметим, что в словоуказателе к Гр. XIV это сделано уже весьма непоследовательно, а в ССМ не сделано вовсе). Что же касается древнерусских сочетаний типа *кто то*, то они как в словарях, так и в общих работах по древнерусскому синтаксису явно или неявно трактуются как свободные сочетания местоимения или наречия с частицей, где каждый член самостоятельно реализует свои собственные значения². Фактически же это означает, что данные сочетания не анализируются сколько-нибудь глубоко ни в синтаксическом описании, ни в словаре (а нередко попросту выпадают из поля зрения исследователя).

В словаре И.И. Срезневского в статье "*то* - указательная частица" (III, '968) собрано пять примеров с релятиви-

² Иную точку зрения выразил Л.А. Булаховский - правда, лишь в замечании по частному вопросу (см. ниже, § 7).

затвором *то*; однако их интерпретация неточна: *то* расценивается как указательная (а не релятивизирующая) частица и переводится русским "то" (что в действительности в приводимых примерах переводом служить не может). К сожалению, нам неизвестен никакой более поздний словарь или словоуказатель, который был бы в этом пункте полнее или точнее словаря И.И. Срезневского.

Между тем выявление истинной синтаксической функции древнерусских единиц типа *кто то* и типа *кто же* необходимо не только для изучения генетических и типологических связей древнерусского языка с другими языками в области синтаксиса, но и просто для правильного понимания ряда мест в древнерусских текстах (ср., в частности, разбираемый в § 7 вопрос о сочетании *которую то* в "Слове о полку Игореве").

§ 4. Ниже приводится материал. При этом основное внимание уделено конструкциям с релятивизатором *то*, поскольку они наименее изучены. Конструкции с *же* рассмотрены более бегло (в особенности в том, что касается староукраинского).

Типологически естественный путь развития многих союзных слов - превращение их в союзы; в частности, союзное слово со значением 'которое', 'что' легко превращается в подчинительный союз 'что'. В приводимый ниже материал включены примеры как с союзными словами, так и с возникшими на их основе союзами.

Запись примеров несколько упрощена: в частности, *ѧ* и *ѡ* передаются как *я*; *є*, *ю*, *ѣ* - как *е*; *Ѹ* - как *у*; кириллические цифры заменены арабскими. Пунктуация (разделительные точки) дается только в цитатах, взятых из оригинала или из изданий, сохраняющих пунктуацию оригинала (при этом, однако, точки не воспроизводятся в тех памятниках, где они ставятся практически после каждого слова).

Основные источники цитируются по следующим изданиям: Русская Правда - Пр.Р.; Повесть временных лет, Суздальская летопись и сочинения Владимира Мономаха ("Поучение детям" и "Письмо к Олегу Святославичу") - Лавр.; Киевская летопись - Ипат.; I Новгородская летопись - Новг.; смоленские грамоты - Смол. гр.; новгородские пергаменные грамоты - Гр. Новг. и Пск.; новгородские берестяные грамоты - Берест. гр. 1958, 1963 и 1978. В прочих случаях источник указывается в тексте.

Модель *кто же*

Рассматривая сочетания вопросительных слов с *же*, следует различать по меньшей мере три случая.

Во-первых, возможно свободное сочетание вопросительного или относительного слова с частицей *же* в ее обычном (противительном, присоединительном или усилительном) значении, например: *кто же из васъ речеть...?*; *што же село старуня то шадил отецъ некринь пустыню 'что же касается села Старуня, то...'* (Гр. XIV, № 29).

Во-вторых, частица *же* может придавать сочетанию обобщающее значение (т.е. соответствовать латинскому *-cuique*,

русскому *би ни*, *угодно*). Примеры: *и боле же чтите гость . шкхду же к ва^м придетъ 'более же всего чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришел'* ("Поучение" Владимира Мономаха, л. 80 об.); *не вси въ шдинь шбра^ж. но кми же своимъ лицъ шбразомъ 'не все имеют единый облик, но каждый свой'* (там же, л. 79 об.). В этом своем значении частица *же* может выступать как в составе относительного придаточного (как в первом примере, ср. рус. *би ни*), так и в независимом предложении (как во втором примере, ср. рус. *угодно*).

В-третьих, сочетание с *же* может иметь собственно относительное значение (без дополнительных оттенков), как в примере *иввести емоу послужити любо митника передъ кимъ же коупивше* (см. ниже).

Однако границы между этими случаями не всегда четки. Например, фразу (из "Поучения" Владимира Мономаха, л. 80 об.) *куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ . не дайте пакости дѣяти . штрокомъ можно понимать и как "если же вы куда-нибудь ходите..."* (с противительным *же*) и как *"куда бы вы ни ходили..."* (с обобщающим *же*). Фразу *чинимъ свѣдокомъ своимъ листомъ всякому доброму кто хв на сеи листъ посмотритъ* (см. ниже) можно понимать как *"доводим до сведения всякого, кто бы ни посмотрел..."* и просто *"... всякого, кто посмотрит"*. Последний пример показывает, сколь незначительным может оказаться (в некоторых контекстах) различие между обобщающим и чисто относительным значением *же*.

З а м е ч а н и е. Архаический структурный аналог к обобщающе-относительному *кто же* составляет *кто нь* 'кто бы ни' (где вместо *же* выступает другая частица, но тоже с исходным противительным значением), например: *по погостомъ и по свободамъ гдѣ нь соуть хр^стяне* (Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных).

Ниже приводится материал по сочетаниям типа *кто же*, имеющим собственно относительное значение (или достаточно близкое к нему). Такое значение, по-видимому, возможно только в постпозитивных придаточных.

Русская Правда: *иввести емоу послужити любо митника передъ кимъ же коупивше* 'он должен представить свидетелей или сборщика пошлин, при которых он купил' (статья 39, список Новгородской кормчей 1282 г.; так же в Мериле Праведном XIV в. и в части остальных списков; но в ряде списков *же* уже нет); *то вирьвою платити въ чьей же вьрви голова лежитъ 'пеню за убийство должны платить те, в чьей верви лежит убитый'* (статья 3, список Новгородской кормчей; так же в Мериле Праведном и в большинстве прочих списков; в Археографическом II списке XV в. находим *то вьрвьною платити в кшторой же вьрви голова лежитъ*); *аже погоубять слѣбъ на гостинци на велицѣ а села не боудеть или на поуште коѣ же не боудеть ни села ни люди...* (статья 77, список Новгородской кормчей; так же в Мериле Праведном и в части остальных списков; но в ряде списков *же* уже нет).

Из Повести временных лет по Лаврентьевскому списку: сбдѣе кии на горѣ гдѣ же нине оувозъ боричевъ . а цекъ сбдѣе на горѣ . гдѣ же нине зовется щековица (л. 4; в других списках вместо гдѣ же стоит либо гдѣ, либо иде же). Из Суздальской летописи (по тому же списку): иде по ни^и и [вместо и въ] луку моря гдѣ же не ходили ни дѣди наши (под 1186 г., л. 134 об.).

Из I Новгородской летописи: ... громъ би^с . по заут^тнии [= по заутрѣни] . и вси слышаша . и по то^м къгда зми видѣша лѣтящъ . то^м же днѣ иде кнѣзь мѣстиславъ ... на чюдъ (под 1214 г.).

Конструкция с же неоднократно встречается в Киевской летописи по Ипатьевскому списку. Примеры: и не оугодися емоу время таково . како^{го} же искашетъ (под 1185 г., л. 226 об.); поскочиша же и ти половци силы половцькии коториѣ же . далеке рѣки стояхоуть (под 1185 г., л. 223 об.); и с моужи тѣми котории же его . ввели бяхоуть в галичь (под 1188 г., л. 229 об.); а помочь ми пусти како же ми еси самъ реклъ (под 1150 г., л. 148 об.); толико можетъ такъ . оучинити братъ роженни . или снѣ ш^т цю како же ти нама еси оучинилъ (под 1151 г., л. 152 об.). Ср. также пример, где же имеет обобщающий оттенок: раздая ... всѣи своѣи братъи . кто же бяшетъ с нимъ билъ (под 1144 г., л. 117).

Особенно много примеров конструкции с же представлено в староукраинском. Так, в издании Гр. XIV их насчитывается несколько десятков; ограничимся лишь немногими из них: чинимъ свѣдоучо своимъ листомъ всякому доброму кто жь на сеи листъ посмотритъ (грамота № 24, 1375 г.; см. об этом примере выше); далъ есмь служб своему иванови дворище занъво матѣичича што жь слушаетъ перемискоѣ волости '... дворище З.М., которое принадлежит к Перемышльской волости' (№ 12, после 1349 г.); пописали есми вшитко што же есми выбрали (№ 38, конец XIV в.); за тыхъ што жь будутъ дома (№ 65, 1395 г.); и инимъ всѣмъ што жь оу полоцку полоцьяномъ (№ 77, 1399 г.); толко солжу как жо на сеи грамотѣ написано 'если солгу против того, как в этой грамотѣ написано' (№ 39, 1387 г.). Широко представлено также што же в роли подчинительного союза, например: а для того промѣнили есмо селищу што жь намъ не споручь (№ 11, 1347 г.); цѣлуева крѣсть што жь нама все то исправити (№ 34, около 1386 г.).

Сюда же примыкает пример из грамоты смоленского князя Юрия Святославича, составленной в 1386 г. в Вильне: та^к есмь оу докончаньи . оу правдѣ . и оу хр^{ст}тнмъ целованьи ка^к же есмь нялся и докончалъ съ братомъ съ его 'я так состою в договоре... как обязался и договорился...' (Смол. гр.).

Конструкции с же (жь) встречаются в староукраинском также в XV и в XVI вв., например: тая села держати... ка^к же на се^м листу выписано напреде (Розов, № 69, 1433 г.); и его ближни^м кто^ж будетъ ближнии его (Розов, № 82, 1446 г.; кто жь имеет здесь обобщающий оттенок); с тими волостми и сели . котори жь к нимъ прислушаютъ (Розов, № 68, 1433 г.); противу сторонамъ тѣмъ ис которими жь

вонъ нѣшто имѣл чинити (Розов, № 72, 1435 г.); вси мерзачки ... котори жь есмо ... оучинили (ССМ, т. I, с. 505, 1499 г.). Ср. еще в днѣ оу котори^ж если призо-
ве^м тя в старобелорусской псалтири XVI в. (Карский, с. 470). Относительно конструкций с жь то см. § 5, конец.

Следует отметить, что в ряде ранних нецерковных памятников, прежде всего в Русской Правде, частица же может участвовать в построении относительных предложений не только в составе конструкции типа тѣ..., кто же..., но и в составе "инвертированной" конструкции типа кто..., тѣ же... (где тѣ же означает просто "тот", а не "тот же самый"!)). Примеры из Русской Правды (по Новгородской кормчей): но комоу мати дастъ томоу же взяти (статья 103); а матери котори^ж снѣ боудеть добръ томоу же дастъ свое (ст. 106); нѣ что еи далъ моужь с тѣмъ же еи сбдѣти (ст. 102); како боудеть ся рядиль на томъ же стоить (ст. 110). Таким образом, же выступает в подобных памятниках как некоторый всеобщий показатель относительности, обеспечивающий сцепление двух частей сложного предложения; этот показатель присоединяется к тому члену относительной конструкции, который стоит во второй части сложного предложения.

Модель кто то

§ 5. Модель кто то выступает, как правило, в пост-
позитивных придаточных. В препозитивных придаточных встретились только коли то и какъ то (т.е. слова с обстоятельственным значением); эти примеры ниже отмечены особо.

Следует заметить, что в части приводимого ниже материала, вообще говоря, можно пытаться интерпретировать то не как релятивизатор, а как указательное местоимение; например, фразы како любо тѣмъ чѣѣ то кунн, а на волоцѣ како то есть пошло получают в этом случае перевод: 'как угодно тем, чьи это деньги', 'а на волоке [поступать так] как это повелось'. Возможно, некоторые переписчики позднего времени подобно неискушенному нынешнему читателю именно так и понимали эти места. Однако для древнерусского такая интерпретация была бы (по крайней мере, в большинстве случаев) неправомерной модернизацией смысла. Это видно, во-первых, из наличия в тех же самых памятниках беспорного релятивизатора то в других аналогичных фразах, во-вторых, из того, что уже в древнерусскую эпоху такое то наравне с беспорными релятивизаторами при переписывании старых текстов постепенно устраняется (что было бы необъяснимо, если бы то было местоимением).

Приводим материал.

Русская Правда: томоу ити ротѣ оу кого то лѣжалъ то-
варъ (статья 49, список Новгородской кормчей 1282 г.; так же в Мериле Праведном XIV в. и в нескольких других списках; в большинстве списков просто оу кого); пизнаеть ли на далѣѣ оу когш то куниль 'если он опознает впоследствии того, у кого купил' (статья 37, список Мерила Праведного; в большинстве остальных списков то нет); како

любо тѣмъ чѣе то коуни 'как угодно тем, чьи деньги'
(статья 54, список Новгородской кормчей; в Мериле Праведном чии то товарь, в большинстве прочих списков чьи кунь).

Из Киевской летописи по Ипатьевскому списку: *посла всеволодъ стѣполка . в новгородъ . шюрина своего . смолвися с новгородьци . которыхъ то былъ приялъ* (под 1142 г., л. 114 об.; интерпретация *то* как 'он' [т.е. *то* < *тъ*] менее вероятна).

Из "Епитимий святых богоносных отец" по сборнику XV-XVI в.: *и воскопають персти едѣ ты кровь была и висиплють вонь* (Смирнов, с. 154, текст XXVII, статья 28; статья эта восходит, по-видимому, к XII-XIII в., ср. там же текст IX, ст. 44 и текст XIX, ст. 15).

Из "Вопрошания Кирикава" (XII в.) по Новгородской кормчей 1282 г.: *а коли то не боудоуть то же даи 'а ели [больные] не будут [исцелены богом], то дай [причастие]'* (Павлов, текст 2, статья К 16; о значении *же* см. § 4, конец); придаточное здесь препозитивное. Ср. аналогичный пример в новгородской берестяной грамоте № 105 (XII в.): *коли то еси приходиле ... тьгѣдъ възяле оу мене лавъке ... 'когда ты приходил..., тогда взял у меня Лавовк'* (полный текст грамоты см. в § 6).

Смоленские грамоты: *и въѣмоу латинескому языкоу . кто то оу роусе гостить 'и всем католикам, кто в Русь приезжает торговать'* Договор 1229 г.,³ А 8 (ср. в соответствующем месте В и С *кто*); *и всемъ темъ кто то на оустоко моря ходить 'и всем тем, кто плавает по Балтийскому морю'* 1229 А, 10 (также В *кто то*, но С *кто*); *аже капъ . чимъ то въсятъ . изльмлена боудѣте 'если гиря [весом В капъ], которою [чем] вешают, будет выщерблена'* 1229 А, 80 (также С *чимъ то*); *и взяти емоу та правда которая то в томъ городѣ 'и он должен получить суд по тому своду законов, который в том городе'* 1229 Е, 94 (также D *которая то*, но F *которая*); *видати розбойники колико то ихъ боудѣте 'выдать разбойников, сколько их будет'* Договор неизвестного князя с Ригой и Готским берегом, 6 (1-я треть XIII в.).

Новгородские грамоты: *на семь ти княже хръстъ цѣлова-ти на цѣмъ то цѣловаль ... отецъ твои ярославъ* (грамота № 1, 1264 г.; *на цѣмъ то* также в грамотах № 2, 1266 г. и № 3, 1270 г., но уже просто на *чемъ* в № 6, 1304-1305 гг., № 7, 1304-1305 гг., № 14, 1326-1327 гг.); *а про куня чимъ то ми ся было вамъ платити 'а относительно денег, которыми мне надлежало вам заплатить'* Духовная Климента (№ 105, не позднее 1270 г.).

Грамоты, направленные из Риги русским князьям: *то буди тебе ведомо про тую жалобу что витѣбляне жалобилися*

³ Договор Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. (далее: 1229). Предполагаемая датировка списков: А - 1229 г., В - около 1300 г., С - 1-я пол. XIV в., D - 1270-1277 гг., Е - 1-я пол. XIII в., F (новгородский список) - серед. XIV в. Цифры после обозначения списка означают строку, соответствующую началу цитаты.

на рижяны чимъ то хотели оправитися противу гѣлмика '... про жалобу ... которою они хотели доказать свою правоту' Грамота (1281-1297 гг.) к вел. кн. смоленскому Федору Ростиславичу (Напѣерский, № 34); *еще княжо ми тобе поведываемъ 4-ю обиду у чомъ то еси неправду дѣяль* Грамота (1286-1307 гг.) к витебскому князю Михаилу Константиновичу (Напѣерский, № 49).

Из "Слова о погибели русской земли" (XIII в.) по списку XV в. (Лопарев): *великому кнѣзю всеволоду . оуоу его юрью кнѣзю киевскому обду его володмеру иманаху [вместо манамаху] котормъ то половоци дѣти своя ношаху в коли-бѣли.*

Отметим еще староукраинский пример: *грани ... витеса-ти велили ... и тую границу скончили ... которми то граници ... потверждаемъ* (СММ, т. I, с. 506, 1430 г.). Существенно, однако, что здесь *которми то* выступает в функции современного *каковой*, как польское *który to* (см. § 3). Примерами староукраинского *которми то* в функции современного *который* мы не располагаем; ни в Гр. XIV, ни в издании Розова *которми то* не встретилось вообще.

Особое место в рамках модели *кто то* занимает относительное слово *како то*. Оно распространено шире всех прочих относительных слов с *то* и имеет целый ряд функций. Функции *како то* вполне соответствуют функциям его церковнославянского эквивалента *якоже*, а именно, представлены значения: образа действия или сравнения ("как"), времени ("когда, как только"), причины ("так как"), цели ("так чтобы"), следствия ("так что") и, наконец, значение изъяснительного союза ("что"). Приводим материал (не полностью, поскольку он довольно обширен).

Из Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку: *даи мою дружину добро^м . како то еси оу мене пояль* (под 1186 г., л. 136 об.). Ср. аналогичный пример для препозитивного придаточного из Киевской летописи по Ипатьевскому списку: *игорь како то тобѣ золь былъ тако и нама* (под 1146 г., л. 121б).

Смоленские грамоты: *а на волоцѣ како то естъ пошло 'а на волоке [поступать так], как повелось'* Договор неизвестного князя, 51; *а почьнѣтъ ся кто ш^т нишъ просити в иноу землю . то како то было при моемъ ойи ... онемъ ся прашати . а мнѣ е по доумѣ поущати 'а если кто-нибудь из них будет проситься в другую страну, то [поступать так], как было при моем отце: им проситься, а мне по рассмотрении дела отпускать'* (там же, 66); *такъ платити . како то би шбоимъ любо были [вместо было] 'платить так], как было бы приемлемо для обоих'* 1229 А, 12 (также В и С *како то*); *а любо грамотоу оутвѣрдытъ . како то боудѣте всемъ вѣдомъ 'или грамотой утвердят, так чтобы было всем известно'* 1229 А, 2 (также С *како то*, но В *како*); *то написати . како то деръжати роусьци . с латиньскимъ языкомъ . правдоу . а латиньскомуу языкоу . съ роусию деръжати правдоу 'написать то, как соблюдать правосудие Руси с католиками и католикам с Русью'* 1229 В, 22 (в А и С здесь несколько иная редакция, без слова *правдоу* и с не совсем ясным повторением *то*: *то написати .*

како то держати роуси . съ латинескимъ языкомъ . и латинескому языку съ роусию то держати 1229 А, 10); се язъ князь . смоленский . ѡлександръ . докончалъ есмь . с чемъци . по давному докончанью . како то . докончали ѡтци наши дѣди наши 'я ... заключил договор с немцами, следуя прежнему договору, что (как) заключили отцы наши и деды' приписка князя Александра Глебовича (1297-1313 гг.) к грамоте 1229 В; докончалъ есмь . по тому докончанью како то бра^т мои старѣишии кедименъ докончалъ Грамота кн. Ивана Александровича (1-я пол. XIV в.).

Новгородские грамоты: дворяномъ твоимъ и тивунимъ погонъ имати како то пошло ... 'братъ так, как повелось' (№ 2, 1266 г.; но просто како пошло в грамотах № 1, 3, 6, 7, 9, 10, 14 и др.); вѣдаетъ михаило по пошлнѣ како то было при моужѣ дядяжъ (№ 85, 1328-1341 гг., список XV-XVI вв.); на томъ крестѣ целовали за весь новгородъ како то держати по старинѣ (№ 46, 1392 г., список того же времени).

Московские грамоты (по изданию: Дух. и дог. гр.): а жити ны по тому как то о^тци наши жили съ братомъ своимъ с старѣишимъ (грамота № 5, около 1367 г.; но просто по тому какъ жили в № 11, 1389 г.); а рубежъ ти держати ... по старинѣ ка^к то было при наше^м дѣдѣ (№ 9, 1375 г.); а путь и^м дати чистъ ка^к то было при наше^м дѣдѣ (там же); а воло^о мерское порубе^же по тому как то было при нашемъ дѣдѣ (№ 10, список конца XV в. с грамоты 1382 г.); а тѣмъ знати своя служба како то было при нашемъ о^тци (№ 13, 1390 г.); ср. ка^к было в другом месте той же грамоты № 13, в грамоте № 19, 1402 г. и ряде других.

Из грамоты (1333-1353 гг.) митрополита Феогноста (Павлов, текст № 18): пишу къ вамъ и явно створюю какъ то по тѣмъ грамотамъ ... управляю владыку рязаньского; далъ есмь владыцѣ рязаньскому кюрилу грамоту правую какъ то и братья моя дали митрополиты. Из грамоты митрополита Алексия 1360 г. (Павлов, текст № 19): аже исполните какъ то пишу, къ вамъ душеполезная и спасеная...

Грамоты, направленные из Риги русским князьям. Из грамоты (1281-1297 гг.) к вел. кн. смоленскому Федору Ростиславичу (Напьерский, № 34): и ныне я митрополитъ тако молву как то витѣбляне неправдою жялобилися на рижяни '... скажу так, что...'; и ныне я молюся вамъ как то мозите стояти у тои правдѣ 'молю вас: соблюдайте тот договор' (как то вводит несобственную прямую речь). Из грамоты (1286-1307 гг.) к витебскому князю Михаилу Константиновичу (Напьерский, № 49; в этой грамоте как то встретилось 23 раза): ни грабили товара силою как то ты княжо дѣшъ; новую правду ставишь как то есме не чували ни отъ отчовъ ни отъ дѣдовъ; товаръ его былъ со розбоиновимъ товаромъ у клети как то поехалъ изъ витебска у смольнескѣ '... когда он поехал...'; и онъ шель с темъ человекомъ соли весить как то еще соли не весили '... поскольку еще соль не взвешивали'; аже бы тые люди казнили как то бышь инии люди боялися '... чтобы боялись'; и мучилъ его такъ как то буди богу жяль; на томъ крестѣ че-

лованъ как то намъ вашей братьи правда дати; ты самъ ведаешъ как то не тако естъ миръ дскончанъ 'ты сам знаешъ, что не так мир заключен'; мы ся тебе молимъ как то тии товаръ отдаи (несобственная прямая речь); мы ся тебе молимъ ка^к то темъ людемъ отплати тии товаръ (то же). Отметим употребление как то в препозитивном придаточном: и как то пришло к мостови рекль плось поиди сѣмо 'и когда он пришел... то Плос сказал...'; как то естъ миръ докончанъ ... тако и ныне княжо отложи лишнее и всякую неправду.

Союз какъ то 'как', 'что' отмечен также в староукраинском (см. ССМ, т. I, с. 465).

Из приведенного материала видно, что модель кѣто то характерна прежде всего для самых старых текстов (составленных в XI-XIII вв.) и уже в XIII-XIV вв. начинает заметно угасать. Единственный памятник, где в постпозитивных придаточных модель кѣто то преобладает над моделью без то, - смоленская грамота 1229 А; модель без то встретилась здесь (если не считать словоформы что, о которой см. ниже) всего в нескольких случаях, например того ль^т коли алыбражъ влдка рижкий оумьрль. В более поздних смоленских грамотах примеров без то уже больше, чем с то. Аналогичная эволюция ясно прослеживается и по новгородским и московским грамотам, а также по спискам Русской Правды. В великорусских грамотах XV в. (двинских, новгородских, псковских, московских и др.), не говоря уже о более поздних, модели кѣто то нами вообще не обнаружено (хотя примеров постпозитивных относительных придаточных здесь достаточно много). Ее нет и в таких светских сочинениях этого периода, как "Задонщина", "Сказание о Мамеевом побоище", "Хожение за три моря" Афанасия Никитина.

Дольше удерживались конструкции с то в староукраинском. Здесь, однако, они использовались несколько иначе, чем в рассмотренных выше старейших примерах. С одной стороны, отмечено сочетание которы то в той функции, которая характерна для польского który to 'каковой' (пример см. выше). С другой стороны, неоднократно встречаются сочетания с жь то' (с двумя релятивизаторами сразу), как в старопольском и других западнославянских языках (см. § 3). Примеры: каждому доброму кто жь то нанъ оузритъ (Розов, № 92, 1458 г.; кто жь то имеет здесь обобщающий оттенок); и с иними города и землями што тими разы суть су моемъ держяню которы жь то и истара давна ку коруне прислухали и прислушяють (Розов, № 72, 1435 г.). Возможно предполагать, что эти конструкции отчасти поддерживались в староукраинском польским влиянием.

Примечательно, что во всем приведенном выше материале нет примеров употребления релятивизатора то при словоформе чѣто (при том, что для словоформ косвенных падежей такие примеры имеются, ср. чымъ то, на цѣмъ то). Вместо ожидаемого *чѣто то всегда находим просто чѣто, даже в таком памятнике, как смоленская грамота 1229 А (например, ѡ того товара что емоу приказано 51); ср. также, например, а вѣсть что можетъ в Русской Правде

(ст. 97), по бьсудной грамоть что бьль возяль гьрвѣ грамоту в берестяной грамоте № 366 и множество других. Учитывая, что аналогичная аномалия обнаруживается также в болгарском (где, в отличие от който, какъвто, колкото и прочих относительных слов, що 'который' не имеет то), можно предполагать, что отсутствие *что то* в древнерусских памятниках не случайно, а отражает некоторую весьма старую синтаксическую особенность. Было бы соблазнительно связать ее с тем, что сама словоформа *что* исторически есть *чь + то* (трудность лишь в том, что аналогично устроенная словоформа *къто* способна присоединять *то*).

Модель *иже то*

§ 6. Наряду с моделью *къто то* в древнерусских памятниках встречается также несколько иная модель, в которой на месте *къто*, *что*, *которы* выступают *иже*, *еже*, например: *сичъ мои иже то сѣдять близъ тебе*. Можно предполагать, что модель *иже то* имеет два разных источника.

С одной стороны, по крайней мере в части памятников эта модель должна рассматриваться как результат "транспозиции" модели *къто то* на церковнославянскую почву, т.е. как реализация оборота *къто то* церковнославянскими средствами. Базой для такой транспозиции служила хорошо осознаваемая эквивалентность: "русские *къто*, *что*, *которы* = церковнославянские *иже*, *еже*" (ср. *что писахъ*, *писахъ* = *еже писахъ*, *писахъ* и т.п.). Таким способом можно объяснить наличие модели *иже то* в ряде сочинений, авторы которых в целом ориентируются на церковнославянские нормы, но во многих пунктах уклоняются от них в сторону живого русского языка.

С другой стороны, в ряде ранних памятников, в частности в грамотах, модель *иже то*, по-видимому, имеет собственно русские истоки. На это указывает, помимо характера самих памятников, встречающийся в текстах звуковой облик *оже то* (с начальным *о* вместо *е*), а также тот факт, что сочетание *еже то* (*оже то*), распространенное достаточно широко, не может быть механическим "слепком" с **что то* (об отсутствии которого см. выше). Известная самостоятельность модели *иже то* проявляется еще и в том, что, в отличие от модели *къто то*, она достаточно свободно употребляется и в препозитивных придаточных (а не только в постпозитивных).

Модель *иже то* возможна как для союзных слов, так и для союзов; основной союз такой структуры - *еже то* (*оже то*).

Приводим материал.

Из договора Игоря с греками 945 г. (Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, л. 13): *а ѡ сихъ иже то приходять чернии болгаре 'а о том, что приходят черные болгары'* (множ. число *сихъ* - по-видимому, грецизм, ср. колебания в тексте этого договора и договора Олега с греками 912 г. между формулами типа *ѡ томъ аще шбръцють*, *ѡ сѣмъ аще кто оубьеть* и формулами типа *ѡ тѣхъ аще по-лоняникъ ... держимъ естъ*). В Ипатьевском, Радзивиллов-

ском и ряде других списков стоит *а ѡ сихъ иже то* приходят чернии болгаре (с переосмыслением конструкции, но с сохранением *то*).

Новгородская берестяная грамота № 105 (XII в.): *ѡ сьмька къ коулоткъ оже [или ожо?] то еси казале несѣдѣ вѣверичь тихъ дѣля коли то еси приходиле въ роусть съ лазъ [в]къмъ тьгьдѣ възяле оу мене лазьвке переяславль 'От Семка к Кулотке. Что [касается того, что] ты говорил Несде про те деньги, [то] когда ты приходил в Русь с Лазовком, тогда взял [их] у меня Лазовок в Переяславле'. Заметим, что предложение с *оже то* не является здесь в полном смысле придаточным: оно близко к независимому назывному предложению, вводящему тему. Свободные конструкции такого рода (весьма архаичные) характерны и для современной разговорной речи.*

Возможно, что сочетание рассматриваемого типа предствлено также в единственной сохранившейся строке берестяной грамоты № 233 (рубеж XII и XIII вв.): *ѡ домажира къ нажиру иже то при ветре...*; но, разумеется, это ненадежно.

Из смоленских грамот: *товаръ иж то потопль 'товар, который утонул' 1229 А, 88 (также С иж та, но В иже); а поудѣ дали немци волочаномъ иже то имъ товаръ возити на волоцѣ всякому гостьби 'немцы дали волочанам пудовую гиру, которая им [для того, чтобы] возить товар [взвесив его]...' 1229 Е, 117 (также D иже то, но F иже).*

Из "Письма к Олегу" Владимира Мономаха: *принуди мя сѣхъ твои [вместо мои] егоже еси хрстиль иже то сѣдять близъ тебе 'принудил меня сын мой, которого ты крестил, что сидит около тебя' (л. 83 об.)*. Пример с препозитивным придаточным: *а егоже то и хошеши насилье^М тако въ даяла...* 'а чего ты хочешь добыть насильем, то мы [тебе] давали' (там же, л. 84; пример не совсем надежен, так как *то* и переправлено в рукописи на *тоу*).

Из I Новгородской летописи: *и поусты я домовъ . а инья оу себе остави . и разгнѣвася на ти . оже то грабили даньслава и ноздрьчу . и на сочьскаго на ставра . и затоци я вся (под 1118 г.); и не иде нъ посла сѣхъ свои ростисла^С . оже то и пре^Ж биль (под 1141 г.)*.

"Вопрошание Кириково" (сочинение XII в. со значительным числом уклонений от синтаксических и иных норм церковнославянского языка). По Новгородской кормчей 1282 г. (Павлов, текст 2): *таже 4 молитви стваряи емоу на день иже то по 10-днѣ молвятъся (статья К 10); а смердѣ дѣля помолвихъ иже по селомъ живоуть а покажуться оу насъ оже то друззии ядять вѣверичиноу и ино 'я сказал о смердах, которые живут по селам, а исповедуются у нас, что иные [из них] едят бельчатину и тому подобное' (ст. К 89); по списку XVI в. (Смирнов, текст I): *испрати пла^Т и^Ж то лежи^Т на тряпезѣ (ст. К 64, с. 21); аще по грамота^М ходя ногама иже то изрѣза^Вше мечю^Т (ст. К 65, с. 12)*. Примеры с препозитивным придаточным. По Новгородской кормчей: *а иже то бабать а тѣмъ вѣли...* 'а тем, которые повивают, вели...' (ст. И 26; аналогично также ст. И 27); *а иже то распоустилася малжена ... что тѣмъ опитемья?**

'а супруги, которые развелись, ... - какая им епитимья?' (ст. К 92); а еже то рече инакъ вередъ или надъ мертвецемъ лихо емоу боудеть ... или тощю како и то соутъ болъзни 'а что касается, сказал он, иного повреждения - над мертвецем ли плохо ему станет ... или как-то тошно, - так это болезни' (ст. К 17); а оже то рѣхъ яциемъ толчетъ въ зуобы до обѣдни...? 'я сказал, а что яйцо жует до обѣдни...?' (ст. К 59); по списку XVI в.: иже то ре зозрѣются дати ли коли тому причяще^не 'давать ли когда-либо причастие, сказал он, тем, кто падает от удара (от падучей)?' (ст. К 16, с. 17); а еже то рѣ кровь рыбью ями и нѣту беда ре 'я сказал, а что мы едим рыбью кровь? - нет беды, сказал он' (ст. К 86, с. 14). Примеры из К 59 и К 86 поразительно близки по конструкции к берестяной грамоте № 105: вопрос Кирика сформулирован в сущности по типу назывного предложения ("А жевание яиц?", "А гоедание рыбьей крови?").

Из "Правила Ильи, архиепископа новгородского" (архиепископ в 1165-1186 гг.) по Новгородской кормчей 1282 г.: а крохи въспоуть в ти крохи иже то с литона сънимають 'а крохи всыпят в те крохи, которые...' (Смирнов, с. 108, текст XVI^а; ср. в тѣ крохи иже то... в списке XVI в. - там же, с. 109, текст XVI^б, ст. 2).

Из грамоты митрополита Киприана новгородскому архиепископу Иоанну 1392 г.: по преданию святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ уставу еже то уставили предбли церквемъ (Павлов, текст № 26).

Толкования Феофилакта болгарского на евангелия от Матфея и от Марка по рукописи Синодального собрания, № 302 (Гос. Исторический музей), писанной на острове Валаам в 1499-1500 г. В рукописи представлен особый перевод "Толкований", язык которого в ряде отношений отклоняется от церковнославянских норм. Неоднократно встречается еже то, например (буквы обозначают столбцы): тѣ^м же еже то дана ми бы^с власть 'потому, что дана мне была власть' 144а; иже то разоумѣваи еже то дана ми бы^с всяка власть 'понимай так, что...' 144б; виждь же еже то оустройся роукъ его 'убедись же, что исцелилась рука его' 156а; что же е^с еже то ш^т вращиши себѣ 'что значит отказать от самого себя' 177г.

Отметим еще: води иже то боудоу^т великѣи шкоды чинити в старобелорусском сборнике XVI в. (Карский, с. 469).

Как особый редкий подтип модели иже то можно рассматривать случай, когда союзное слово складывается из иде, егда, яко и т.д. и частицы то (т.е. когда церковнославянское относительное слово вместо ожидаемого же включает то). Примеры: въ томъ монастыри идѣ то климъ (Вопрощание Кириково по Новгородской кормчей, Павлов, ст. К 24); ци не могли быша писати стѣи иде то веля^т причащаются има ту же и блюсти^с велѣти 'разве святые не могли написать там, где они велят им (супругам) причащаться, одновременно и повеление воздерживаться' (Вопрощание Кириково по списку XVI в., Смирнов, ст. К 72).

§ 7. В связи с нашим разбором особый интерес представляет следующее место из "Слова о полку Игореве": Тѣмъ со

дѣи храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ уже лжу убуди, которую то бѣше усилъ отецъ ихъ Святъславъ... Большинство исследователей усматривает здесь в сочетании которую то результат искажения⁴. Обычно предлагаются чтение котороу "раздором" вместо которую и ту вместо то, откуда перевод типа '... уже коварство пробудили раздором, [а] его усыпил было отец их - Святослав'⁵. Однако, не говоря уже о необходимости сразу двух буквенных исправлений, получаемая при этом фраза синтаксически и семантически несовершенна, поскольку вместо требуемого по смыслу относительного местоимения здесь стоит указательное (причем без союза а, столь необходимого в этом случае для связности смысла).

Сомнение в необходимости указанных исправлений высказал в свое время Л.А. Булаховский⁶: «Мне кажется, что можно вернуться к тому тексту, который дают нам наши источники⁷; ... котора ("которую"); "спор, ссора", хотя и имеет кое-что за себя... прямо для смысла фразы необходимым не является. Оба наших источника дают которую то, и эта форма относительного местоимения довольно хорошо соответствует тому, что можно предполагать для южнорусского оригинала "Слова". Который как относительное местоимение известно не только в начале сложного предложения, но и во второй его части (в придаточном, следующем за главным). В виде который же то, который то оно хорошо известно в южнорусской письменности. Старейшие известные мне примеры, правда, относятся только к первой половине XV в. ...⁸, но возможность проникновения подобного образования в произведение светской письменности более древнего времени вряд ли можно считать исключенной».

Разобранный нами выше материал позволяет с полной решительностью поддержать мнение Л.А. Булаховского: сочетание которую то в рассматриваемой фразе "Слова о полку Игореве" синтаксически правильно и не нуждается ни в каких исправлениях. Смысл фразы совершенно прозрачен: "... уже разбудили неправду, которую усыпил отец их Святослав". Прямыми аналогами здесь служат фразы с сочетанием который то из смоленских грамот 1229 Е и Д, из Киевской летописи и из "Слова о погибели русской земли", косвенными аналогами - все прочие примеры с релятивизатором то.

К сожалению, Л.А. Булаховский сослался только на сравнительно поздние (XV в.) примеры конструкции с то; кро-

⁴ См. обзор мнений по поводу этого места в кн.: Виноградова В.Л. Словарь-справочник "Слова о полку Игореве", вып. 3. Л., 1969, с. 12-13.

⁵ Слово о полку Игореве. Ред. и перев. Д.С. Лихачева. М., 1955, с. 75.

⁶ Булаховский Л.А. "Слово о полку Игореве" как памятник древнерусского языка. - "Слово о полку Игореве". Сборник исследований и статей. М.-Л., 1950, с. 149.

⁷ Т.е. издание 1800 г. и Екатерининская копия.

⁸ Здесь Л.А. Булаховский приводит пример с который жѣ то из Розов, № 72, 1435 г., данный выше, в конце § 5.

ме того, он не разграничил *который то* и *который же то* и привел пример только для последнего. Между тем, как явствует из проведенного выше разбора, модель *кто то* (в отличие от *кто же то*) свойственна как раз самым старым памятникам, а к XV в. уже исчезает (на великорусской территории) или сохраняется лишь в виде незначительных и семантически видоизмененных остатков (на украинской территории). Конкретное сочетание *который то*, употребленное в "Слове о полку Игореве" в функции современного *который* (без повторения имени), засвидетельствовано в такой функции только в текстах, составленных в XII-XIII вв. (в отличие от староукраинско-старопольского употребления *который то* в функции современного *каковой*).

Таким образом, рассматриваемая фраза оказывается исключительно интересным свидетельством архаичности синтаксиса "Слова о полку Игореве", притом в такой деликатной и не покрываемой никакими простыми правилами сфере, как употребление частиц.

Принятые сокращения

- Берест. гр. 1958 - Арцишовский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1955 г.). М., 1958.
- Берест. гр. 1963 - Арцишовский А.В. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1958-1961 гг.). М., 1963.
- Берест. гр. 1978 - Арцишовский А.В., Ячин В.Л. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1962-1976 гг.). М., 1978.
- Гр. Новг. и Пск. - Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949.
- Гр. XIV - Памятки украинської мови. Грамоти XIV ст. Київ, 1974.
- Дух. и дог. гр. - Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л., 1950.
- Ипат. - Полное собрание русских летописей, т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908.
- Карский - Карский Е.Ф. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2-3. М., 1956.
- Лавр. - Полное собрание русских летописей, т. 1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1962.
- Лопарев - Слово о гибели руския земли. Вновь найденный памятник литературы XIII в. Сообщение Х. Лопарева. - Памятники древней письменности, 1892, вып. 84.
- Напьерский - Русско-ливонские акты, собранные К.Е. Напьерским. СПб., 1868.
- Новг. - Новгородская летопись по синодальному харатейному списку. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1875.
- Павлов - Памятники древнерусского канонического права, ч. 1. Памятники XI-XV в. Под ред. А.С. Павлова. Русская историческая библиотека, т. 6. 2-е изд. СПб., 1908.
- Пр. Р. - Правда Русская, т. I. Тексты. М.-Л., 1940.
- Розов - Розов В. Украинські грамоти, т. 1. XIV в. і перша половина XV в. Київ, 1928.

Смирнов - Смирнов С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (тексты и заметки). - Чтения ОИДР, 1912, кн. 3.

Смол. гр. - Смоленские грамоты XIII-XIV веков. М., 1963.

ССМ - Словник староукраїнської мови XIV-XV ст., т. I-II. Київ, 1977-1978.

Р. ЭККЕРТ*

К НАЗВАНИЯМ БОРТНИКОВ В БАЛТИЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Лесное бортничество, несомненно, является одним из древних промыслов у многих народов. В силу целого ряда причин оно на балтийских и славянских (особенно белорусских, русских и польских) территориях сохранилось чуть ли не до прошлого века, правда, в уже несколько измененной форме. Это и давало, видимо, О. Шрадеру¹ право говорить о востоке Европы как об "обетованной земле пчеловодства" ("das gelobte Land der Bienenzucht").

В соответствии с таким положением дел в балтийских и славянских языках сохранился целый ряд своеобразных названий лиц, занимавшихся пчеловодством, в нашем случае его наиболее древним видом - лесным бортничеством (нем. *Waldimkereei*, лит. *drevinė bitininkystė* - ср. LKŽ II², 692). Среди них мы обнаруживаем немалое количество интересных балто-славянских совпадений. Соответствующий материал мы распределяем по следующим пяти группам.

I. Названия, содержащие корни **kop-* resp. **laz-*. В литовском языке сохраняется слово *bitkopis*, -ė, *byt-kopūs*, -ė 'кто мед вынимает', ср. *Kas medų kopia, tas bitkopis* 'кто за медом лазит, тот пчелолоз'². Слово *bitkopis* является сложением из лит. *bitė* 'пчела' и *kópti* 'лазить, подниматься', ср. лит. *bitis, mēdų kópti* 'лазить пчел, мед', т.е. 'вынимать мед у лесных пчел'. Литовскому слову во второй части соответствует целый ряд русских и белорусских образований, содержащих корень *лаз-*:

1) Ср.-рус. *подлащквь*: ... да у деревни у Осея великого князя бортъ со пчелами... А въ медалазъ ъздытъ по длащквь изъ Новагорода³. Мы возводим это слово к **pad-*

* © R. Eckert, 1981 г.

¹ Schrader O. Reallexikon der indogermanischen Altertums-kunde, Bd. I. Berlin und Leipzig, 1917-1923, S. 141. Там же О. Шрадер отметил, что в балтийских землях "еще по сей день можно изучать историю развития пчеловодства".

² LKŽ I¹, 702.

³ Новгородские писцовые книги, т. III. Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500 г. (по Картотеке Древнерусского словаря, хранящейся в Ин-те русского языка АН СССР в Москве, далее ДРС, К). - Соответствующие примеры выделяются нами разрядкой.

lav-šikъ, ср. рус. диал. подлазитъ 'вынимать мед из ульев, добывать мед из ульев в известную, принятую по обычаю или по местным условиям пору, подрезать мед, подкармливать пчел'⁴, рус. диал. (вятск.) подлаз 'вынимающие меда, согов из улья, подрез согов, добыча меда из ульев'⁵.

2) Ср.-рус. древолазецъ 'бортник': ... Отець мой и братъ древолазци суть, въ лѣсехъ медъ емлютъ отъ древия⁶. Наряду с этим словом, отмеченным в Повести о муромском князе Петре и супруге его Февронии, памятнике XV в., встречается еще вариант древолѣзецъ: ...Отець мой и братъ дрѣволѣзци суть, въ лѣсе бо медъ отъ древъ всякъ въземлютъ. Если вторая часть сложения у первого соотносится с др.-рус. лазити, то последний вариант, по-видимому, связан с др.-рус. лѣзти, ср. Срезневский. Материалы II, 4, 70.

3) Рус. диал. медолаз 'крадущий мед в чужом улье'⁷.

4) Белор. диал. барцялаз 'пчальяр': Калісь били ба р-ц я л а з и, дзяржалі пчол у лесе⁸. Ср. идиоматическое сочетание рус. лазить борть 'добывать из нее соты, осматривать, подрезывать, доставать соты'⁹ и др.-чеш. ...na brti leze¹⁰, а также более позднее параллельное образование рус. диал. (сибирск.) лазальщик 'человек, собирающий шишки с кедр'¹¹.

По всей вероятности, упомянутые названия лиц относятся к весьма древнему слою бортниковской терминологии в балтийских и славянских языках, так как производные от лит. kópti, лтш. kápt и слав. *laziti встречаются в восточнобалтийских языках и, кроме того, во всех трех группах славянских языков, что позволяет для них предположить праславянскую древность¹².

II. Названия, связанные со словами для 'борть'. Сюда относятся лит. drėvininkas, диал. dreviniñkas, dreviniñkas; draviniñkas, drāvininkas 'кто занимается выниманием меда из бортей, бортник, пчеловод', ср. D r e v i n y k a s, jis išimdo medų¹³ 'Бортник, он вынимает мед' и лтш. dravnieks, dravniece 1. устар. 'человек, который занимается бортниковством'; 2. 'пчеловод', ср.: ...dravnieki koku dobūtos izcirta bišu ligzdas - dores, kuras ielīda spieti vai arī kur spietus ielaida paši

4 Картотека Словаря русских народных говоров, Ин-т языкознания АН СССР в Ленинграде (далее СРНГ, К).

5 СРНГ, К.

6 Словарь русского языка XI-XVII вв. (далее СЛРЯ XI-XVII вв.), т. 4, с. 354.

7 СРНГ, К.

8 Мацкевич Ю.Ф. Лексика пчальярства. - В кн.: 3 народнага слоўніка. Мінск, 1975, с. 206.

9 Даль I, 118; II, 234.

10 Gebauer J. Slovník staročeský, d. I. 2 vyd. Praha, 1970, s. 107.

11 СРНГ, К.

12 Ср.: Эккерт Р. К пчеловодческой терминологии, содержащей дериваты от корня lav- 'лазить'.

13 ЛКЗ II², 664, 692.

dravnieki 'бортники в дуплах дерева выдолбили пчелиные гнезда - dorės, в которые рои влезли или куда сами бортники рои впустили'¹⁴. Лит. drevė, диал. drėvė, drėvė, dravė и лтш. drava, dore означают борть.

На славянской территории название *bortnikъ 'бортник' распространено в восточно- и западнославянских языках, ср. др.-рус. бортникъ, рус. диал. (рязанск., новгородск.) бортник 'пчеловодец'¹⁵, ср.-рус. бортников¹⁶, ст.-укр. бортник¹⁷, рус., укр. бортник, блр. стар. бортник, ст.-польск. (1409 г.) bartnik 'apiarius', кашуб. bartnik 'богач'¹⁸, др.-чеш. (XIV в.) brtník 'apiarius', 'крепостной крестьянин, выбирающий мед из бортей', словц. стар. brtník 'несвободный крестьянин, который занимается пчеловодством', словен. brtnik 'apiarius', заимствованное из чешского языка¹⁹. К данным словам относится еще славянское реликтовое слово из бранденбургской области Bardenicker (1375 г.) 'Waldbienenzüchter'²⁰, свидетельствующее о том, что славянские племена, заселявшие когда-то обширные территории ГДР, также знали это название. Ср. еще польск. топоним Bartniki, а также рус. диал. бортовщики 'люди, умеющие хорошо влезать на деревья к бортям и вообще знающие уход за ними'²¹. Таким образом, для всей севернославянской территории характерно это довольно древнее, как показывают исторические источники, название.

По свидетельству В. Брандля²², в древнечешском языке зафиксированы слова leša, leše, lešba, означающие 'борть', 'Waldbienestock', и, по-видимому, образованные от них слова lešák, lešák = medář 'Waldbienenzüchter, Honigbauer, apiarius, mellificator': ...starší nad lešáky aby pilně do lesu k lešám dohlíželi. Под др.-чеш. léša 'Flech- te, Hürde, geflochtene Einfassung; Floß, Kahn' Я. Гебауер²³ приводит со ссылкой на Брандля слова léša 'улей' и lesba 'včelařeni', при этом он, вероятно, считает слова с -s- правильными формами, а слова с -š- так и оста-

14 Latviešu literārās valodas vārdnīca, II. Rīgā, 1973, l. 379, 391.

15 СРНГ, К.

16 СЛРЯ XI-XVII вв., I, 300.

17 Словник староукраїнської мови XIV-XV ст., I. Київ, 1977, с. 113.

18 Sychta B. Słownik gwar kaszubskich. T. I. A-G. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1967, 21.

19 Ср.: Этимологический словарь славянских языков. Под ред. О.Н. Трубачева, вып. 3. М., 1976, с. 134, а также: Słownik prasłowiański, t. 1. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1974, s.423-424.

20 Bielfeldt H.H. Slavische Wörter im Deutschen Brandenburgs. - Zeitschrift für Slavistik, Bd. XV, H. 1, Berlin, 1970, S. 30-31.

21 СРНГ, К.

22 Brandl V. Glossarium illustrans bohémico-moravicae fontes. Brunn, 1876, p. 123.

23 Gebauer J. Slovník staročeský, d. II, 2 vyd., s.232.

ются необъясненными, так же как, впрочем, у В.Махека²⁴. Для нас в данном случае важно то, что в древнечешском языке со словом для борти, улья (*lesa*) соотносится название бортника (*lesak*).

III. Названия, связанные с корнем *dē-, *dēd- в прасл. *dēti и с лтш. *dēt*. От лтш. *dēt* в *dēt dore* или *dēt drava* 'выдолбить углубление в дереве для борти', а также в сочетаниях *egli, priedi, ozolu dēt* 'устроить борть в сосне, пихте, дубе'²⁵ образованы сочетания *duoru, bišu dējējs; duoru dējējiņš* и слово *dējējs* 'Bienenbaumaushöher, Imker'²⁶, т.е. 'тот, кто выдалбливает углубление (дупло) в бортевом дереве, пчеловод'.

Этим латышским словом довольно точно соответствует старопольск. (XIV в.) *bartodzej* 'пасечник; человек, который следит за бортями', которое, по определению Пра-славянского словаря Польской Академии наук²⁷, имело первоначально значение 'делающий (устраивающий) борти во пнях'. Слово встречается и в качестве местного названия: *Bartodzieje*²⁸. Обращает на себя внимание точное совпадение в сочетании основ у старопольского сложения и в сочетании лексем в лтш. *duoru dējējs* и *duoru dējējiņš* ('борть' & 'дети').

На территориях ГДР, когда-то заселенных лужицкими племенами, начиная с последней четверти XIII в. сохранились названия для бортников в виде *d e d i t z* 'Zeidler, Beinenzüchter': 1296 *debitores mellificiorum qui vulgo d e d i c i* appellatur; *didicin, dediti* (там же); 1315 *mellifices, qui vulgariter d i d i c z e n* nuncupantur; 1335 *andere deditzen*; 1374/82 *qui solvunt pecuniam, que vilgariter appellatur dedicz pfennege*; um 1420 *Dy d e d i c z e n* adir *zideler*; 1381 *Dedeczer*; 1470 *dye dediczer*; *Dedezeye*²⁹. Кроме того, из исторических источников известны антропонимы *Didicz* (1339)³⁰ и

²⁴ *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, 3264. - Здесь под словом *les* приводится без указания значения лишь старочешское *lesák* (š ?).

²⁵ *Mühlenbach K.* Lettisch-deutsches Wörterbuch, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin, Bd. I. Riga, 1923-1925, S. 464.

²⁶ *Ibid.*, 461. - См. еще у Ульманна *dehjejs* 'кто выдалбливает борть' (*Ulmann C.Ch.* Lettisches Wörterbuch. I. Teil: Lettisch-deutsches Wörterbuch. Riga, 1872).

²⁷ *Słownik prasłowiański*, t. 1, S. 424.

²⁸ *Rymut K.* Die polnischen Dienstsiedlungsnamen, Beiträge zur Theorie und Geschichte der Eigennamen. - *Linguistische Studien* 30, A. Berlin, 1976, S. 199.

²⁹ *Eichler E.* Etymologisches Wörterbuch der slawischen Elemente im Ostmitteldeutschen. Bautzen, 1965, S. 33-34; см. еще: *Bielfeldt H.H.* - In: *Zeitschrift für Slawistik*, VII. Berlin, 1962, S. 337.

³⁰ *Eichler E.* Op. cit.

*Dēdic*³¹. Для этих слов существует следующее продолжение в диал. (вост.) н.-луж. *džědžicar* 'Waldbienenbesitzer', ср. еще вост. н.-луж. *džědžina* 'Waldbienenbesitz' bzw. 'Teilhabe an den Rechten der Waldbienenzüchtergenossenschaft in der Muskauer Heide'³². Многочисленные упоминания этих *dedici* в латинских и немецких источниках говорят о том, что эта профессия в средневековье занимала важное место в хозяйственной и вообще общественной жизни.

К только что приведенным словам примыкает еще один более специализированный термин, а именно ср.-рус. *новодблщикъ*: ... и мичур иванов с пасынком своим ... гсдрю црю ... били челомь ... гсдрь бы ег пожаловал тѣх новодблщиков из его бортног ухоежа велѣл выслати вон а тот оброк что бѣло им давати... (1526 г., по ДРС, К). Слово *новодблщикъ* образовано непосредственно от слова *новодбль* 'новая борть'³³, ср. еще ср.-рус. *дбль* 'устройство в виде углубления в бортном дереве для пчел'³⁴ и ср.-рус. (псковск.) *борть новодет* 'деревья с вновь выдолбленными бортями'³⁵. На слово *новодблщикъ*, которое, вероятно, имело значение 'человек, устраивающий новые борти в деревьях' до сих пор не было обращено внимания. Другим терминам бортичества, связанным со слав. *dēti и лтш. *dēt*, мы посвятили специальную статью³⁶, в которой широко обосновывается данное латышско-севернославянское сопоставление.

IV. От названия меда в старочешском языке сохранилось производное *medař* 'Waldbienenzüchter, Honigbauer, apiaris, mellificator'³⁷.

V. В славянских и балтийских языках бытуют многочисленные обозначения для человека, занимающегося пчеловодством, образованные от названия пчелы, типа рус. *пчеловод*, блр. *пчаляр*, чеш. *včelař*, лит. *bitininkas*, -ė, лтш. *bitenieks, biteniece* и т.д., которые, однако к бортичеству уже не имеют прямого отношения и представляют собой более поздние образования.

Определенный интерес представляют еще заимствования, встречающиеся в смежных литовско-белорусском, литовско-польском и польско-белорусском ареалах.

Лит. *bartininkas* 'бортник', отсутствующее в этимоло-

³¹ *Wenzel W.* Studien zur sorbischen Anthroponymie (Nach Quellen des 14. bis 18. Jahrhunderts aus dem deutsch-slawischen Sprachkontaktraum an der Schwarzen Elster). - *Maschinenschriftliches Manuskript*, Bd. II. Leipzig, 1979, S. 40.

³² *Schuster-Sewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache, III. Bautzen, 1978, S. 201.

³³ *Срезневский.* Материалы II, 458; Словарь церковнославянского и русского языка, т. II. СПб., 1867, с. 969.

³⁴ *СлрЯ XI-XVII вв.*, 209.

³⁵ *Марасинова Л.М.* Новые псковские грамоты XIV-XV вв. М., 1966, с. 51, 180.

³⁶ *Eckert R.* Lettisch-slawische Übereinstimmungen aus der Terminologie der Waldimkerei.

³⁷ *Brandl V.*, Op. cit., p. 149; *Gebauer J.* Op. cit., II, p. 330.

гическом словаре литовского языка Э. Френкеля, по всей вероятности, так же как лит. *bartis*, чаще мн.ч. *bartys*, 'борть', восходит к польскому *bartnik*, *barć* или/и блр. *бортник*, *борць*³⁸.

Несомненно заимствованным из литовского языка является белор. выражение *накупенець пшчолы* = *падабраць пшчолы* 'достать мед, оставив необходимое количество пчелам на зимнее время'³⁹, ср. лит. *kopinėti bites* 'лазить пчел', т.е. 'вынимать у них мед' и особенно, на что не обратила внимание Ю.Ф. Мацкевич, лит. *pakopinėti* 'немного меда вынимать из улья'⁴⁰.

Тесные связи в данной группе лексики обнаруживаются еще между белорусским и польским языками, ср., например, блр. *падабраць пшчолы* и польск. *rodźbić pszczoły* 'выбрать мед из улья' и блр. диал. *барть* 'борть', ст. блр. (XVI в.) *бортник* 'бортевой', которые заимствованы из польск. *barć*, *bartny*⁴¹.

В заключение мы хотели бы напомнить о том, что так называемые бортники (*Waldbienenzüchter*) в Средние века образовывали зажиточные (ср. значение выше указанного кашуб. *bartnik*), замкнутые социальные группы, часто наделенные особыми привилегиями и правами⁴². Об этом, в частности, свидетельствует грамота из области *Valašského Meziříčí* от 1591 г., в которой говорится о том, что председатель бортников назывался *lamfogt*'ом, причем последнее слово происходит из нем. *Landvogt*⁴³. С большим социальным престижем профессиональной группы бортников хорошо сочетаются значения, отраженные в белор. *сябрина*⁴⁴ и лит. *bičiūlis*, -ė 'пчеловод, человек, который с другим имеет как общую собственность рой пчел' и 'друг, приятель'. Неслучайно, что эти явления встречаются на смежной балто-славянской территории.

Е. ОХМАНЬСКИЙ*

ИНОЗЕМНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ЛИТВЕ XIII-XIV ВВ. В СВЕТЕ ЭТНОНИМИЧЕСКИХ МЕСТНЫХ НАЗВАНИЙ

Методологические замечания

Отэтнические или отплеменные местные названия могут представлять собой ценный вспомогательный исторический источник. Однако до сих пор они используются наукой далеко не в полной мере; совершенно недостаточно изучена

в этом отношении и топонимика Литвы, обнаруживающая обилие и вместе с тем разнообразие этнонимической номенклатуры. Названия подобного типа возникают, как известно, на стыке двух разных этносов или даже племен, а также там, где инородные поселения вкрапляются вглубь другой этнической территории. Этнонимические местные названия подразделяются на две группы: 1) *п е р и ф е р и й н ы е* - появляющиеся на пограничье двух этнических или племенных образований; 2) *э к с т е р р и т о р и а л ь н ы е* - возникающие в отдалении от собственной этнической (или племенной) территории, в совершенно чужеродном окружении. Своим этнонимическим названием селение лишь косвенно обязано его жителям - их происхождение дало повод соседям, отличающимся от них языком или диалектом, называть деревню по имени целого народа или племени, из которого вышли переселенцы. Происхождение периферийных отэтнонимических поселений иное, нежели экстерриториальных: периферийные этнонимические поселения, лежащие обычно в пограничной зоне или вблизи нее, появляются вследствие самостоятельной стихийной колонизации, тогда как экстерриториальные - как правило, результат принудительной колонизации (поселения пленных, эмиграция в поисках более благоприятных жизненных условий или в связи с угрозой извне). Средневековые хроники представляют множество примеров того, когда неприятель, атакуя на чужую территорию, уводил ее жителей, чтобы затем поселить их в глубине своей территории, часто в мало обжитых ее уголках. Таким путем достигалось ослабление сил противника и увеличение собственных людских и хозяйственных резервов. Для изучения экономических последствий этих акций экстерриториальные этнонимические названия могут представлять особый научный интерес. Но не менее важно и другое - вопрос о культурно-языковой роли этих поселений, проблема их национальной и социальной ассимиляции, сохранение если не всей этнической специфики, то во всяком случае некоторых особенностей в виде совокупности культурных черт, выделяющих эти поселения из чуждого им, по крайней мере на первых порах, окружения. Периферийные и экстерриториальные этнонимические названия местностей могут быть, наконец, важным источником для исторической географии, а в рамках ее - для истории колонизации. В науке уже общепризнано, что периферийные названия оказываются чрезвычайно полезными при изучении древних племенных или этнических границ, особенно в тех случаях, когда письменных источников недостаточно или нет вовсе¹. Что же касается названий экстерриториальных, то их научное значение еще в должной мере не оценено. Более того, далеко не всегда осознавалось, что с точки зрения как генетической, так и источниковедческой, экстерриториальные названия отличны от периферийных. Неразличение этих двух типов названий не раз приводило к ошибочной

³⁸ Brückner A. Die slavischen Fremdwörter im Litauischen. Weimar, 1877, S. 70.

³⁹ Мацкевич Ю.Ф. Указ. соч., с. 213.

⁴⁰ LKZ IV, 348.

⁴¹ Этымалагічны слоўнік беларускай мовы, т. 1. Мінск, 1978, с. 318.

⁴² Schuster-Sewc H. Op. cit., p. 201.

⁴³ Brandl V. Op. cit., p. 115.

⁴⁴ Zelenin D. Russische (ostslavische) Volkskunde. Berlin und Leipzig, 1927, S. 78-84.

*© J. Ochmański, 1981 r.

¹ Łowmiański H. Początki Polski, II. Warszawa, 1964, s. 46 et al.; s. 9 et al.

Отплеменные и этнические названия в Литве

Согласно списку населенных пунктов Литовской ССР 1959 г.³, на территории современной Литвы существуют следующие селения с отплеменными и этническими названиями:

1. <i>Barčiai</i>	11	10. <i>Mozūrai</i>	9
2. <i>Dainava</i>	34	11. <i>Naravai</i>	6
3. <i>Gudeliai</i>	115	12. <i>Prūseliai</i>	12
4. <i>Karaimiškiei</i>	1	13. <i>Rusiniai</i>	19
5. <i>Krivičiai</i>	2	14. <i>Seliaviškiai</i>	6
6. <i>Kuršiai</i>	20	15. <i>Totoriškiai</i>	21
7. <i>Latveliai</i>	16	16. <i>Vokiškiai</i>	2
8. <i>Lenkeliai</i>	12	17. <i>Žemygala</i>	3
9. <i>Maskoliškiai</i>	15		

В указанном перечне, который охватывает 304 пункта, наряду с основными представлены и производные названия; насколько это правомерно – вопрос лингвистический. В литовской этнонимической топонимике выделяются четыре группы: 1) славянская – *Gudeliai*, *Krivičiai*, *Lenkeliai*, *Maskoliškiai*, *Mozūrai*, *Rusiniai*; славянская группа включает всего 170 пунктов, она наиболее многочисленна, причем в ней преобладает восточнославянский элемент; 2) балтийская, в которой в свою очередь намечаются две подгруппы: западнобалтийская – *Barčiai*, *Dainava*, *Prūseliai*, всего 57 пунктов, и северобалтийская – *Kuršiai*, *Latveliai*, *Seliaviškiai*, *Žemygala*, всего 45 пунктов; в сумме балтийская группа названий насчитывает 102 пункта; 3) селения татарского и караймского происхождения – 22 пункта. Требуется специальное выяснение до сих пор загадочное название 4) *Naravai*: *Naravai*. Единичны поселения немецкого происхождения – *Vokiškiai*.

В славянской группе экстерриториальными должны быть признаны *Lenkeliai* и *Mozūrai*, указывающие на польское происхождение поселений. Восточнославянские же поселения, представленные номенклатурой четырех типов: *Gudeliai*, *Krivičiai*, *Maskoliškiai*, *Rusiniai*, – не только наиболее многочисленны, но и наиболее разнообразны с точки зрения их характера и хронологии. Признавая тип *Gudeliai* литовским названием русских поселений (слово *gudas*, при неясной этимологии⁴, относилось к восточнославянскому населению), трудно причислить его к ряду экстерриториальных названий. Названия *Gudeliai* были проявлением проникновения восточных славян на этнические литовские земли. Спорадически они встречаются в Жемайтии, где носят отчетливо экстерриториальный характер, выступая в районах Йонишкис, Скаудвиле, Шауляй, Варняй (16 пунктов). Время появления и факт продуктивности названий типа *Gudeliai*

³ Lietuvos TSR administracinis-teritorinis suskirstymas. Vilnius, 1959, алфавитный список пунктов на с. 609-1024.

⁴ По поводу этимологии см.: *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1955, Lfg. 3, S. 174: "Das Wort bezeichnete ursprünglich die Goten, dann die Weissrussen".

интерпретации некоторых исторических фактов. Примером тому могут служить рассуждения М.Я. Гринבלата, который, картографируя местные названия типа *Дойнова – Дайнава* (= *Ятвезь*) на пограничье Литвы и Руси, определил для древних ятвягов территорию, которая никогда не была их первичной родиной².

Ценность экстерриториальных этнонимических названий может быть различна в зависимости от времени их возникновения. Ономастика, как известно, не располагает критериями, позволяющими точно определить время возникновения отдельных типов топонимов, поскольку даже наиболее архаичные из них (напр., слав. названия на *-ице*, *-ичи*) оказывались нередко продуктивными и в более поздние времена. Поэтому хронология этнонимических названий – это проблема первостепенной важности, решение которой возможно лишь при учете письменных источников. Это значит, что для того, чтобы привлечь топонимастику на службу истории, необходимо начать с установления хронологии соответствующего типа местных названий. Следующая задача – это "полная индукция", т.е. исчерпывающее собрание фактов, какими являются названия определенного типа. Поскольку чем больше численность экстерриториальных (или периферийных) этнонимических названий на территории данного государства (или на данной этнической территории), тем значительнее вклад пришельцев в развитие хозяйственного потенциала данной страны, а также в развитие ее культуры. Полная индукция гарантирует правильную оценку исторической роли группы местных названий, репрезентирующих данный этнос на его новой родине. Наконец, следует привлечь во внимание факт непостоянства этнических и политических рубежей, которые на литовско-русском пограничье подверглись на протяжении веков значительному смещению на запад. В силу этой изменчивости границы современные списки населенных пунктов дают неполную информацию об этнонимических названиях Литвы. Таким образом, возникает необходимость использования более ранних источников для установления перечня этнонимических названий и в поиске этих названий на всей прежней этнической территории Литвы.

² Гринблат М.Я. К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов. – В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959, с. 541-542 и карта на с. 525. Этот тезис не нов, поскольку автор ссылается на выводы Н.П. Барсова (*Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. 2-е изд. Варшава, 1885, с. 237). Выводы М.Я. Гринבלата вместе с картой попали в энциклопедическую работу: *Kviklys V. Mūsų Lietuva*, I. Boston, 1964, p. 22-23. Подобным образом судит и В.В. Седов (*Седов В.В.* Ятвяжские древности в Литве. – *LTSR Mokslų akad. darbai*, ser. A, 1 (26). Vilnius, 1968, s. 179): "В процессе ассимиляции какое-то время сохранялись островки отдельных поселений ятвягов, следами которых являются сохранившиеся поныне названия типа *Ятвяги*, *Судова*, *Дайнава*". Однако он допускает, что часть этих названий возникла за пределами ятвяжской территории благодаря беженцам.

пока не до конца ясны. По крайней мере часть поселений типа *Gudeliai* существовала в XV в.⁵. Точно так же в XV в. засвидетельствованы поселения типа *Rusaki* близ Воложина на старом литовско-русском пограничье⁶. *Rusaki*, располагающиеся исключительно в восточной Литве, следует признать русскими периферийными поселениями, появляющимися на стыке с литовскими землями и тем самым показательными для установления линии литовско-русской границы в эпоху средневековья. Более позднего и, по-видимому, иного происхождения *Maskoliškiai*, хотя они локализируются в той же зоне, что и *Gudeliai* и *Rusinai* (лишь одна деревня лежит в Жемайтии в р-не местечка Арегалы). *Москалями* называли только подданных Московского государства. Время появления поселений типа *Maskoliškiai* падает скорее всего на XVI-XVII вв. - период литовско-русских войн, во время которых захватывали не только военнопленных, но и мирное население. Древним территориальным названием следует считать *Krivičiai* в р-не Молетай, так как племенное название *кривичи* вышло на Руси из употребления к концу XII в. Другие названия того же типа размещены к востоку и к югу от теперешней Литвы, намечая ориентировочно пределы русских поселений в племенную эпоху. Экстерриториальное название *Krivičiai* близ Молетай, если его датировать XII в. (разве что в Литве оно держалось дольше, чем на Руси, но все же никак не позднее XIII в.)⁷, могло бы послужить дополнительным указанием к характеру литовско-русских отношений в раннем средневековье: известно, что в XII в. отмечается усиление вооруженных столкновений между Литвой и Русью.

Смешанный периферийно-экстерриториальный характер носят куршские названия типа *Kuršiai* в Литве. Размещены они главным образом в Жемайтии, на части куршской прежде земли *Ceclis* (существовавшей еще в XIII в.) или же на пограничье с нею. И все же пять селений - *Kuršiai* близ Укмерге, *Kuršiai* близ Эйшишкес, *Kuršiai* близ Рамигалы и там же *Kuronai*, отмеченное и в р-не Дукштас, - расположенные на территории Аукштайтии, бесспорно, свидетельствуют о существовании (принудительном?) куршских поселений в пределах собственно Литвы. Относится ли к ним и д. *Kurai* вблизи Радвилишкис? Если эти пять экстерриториальных куршских пунктов признать поселениями пленных, то их можно датировать второй половиной XIII в. - временем интенсивной борьбы с крестоносцами (и за Куронию в том числе), особенно обостренной в 1244-1267 гг., во время правления Миндовга.

Названия типа *Seliaviškiai* (оба в р-не Тракай) можно соотносить с племенем селов, лит. *selai*, исчезнувшим в

⁵ Kodeks Dyplomatyczny Katedry i Diecezji Wileńskiej. Т. 1, 1387-1507. Wyd. J. Fijałek i M. Semkowicz. Kraków, 1932, 1948, № 311 и 347 (1478 и 1486 гг.).

⁶ Там же, № 265 (1470 г.).

⁷ Ochmański J. Pogranicze litewsko-krywickie w epoce plemiennej. - Przegląd Historyczny, t. LXI. Warszawa, 1970, s. 185.

Средние века. Как полагают языковеды, это племя отчасти было литуанизировано, отчасти же подверглось латышской ассимиляции, будучи пограничным между Литвой и Латвией. Язык этого племени оказал свое влияние на северо-восточные аукштайтские говоры, где *s* перешло в *š*, а *z* > *ž*. Эта языковая черта позволит, может быть, присоединить два названия *Selvėnai* в Жемайтии к группе поселений селов. В XIV в. название *želonii* перестает появляться в исторических источниках. Следовательно, поселения селов на Литве должны, очевидно, восходить к последнему, самому позднему периоду покорения Ливонии крестоносцами - т.е. к концу XIII в.

До наших дней существуют в Литве три поселения типа *Žemigala* (слав. *Зимигола*), также носящие названия одного из латышских племен. Две местности с этим названием находятся в Жемайтии⁸, одна в р-не Скаудвиле, довольно интересном с точки зрения разнообразия и скопления этнонимических названий, другая - вблизи местечка Арегалы. Третья местность - *Žemajaliai* в р-не Вильнюса. Зная ход отношений Литвы и Зимиголы с Ордемом, можно точно установить время возникновения этих поселений в Литве. После победоносного сражения литовцев с ливонскими крестоносцами под *Ascherede* (*Aizkrankles*), на латышской земле, в марте 1279 г., вспыхнуло восстание земгалов против крестоносцев. Повстанцы установили самые тесные взаимоотношения с правителем Литвы Тройденом (1269-1281), а после его смерти продолжали пользоваться поддержкой литовцев. Когда в 1290 г. земгалы вынуждены были прекратить борьбу, часть их, как свидетельствует Ливонская рифмованная хроника, переселилась в Литву⁹. Достоверность этих сведений подтверждает прусская хроника П. фон Дюсбурга. Под 1293 г. он упоминает нападение крестоносцев на "*Semegalliae campus*" в Литве¹⁰. Это "земгалское поле" находилось напротив литовской крепости *Pastovia* на Немане, на левом берегу. Известие середины XVI в. о Зимиголе под Арегалой свидетельствует о том, что и эта местность обозначалась тем же термином, который употребляет Дюсбург, так как в нем речь идет об имении, лежащем "в поле называемом *Жимикгола*"¹¹. Литовское поле было,

⁸ *Спрогис И.* Географический словарь древней жомойтской земли XVI столетия. Вильна, 1888, где отмечены (с. 114) три *Жемиголы* на *Жмуди*: поле и округа близ *Видукле*, а также две деревни вблизи *Арегалы* и *Расейняй* (последняя в списке 1959 г. не указана).

⁹ *Livländische Reichchronik.* Paderborn, 1876, S. 260, ст. 11404: "die anderen (Semigallen. - E.O.) vuren uf in heil zu Lettowan in das lant"; ст. 11499: "kein Lettowen sie karten hin".

¹⁰ *Perti de Dvrsburg.* Cronica terrae Prussiae. Scriptores rerum prussicarum, Bd. I. Leipzig, 1861, p. 189, 602.

¹¹ *Jablonskis K.* Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinų kalboje. I. Tekstai. Kaunas, 1941, p. 208, № 6, 1592 г. Более раннее упоминание о той же *Жимиголе* относится к 1556 г. - там же, p. 256, № 80.

как установил Г. Ловмянский¹², территорией населенного пункта типа деревни. Другую жемайтскую Зимиголу упоминают орденские "Wegeberichte", которые сообщают, что от реки Ante (лит. Ančia) пять миль пути "in das lant szu Semegallen", а оттуда дорога идет на Видукле¹³. Это описание относится к концу XIV в. (с. 1385), упоминаемая же в нем местность — это существующая поныне д. *Zemygala* близ местечка Немакшай в р-не Скаудвиле, так как ее местоположение (недалеко от Видукле) в точности соответствует указаниям орденского донесения. Нет сомнения, таким образом, что поселения *Zemygala* возникли в Литве в конце XIII в. (1290).

Средневековую датировку имеют, кажется, поселения типа *Latveliai* (слав. *Łotwele*, *Łobwiele*), производные от названия *Łotwa*. Название *Латвия* стало входить в употребление относительно поздно — не раньше XIII в. и, по-видимому, тогда же было принято литовцами. Показательно отсутствие в Литве селений типа *Letygola*, отмеченных зато на Руси. Отсутствие Летиголы в Литве следует объяснять тем, что литовцы с XIII в. называли латгалов *latviai* или уменьшительно *latveliai*. Ввиду частых литовских набегов на земли латгалов в XIII-XIV вв. можно предполагать, что именно на этот период приходится возникновение в Литве более десятка деревень *Latviai*, *Latveliai* и одной деревни *Latvygala* (но не *Latgala*)¹⁴. Названия этого типа рассеяны по всей Литве, скопление же их наблюдается в северных областях вдоль линии Дусетос-Биржай-Йонишкис-Акмяне. Это приграничное положение латышских поселений в северной Литве указывает скорее всего на их позднейшее происхождение. *Latveliai* назывались в XVI в. в Литве выходцы из Латвии, которые выступали, однако, поодиночке; возможно все же, что тот или иной переселенец мог дать начало деревне под названием *Latveliai*.

Тот факт, что в Литве отмечены два пункта *Lyviškiai* и *Lyvoniškiai*, наводит на вопрос, существовали ли в Литве поселения финских ливов. Одно из этих селений расположено в Жемайтии близ Кельме, а другое — в Аукштайтии около Рамигалы. Те литовские походы на Ливонию, о которых нам известно, имели место в начале и во второй половине XIII в. Можно предположить, что во время этих походов было захвачено какое-то количество пленных, отсюда, по-видимому, и появление *Lyvoniškiai* в Литве. Два селения *Lybiškiai* в Жемайтии, скорее всего, не связаны непосредственно с русским названием ливов *либь*, поскольку можно проследить в 1561 г. образование села *Либшики* в волости Ботоки (= *Lybiškiai* в р-не Скаудвиле), состоявшего из трех дымов, одним из которых было хозяйство Яна

Либшикиса, от чьего имени, очевидно, село и получило свое название¹⁵.

Польские деревни в Литве типа *Lenkaičiai*, *Lenkeliai*, а также *Mozūrai*, *Mozūriškiai* могли появиться в результате многочисленных литовских походов на польские земли¹⁶, последний из которых имел место в 1376 г. Эта дата намекает terminus ad quem возникновения поселений польских пленных в Литве и ее русских владениях (несколько десятков селений типа *Ляховичи* в Белоруссии). Правда, великий князь Ягайло в кривском акте 1385 г. обязался "всем христианам, т.е. всем людям обоого пола, захваченным в польских землях и военным обычаем уведенным, вернуть прежнюю свободу, так что каждый, независимо от пола, уйдет по своей воле, куда ему понравится"¹⁷, однако о возвращении польских пленников из литовского государства ничего не известно. В позднейший период, после заключения польско-литовской унии, не засвидетельствовано наличие потоков переселенцев с польских земель на Литву и литовскую Русь. В эти края прибывают переселенцы — ляхи, мазуры, оседают в городах и деревнях, однако поодиночке, изредка их оказывается по несколько в одной местности, но не больше. Во всяком случае, следы компактных польских поселений в средневековой Литве против ожидания крайне незначительны¹⁸, зато весьма многочисленны они на литовской Руси, особенно в Белоруссии.

О татарских поселениях в Литве, представленных названиями типа *Totoriškiai* (и многими другими), известно больше благодаря относительно богатым источникам, касающимся литовских татар. История литовских татар, а также караимов, посаженных в Литве (и на соседней Руси), главным образом около Тракай, еще Витовтом (татары в 1397 г., караимы в 1398 г.), более или менее изучена¹⁹, однако ис-

¹⁵ Jablonskis K. Istorijos archyvas, I. Kaunas, 1934, p. 146.

¹⁶ Сильно преувеличенные сведения польских источников о числе уведенных литовцами польских пленных см.: Abraham W. Polska a chrzest Litwy. — In: Polska i Litwa w dziejowym stosunku. Kraków, 1914, s. 13-14.

¹⁷ Akta unii Polski z Litwą. 1385-1791. Wyd. S. Kutrzeba i W. Semkowicz. Kraków, 1932, N 1, s. 2. Польский перевод: Конецzny F. Dzieje Litwy i Rusi przed unią z Polską. Teksty źródłowe do nauki historii w szkole średniej, zes. 22. Kraków, 1924, s. 32.

¹⁸ О средневековой хронологии поселений польских пленных в Литве может свидетельствовать также существование щучинского *Лядска* в 1445 г. (индикт 8 — 1445, поскольку в регесте этого документа Казимир Ягеллончик назван лишь великим князем, а не королем, каковым он стал в 1447 г.). См.: Документы Московского архива Министерства юстиции. М., 1897, с. 53, № 2.

¹⁹ Kryczyński S. Tatarzy litewscy. Warszawa, 1938; Dziedulewicz S. Herbarz rodzin tatarskich w Polsce. Wilno, 1929; Szyszman A. Osadnictwo karaimskie i tatarskie na ziemiach W.Ks. Litewskiego. Wilno, 1936.

¹² Łowmiański H. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego, t. 1. Wilno, 1931, s. 101-104.

¹³ Scriptorum rerum prussicarum, Bd. II. Leipzig, 1863, p. 679, Wege 29.

¹⁴ Самое раннее из известных нам упоминание д. *Лотва* в Литве относится к 1527 г., местность эта лежала где-то в северной Литве.

следований об их переселении и численности в самый ранний период - XV-XVI вв. - до сих пор нет.

"Повесть временных лет" в перечне народов, плативших дань Руси, помимо литвы, зимиголы, корси (куршей), либи (ливов), упоминает также загадочное племя норова, или, согласно другому чтению, нерома²⁰. Из-за неясности этого названия среди исследователей нет единства в вопросе о том, кого обозначала и где лежала Норова/Нерома. Одни, как, например, Г. Ловмянский, считают ее либо просто Лотвой - Летиголой²¹, либо названием, не доступным для проверки по источникам, поскольку оно нигде больше не повторяется. Другие, как В.Т. Пашуто, видят в ней отгосок названия древних невров и отождествляют ее (вслед за летописной глоссой XV в.) со жмудью²². Все же более убедительным объяснением следует признать давно высказанное мнение А. Куника²³, который считал название *Норова* финским. Можно попытаться установить, где лежала таинственная Норова/Нерома - вопреки пессимизму исследователей, которые в своих суждениях и гипотезах не приняли во внимание сведений о Норове, содержащихся в новгородской и псковской летописях.

Под 1269 г. в новгородской летописи есть запись о немецком (орденском) посольстве в Новгород. Послы заявили тогда: "*Норовы всей отступаемся, а крови не проливайте*"²⁴. Что означает здесь *Норова* - реку Нарву или область над ней, - неясно. Этот вопрос позволяют разрешить свидетельства псковской летописи, упоминающей *Норову* неоднократно. В 1348 г. псковичи, "*приехавше в Норову к немецкому городку*", сожгли его вместе с находящимися там немецким и чудским (эстонским) гарнизоном²⁵. В 1463 г. немцы, как сообщает летопись, "*ехавше в Норову норо(в)-*

лян псковских ловцов роуками поймаша"²⁶. Но в тот же год и псковитяне взяли пленных "*в Колпином или на Норове*"²⁷. Под 1486 г. упоминаются *норовские смерды*²⁸. Из этих записей следует, что в летописях название *Норовы* употреблялось в двух значениях: обороты "*на Норове*", "*за Норовою*" обозначали реку, тогда как выражение "*в Норову*" указывает на территорию, лежавшую за рекой и получившую от нее свое название. Что представляла собой *Норова* как территориальная единица: волость или землю, т.е. племенную территорию, какова была ее протяженность и граница - проблемы дальнейших исследований. Можно заключить, что *Норова* (или параллельное *Нерома*, где -ма соответствует фин. *maa* 'земля, страна') - это эстонское племя, сидевшее в низовьях Норовы, на левом ее берегу.

На территории исторической Литвы поселения типа *Narvai/Neravai*, т.е. *Норова/Нерова* (от *Нарова* получил свое название *Неревский конец* в Новгороде) и производные от них, сосредоточены в четырех центрах: вилейско-неманская группа к западу от Тракай насчитывает 10 селений; лаздийская группа - 2 селения; березинская группа (около Крево над нижней Березиной) - 6; и, наконец, дисненская - 3; в сумме 19 пунктов²⁹. В Жемайтии нет названий этого типа. Селения *Норова/Нерова* размещены главным образом на южных рубежах литовской колонизации в ее средневековых пределах. Периферийное положение свидетельствует о том, что это были поселения пленных. Поскольку походы литовских дружин на эстонские земли известны только в XIII в. (1212, 1262, 1269 гг.), появление норовских поселений на литовских окраинах следует датировать XIII в.

Западнобалтийские поселения в Литве

Волинская летопись 1276 г. содержит известие о прибытии пруссов в Литву: "*Придоша Проуси ко Тройденеви и(з) своей земли неволею перед Немци*"³⁰. В последний период покорения прусских земель крестоносцами какая-то часть населения этих земель нашла прибежище в Литве. Тройден, как сообщает летопись, посадил их в Гродно³¹, а часть - в Слониме (по-видимому, и на территории волости). Это обеспокоило галицко-русских князей Владимира Василько-

²⁶ Там же, с. 53.

²⁷ Там же, с. 156.

²⁸ Там же, с. 68.

²⁹ Słownik geograficzny Królestwa Polskiego, t. VI. Warszawa, 1885, s. 906, 917, 918; Lietuvos TSR administracinis-teritorinis suskirstymas (1959), p. 826, 834.

³⁰ Полное собрание русских летописей, т. II, с. 874.

³¹ Информацию летописи о бортях в Гродно подтверждает сообщение Дюсбурга: в 1284 г. крестоносцы атаковали Гродно, тогда "*quidam Barthenses, qui ultimo de Pogesia fugerunt, cum Lethowinis congregato exercitu*

²⁰ Полное собрание русских летописей, т. I. М., 1962, с. 11: *Норова*; т. II, 1962, с. 8: *Нерома*.

²¹ Bowmiański H. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego, t. II. Wilno, 1932, s. 258; *Idem*. Początki Polski, V. Warszawa, 1973, s. 17-18; *Idem*. Geneza ziemi połockiej. - In: Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 3. Historia. Warszawa, 1968, s. 21.

²² Пашуто В.Т. Образование литовского государства. М., 1959, с. 10. - Несмотря на мои критические замечания (*Ochmański J. Uwagi o litewskim państwie wczesno-feudalnym - Roczniki Historyczne, XXVII. Poznań, 1961, s. 144*), автор повторил свое ошибочное утверждение в литовской версии своей монографии "*Lietuvos vasybės susidarymas*" (Vilnius, 1971, p. 247, примеч. 207), правда, в другой части своей работы, но в том же самом виде.

²³ Приводится в кн.: *Bielenstein A. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im XIII Jh.* Petersburg, 1892, s. 29, примеч. 1.

²⁴ Новгородская I летопись. М., 1950, с. 88.

²⁵ Псковские летописи. II. М., 1950, с. 99.

вича и Льва Даниловича, поэтому они решили устранить пришельцев с земель, которые считали своей вотчиной, но которые в то время, вероятнее всего, подчинялись Литве. Тогда они послали войско к Слониму и "взяста е, а бѣша земли не подьседале". Эта акция вызвала противодействие Тройдена, который послал своего брата Сирпутя (Сирпоутя), тот же воевал "около Камене" (Каменца Литовского или Камня Коширского?). Владимир новым походом "взя у него Тоурыйск на реце на Немне и села около него пойма"³². Интересно, не были ли Турейск и окрестные деревни заселены в то время по велению Тройдена пруссами? Не поселил ли Тройден пруссов и в других краях своих владений, а не только в Гродно и Слониме, где как раз нет следов прусских колоний? Таким следом не может считаться д. *Пруска* в бывшем Гродненском повете, так как она получила название от р. Пруски, на границе с прусскими землями. Русско-литовская война из-за прусских поселенцев продолжалась несколько лет. В 1278 г. новый русский отряд миновал Волковыск и приближался к Гродно. Когда одно из подразделений беспечно расположилось на ночлег, "Проуси же и Бортеве ввехавше из города (вероятно, из Волковыска. - Е.О.) оудариха на не ночь и избиха е все а другие изоимаша"³³. Столкновения затем прекратились, а Владимир и Тройден "начаста быти во велице любви". Но удалось ли Тройдену спасти от угрозы истребления пруссов на территориях, охваченных сражениями? Характерно, что названий типа *Prūseliai* нет там, где их можно было бы ожидать - в южной Литве, куда пруссы, очевидно, направились, когда Тройден поселил их в Гродно, Слониме и Волковыске. В южной Литве выступают, однако, упомянутые летописью "бортеве". Не исключено, что часть пруссов Тройден направил в другие концы своих владений. Названия типа *Prūseliai* (слав. *Прусели*) выступают в северной Литве в р-не Рокишкис (2), Вабальнинкас (2) и в Жемайтии (2)³⁴. В занеманской Литве, на старой ятвяжской земле, есть *Prūseliai* в р-не Шакая, *Prūsokai* в р-не Казла-Руда, *Prūsiškiai* близ Вевиса, а также около Капсукаса-Мариамполе. Однако не относятся ли эти поселения к более позднему периоду - ко времени войн Литвы с крестоносцами, т.е. ко времени до 1422 г.? Наличие пяти деревень типа *Прус* на белорусской территории, причем вплоть до окрестностей Бобруйска, Борисова и Слонима³⁵, может

processerunt contra Poloniam" (Scriptores rerum prussicarum, I, p. 147-148). После похода на Польшу двое бортей - *Numo* и *Dersko* - подговорили "omnes Bartheneses" напасть на литовцев и вернуться в Пруссию, где они были приняты крестоносцами. Это объясняет факт отсутствия в дальнейшем в Гродно и окрестностях следов бортей.

³² Полное собрание русских летописей, т. II, с. 874.

³³ Там же, с. 877.

³⁴ В упомянутом "Географическом словаре" И. Спрогиса (с. 263) отмечены только *Прус* в волости Гондинга.

³⁵ Słownik Geograficzny..., t. IX. Warszawa, 1888, s. 85.

свидетельствовать о том, что по своему происхождению это были поселения пленных от XIV-начала XV в. Иначе трудно было бы объяснить присутствие пруссов в глубине Белоруссии.

На территории современной Литвы существует 11 населенных пунктов с названием типа *Barčiai*. Это реликты тех самых "бортей" Тройдена, которые, как видно, оказались не только в Волковыске. По данным "Słownika geograficznego", к концу XIX в. на бывшей литовской этнографической территории поселений типа *Borcie/Bortele* было не менее 21³⁶. Показательно, что их нет к югу от Немана, на Руси. Они размещены главным образом над средним Неманом и нижней Вилией. В быв. Сейненском повете находилось 4 селения под названием *Borcie*, в Трокском - 4, в Лидском - 3, Ошмянском - 3. Дальше всего к западу были продвинуты *Borcie* в Жемайтии возле Шаукенай, на востоке такое же название встречается под Рубежевичами к западу от Минска, не иначе как на восточном рубеже литовских поселений. В более далеком прошлом бортыанских поселений в Литве было больше. Источники XV - нач. XVI в. сообщают о бортыанских деревнях *Hrebelniki* и *Porojscaie*, о бортях в Гелванах под Кернаве, близ Гожи и Преломы, около Медининкай вблизи Вильнюса³⁸. Поселение бортей в Литве, согласно летописному сообщению о бортях от 1278 г. в связи с распоряжениями Тройдена, приходится на период правления этого князя. Во всяком случае, нет оснований датировать бортыанские поселения более поздним временем.

³⁶ Это следующие селения: *Bortelė* около Вейсей, *Bortelė* трокского пов., *Borciany* ковенского пов., *Borciele* около Варены, *Borcie* около Лейпунай, *Borcie* около Мятяляй, *Borcie* около Жасляй, *Borcie* около Михнишек, *Borcie* около Шаукенай, *Borcie* около Ширвинтос, *Borciszki* поневежского пов., *Barciuny* около Сейрияй, *Borteliszki* около Дрисвят, *Barteniszki* ошмянского пов., *Borc-Turejsk*, *Borciaki* лидского пов., *Borcie* около Рубежевич, *Borcie* около Клевицы, *Borciszki* Вилкомирского пов., *Bartele* около Канявы, *Bortele* Ошмянского пов. (Słownik geograficzny, t. I, 1880, s. 106, 329; t. XV, 1, s. 84, 85, 87, 199, 200, 216). Указанный Словарь не отмечает двух деревень *Borcie* (*Barčiai*) в окрестностях Лаздияй, приведенных в списке 1959 г. В моей работе (Skolwa i Borcie. - In: Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 4. Historia. Warszawa, 1972, s. 86, примеч. 17) приведены только 11 селений типа *Borcie*, т.е. намного меньше того, что есть.

³⁷ Географический словарь И. Спрогиса не отмечает селений типа *Borcie* в Жемайтии, там упоминается лишь *Bortогола* (1588 г.) в упитском пов.; см. также: Опись документов Виленского Центрального архива, т. VIII. Вильна, 1912, с. 51, № 382: *Bortogole* (тот же самый пункт).

³⁸ Ochmański J. Skolwa i Borcie. s. 86-87.

Прусские борти жили не только в одиночных, обособленных деревнях. От 1494 и 1503 гг. сохранились сведения о "бортской волости", "бортском повете" над рекой Пелясой, а в 1493 г. упоминается "наместник бортенский"³⁹. Эту бортскую волость можно отождествить с позднейшим "староством бортыанским", известным по инвентарю 1765 г. Староство это состояло в то время из четырех войтовств: пелясского, скольвенского, городенского и понеманского. Вся ли эта довольно крупная административно-территориальная единица была в прошлом населена бортями? Отпадает как небортыанское войтовство скольвенское, о котором дальше будет говориться специально. Бортыанским следует признать прежде всего пелясское войтовство, поскольку бортская волость лежала над р. Пелясой. Важным указанием в связи с проблемой происхождения населения понеманского войтовства служит поселение *Борть-Турейск* (вероятно, *Турейск* инвентаря 1765 г.) и д. *Бортыки* к северу от Минейтович близ Желудка, которая когда-то, видимо, входила в состав понеманского войтовства. Последнее охватывало в 1765 г. деревни: Турейск, Яселевичи, Толочки, Пипорони и Минейтовичи (на карте Минонтовичи). Турейск наднеманский в то время к староству не принадлежал, но не исключено, что когда-то это было так. Поэтому нападение русских на Турейск около 1288 г. было не случайным ударом по первому стоявшему на пути пункту, но рассчитанным и направленным против прусских пришельцев. Однако, несмотря на завоевание турейских сел, осевшие там борти не были оттуда вытеснены. Осело ли прусское население также и в городенском войтовстве, сейчас с определенностью судить трудно.

Размещение бортей сугубо характерно: оно ограничивается именно южной Литвой, наднеманской и надвилейской, куда несколько позже бежали со своей родины под натиском крестоносцев и ятвяги, ища защиты в литовском государстве. Борти были поселены главным образом на среднем Немане, в низовьях Вилии и на Меречи. Случайно или преднамеренно? Согласно изданной Сигизмундом Августом в 1557 г. "Уставе на волоки" ("*Ustawa na wołoki*"), борти "*розность в роботах от инших подданных наших мели*". По этому положению и, вероятно, по древнему обычаю, они платили только чинш и дякло, от барщины же и других повинностей освобождались. Говоря далее о бортях, "*Ustawa na wołoki*" объясняет эту привилегию: "*а коли им на войну ити кажем, мают мети тот рок вольный ото всех платов, а мости им неповинные мостити мают, а за то им фольгу в чиншох наших делати кажем воли наше*"⁴⁰. Следовательно, наряду со строительством мостов "неповинных" они должны были, надо полагать, мостить и мосты "повинные". Это была старая обязанность бортей, на что указывает грамота короля Казимира Ягеллончика от 1486 г.: "*Сичу Ко-*

пичевича казали ество: мает робити в Ковне людем нашим Бортем городу. Про то ж штоби еси тим людем дали дерева на мост до Ковна в пущих своих подле Немна, колько будет потреба"⁴¹. Можно сказать, что мощение мостов было старой, традиционной повинностью бортей, их специальной профессиональной службой. Эту их повинность четко определяла "Устава господарска" от 1547 г., причисляя к ряду "лепших" служб и бортей: "*borezi, ktorzy przed wojskiet czasu wojny mosty szynia*"⁴². Со временем собственное имя *Борть* стало в Литве обозначением профессии: *борть* - это строитель мостов.

Источники середины XVI в. рассматривают бортей уже не как национальную, а как профессиональную группу. Точное определение дано им и в середине XIX в.: "*toż samo co dzisiaj pontonierzy*"⁴³. Слово *борць* - *барцяк* до сих пор употребляется белорусами в окрестностях Радуня для обозначения жителей лесных мест⁴⁴, изменив свой смысл еще раз.

Принимая во внимание размещение бортей по трем главным рекам южной Литвы, можно сделать вывод, что оно не было случайным. Борти благодаря их специальности строителей мостов, были намеренно расселены Тройденом (и его преемниками?) вблизи важнейших переправ под Гожей и Турейском - через Неман, под Преломом и Вейсеями - через Неман к прусским землям, на Вилии около Медининкай, Ширвинтос и Гелвонай и, наконец, на Меречи (Merkis) под Вареной. В экономической и, надо полагать, военной истории Литвы борти сыграли заметную роль, принеся свое, несомненно, высокое профессиональное мастерство на службу новой, милостивой к ним родине.

В 1278-1283 гг. крестоносцы довершили полное опустошение ятвяжской земли и разгром ее жителей. Часть населения этого края была насильственно перемещена в Пруссию. Часть же ятвягов искала спасения под литовской властью на землях Литвы и прилегающих территориях западной Руси. Орденский летописец Дюсбург трижды под 1280 и 1283 гг. сообщает об исходе ятвягов на Русь и Литву, завершая свою информацию словами: "*et sic terra Sudowie usque in presentem diem remanet desolata*"⁴⁵ и так ятвяжская земля до сих пор остается пустынной. На землях славянских, польских и белорусских поселения ятвяжских беженцев носят названия *Ятвезь*, *Ятвекс*; их насчитывает-

⁴¹ Акты Литовской Метрики, вып. I, 1. Варшава, 1896, с. 16.

⁴² Русская Историческая библиотека, т. XXX, стлб. 616.

⁴³ Encyklopedia Powszechna, t. IV. Warszawa, 1860, s. 121. - В последнее время Юргинис (*Jurginis J. Lietuvos valstiečių istorija*. Vilnius, 1978, p. 68) писал о бортях (без ссылок на источники), что они строили мосты, паромы, наводили переправы, устанавливали броды. Борти при этом не осознаются автором как исконно особая этническая группа; по-видимому, мою работу "*Skolwa i Borcie*" он упустил из виду.

⁴⁴ Гринблат М.Я. К вопросу..., с. 541.

⁴⁵ *Petri de Dusburg. Cronica terrae Prussiae*, cap. 211; 217, 219, p. 143, 145, 146.

³⁹ См. документацию к этой информации: *Ochmański J. Skolwa i Borcie*, s. 85-87.

⁴⁰ Русская Историческая библиотека, т. XXX. Юрьев, 1914, стлб. 543-544.

ся в общей сложности 15. В Литве ятвяжские деревни получили название *Dainava* (слав. *Дойново, Дейново*), видимо, по той причине, что это название, относящееся только к одной, прилегающей к Литве, ятвяжской области, они распространили на все ятвяжские земли. Название другого ятвяжского племени - *Sudavia, Suduva* - не употреблялось в Литве, поэтому попытки квалифицировать топонимы с основой *Sud-* на территории Литвы как ятвяжские не кажутся убедительными⁴⁶. Поселений типа *Dainava* на территории Литвы и прилегающей Руси, как установил А. Каминьский, было всего 28. В списке населенных мест Литовской ССР 1959 г. фигурируют: *Dainava* - 9 пунктов, *Dainavėlė* - 3, *Dainaviškis* - 2, всего 14 деревень, все они расположены на территории южной Литвы; далее этот тип названий тянется вплоть до Минска. Они сосредоточены главным образом между Алитусом (видимо, пограничной крепостью рядом с деревней Ятвезью) и Вишневом. Селения типа *Ятвезь* размещены в основном к югу от Немана, за исключением *Ятвеска* близ Щучина, который свидетельствует о продвижении в то время русских поселений на правый берег Немана. Неман образывал четкую границу между селениями типа *Дайнава* и *Ятвезь*, которая вместе с тем чрезвычайно важна для установления литовско-русской границы в тот период. Пространство между названиями *Ятвезь* и *Дайнава* однозначно определяет пограничную зону между русскими и литовскими поселениями для конца XIII в., а также, несомненно, и для XIV в. Таким образом, названия *Дайнава* - *Ятвезь* оказываются ценным материалом для изучения не освещаемой письменными источниками проблемы литовско-русской этнической границы в средневековье. Они представляют источник тем более ценный, что их можно точно датировать: 1283 г. является конечной датой появления этих названий. Значение этих топонимических материалов недооценил, однако, А. Каминьский, так как этническую литовско-русскую границу XIII в. он наметил не по Неману, что следует из самих названий, но по заселенной ятвягами зоне⁴⁷, т.е. не на пограничье, а внутри территории, занятой литовскими поселенцами.

Если бы оказалось правильным предположение, что название жителя земли *Dainava* звучало как *dainys*, то тогда к ятвяжским поселениям в Литве можно было бы присоединить не менее 14 пунктов *Dainiai* и 2 - *Dainiškiiai*⁴⁸.

⁴⁶ По этой причине не приняты во внимание названия типа *Sudowiszki*, собранные А. Каминьским (*Kamiński A. Jaćwież. Łódź, 1953, s. 78-79*).

⁴⁷ См.: *Kamiński A. Op. cit.*, карта размещения названий, производных от *Ятвезь*.

⁴⁸ Примечательно, что д. *Doynowka* западнее Шальчининкай, упомянутая под 1692 г. (*Jablonskis K. Lietuvos inventoriai. XVIIa. Vilnius, 1962, p. 374*), на карте значится как *Dainiškės*. Существовало, однако, личное имя *Doynis/Dainis*, см.: *Zinkevičius Z. Lietuvių antropimika. Vilniaus lietuvių asmenvardžiai XVIIa. pradžioje. Vilnius, 1977, p. 98, 132.*

Довольно многочисленный приток ятвяжских беженцев в южную Литву наводит на вопрос: не оказали ли они заметного влияния не столько на литовскую культуру, которая в то время вряд ли разительно отличалась от ятвяжской, сколько на литовский язык? До настоящего времени наука располагала чрезвычайно скудными реликтами языка ятвягов - в виде всего лишь 38 личных имен, а также 26 названий местностей и вод⁴⁹. Следует указать на дополнительный языковой материал, каковым являются 6 имен крестьян из деревни *Ятвеск* (предположительно около Щучина) от второй половины XV в.: *Mejszato, S'kodis, Korwelis, Zwikonis, Swirpli, Monejko*⁵⁰. Сохранились также именные списки жителей *Ятвеска* по Щучином от 1555 г. и *Ятвези* (называемой также *Дайнава*) под Дятловом (лит. *Zietela*) от 1580 г.⁵¹ Они представляют по меньшей мере 40 имен (главным образом патронимия) балтийского характера⁵², которые заслуживают того, чтобы ими, наконец, заинтересовались балтисты. Наличие селения *Ятвезь* в пределах литовского языкового острова, лежащего под Дятловом к югу от Немана, заставляет обратить внимание на имена его жителей и на те особенности языка, в которых обнаруживаются ятвяжские черты.

Помимо пруссов, бортей и дойновы на территории Литвы обнаруживается еще одна волна западнобалтийских поселе-

⁴⁹ Б. Савукинас (*Савукинас Б. К проблеме западнобалтийского субстрата в юго-западной Литве. - Baltistica, I (2), p. 165-176*) присоединил к этому списку по К. Буге и Я. Отрембскому - 3, и по собственным разысканиям - еще 6 ятвяжских топонимов. По его мнению, ятвяжскими следует признать литовские патронимы с суф. *-уна, -унас*. В таком случае ятвяжскими по происхождению были бы и местные названия с этой концовкой - например, топоним *Zervyna/Zervynos* (а не чисто лит.: *Žervyna*), за ятвяжский характер которого высказался С. Каралюнас (*Karaliūnas S. Pastabos dėl vardo Zervynos kilmės. - In: Zervynos. Vilnius, 1964, p. 137*). Однако замена литовского *ž* > *z* выступает не только у ятвягов, но и у пруссов. А. Ванагас (*Ванагас А. К вопросу о диалектной дифференциации балтов, обитавших на территории Литвы, по данным гидронимии. - Lietuvos TSR Mokslų akad. darbai. Ser. A I (26). Vilnius, 1968*) полагает, что гидронимы на *-us*, выступающие только (что весьма показательно) в южной Литве, являются ятвяжскими.

⁵⁰ Документы Московского архива Министерства юстиции, с. 57, № 16, 20; с. 41, № 5 (данные III, древнейшей книги записей Литовской Метрики).

⁵¹ Акты, издаваемые Виленской Археографической комиссией, т. XIV. Вильна, 1887, с. 19: *Jatwiesk*; с. 209: *Jatwiew zdzigciolska*.

⁵² Вот несколько примеров из д. Ятвезь: *Гирук Нарушевич, Гойли Еввнелевич, Юдко Шаньтирович, Болтрук Коржелевич*; из д. Ятвеск: *Жорновтович, Желей Сакович, Бакун, Скрели, Болдевая, Ловчусь.*

ний. Так, привилей Владислава Ягайлы от 1387 г. на имя его брата Скиргайлы упоминает прусскую Сколву. Король выделил Скиргайле между прочим: "а около Троков тая мѣста по Ваку, по старий рубеж, а по Вельи оуниз також по рубеж, толко опроч Жешмов, и Кулви. А на сю сторону по Сколву город Радня и оуся тая волость со всякою службою, оуси люди и села и оусякий доход"⁵³. Весь этот фрагмент текста, называющий старую границу между Троким и Виленским княжествами, был бы совершенно ясен, если бы не указание "по Сколву". Основываясь на том, что для описания границы документ использует реки, один из издателей и вместе с тем проницательный исследователь этого привилея Ю. Якубовский полагал, что и загадочная Сколва также обозначает реку. Не найдя подобного названия на указанной территории, он исправил текст: "по Жижву" (= Жижму)⁵⁴. Между тем, такого рода эмендация источника совершенно излишня. Орденские "Wegeberichte" приблизительно под 1385 г. сообщают о "скаловах", которые живут в двух милях от местности Sabolost (Заболоть): "Skalewo, do wonen ouch die Schalwen" - затем идет река Пеляса, от Скалева же две мили до Радуня⁵⁵. Нет сомнения, что оба источника - привилей Ягайлы и "Wegeberichte", - относящиеся к одному времени, говорят об одном и том же: о скольвенском поселении в окрестностях Радуня. Орденское донесение не только определяет его местоположение, но и поясняет, откуда там появилась эта Скольва. Оно сообщает, что скаловы между Заболотью и Радунью "die szu Rangnith (= Рагнета) wurden gefangen"⁵⁶. Таким образом, это были пленные, захваченные во время одного из литовских походов на прусские владения немецкого ордена. С большой долей уверенности можно установить даже то время, когда их поселили под Радунью. В 1365 г. Кейстут и Ольгерд вместе с другими литовскими князьями предприняли массированный набег на окрестности Рагнеты, опустошая также "terram Schalwischcensem"⁵⁷. Тогда, как сообщает с сожалением орденский летописец Виганд из Марбурга, около 800 человек обоого пола сдались литовцам, и те увели их с собой "ad patriam"⁵⁸. По-видимому, эти люди и были направлены под Радунь.

Орденские "Wegeberichte" различают, однако, две группы скаловов в Литве. Те из них, которые жили близ Шальчининкай и где-то на реке Дитве, определяются как "die

alden Schalwen"⁵⁹, в отличие от "ouch die Schalwen" в местности Skalewo (ныне не существующей). Очевидно, можно полагать, что поселения скаловов появились в Литве до 1365 г. Под 1364 г. Виганд записал, что Кейстут выслал тогда же "150 Lithwanos de ville Scholawen vulgariter pro custodia viarum", но крестоносцы разогнали этот отряд⁶⁰. Ясно, что это не были скаловы из-под Радуня, поскольку те были поселены там только спустя год, а кроме того, радунская Скольва не была во владениях Кейстута, как это следует из привилей Ягайлы Скиргайле 1387 г. Виганд упоминает под 1381 г. деревню "Schalwen prope Pastow" (лит. Pastuva), уничтоженную вылазкой крестоносцев⁶¹. Местность и волость Pastow лежала на правом берегу Немана западнее устья р. Невжис. Таким образом, во второй половине XIV в. в Литве существовало по крайней мере два центра скаловских поселений, их могло быть и больше, поскольку известно еще и о Скольве близ Шальчининкай. Следов этой последней обнаружить не удалось, зато засвидетельствовано наличие под Радунью в XVII-XVIII вв. скольвенского войтовства, входящего в бортянское староство. В 1637 г. скольвенское войтовство (деревни Nowe Wygany, Jatolty, Dubiny, Skirejki) "nie zachowując sie według tej rewizji pośledniejszej, przykładem innych wójtowstw i wsi w tejże włości borciańskiej będących, dziakła uparcie zbuntowawszy się dotąd nie wydali"⁶². Согласно инвентарю бортянского староства 1765 г., к скольвенскому войтовству относились деревни: Wigony, Smilginie, Dubinie, Skirejki, Orle, Połojkiszki, Kurki, Korkoldy⁶³. Они занимают южную часть бывшего радунского повета, образуя компактный комплекс. Нет сомнения, что поселил их здесь Ольгерд после похода на Рагнету 1365 г. Скольва осела на лесной территории, создав островок обжитой земли. Соседнюю часть обширной радунской пуши колонизовали ранее, около 1278 г., соседи скольвы - борти. Создается впечатление, что большое, насчитывающее в XVIII в. 22 деревни, бортянское староство - результат поселения здесь в 1278 и 1365 гг. бортей и скольвы, которые обжили довольно значительное пространство между Дитвой и Барташункой (тоже след бортей, давших этой реке свое название).

Изучение географии западнобалтийских поселений в Литве позволяет сделать вывод, что они сосредоточились в основном (но не исключительно) в южной Литве, прибывали же они тремя волнами - прусской, бортянской и ятвяжской - в 1276-1283 гг., а также четвертой (двухфазовой) скольвенской - до 1364 г. и в 1365 г. Западнобалтийские поселения частично носили компактный характер, поскольку они

⁵⁹ Ibid., Wege 61, 82.

⁶⁰ Ibid., p. 548, cap. 60.

⁶¹ Ibid., p. 600.

⁶² Lietuvos valstiečių ir miestelių ginčai su dvarų valdytojais, I. Vilnius, 1959, p. 80-81.

⁶³ Feodalinių žemių valdų Lietuvoje inventorių aprašymas. Vilnius, 1963, p. 242, N 688.

⁵³ Последнее издание этого документа с фотокопии оригинала, однако, не совсем безупречно: вместо *город дано горо*, вместо *люде - лю*. См.: Хрестаматя па гісторыі беларускай мовы, ч. I. Мінск, 1961, с. 51.

⁵⁴ Jakubowski J. Opis księstwa trockiego z roku 1387. - In: Przegląd Historyczny, t. V. Warszawa, 1907, s. 45, примеч. 1; там же и текст документа.

⁵⁵ Scriptores rerum prussicarum, II. Wege 90, ср. Wege 82.

⁵⁶ Ibid., Wege 90.

⁵⁷ Ibid., p. 549, cap. 61.

⁵⁸ Ibid., p. 549.

образовывали обширные острова, как бортыанская волость и скольвенское войтовство. Часть бортей (и, видимо, все ятвяги и пруссы) осела, однако, в разбросанных, одиночных, обособленных поселениях среди литовцев. Борты, пруссы, ятвяги и скаловы - четыре потока западнобалтийской колонизации - были размещены главным образом по среднему Неману и его притокам на пространстве от Паштувы и вплоть до Минска. Если судить о численности западнобалтийских поселений на основании лишь этнонимических названий, то участие западных балтов в развитии средневековой Литвы показалось бы слишком скромным. Известно, однако, что не все поселения западных сородичей литовцев получали отплеменные названия. Доказательством может служить описание границы между Гродно и Перлоя от 1379 г. Между Заболотью и Острином упоминает оно "das Grosedorf do di Sudovin sitczen"⁶⁴. Ятвяги жили в данном месте (может быть, это *Великое Село* под Желудком?), но деревня при этом вовсе не носила названия *Дайнава*. Указанием на численность радунской скольвы может служить информация Виганда о том, что из Рагнеты было уведено литовцами 800 человек, а раньше, вероятно, еще несколько сот. Все четыре группы - борты, пруссы, ятвяги и скаловы - могли насчитывать в Литве по меньшей мере 5000 человек в момент их поселения. А это представляло уже ошутимую силу в развитии средневековой Литвы.

Население западнобалтийского происхождения в массе своей, независимо от времени и обстоятельств прибытия, не получило в Литве особого социального статуса и подчинялось общим законам страны, в которой жило. Зависимое первоначально от владельца, в XV в. и позднее оно было предметом пожалований литовским магнатам. Устроены лучше других борты во владениях, подвластных великому князю, дольше всего сохраняли свою обособленность благодаря специальной службе мостостроителей. В боярское сословие вошли, вероятно, лишь те, кто нес статус знатного человека со своей родины.

В языковедческой литературе уже обращалось внимание на то, что явление так называемого саканья, состоящего в замене непалатальных фрикативных *š*, *ž* свистящими *s*, *z*, характерно для диалектов самой южной части литовской языковой территории. Ту же область отличает еще одна особенность - изменение палатальных согласных *t'*, *d'* в *k'*, *g'*. Известный польский литуанист Я. Отрембский высказал мнение, что "эти изменения следует связывать с древним субстратом ятвягов, которые некогда здесь сидели"⁶⁵. Ученый еще не знал о массовой миграции пруссов в эти области южной Литвы; работы последнего времени принимают во

⁶⁴ Codex diplomaticus prussicus, t. III. Königsberg, 1842, № 134; А. Каминьский (Op. cit., s. 68, примеч. 78) не смог эти местности локализовать и даже сомневался (без всяких к тому оснований), на восточном или же на западном берегу Немана они лежали.

⁶⁵ Otrębski J. Gramatyka języka litewskiego, t. I. Warszawa, 1958, s. 353, 357.

внимание влияние пруссов на литовские диалекты, в частности на литовские островные говоры Белоруссии⁶⁶.

Изучение географии и хронологии иноплеменных и иноэтнических местных названий в Литве позволяет выявить новые факты из истории Литвы XIII-XIV вв. Топонимы этого типа заполняют не один пробел в письменных источниках, сообщая важные сведения как о результатах литовских походов на соседние земли, так и о размещении поселений, в частности, в пограничной литовско-русской зоне над средним Неманом. Новые факты, извлеченные из топонимистики литовской этнической территории, могут послужить основой для дальнейших исследований в области истории, этнографии и языкознания.

Перевела с польского Т.М. Судник

3. ЗИНКЯВИЧЮС

К ИСТОРИИ ЛИТОВСКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Литовский языковед К. Буга еще 70 лет тому назад обнаружил, что в литовском языке есть целый ряд христианских (церковных) терминов восточнославянского происхождения. Фонетические и морфологические признаки свидетельствуют о том, что данные слова должны были попасть в литовский язык еще до официального крещения Литвы польскими ксендзами в 1387 г. Из сказанного следует, что первыми распространителями христианской веры среди литовцев были славяне с востока, т.е. предки современных белорусов, а не с запада, т.е. поляки¹.

Дальнейшие исследования польского языковеда Н. Боровской² и историка Г. Ловмянского³, а также аме-

⁶⁶ См., напр.: Судник Т.М. Диалекты литовско-славянского пограничья. М., 1975; Eadem. Über mögliche Spuren eines altpreußischen Einflusses auf eine Mundart der litauischen Sprachinseln. - Zeitschrift für Slawistik, 1978, Bd. XXIII, 5 (печь идет об островных диалектах под Радунью).

¹ Буга К. Lituanica. - ИОРЯС, 1912, т. XVII, 1, с. 10-13 (= *Būga K. Rinktiniai raštai*, I. Vilnius, 1958, p. 348-349); *Idem*. Kalėdų vardo kilmė. - Im: "Vilties" nemo-kamas Mokslo ir literatūros Kalėdų priedas, 1913, p. 9-11 (= *Rinktiniai raštai*, I, p. 431-432).

² Borońska N. Wpływy słowiańskie na litewską terminologię kościelną na podstawie Dictionary Szyrwiada. - In: Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. II. Warszawa, 1957, s. 320-365 (особенно s. 364-365).

³ Lówmiański H. Uwagi o wpływach słowiańskich na litewską terminologię kościelną. - In: Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, II. Warszawa, 1957, s. 366-372.

риканского лингвиста А. Сенна⁴ подтвердили указанный вывод.

С церковной терминологией тесно связаны личные имена, даваемые при крещении. Первые замечания о литовских личных именах, полученных через восточнославянское посредство, имеются у К. Буги⁵. Более подробно данный вопрос рассматривал Й. Думчюс в известной статье о литовских личных именах античного происхождения⁶. Нами в 1971–1974 гг. был собран обширный антропонимический материал из рукописных книг регистрации бракосочетаний и крещения Вильнюсского костела св. Яна, относящихся к началу XVII в. При анализе данного материала тоже отчетливо выделился определенный пласт антропонимов, заимствованных литовцами у восточных славян, по-видимому, еще до официального крещения Литвы⁷. Число известных антропонимов данного типа в последнее время значительно увеличилось в результате изучения нами современных литовских фамилий и особенно ойконимов, образованных от личных имен. Кстати, в Литве очень распространены названия населенных пунктов, образованные от личных имен. Они составляют подавляющее большинство всей ойконимической номенклатуры Литвы⁸. Образуется они при помощи определенных окончаний, обычно множественного числа, напр. *Ruzg-aĩ*, *Svirk-os* от *Ruzgas*, *Svirka*, или соответствующих суффиксов, напр. *Vidėn-išk-iai* от *Vidėnis*. Для таких ойконимов используются как собственно личные имена, так и производные от них патронимы или другие суффиксальные образования. Напр., ойконимы *Petráičiai*, *Petrónys*, *Petrūniškis* образованы от антропонимов *Petráitis*, *Petrónis*, *Petrūnas* с первоначальным значением 'сын Петра'; последние, в свою очередь, являются производными от личного имени *Pētras* 'Петр' с помощью патронимических суффиксов *-ait-* (характерен для западной части Литвы), *-on-* и *-ūn-* (оба характерны для средней и восточной частей Литвы).

Критерием выделения личных имен, усвоенных литовцами через восточнославянское посредство, прежде всего являются фонетические признаки, характерные для позднегрече-

⁴ Senna A. Lietuvių krikščioninimas kalbotyros ir tautosakos šviesoje. — In: Lietuvių katalikų mokslų akademijos darbai, VIII. Roma, 1974, p. 175–179.

⁵ См. работы, указанные в сноске 1.

⁶ Dumčius J. Antikiniai vardai lietuvių liaudies kalboje. — Vilniaus valstybinio V. Kapsuko universiteto Istorijos-filologijos fakulteto mokslo darbai, III. Vilnius, 1957, p. 171–185.

⁷ Zinkevičius Z. Lietuvių antroponimika. Vilnius, 1977, p. 88–89; Zinkevičius Z. К истории литовских личных имен восточнославянского происхождения. — В кн.: Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980.

⁸ От ойконимов нередко образуются также топонимы и даже гидронимы. Указанное следует всегда иметь в виду при изучении литовской топонимии, анализ которой целесообразно поэтому начать с изучения отантропонимических названий.

ского языка, из которого данные антропонимы были заимствованы восточными славянами.

Так, например, переход древнегреческого согласного β в более поздний ν (ср. ἄλφα + βῆτα > рус. алфавит) обнаруживается в следующих современных литовских антропонимах и ойконимах:

Ф. (= фамилия) *Aūlas*⁹, нп. (= населенный пункт) *Aul-iaĩ*, *Aūl-iškis*, *Aul-ėliai*. Ср. блр. ли. (= личное имя) *Aūlās* < *Avlās*¹⁰ от *Власий*. Еще ср. лит. ли. *Vlažiėjus*, *Vlažiūs*. Эти антропонимы того же происхождения, но получены они через польское посредство: польское *Vlažeř* + латинизованное греческое *Blasius* (: гр. βλασιος 'кривоногий'). От *Власий* + *Власко* происходят современные литовские фамилии *Laskā*, *Lask-ėvičius*, *Lask-đuskas* с отпадными начальными согласными *v-* перед *l*, ср. диал. *Lādas* < *Vladas*.

Ф. *Aurylā*, нп. *Auril-iskiai* (3 деревни). Ср. *Гаврило* + *Гавриил*. Белорусский фрикативный согласный γ- в заимствованиях литовцы обычно не произносят, напр., *ariel-kā* 'водка' < *гарелка*. Ср. имена того же происхождения с сохраненным *g-*: Ф. *Gaurylā*, *Gaurylis*, *Gauril-avičius*, нп. *Gauryl-iai*, *Gauril-iškės*.

Ф. *Jōkavonis* и *Jakavōnis* (*Jakavonīs*), *Jakovōnis*, нп. *Jokavai*, *Jakaviškiai*. Ср. *Яков* < *Иаков*. Еще ср. лит. ли. *Jokūbas* с сохранением согласного *b*, т.е. полученное через польское посредство (из латинизованного др.-евр. *Iacobus*).

Ф. *Vosỹlius*, *Vosil-aitis*, *Vasil-iūnas* и *Vosỹs*, *Vas-aitis*, *Vas-iūlis*, *Vas-iūnas*, нп. *Vosyl-ynė*, *Vosyl-iškė* (3х), *Vosyl-iškės* (2х), *Vosyl-iškis* (2х), *Vosil-iškis*, *Vosyl-iūkai*, *Vasyl-iškiai*, *Vasyl-iškės*, *Vasil-iškis* и *Vōs-iškė*, *Vōs-iškės*, *Vos-iūnai*, *Vas-iūliai*, *Vas-iūlišké*, а также *Vosk-ōniai* (2х), *Vosk-ōnys*, *Vosk-aičiai*, *Vask-ōnys*. Ср. *Василий*, *Васв*, *Васько*. Еще ср. лит. *Vasilijus*, того же происхождения, но полученное через польское посредство: польск. *Vazyli* + латинизованное греческое *Vasilius* (: гр. βασιλειος 'царский, царственный').

Весьма возможно, что переход β > ν отражен и в ф. *Veniūs*, нп. *Veniai*. Ср. *Веньямин*, *Венедикт* (от сокращенной формы). Еще ср. ф. *Benỹs*, *Bėnius*, *Ben-ėlis*, *Ben-aitis*, *Ben-iūlis* наряду с ли. *Benjamiņas* и *Benediktas*, того же происхождения, но полученными через польское посредство.

Переход древнегреческой аспираты φ в *f*, впоследствии замененной литовцами согласным *p*, обнаруживается, например, в следующих антропонимах и ойконимах:

Ф. *Apan-avičius* и *Apanas-ėvičius*, прозвище *Āpanas*, др.-лит. ли. *Panas*¹¹, нп. *Apōn-iškės*, *Pōnys*, *Pōn-ukštės*

⁹ Сопоставление *Aūlas* с лит. *aūlas* 'голенщик, холява' является маловероятным.

¹⁰ Любопытно, что в данном случае литовцы *-ae* отождествили со своим окончанием именительного падежа *-as*. Примеров такого рода в дальнейшем будет приведено больше. Белорусские антропонимы даются по книге: *Нірыла М.В.* Беларуская антрапанімія. Мінск, 1966.

¹¹ Zinkevičius Z. Lietuvių antroponimika, p. 86.

и *Rónas-ai*. Ср. блр. Апон, Панас (-ас отождествлялось с лит. -as!) + Афоний, Афанасий. Еще ср. лит. *Atanāzas*, полученное через польское посредство: источником является латинизованная греческая форма *Athanasius* (: ἀθανασία 'бессмертие').

Ф. *Pat-ul-ėvičius*, нп. *Pat-ėn-iškis*, *Pat-on-aičiai* (2x). Ср. Фома. От белорусской формы Хома (с *φ > x*) литовцы унаследовали ф. *Kāmas*, *Kam-aitis*, нп. *Kam-ėnai*, *Kam-ūčiai*. Ср. лит. *Tamōšius*, полученное через польское посредство (*Thomas*). Еще ср. латинизованное др.-евр. *Thomas* (: תומ 'близнецы').

Переход древнегреческого долгого гласного η в ī (ср. ἄλλα + βῆτα > рус. алфавит) обнаружен, например, в следующих антропонимах и ойконимах:

Ф. *Donylā*, *Danylā*, *Danyl-aitis* и *Donilā*, *Danilā*, *Danilius*, *Danil-aitis*, нп. *Donỹlos*, *Donỹliai* и *Danil-iškis* (2x), *Danil-iškes* (3x), *Danil-iškiai*. Ср. Данило + Даниил. Еще ср. польск. *Daniel* + латинизованное др.-евр. *Daniel*.

Ф. *Grīgaras*, *Grigar-aitis*, *Grigōrius*, *Grigor-aitis* и (с диссимиляцией *r...r > r...l*) *Grigalis*, *Grigālius*, *Grigal-aitis*, *Grigal-iūnas*, *Grigōlius*, *Grigol-aitis*, *Grigol-iūnas*, нп. *Grigāliai*, *Grigal-iškė* и *Grigal-iškė* (с ī!), *Grigal-aičiai*, *Grigol-aičiai*, *Grigal-iūnai* (3x), *Grigal-iūn-iškės*. Ср. Григор + Григорий. Еще ср. польск. *Grzegorz* от латинизованного греческого *Gregorius* (: γρηγορέω 'бодрствую'). Переход η в ī (i) отражен и в литовских фамилиях, а также в ойконимах, начало которым дали сокращенные или суффиксальные формы того же имени, напр., ф. *Grīgas* (ср. Грис), *Grig-aitis*, *Grig-iūnas*, *Grig-ōnis*, *Grig-ūtis*, нп. *Grig-aičiai* (3x), *Grig-iškė*, *Grig-iškės* (2x), *Grig-ūliai*; ф. *Grīnas* (ср. Грин), *Grinā*, *Grinỹs*, *Grīnius*, *Grin-ėlis*, *Grin-iūkas*, *Grin-iūnas* и *Grīnas*, *Grīnius* (если не от лит. *grūnas* 'чистый, без примеси'), нп. *Griniaĩ* (3x), *Grin-iškė*, *Grin-iškis*, *Grin-aičiai*, *Grin-ėliai*, *Grin-iūnai* (2x) и *Grin-aičiai*; ф. *Grīnka* (ср. Гринко), *Grinkỹs*, *Grīnkus*, *Grink-aitis*, нп. *Grīnkai*, *Grīnk-iškis*, *Grīnk-iškiai*; ф. *Grīncas* (ср. Гринец), *Grīncius*, *Grincỹs*, *Grinc-iūnas*, нп. *Grinca-galė*; ф. *Grīdžiūs* (Гридож), ф. *Grīdkus* (ср. Гридко); *Grīcas* (ср. Грци), *Grīcius*, *Grīcỹs*, *Grīc-iūkas*, *Grīc-iūnas* и *Grīcas*, *Grīčius*, *Grīd-iūnas*, нп. *Grīciaĩ*, *Grīc-aičiai* (2x), *Grīc-iūnai* (5x); ф. *Grīsas* (ср. Гриса), *Grīsius*; ф. *Grīškus* (ср. Грешко), *Grīškā*, *Grīšk-aitis*, *Grīšk-ėlis*, *Grīšk-ėnas*, *Grīšk-ōnis*, *Grīšk-iūnas*, нп. *Grīšk-iškė*, *Grīšk-iškis*, *Grīšk-ōnys*, *Grīšk-ōn-iškės*, *Grīška-būdis*; ф. *Grīkšas* (ср. Грикша, с метатезой от Грешка?), *Grikšā*, *Grikš(i)us*, *Grikšėlis* и *Grykšas*, нп. *Grikšai* и *Grykšai*; нп. *Grikšt-aičiai* (ср. Грикшта с т неясного происхождения).

Ф. *Klīmant-avičius*, *Klīmantas* и *Klīmas*, *Klīm-aitis*, *Klīm-ōnis*, *Klīm-ėnas*, нп. *Klīmant-iškės* и *Klīm-iškės*, *Klīm-iškiai*, *Klīm-ōn-iškes*. Ср. Климент, Клим. Еще ср. польск. *Klemens* + лат. *Glēmēns*, *Glēmētius* (: лат. *clēmēns*, *-entis* 'нежный, милый').

Ф. *Dimitras*, *Dimitr-avičius*, нп. *Dimitraĩ*, *Dimitr-iškės*, *Dimitr-ėliškės*. Ср. Димитрий. Еще ср. польск. *Demetriusz*, гр. Δημέτρος. Переход η > ī отражен и в формах, начало которым дали восточнославянские народные образования того же личного имени, напр. ф. *Micius* (ср. блр. *Miцy*), *Micis*, *Micỹs*, *Micė*, *Micā*, *Mic-ėlis*, *Mic-iūlis*, *Mic-iūnas*, нп. *Mic-iškiai*, *Mic-aičiai* (3x), *Mic-iūnai* (5x), *Mic-iūn-iškė*, *Mic-iūl-ėn-iškis*; ф. *Mickus* (ср. блр. *Miц-ko*), *Mickā*, *Mick-ỹs*, *Mick-ėlis*, *Mick-aitis*, *Mick-iūnas*, *Mick-ōnis*, *Mick-el-iūnas*, *Mick-iūn-aitis*, нп. *Mick-ai* (2x), *Mickiai*, *Mick-aičiai*, *Mick-ōnys*, *Mick-iūnai*, *Mick-iškė* (2x), *Mick-el-iūnai*, *Mick-iūn-iškiai*.

Ф. *Mikāila*, нп. *Mikāil-iškė*, *Mikāil-iškės* (2x), *Mikāil-iškis*, *Mikāil-iškiai* (3x). Ср. Михаил и лат. *Michaël* < др.-евр. *Mīkālēl*. Еще ср. лит. ли. *Mýkolas*, усвоенное через польское посредство: др.-польск. *Michał*.

ст.-лит. *Rapailas*¹² и *Rapail-iōnis* (реконструировано из латинизованной формы XVI в. *Rapagelanus*) + Рафаил. Ср. польск. *Rafaël*, *Rafal* (др.-евр. *Refāēl*).

Ф. *Samūilis* (и *Samūilis*), *Samūila* + Самуил. Ср. антропоним того же происхождения *Samuēlis* (лат. *Samuel* < др.-евр. *Šemūēl*).

Ф. *Zinas*, *Zinỹs*, *Zinius* и *Ziñk-us*, *Zin-kėlis*, *Zin-ėvičius*, нп. *Zin-iūnai* (2x), *Zin-iūn-ėliai* и *Ziñk-iškės*. Ср. блр. *Зина* (и с суффиксом -ко: *Зинко*) + Зиновий из гр. Ζενόβιος (Ζῆν, -ός + βίος). Еще ср. польск. *Zenobiusz* с *Ze-* и лит. ф. *Zėnius*, *Zen-ėvičius*, а также *Zeñk(i)us*, *zenkỹs*, *zenk-ūlis*, *zenk-ėvičius*.

Следует полагать, что через восточнославянское посредство в литовский язык попали и те личные имена, которые сохраняют греческие звуки в тех случаях, когда латинский язык впоследствии их изменил. Напр., ср. лит. *Kiprijōnas*, *Kipras* + Киприан¹³ (: гр. Κύπρος 'остров Кипр' + латинский суффикс *-iānus*) и польск. *Cyprian*.

Ф. *Kirka*, *Kirk-ėlis*, *Kirk-ūtis*, нп. *Kirkai* (и *Kirkai*), *Kirk-ėnai* (2x), *Kirk-ūčiai* (3x), *Kirk-iūnai* (2x), *Kirk-iūn-ėliai* (2x) + Кирион, *Kup(e)l*¹⁴, блр. *Кирко* (: гр.

¹² *Zinkevičius* Z. Op. cit., p. 72.

¹³ Вариант *Kyprian*, блр. *Купрей*, *Купра* в литовском языке должен был совпасть с исконно литовскими антропонимами на *Kupr-* (: *kūprius* 'горбун'). Возможно, поэтому в литовском языке указанные антропонимы и образованные от них ойконимы очень распространены, напр., ф. *Kūpr-ius*, *Kupr-aitis*, *Kupr-ėlis*, *Kupr-ėnas*, *Kupr-ōnis*, *Kupr-avičius* и др., нп. *Kupriai* (10x; *Kūpriai* 2x), *Kūpr-iškiai* (2x), *Kupr-ėliškis* и др.

¹⁴ Антропонимический корень *Kir-* (без славянского суффикса *-k-*) в литовском языке должен был совпасть с исконно литовским *Kir-*, имеющимся в антропонимах *Kir-but-as*, др.-лит. *Kir-jot-as*, *Kir(i)-vyd-as* и др. Ср. современные фамилии *Kiras*, *Kir-butas*, *Kir-elis*, *Kir-ailis*.

κύριος 'господин') и польск. *Cyriak* (с *K-* > *C-*, ср. гр. κυριακός 'господский').

Ф. *Kirylius*, *Kiril-ėvičius* и *Kuryla*, *Kuril-aitis*, *Kuril-ėvičius*, *-avičius* + *Кирилл*, *Курило* (: гр. κύριος 'господин' + *-λλος* диминутивный суффикс) и польск. *Cyryl*.

Ф. *Ambrāsas* (*Ãmbrasas*), *Ambrasà*, *Ambras-aitis*, *Ambras-(i)ūnas* и *Umbrāsas* (*Ũmbrasas*), *Umbrāsis* (с диал. *am* > *um*?), *Imbrāsas* (*Ĩmbrasas*, с неясным *am* > *im*, ср. *Ãndrius*, диал. *Ĩndrius*), *Embrāsas*, *Embras-iūkas* (с неясным *em-*), а также *Ambr-ūlis*, *Ambr-ūtis*, *Ambr-ul-aitis*, *Ambr-ut-aitis* и *Ũmbr-as*, *Imbras*, *Imbra* (с неясным изменением циркумфлекса в акут) и *Brāsas*, *Brāsius*, нп. *Ambrasai*, *Ambr-iškis*, *Ambr-učiai*, *Imbr-iškės*, *Brāš-k-iškis* + *Амвросий*, блр. *Амбросей* (с *б!*), *Амброс* (-*ос* иногда отождествлялось с лит. *-as!*) и польск. (с *s* > *z*, *ź*) *Ambrozju*, откуда лит. *Ambraziėjus* (*Ambroziėjus*), *Ãmbrasas* (*Ambrāzas*, *Ambrōzas*), *Ambras-aitis* (*Ambrozaitis*), *Ambras-ōnis*, *Ambras-iūnas* (*Ambroziūnas*) и *Ambrōzius*, *Ambrōžas*, *Ãmbrāža* (*Ambroža*), *Ambrož-aitis*, *Ambrāž-iūkas*, *Ambrāž-iūnas*, а также *Ũmbrasas* (*Ũmbrasas*), *Ũmbras-iūnas*, *Ũmbrāž-iūnas*, *Ĩmbrasas*, *Imbras-aitis*, *Imbrōzas*, *Embrasas*, *Embrozaitis*, *Brāzas* (*Brōzas*), *Brāzis*, *Brazjūs*, *Brāzius*, *Braz-aitis*, *Braz-iōnis*, *Braz-iūnas*, *Braz-iuk-aitis*, *Braz-ul-aitis*, *Brāžas* (*Brōžas*), *Brāzis* (*Brōžis*), *Bražjūs* (*Brožjūs*), *Braž-aitis* (*Brož-aitis*), *Braž-ūlis*, *Braz-iūnas* и др., нп. *Ambras-iškiai*, *Ambras-iūnai*, *Braz-ėlės*, *Brāž-iškiai*, *Braz-iukaĩ*, *Brāž-iškiai* (*Braž-iškiai* 2x), *Brožiai*.

Ф. *Ausiėjas*, *Aus-iukaitis*, нп. *Aus-ėn-iškės*, *Aus-iūt-iškės* + блр. *Аўсей* < *Овсей* + *Евсевий* и польск. *Eusebiusz* (ср. гр. εὐσέβεια 'благочестие').

Ф. *Isokas*, *Isak-ėvičius* и *Sōkas*, *Sokjūs*, *Sok-ėlis*, возможно также *Sākas*, *Sak-ōnis*, *Sak-ūnas*, *Sak-ūtis*, нп. *Isok-iškės* и *Sokaĩ* (2x), *Sokiaĩ*, *Sōk-iškiai*, *Sōk-iškis*, *Sok-aičiai* (2x), *Sok-ėliai*, *Sok-ōnys* (3x), а также *Sak-iškės* + *Исаакий*, *Исак*, *Сак* (может также являться сокращением из *Сакердон*) и польск. *Izaak*, откуда лит. *Izaokas*.

Ф. *Maisiėjus*, *Mais-iūkas*, нп. *Maisiej-ūnai* + *Моисей*, блр. *Майса* и польск. *Mojżesz*.

Ф. *Prātas*, *Pratas-ėvičius* + *Протасий*, *Протас* (-*ас* отождествляется с лит. *-as*) и польск. *Protazy* (: гр. πρωτας).

Ф. *Sīdaras*, *Sidar-ėvičius*, нп. *Sīdariai*, *Sīdar-iškės* (2x), *Sīdar-iškė*, *Sīdar-ōnys* + *Исидор*, *Сидор* и польск. *Izydor*, откуда лит. *Izidorius*.

Некоторые антропонимы, усвоенные литовцами от восточных славян, отличаются по своей форме от тех, которые имеются у западных славян, в том числе и у поляков. Примером может служить различие в вариантах имени *Иван*:

Jan, ср. лит. ф. *Ivõnas*, *Ivõnis* (*Ivonis*), *Ivon-aitis*, *Ivan-aitis*, нп. *Ivõnys*, *Ivõn-iškė* (2x), *Ivõn-iškės* (4x), *Ivõn-iškiai*, *Ivon-iškiai*, *Ivõn-iškis* (2x), *Ivan-iškis*, *Ivan-iškiai* (2x) наряду с личным именем *Jõnas*. Имеются

в литовском языке также антропонимы и ойконимы, восходящие к восточнославянским народным формам имени *Иван*, напр., ф. *Ivõncius* + *Иванец*, *Ivõškà* (*Ivõška*), *Ivõškis*, *Ivõšk(i)us*, *Ivõškis*, *Ivõškus*, нп. *Ivõškai* (*Ivõškaĩ*), *Ivõškiai* (2x) ~ *Ивашко*, *Võškus*, *Vāškas*, *Vāškis*, *Vaškjūs*, *Vāškus*, *Vašk-ėlis*, *Vašk-ūnas*, нп. *Vošk-oniai*, *Vāšk-ai*, *Vašk-iaĩ*, *Vāšk-iškė*, *Vašk-ėliai*, *Vašk-ōnys*, *Vašk-ičiai* + блр. *Вашко*, ф. *Vank-ėvičius*, нп. *Vānk-iškiai* + блр. *Ванько*, а также без диминутивного суффикса *-k-*: *Van-āuskas*, нп. *Võn-iškiai*, *Võn-iškės*, с *-e-*: *Vañcius*, по-видимому, и *Vansjūs*, *Vančjūs* + блр. *Ванец*.

Ф. *Valatkà*, *Valātklus*, *Valatk-aitis* и нп. *Valātškiai*, *Valātkiškės*, *Valātkiškis*, *Valātkiškiai*, *Valātkaičiai* (2x), *Valatk-oniai* + *Волод(в)ко* + *Володимир* наряду с польск. *Włodzimierz*.

Некоторые восточнославянские антропонимы в разное время были заимствованы поляками. Разумеется, в отдельных случаях они могли попасть в Литву и из Польши. Однако в нашем распоряжении нет убедительных соответствующих литовских примеров, в которых были бы налицо какие-либо специфические элементы польского языка. В старопольском антропонимическом словаре, издаваемом под редакцией В. Ташыцкого¹⁵, соответствующие антропонимы в большинстве случаев приводятся лишь по документам восточной части Польши, населенной главным образом восточными славянами. Это в свою очередь дает нам повод рассматривать литовские соответствия в качестве заимствований из восточнославянских, а не из польского языка¹⁶. Не отрицая полностью возможности в отдельных случаях польского посредства, тем не менее полагаем, что большинство указанных литовских антропонимов были заимствованы литовцами непосредственно у восточных славян. На это указывает уже обилие в литовском языке антропонимов восточнославянского происхождения, в том числе и таких, которые в польском языке вовсе не имеют точных или вполне убедительных соответствий, напр.:

Ф. *Alkim-aitis*, *Alkim-ėvičius* + ст.-блр. *Ольгим* + *Евфимий*;

Ф. *Audiėjus*, *Audiej-aitis*, нп. *Audiėj-iške* + блр. *Авдей* + *Авдуй*;

Ф. *Dāsas*, *Das-ėvičius*, *Das-iuk-ėvičius*, нп. *Das-iōnys*, *Das-iūnai* + блр. *Дас* + *Дасуй*;

Ф. *Demeñt-is*, *Dement-aitis*, нп. *Dement-ōnys* + блр. *Дементей* + *Дементуан*;

Ф. *Demid-ėvičius* (м.б., и *Dimid-ėvičius*, *Dimidž-iūnas*?) + *Демид* + *Диомид*;

¹⁵ Słownik staropolskich nazw osobowych. Pod red. i ze wstępem Witolda Taszyckiego. T. I-IV (A-R). Wrocław-Warszawa-Kraków, 1965-1976.

¹⁶ Заметим, что в указанный словарь включены также некоторые антропонимы литовского происхождения, т.е. имена проживавших в Польше литовцев или их потомков, напр. *Dojlid* (I 497), *Dowojnawicz* (I 517), *Jagieł*, *Jagiełło* (II 379-381) и др.

Ф. *Gūras* (м.б., и *Gūra, Gūrā?*), *Gur-ėnas*, нп. *Gūrai, Gūriōs, Gur-ōnys* (4x), *Gur-ōniai, Gur-ėliai* (6x), *Gur-ūčiai* (м.б., и *Gūrai, Gūriai, Gūriškė?*), *Gūrkiškis* + блр. *Гур, Гурко* + *Гурий*;

Ф. *Jarmala, Jarmālis, Jeřmala, Jarmol-aitis*, нп. *Jarmāl-iške* (4x) + ст.-блр. *Ярмола, Ермола* + *Ермолай*;
ст.-лит. *Karka, Karkelis* и др.¹⁷, нп. *Kārk-iškės, Kark-ūčiai* + ст.-блр. *Харко* + *Харитон*;

Ф. *Nikit-ėnas*¹⁸ + *Никита*;

Ф. *Pōcius, Počūs, Pociūlis, Pociuk-ōnis* и *Pācas, Pac-aitis, Pac-iūnas, Pac-ėlis, Pac-iuk-ōnis*, нп. *Pociai, Pōc-iškė* (2x), *Poc-iškės, Pac-aičiai* (2x), *Pociūnai* (11x), *Pociūn-iškės, Pociūn-iškis, Pociūn-ėliai* (2x), *Poc-ėl-iškės, Pac-ėl-iškis* и *Pac-ūnai* + блр. *Пац* + *Ина-мий*;

Ф. *Pėcas, Pec-iūlis, Pec-iuk-ōnis, Pec-iul-ėvičius* и *Pėckus* (*Peckūs*), а также *Pėtkus, Petkà, Petkūs, Petk-aitis, Petk-ėlis, Petk-ūnas, Petk-ūtis*, нп. *Pec-eliai, Peck-ėliai, Pec-ūnai, Pėtk-iškiai* (2x), *Pėtk-uškis, Pėtk-uškės, Petk-aičiai* (2x), *Petk-ūnai* (4x), *Petk-ūn-iškė* (2x), *Petk-ūn-iškis, Petk-ūn-iškiai, Petk-ėn-iškės, Petk-ėl-iškės* (2x) + *Петко*, блр. *Пец(ь), Пец(ь)ка* + *Петю*;

ст.-лит. *Pakamas*¹⁹, Ф. *Pakam-onis*, нп. *Pākam-oniai* + *Пахом* + *Пахомий*;

Ф. *Svirkus, Svirkà* и *Svirkus, Svirkà*, нп. *Svirkos* (2x), *Svirk-iškė* + блр. *Свирид* + *Спиридон*;

Ф. *Tarās-as, Taras-aitis, Taras-ōnis*, нп. *Tarōsai, Tarōs-iškiai, Taras-iškė* + *Тарас, Тарасий*;

Ф. *Tiknius, Tikn-ėvičius* + *Тихно* + *Тихон*;

Ф. *Tiškus, Tiškà, Tiskūs*, нп. *Tiškai* + *Тишко* (блр. *Цишко*) + *Тихон*;

Ф. *Triponas* и *Trýponas*, нп. *Tripon-iškės* + *Трифон*.

Нам представляется весьма вероятным, что и *Laurynas* (со своими вариантами *Laūras, Lauryn-aitis, Laur-ūtis...*), *Simonas* (а также *Simas, Simon-aitis, Sim-aitis...*) являются восточнославянизмами (ср. *Лаврин, Лавр* + *Лаврентий*; *Симон, Сим* + *Симеон* наряду с польскими соответствиями *Wawrzyniec, Szymon*), несмотря на присутствие в польской антропонимической номенклатуре вариантов с *Laur-, Sym(on)-*. Еще ср. наличие в литовской номенклатуре имен, происшедших от восточнославянских народных вариантов указанных выше антропонимов, напр. Ф. *Laūrišas* (ср. *Лавруша*), нп. *Lavoriškės* (и *Lavoriskes*, ср. *Лавор*) и Ф. *Simk-aitis* (ср. *Симко*), *Simaška* (ср. *Симашко*), *Sen-iūta* (ср. *Сень*), *Seņkus* (и *Senk-aitis, Senk-ūlis...*, ср. *Сенько*), *Siņkus* (ср. *Синько*).

Весьма вероятно, что восточнославянизмами является и часть тех литовских антропонимов, у которых нет четких фонетических или морфологических признаков, позволяющих определить, из какого славянского языка они попали в ли-

товский. Поэтому, возможно, прав И. Думчюс, считающий восточнославянизмами, напр., *Pilūpas, Dovydas, Lōzorius, Mořkus* и др. Точно определить происхождение таких антропонимов можно лишь после углубленного анализа истории каждого из них.

* * *

Диакронический анализ фонетических особенностей литовских антропонимов восточнославянского происхождения показывает, что данные антропонимы в большинстве случаев заимствовались литовцами в те же самые времена, когда в литовский язык проникали нарицательные существительные, составляющие христианскую (церковную) терминологию. Часть антропонимов должна была попасть в литовский язык еще в период существования редуцированных в восточнославянском (ср. *Póvilas* < *Pāvyls), т.е. до середины XII в. По-видимому, христианская церковь восточного обряда начала влиять на Литву еще в XI в., но особенно сильно было влияние со второй половины XII в. Большинство христианских (церковных) терминов, в том числе и определенная часть антропонимов, в литовский язык пришло от восточнославянских соседей еще до начала XIV в.

¹⁷ Zinkevičius Z. Op. cit., p. 151.

¹⁸ Dumčius J. Op. cit., p. 178.

¹⁹ Zinkevičius Z. Op. cit., p. 86.

Р. А. АГЕЕВА

**ПРОБЛЕМЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ТОПОНИМИИ БАЛТИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
НА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ТЕРРИТОРИИ**

В настоящее время известен и частично исследован большой материал топонимии различных регионов. Собрана топонимия Литвы, Латвии, древней Пруссии, бассейна Верхнего и Среднего Днепра, бассейна Оки, Псковских и Новгородских земель - всех территорий, на которых можно ожидать наличия балтийских географических названий.

Межрегиональные исследования балтийской топонимии имеют в качестве надежной основы известную работу В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева по Верхнему Поднепровью¹, в которой отмечено большое количество балтийских названий, привлечен обширный материал, снабженный этимологическими комментариями. Гидронимии Правобережной Украины была посвящена специальная монография О.Н. Трубачева². В 1976 г. Г.П. Смолицкой был опубликован полный свод гидронимов бассейна Оки³. Гидронимии центральных и северо-западных областей европейской части СССР посвящены многие статьи исследователей; в частности, к центральным областям привлечено пристальное внимание московских топонимистов, о чем особо в последние годы заботится и московский филиал Географического общества СССР.

Упомянутые исследования, к сожалению, несопоставимы между собой, так как проводились они на разной основе, с привлечением различных источников; в этих работах различны и подход к описанию, и охват фактического материала. Таким образом, первая проблема межрегиональных исследований - это проблема методическая: как сопоставить между собой факты различных территорий в количественном и качественном отношении в интерпретации различных исследователей. Серьезность поставленной проблемы можно проиллюстрировать следующим примером. Известный специалист по балтийским и славянским языкам Ю. Принц в 1969 г.

опубликовал работу, в которой отметил много названий с эпендетическим -л- на восточнославянских территориях⁴. Пользуясь современными и намного более полными источниками, археологу А.М. Микляеву и автору настоящей статьи⁵ удалось установить для территории Русского Северо-Запада на 100 названий с эпендетическим -л- больше, чем у Принца, причем некоторые выводы Ю. Принца относительно распределения и плотности этих названий в разных областях потребовали коренного пересмотра, а ведь от этого полностью могут измениться и соответствующие исторические выводы относительно расселения восточных славян.

Мы попытались также сопоставить наши данные по топонимам с -л- на Северо-Западе с данными по Верхнему Поднепровью. Но если можно сравнить общие особенности этой словообразовательной модели в обоих регионах, то статистические сопоставления, выводы об эписцентре или направлениях распространения модели оказались невозможными из-за объективно различных уровней сбора фактического материала.

Тем не менее при исследовании границ балтийской топонимии на восточнославянской территории, ее возможного максимального ареала, необходимо не только некоторые предварительные наблюдения этимологического характера, но и определенные статистические подсчеты. Ниже приводится пример такого подсчета по различным регионам, не претендующий на окончательные данные. За основу сопоставления было взято несколько десятков отобранных гидронимических лексем (общим числом 63), распространенных в топонимии всех или части регионов (в которых есть балтийские названия), и прослежено их наличие или отсутствие на разных территориях. Основным исходным материалом были примеры из северо-западных областей РСФСР, поэтому многие лексемы, встречающиеся в прибалтийских республиках и в Верхнем Поднепровье, остались за пределами подсчетов. Критерием отбора лексем была, с одной стороны, их частая встречаемость в топонимии разных регионов, с другой стороны, сюда попали некоторые примеры, представляющие интерес для исследования древнеевропейской гидронимии, которые зафиксированы хотя бы в двух регионах.

Сопоставлялись следующие регионы: Северо-Запад РСФСР, собственно прибалтийские области (Латвия, Литва, бывшие прусские земли), Верхнее Поднепровье, Правобережная Украина, Поочье. В качестве контрольных территорий для сопоставления выбраны, с одной стороны, зарубежная Европа (имеется в виду древнеевропейская гидронимия Балкан и других районов, иллирийская, фракийская и т.д.), с другой стороны, Север Европейской части СССР. Границы регионов определены условно. Так, в регион Верхнего По-

¹ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

² Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968.

³ Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. (Список рек и озер). М., 1976.

⁴ Prinz J. Versuch einer orientierenden Bestimmung von Namenräumen im frühostslavischen Bereich. - Beiträge zur Namenforschung, 1969, Beiheft 5, S. 7-145.

⁵ Агеева Р.А., Микляев А.М. Топонимы с -ля, -ль на Северо-Западе СССР и проблема восточнославянского расселения. - В кн.: Проблемы восточнославянской топонимии. М., 1979, с. 30-54.

днепровья попадают некоторые гидронимы северной Белоруссии, относящиеся, строго говоря, к бассейну Западной Двины. К Северу причислялись некоторые гидронимы Поволжья ниже впадения Оки, т.е. территория, для которой характерен в основном финно-угорский элемент и имеется немало больших соответствий с гидронимией Архангельской обл. Коми АССР и т.д. Условность разделения по регионам вызвана тем, что Центр Европейской части и Поволжье в целом нами не рассматриваются; они слишком разноплановы в топонимическом отношении, и по ним нет таких капитальных монографических исследований, как по избранным регионам.

Среди проверяемых лексем можно назвать, например: *Вержа, Волма, Вятица, Дупля, Жадро, Желема, Лемна, Ильжо, Клева, Ланна, Лида, Литя, Мереть, Можайка, Нерета, Недна, Олосово, Пено, Серемо, Сертика, Стабно, Сава, Тара, Уда, Удрая, Цна* и др.

При сопоставлении между собой балтийских основ или, скорее, корней гидронимов по регионам можно определить количество топонимических изоглосс, объединяющих различные территории. Так, во всех семи регионах (т.е. Северо-Запад, балтийские земли, Верхнее Поднепровье, Правобережная Украина, Поочье, Север и зарубежная Европа) встречаются только два общих корня. Прежде всего, это корень **Nar-*/**Ner-* (ср. *Нерета, Нара*, польск. *Narew, Наровля, Нарва* и другие названия). По всей вероятности, этот корень не собственно балтийский, а скорее общиндоевропейский или даже ностратический, о чем уже писалось неоднократно. То же можно сказать о корне **Sal-*/**Sel-*, в особенности если к нему можно возвести и название крупной реки Ильменского бассейна Шелони. Все территории, кроме Севера, характеризуются тремя изоглоссами (добавляется корень **Sart-*/**Sert-*), а затем происходит постепенное увеличение количества общих изоглосс. Так, если исходить (условно) из Северо-Запада как основы для сопоставления, то его связывают с балтийскими территориями, Верхним Поднепровьем, Правобережной Украиной и Поочьем 12 изоглосс из рассматриваемых 63, если исключить Поочье - 13, если исключить Правобережную Украину - 40, и наибольшее количество общих изоглосс отмечается у Северо-Запада с собственно балтийскими территориями - 56. Проводились и парные сопоставления регионов. Так, наибольшее количество изоглосс объединяет Северо-Запад с балтийскими территориями (уже указан число 56), достаточно велико число изоглосс, объединяющих Северо-Запад с Верхним Поднепровьем, балтийские территории с Верхним Поднепровьем, Северо-Запад с Поочьем, Верхнее Поднепровье с Поочьем. Наименьшее число общих изоглосс отмечено у Правобережной Украины с зарубежной Европой (6), но следует учесть, что отобранные лексем характеризуют прежде всего северо-западный балтийский ареал; имеется большое количество других лексем, не представленных на Северо-Западе, которые связывают Правобережную Украину с фрако-илирийской областью⁶.

Таким образом, следует подчеркнуть, что разработка об-

щей методической основы для сопоставления различных регионов балтийской топонимии крайне необходима. Установление корпуса надежного и достаточно полного фактического материала, на наш взгляд, - задача первостепенной важности на ближайшие десятилетия.

На широком сопоставительном фоне можно с большей точностью атрибутировать балтийскую принадлежность названий восточнославянских территорий и стратифицировать их. На широком фоне, кроме того, гораздо лучше видны недостатки отдельных этимологий, если они разработаны на узкорегionalном материале. Так, например, название *Асмонь, Осмонь* (бас. Сейма) считается иранским (по названию камня, авест. *asman*)⁷. Но подобные названия есть и значительно севернее, ср. р. *Осмониха* Островск. у., бас. Великой, не говоря уже о собственно балтийских названиях: р. *Ошмянка* (*Осмянка*), лит. *Aštonių upėlis, Ašmenà* и т.д. Возможно, здесь могут быть два решения для южного гидронима *Осмонь*, поскольку балтийские лексем лит. *ašmiõ*, лтш. *asmens* 'острие' этимологически родственны иран. *asman*, а семантически возможны оба исходных апеллитива в гидронимах. Правда, вариант *Каменная Осмонька* значительно укрепляет именно иранскую этимологию названия *Осмонь* в бассейне Сейма, а географически район Курской и Орловской областей представляет собой зону, где происходило контактирование балтов и иранцев. То же относится в еще большей степени к гидронимам типа *Уда, Удай, Удава* и т.д. Названия рек *Уда/Удай* в бас. Сулы, *Удава, Удав* в бас. Псла считаются иранскими⁸, но ср. р. *Уда* Новоржевск. у., оз. *Удав*, там же, р. *Удка* Калужск. губ. и т.д., в Поочье *Уд, Уда, Удава* (*Удев*), *Удка* и др. В. Шмид⁹ возводит подобные названия к индоевропейскому гидронимическому слою, реконструируя их как **Oud(h)ā: *Oud(h)āvā*. Таким образом, у нас нет оснований, строго говоря, относить более южные *Уда, Удай, Удава* к иранскому слою, а совершенно одинаковые по форме названия в Псковской обл., в Поочье - к балтизмам, поскольку межрегиональное сопоставление выявляет более древние формы. Вполне возможно, что на юге это название оставили иранцы, а на севере балты, но у нас нет никаких формальных оснований утверждать это с определенностью. Ср. в связи с этим высказывание В.К. Журавлева и В.П. Нерознака: "Если классическая реконструкция порождает принципиальной схожестью результатов, то современная реконструкция характеризуется неединственностью решений. Объяснение неединственности решений при прочих равных условиях различием глубины возникновения, вскрытием диалектных систем в рамках праязыковой области, субстратно-адстратных отношений позволит мотивировать целесообразность тех или иных реконструкций"¹⁰. Представляется, что эта мысль может оказаться крайне полезной для

⁷ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Указ. соч., с. 222.

⁸ Трубачев О.Н. Указ. соч., с. 267.

⁹ Schmid W.P. Zur Geschichte des Formans *-āzon-/-āzo-/-ā. - Indogermanische Forschungen, 1969, Bd. 74, S. 132-136.

¹⁰ Журавлев В.К., Нерознак В.П. Проблемы теории рекон-

⁶ Трубачев О.Н. Указ. соч.

ономастических исследований, в том числе для ономастических реконструкций, проводимых на материале макрорегионов.

Возвращаясь к вопросу о границах балтийской топонимии, следует отметить, что ареал ее до сих пор продолжает уточняться. На основе исследований К. Буги, М. Фасмера, Е. Налепы, В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева и других А.П. Ванагас устанавливает следующий максимальный ареал балтов: современная северная граница Латвии, Псков, Торопец, Зубцов, Калинин - на севере; Москва, Калуга, Орел, Курск - на востоке; реки Сейм, Припять (и несколько южнее ее), Буг - на юге, Висла на западе¹¹. В работе А.П. Ванагаса содержатся ценные соображения о прародине балтов, о единстве и диалектной дифференциации балтийской гидронимии, о концентрации большинства изоглосс древней индоевропейской гидронимии в балтийском ареале и т.д. Вместе с тем, в ней справедливо было указано, что северная и восточная границы балтийского ареала продолжают уточняться.

Со своей стороны мы добавим, что северная граница на основании исследования гидронимии Псковских и собственно Новгородских земель должна проходить примерно по линии Нарва-Новгород (возможно и севернее - до Тосно под Ленинградом) - Боровичи-Бежецк, далее все более суживающимся клином в Верхнем Поволжье, в Горьковскую обл. Здесь на востоке уже фиксировались отдельные балтийские названия в Горьковской обл. (в работах Л.Л. Трубе, Ф.И. Гордеева; название Уфы объяснял Ф.И. Гордеев из балтийского). Не исключено, что если не балтийский, то прабалтийский или индоевропейский горизонт можно увидеть в названиях притока Волги Камы, притока Камы Вятки и еще некоторых названий в Кировской обл., б. Вятской губ.: р. *Сова/Сева* (параллель в Псковской обл.); р. *Межа*, пр. *Унжи*, р. *Летка*, пр. *Вятки*; р. *Кобра*, пр. *Вятки*; р. *Волмасна* (*Вольма*), а также р. *Немда*, пр. Волги, Горьковской обл. Всем им легко найти параллели в западных областях, что в свое время сделал уже А.И. Соболевский, правда, с совершенно иной интерпретацией.

Говоря о крайнем северо-западном регионе балтийской топонимии, следует отметить, что топонимические работы П.А. Аристе¹² фиксируют целый ряд названий в Эстонии, которые считаются автором не финно-угорскими, а субстратными дофинно-угорскими, например, название Чудского озера - *Peipus*, *Peipsi järv*. Существование дофинно-угорских названий на территории Эстонии кажется П.А. Аристе возможным, хотя эстонские археологи констатируют преемственность прибалтийско-финского населения в этом районе

струкции. - В кн.: Конференция "Проблемы реконструкции". 23-25 октября 1978 г. (Тезисы докладов). М., 1978, с. 10.

¹¹ *Vanaгас А.П.* Максимальный ареал балтской гидронимии и проблема происхождения балтов. - В кн.: Проблемы этнической истории балтов. Тезисы докладов. Рига, 1977, с. 129.

¹² *Ariste P.* Mõnda substraadist. (Läänemere maade algsete elanike keelte mõjust eesti keelde ja tema sugulaskeeltesse). - Keel ja kirjandus, 1962, N 1, lk. 17.

в течение 5 тыс. лет. На наш взгляд, названия оз. Пейпус (а также р. Нарвы) могут быть сопоставлены с рядом балтийских названий¹³. Они могут быть не субстратными, а суперстратными индоевропейскими, но, возможно также, являются субстратными, оставленными языком того неолитического населения Прибалтики, на основе которого сформировались, с одной стороны, балты, с другой стороны, прибалтийские финны. В небольшом районе Восточного Причудья и восточного побережья Псковского озера сосредоточены также другие названия, имеющие широкие индоевропейские параллели (р. *Велькота* и р. *Таробля* - с балтийской суффиксацией, *Камби*, *Лиминь*, *Лита*, р. *Янь* и оз. *Яня*), а также балтийские параллели - р. *Нотика*, р. *Обнова* (более старый вариант *Овнова*, ср. лит. р. *Auņiva*), г. *Гдов* и р. *Гдовка*. Кроме того, в этом районе трудно бывает дифференцировать балтийские и славянские названия. Это относится, например, к названиям рек *Плюса*, *Желча*. Район восточного Причудья интересен и в историческом плане, так как он рано был освоен кривичами. Дальнейшие поиски балтийских элементов в этих местах вполне правомерны, так как исторические судьбы кривичей были тесно связаны с балтами, что фиксирует и археология.

Весь ареал балтийской топонимии требует серьезного археологического обоснования. В процессе конфронтации археологического и топонимического материала мы нередко сталкиваемся с ситуацией порочного круга: археологи ищут поддержки своим выводам у лингвистов, лингвисты же, наоборот, ищут поддержки у археологов.

Широкие сопоставления гидронимических ареалов и ареалов археологических культур мы находим в первую очередь в трудах В.В. Седова¹⁴. В.В. Седов считает, что древнеиндоевропейская гидронимия могла быть оставлена с конца III - начала II тыс. до н.э. племенами шнуровой керамики, расселившимися с юго-запада, - племена среднепровской, фатьяновской, балановской культур. В раннем железном веке (I тыс. до н.э. - первые три четверти I тыс. н.э.) мог сложиться балтийский гидронимический слой, который оставлен племенами днепро-двинской культуры, юхновской, верхнеокской. В конце I тыс. до н.э. и в самом начале н.э. племена днепро-двинской культуры двигаются на восток, заселяя западные районы междуручья Оки и Волги. Западнобалтийская гидронимия, по мнению В.В. Седова, оставлена в середине I тыс. н.э. частью зарубинецких племен, двинувшихся на северо-восток до верховьев Оки - сложилась мощинская культура на Оке, в левобережной части - почепская и древности типа среднего слоя Тушемли.

¹³ *Агеева Р.А.* Гидронимия Псковских и Новгородских (Шелонская и Деревская пятины) земель в свете истории заселения края. Канд. дис. М., 1973. Приложение III, с. 62, 70.

¹⁴ По интересующей нас территории особенно важны работы: *Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970; *Он же.* Гидронимические пласты и археологические культуры Центра. - В кн.: Топонимия Центральной России. М., 1974, с. 20-33.

Сопоставление концепции В.В. Седова с гидронимическими материалами, имеющимися в нашем распоряжении, показывает, что пока существует некоторая несогласованность в интерпретации археологических культур и гидронимии ряда районов. Так, область Псковских и Новгородских земель у В.В. Седова почти вся последовательно показывается как финно-угорская. Границы фатьяновской культуры совершенно не захватывают, а восточная граница среднеднепровской культуры почти совершенно не захватывает верхнего Поочья. Допустим, что балтийская гидронимия (которой много, судя по каталогу Г.П. Смолицкой) появилась здесь не в эпоху бронзы, а позже, хотя в этом районе также попадутся древние индоевропейские гидронимы. Но широкое распространение балтийской гидронимии, а также значительное количество древнеевропейских гидронимов на Северо-Западе, из которых, может быть, еще и не все учтены, не находит объяснения в рамках данной концепции. Ведь нельзя считать, что только кривичи или словене, появившиеся в V-VI вв. н.э., принесли с собой балтийскую гидронимию, как они принесли с собой балтийские элементы в материальной культуре. Возможно, стоит подумать об "удревнении" балтийского гидронимического пласта на современных восточнославянских территориях, с тем, чтобы правильно интерпретировать многие гидронимические ареалы, например Северо-Запад или крайний северо-восточный район Кировской обл. или Верхнее Поочье, причем последние районы на археологических картах пока остаются вне границ локальных культур шнуровой керамики, а область бассейна Вятки, куда, по картам В.В. Седова, не доходит граница ни фатьяновской, ни балановской культур, позже становится ареалом волосовских племен и в дальнейшем тем более финно-угризируется.

В работах других археологов также неоднократно ставились вопросы этнической интерпретации археологических культур Северо-Запада и других регионов. П.Н. Третьяков и М. Гимбутас примерно одинаково очерчивают область, занятую в конце III - начале II тысячелетия до н.э. племенами шнуровой керамики. Эта область в основном совпадает с теми границами, которые устанавливаются нами на основании изучения гидронимии балтийского и индоевропейского типов. В особенности соответствует нашему гидронимическому ареалу археологический ареал, показанный М. Гимбутас¹⁵. Максимальный ареал балтов устанавливается в раннем и среднем бронзовом веке (1450-1100 гг. до н.э.), затем он суживается в позднем бронзовом веке (1100-800/700 до н.э.).

Интерес для топонимистов представляют и попытки археологов этнически интерпретировать местные неолитические культуры племен, с которыми сливались племена культуры шнуровой керамики. Здесь среди археологов наблюдаются различные точки зрения. Так, Р.К. Римантене, по-видимому, этнически противопоставляет племена висло-неманской (неманской) и нарвско-неманской (нарвской) неолитической культуры племенам шнуровой керамики, которые сли-

лись с первыми и образовали балтов. Р.К. Римантене сомневается в том, что среднеднепровская и фатьяновская области в эпоху шнуровой керамики были балтскими и считает появление здесь гидронимов более поздним явлением (во время распространения штрихованной керамики). "Нет сомнения, что зачатки гидронимов складывались в это время (т.е. в эпоху шнуровой керамики. - Р.А.), - пишет она, - но до нас дошли, по-видимому, от более позднего времени. Происхождение же гидронимов на Днепре и Волге следует связывать с более поздним временем, чем период бытования культуры шнуровой керамики"¹⁶. Не очень понятно, что автор считает "зачатками гидронимов". Гидронимы либо существовали, либо не существовали, а скорее всего крупные реки как-то назывались населением с очень большой древности, и именно они имели шансы остаться непереименованными до наших дней. Следует обратить внимание на то, что почти все наиболее значительные реки и озера изучаемого региона носят либо древние индоевропейские, либо отчетливо выраженные балтийские названия: *Двина*, возможно *Шелонь*, *Пола*, *Полисть*, *Ловать*, *Днепр*, *Ока*, *Угра*, *Жиздра*, *Межа* и мн. др.

В этом плане представляет также большой интерес концепция археолога Д.А. Крайнова¹⁷, который связывает ранне-неолитические культуры (нарвско-неманскую, верхневолжскую, днепро-донецкую, волго-камскую и сперрингс - V-IV тысячелетия до н.э.) с индоевропейской средой (возможно, с протобалтами), а фатьяновцев считает прабалтами - с их локальными группами московско-клязьминской, двинско-ильменской, окско-деснинской, верхневолжской, средневолжской и др. Исходная территория для них - между Днепром и Вислой (автор полагает, что это могут быть прабалты и праславяне).

Таким образом, проблему археологического обоснования балтийского и более древнего индоевропейского топонимических слоев следует считать как никогда более актуальной.

Все это представляет чрезвычайную важность для хронологической стратификации балтийских и индоевропейских топонимов, а с последними балтийские топонимы органически связаны. Сложности дифференциации тех и других, а также специфические этимологические сложности можно продемонстрировать на любом примере.

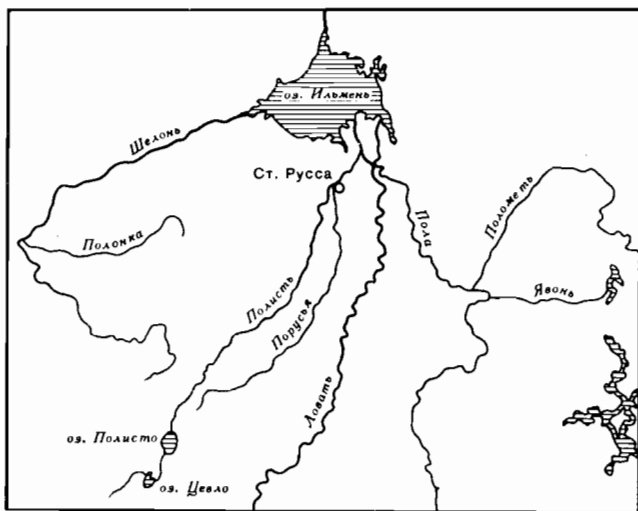
Рассмотрим гидронимы *Пола*, *Полисть*, *Полометь* (см. рис.). Здесь гидронимический контекст вполне балтийский: *Верготь*, *Явонь*, *Ловать*, *Целло*, *Русса* и др. Ю.В. Откупщиков производит также название оз. Ильмень из индоевропейских языков¹⁸, этому, однако, мешает наличие фор-

¹⁶ Римантене Р.К. К вопросу об образовании балтов. - В кн.: Проблемы этнической истории балтов. Тезисы докладов. Рига, 1977, с. 15.

¹⁷ Крайнов Д.А. Фатьяновская культура в этногенезе балтов. - Там же, с. 16-21.

¹⁸ Откупщиков Ю.В. О происхождении названий озер Ильмень и Селигер. - В кн.: Межвузовская конференция по исторической лексикологии, лексикографии и языку писателя. 27 сент. - 6 окт. 1961. Тезисы докл. Л., 1961, с. 10.

¹⁵ Gimbutas M. The Balts. London, 1963.



мы др.-рус. *Илмърь* (ср. эст. *Ilmjärv*). Названию р. Пола есть соответствия в балтийских землях, ср. р. *Palà* в Литве. К. Буга сравнивает с финно-угорскими названиями, кроме того, *Полисть*, считая его финно-угорским гидронимом из-за суф. *-сть* (совершенно неверно; в эту группу у него попало много типично славянских названий, например *Черность*, *Снагость*)¹⁹. М. Фасмер производит названия *Пола*, *Полисть* из славянских языков²⁰, ср. рус. *полий*, *половодье*. Но, учитывая окружающие названия и тесно связанный с Полой ее правый приток Полометь, а также находящийся в непосредственной близости от Поля левый приток Ловати Полисть, нужно скорее, вслед за Х. Краэ²¹, возвести все эти названия к и.-е. **pal-* 'болото, топь, трясины' (этот корень достаточно часто встречается в индоевропейской гидронимии. Х. Краэ сюда же относит балт. *Ralona*, рус. *Полонка*, пр. пр. Шелони). Теперь обратим внимание на название р. *Полометь*, пр. пр. Пола. В.Н. Топоров²² находит параллель этому названию в лтш. *Palmiõta*, а названию *Пола* - также лит. *Palà*, р. *Поля*, пр. пр. Клязьмы (есть и другие названия этого типа в Рязанской, Владимирской, Минской областях). Фонетически сопоставление *Поломети* с *Palmiõta* можно принять, но как объяснить с точки зрения словообразования явную связь названий *Полометь* и *Пола*? Тем более, что у гидронима *Полометь* есть другие варианты (по писцовым книгам, спискам населенных

мест, атласам): *Полометь*, *Поломет*, *Поломедь*, *Полмямь* (*Поламеть*), *Поломямь*, *Поломода*. Представляют интерес варианты с "д" вместо "т", а также разноречивые, указывающий на открытый характер "е". Не является ли *Полометь*, или *Поломода*, *Поломедь* сложением из двух корней? Вторую часть можно было бы объяснить из и.-е. слова, означающего середину, ср: алб. *tjet*, греч. *μετά*, иллир. гидронимы *Met-apa*, *Met-aurus*, *Medma*, *Meduacius*, *Meduna* (по Х. Краэ²³). Между прочим, *Полометь* впадает в Полу как раз в ее среднем течении.

Другая возможность объяснения - это балтийский корень **med-* - название леса, прусск. *median*, лит. *mėdis*, ятв. *Mėtā* (по Е. Налепе и В.Н. Топорову²⁴); этот корень часто встречается в балтийской гидронимии.

Наконец, не лишним будет заметить, что район южного Приильменья является удивительной концентрацией названий с приставкой *по-*, балт. *ра-*, указывающей на определенную местность. Например, р. *Порусья* (тождественная с р. *Русса*, пр. Ильменя; на р. *Порусья* стоит г. Старая Русса). Выше р. *Полисть* сравнивалась с реками *Пола* и *Полометь*, однако ср. также вариант этого названия *Полиста* и оз. *Полисто* Холмск. у. и р. *Льста* (*Лста*, *Ильста*) Новоржевск. у., пр. Сороти, оз. *Льсто* (*Ильсто*) там же. Менее вероятна связь названий р. *Полона* Порховск. у., пр. пр. Шелони, с р. *Лонна*, там же, и р. *Лонненка* Крестецк. у., пр. пр. Поломети; однако этот пример служит еще одной иллюстрацией той неединственности решений, о которой шла речь выше. И нужно надеяться, что новые межрегиональные сопоставления помогут решить и эту этимологическую загадку.

В настоящей работе в силу ограниченности ее объема нет возможности подробно говорить о других проблемах, возникающих в ходе межрегиональных исследований балтийской топонимии: балто-славянской топонимической интерференции, различного влияния балтийских языков на отдельные славянские диалекты и т.д.

Наконец, главная проблема, которую можно назвать, но которая в настоящее время не имеет решения: что такое балтийская топонимия на восточнославянской территории? Субстрат ли это? Каковы ее отличия от славянской, от древнеевропейской? Насколько велики эти отличия?

И не сохраняет ли славянская топонимия иногда более архаичные индоевропейские черты, чем балтийская? И, наконец, каково отношение балтийской и индоевропейской топонимии к огромному финно-угорскому топонимическому пласту, с которым они перекрещиваются?

Можно привести еще один пример, который подобно паре *Пола* : *Полометь* иллюстрирует сложность всех этих вопросов.

Во всех регионах балтийской топонимии встречается гид-

¹⁹ Вйга К. *Rinktiniai raštai*, т. 3. Vilnius, 1961, p. 619.

²⁰ Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*, т. 3. М., 1971, с. 306, 310.

²¹ Краэ Н. *Sprache und Vorzeit*. Heidelberg, 1954, S. 49.

²² Топоров В.Н. "Baltica" Подмосковья. - В кн.: Балто-славянский сборник. М., 1972, с. 219.

²³ Krahe H. *Die Sprache der Illyrier*. Т. 1. Die Quellen. Wiesbaden, 1955, S. 94.

²⁴ Налепя J. *Z badań nad jaćwiewskimi relikdami onomastycznymi Połeksza - In: Studia linguistica slavica baltica Canuto-Olavo Falk*. Lundae, 1966, p. 288; Топоров В.Н. "Baltica" Подмосковья, с. 243.

ронимическая основа *Сав-/Сов-*. Можно не причислять сюда гидронимы типа *Совья, Савиха*, возможно, *Совка* — они скорее всего поздние и могут быть связаны с названием птицы. В Поочье встречаются также реки *Савель* и *Сава* (*Сява*)²⁶. С этими названиями можно сравнить в Литве названия рек *Savistas, Savinga, Savėnė, Savėlis* (ср. *Савель* в Поочье). А.П. Ванагас производит последнее название от апеллатива лит. *savėlis* 'сонный; придурковатый'²⁷, но скорее всего это название можно поставить в упомянутый ряд. Ср. также лтш. р. *Savīte* и оз. *Sāviena*, прусск. *Sowo-spanien, Sowelin, Sowicz*, верхнеднепровская р. *Сава*, бас. Березины (см. параллели в работе В.Н. Топорова "Baltica Подмосквья", с. 249, но сама подмосковная *Савиха* вряд ли относится к этому ряду). Иллирийские параллели: *Savov* и др. Название европейской *Сави* можно возвести к и.-е. **sōu-ā*, **seu* 'сок, влага, струиться и т.д.'²⁸. Обращают на себя внимание два обстоятельства: 1) прусская и восточнославянская формы совпадают в отношении вокализма — *o* (правда, есть прусское *Sawinde* — *ca*), в то время как в восточнобалтийском и иллирийском закономерно *a*; 2) в указанных индоевропейских корнях аблаут, но достоверных форм топонимов с **seu* не обнаружено (в отличие, например, от **Ner-/*Nar-*, **Sert-/*Sart-*, которые представлены обеими формами в топонимии. Кстати, большой вопрос возникает относительно условий вариантности *e/o* в топонимах. Неизвестно, можно ли считать это явление в топонимии аблаутом, однако подобная вариантность в топонимах, несомненно, зафиксирована, в частности в балтийских и славянских областях).

Отметим, что корень **seu* присутствует как параллель к корню **sōu-* в гидронимии одного и того же района — в Островском у. Псковской губ. Здесь зарегистрированы названия оз. *Сово* (и р. *Совка*) и оз. *Сево* или *Севское*, *Сево-Виц* (и р. *Севка* в соседнем Новоржевском у.). Обращает на себя внимание тот факт, что оз. *Сево* в источниках пишется через *Ѣ* (ср. *Сява* как вариант *Сави* в Поочье). Теперь необходимо проверить, не является ли название *Сово* финно-угорским. Действительно, в Архангельской губ. есть реки *Сова*, *Сава-йоки*, *Сова-йеки*, оз. *Соваярви*. Конечно, эти формы могли случайно или не случайно совпасть с исследуемыми. Но в Архангельской обл. нет варианта с *Сев-*, что показательно. А в Вятской губ. (см. выше об индоевропейской гидронимии в этом районе) находим р. *Сова* и р. *Сова* с вар. *Сева*. Итак, это индоевропейский гидроним? Или архаический славянский гидроним, сохранивший индоевропейские особенности? Или же это балтизм? Вероятно, лишь на большом количестве примеров и при всесторонних межрегиональных исследованиях в области топонимических изоглосс, топонимических основ, топонимического словообразования возможно решение всех этих вопросов.

²⁶ Смолицкая Г.П. Указ. соч., с. 245, 252, 264.

²⁷ Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970, p. 130.

²⁸ См. об этом: Bezlaž F. Slovenska vodna imena, d. 2. Ljubljana, 1961, s. 173.

ЛИТОВСКИЕ ГИДРОНИМЫ СЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Балто-славянские контакты в гидронимии проявлялись и проявляются по-разному. Неоднородны эти контакты и хронологически. Есть основание говорить, например, о древнейшей эпохе, которая отражена в гидронимии генетически общим слоем литовских (и вообще балтийских) и славянских гидронимов.

После обособления балтийских и славянских языков сформировалось множество гидронимов, имеющих балтийский или славянский облик.

Ввиду многовековых (начиная с середины I тысячелетия н.э.) контактов балтийских и славянских языков на обширных территориях Восточной Европы и в результате растворения балтийского этнического элемента среди славянского, в восточнославянских языках (главным образом в белорусском, меньше в украинском и русском) осталось несколько сот балтийских субстратных водных названий¹.

Балто-славянские контакты довольно интенсивно продолжались и после исчезновения "восточных" или "днепровских" балтов. В результате этих связей, которые условно можно называть новейшими, и в собственно балтийской, в том числе и в литовской, гидронимической системе появились маргинальные ее элементы, среди которых важное место принадлежит гидронимам славянского происхождения. Нужно сказать, что на этот аспект балто-славянских языковых отношений до сих пор обращалось мало внимания.

Гидронимов славянского происхождения в Литве насчитывается несколько десятков. По способу образования и по происхождению они неодинаковы, но генетическая принадлежность к славянским языкам большинства из них несомненна. Назовем основные из них.

Amarnia р. Мяркине. Из лит. *amarnia* (< польск. *hamernia*) 'кузница'.

Aniuoliūkas р. Молетай. Ср. лит. *aniuoliūkas* < *āniuolas* 'ангел' (из ст.-польск. *anieł, anioł*). Гидроним, возможно, демонологического значения.

Asėkas оз. Линкмянис, *Asėka* р. там же. Можно предполагать, что когда-то в литовском языке был номенклатурный физиографический термин **asėkas* (или **asėkas*), заимствованный из славянских языков (скорее всего из польского языка), ср. польск. *osiek* 'низкое плодородное место, бывший луг', полаб. *vjōsek* 'загон', словен. *osèk* 'огороженное поле', рус. *осек, осека* 'загон, ограда, забор, огороженный луг, поле'. Эти слова далее сопоставляются с польск. *siekać, siec* 'рубить, сечь'². Ср. блр.

¹ В обобщающем виде панорама этих контактов представлена в общеизвестной книге: Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

² Nitsche P. Die geographische Terminologie des Polnischen. Köln/Graz, 1964, S. 69-70.

болото 'болотистая низменность, где растет трава', Литва: дер., Асака лес и др.³, польск. *dzięk* (несколько ойконимов)⁴.

Astragà, Ķadrē р. Круонис. Этимология неясна. Соотношение вариантов *Astragà* и *Ķadrē* также труднообъяснимо. Все же есть некоторое основание полагать, что *Astragà* является славизмом, ср. рус. *острог* 'плетень с крышей', др.-рус. *острогъ*, схрв. *Ostroг* - название горы, чеш. *ostruh*, польск. *ostróg*. Эти слова сравниваются с рус. *острый* и т.д.⁵

Baudičriškis р. Варена. Ср. лит. топонимы *Baldyrinis* гора Бальнинкай, гора Аланта: блр. *bowdyr* 'водяной пузырь (banka wodna)⁶.

Bindūpi р. Пренай. Речка получила свое имя от бывшей в этом месте в прошлом корчмы. Название корчмы *bindūgė* в свою очередь восходит к польск. *binduga, bienduga* 'берег реки, у которого готовятся плоты' < ср. н.-нем. *bindung*⁷. Ср. польск. *binduga* - часть озера, место рыбной ловли, *Pod Bindugę* - часть озера⁸.

Būktas р. Жасляй, *Būkt-upis* р. Ужвянтис. Из лит. *būktas, buktà* < польск. *buchta* < нем. *Bucht* 'бухта'.

Burošiškas оз. Калвария. Скорее всего, из славянского географического термина, ср. блр. *бурчак* 'часть реки, где вода течет быстро; быстрая речка'⁹.

Darėtinūčiai две реки Варена. Есть основание для сопоставления с блр. *Даражно д., Даражня р.*¹⁰, *Дарозня* уроч.¹¹: блр. *опражня, оражня* 'место первичной обработки древесины, коры, бересты, лука, лыка, изготовления драги, драпки'. По утверждению В.А. Жучкевича, иногда так называлась и 'запону на сплавной реке'¹².

Dunājus 8 рек; *Dūnājus* оз. Линкмянис, *Dunōjus* 4 реки, оз. Сейрияй; *Dunājus* оз. Виштитис; *Dunojėlis* р. Швекшна. Всего в Литве насчитывается около 30 микротопонимов и гидронимов (в основном относящихся к небольшим гидрообъектам), имеющих название *Dunōjus, Dūnōjus, Dunājus* и

под. Эти гидронимы и микротопонимы являются своеобразным рефлексом в литовской топонимии имени европейской реки Дунай. Посредником между именем Дунай и литовскими топонимами были славянские языки. Из славянского фольклора апеллятивы *dunōjus, dūnōjus, dunājus* и т.д. пришли в литовское народное творчество с очень неопределенным значением воды. Литовские гидронимы и микротопонимы образовались из этих в основном фольклорных слов¹³.

Pžendzelaiūka р. Капсукас. Ср. польск. *Pżegielotówka* < польск. *dzięcioł* 'дятел'¹⁴.

Gasdā р. Калвария. Возможно, восходит к славянскому географическому термину - польск. *gozd, żoźd* 'лес, бор', словен. *gōnd* 'лес' и т.д.¹⁵

Glūkas оз. Варена. Правдоподобна связь с лит. *Glūškas* 6 озер, *Glūšniā* оз. Швянчėнис и, далее, с рус. *глухой*, польск. *głuchy* 'глухой', блр. *глуш* 'глухое, тихое, непроходимое место в лесу, в кустах; болото', *глуша, глушка, глушца, глушень* то же¹⁶ (> лит. *glūsnas* 'сбивчивый, путанный' и т.п.).

Grūda р. Мяркине. Ср. лит. топонимы *Grūd-al-upė* канава Алитус, *Grūdas* (или *Grūdas?*) лес Радунь, *Grūdas* лес Дубичяй, поле Варена, гора Рудня, *Grūdkaī, Grūdkaī* лес Дубичяй. Наиболее вероятна связь с литовским славизмом *grūdas* 'возвышенное, сухое место в болоте', ср. польск. *gruda* 'мостовая, настил'¹⁷, блр. *груд* 'высокое место, бугорок, возвышенность в болоте'¹⁸, укр. *hrud* 'возвышенное место среди болот'¹⁹, полесское *груд* 'участок твердой, обычно не затопляемой земли'²⁰, чеш. *hrud* 'лесистые возвышенности под Моравой'²¹ и т.д.

Jazas р. Рудишкес. Скорее всего, из литовского славизма *Jazas, jezaz* 'закол, учуг' - ср. польск. *jaz* 'закол, учуг', *Jazowa* д.²²

Kanavā 4 реки, *Kanavas* оз. Панявежис, *Kanauka* р. Дя-

¹³ Шире см.: *Vanagas A. Dėl Lietuvos upių vardų Dunojus ir Dniepras kilmės.* - In: *Lietuvių kalbos leksikos raida (Lietuvių kalbotyros klausimai, VIII).* Vilnius, 1977, p. 173-182.

¹⁴ *Prinz J. Die Slavisierung baltischer und Baltisierung slavischer Ortsnamen im Gebiet des ehemaligen Gouvernements Suwałki.* Wiesbaden, 1968, S. 272.

¹⁵ *Nitsche P. Op. cit., S. 134; Rospond S. Słowińskie nazwy miejscowe z sufiksem -sk-.* Wrocław-Warszawa-Kraków, 1969, s. 123.

¹⁶ *Яшкин Г.Я.* Указ. соч., с. 50.

¹⁷ *Nitsche P. Op. cit., S. 96.*

¹⁸ *Яшкин Г.Я.* Указ. соч., с. 53.

¹⁹ *Jurkowski M. Op. cit., s. 124.*

²⁰ *Толстой Н.И.* Славянская географическая терминология. М., 1969, с. 124.

²¹ Там же, с. 125.

²² *Orzechowska A. Nazwy miejscowe dawnego powiatu pilzneńskiego oraz prawobrzeżnej części dawnych powiatów sandomierskiego i wiślickiego.* Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1975, s. 27-28.

³ *Яшкин Г.Я.* Беларускія геаграфічныя назвы. Мінск, 1971, с. 15.

⁴ *Zierhoffer K. Nazwy miejscowe północnego Mazowsza.* Wrocław, 1957, s. 287.

⁵ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, III. М., 1971, с. 166.

⁶ *Jurkowski M. Ukrainiska terminologia hydrograficzna.* Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1971, s. 70.

⁷ *Nitsche P. Op. cit., s. 200.*

⁸ *Breza E. Toponimia powiatu kościerskiego, Gdańsk, 1974, s. 249; Falk K. -O. Wody wigierskie i nuciańskie, I. Uppsala, 1941, s. 113.*

⁹ *Яшкин Г.Я.* Указ. соч., с. 28.

¹⁰ *Жучкевич В.А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974, с. 96.

¹¹ *Мікратопанімія Беларусі. Матэрыялы.* Мінск, 1974, с. 80.

¹² *Жучкевич В.А.* Местные географические термины в топонимии Белоруссии. - В кн.: Местные географические термины. М., 1970, с. 143.

гучяй, *Kanák-urpelis* р. Крякянава - ср. блр. канава, ки-
наўка 'канава, канавка', рус. канава.

Kardonėlis р. Раудоне. Из литовского славизма *kordonas*
'пограничная стража' (ср. польск. *kardan*, рус. кардан
и т.д.).

Krempà, Krempė р. Лянтупис. Ср. польск. *Krępa* р.,
Krępe оз.²³ Восходит к польск. *krępy* 'коренастый, призе-
мистый'. Видимо, гидронимы имели более общее configura-
ционное первичное значение²⁴.

Krugùkas оз. Молейта, *Krùglis, Krugėlis* оз. Лейпа-
лингис. Ср. рус. *круг, круглый* и т.д. (отсюда лит. *krùg-
las* 'круглый'). См. еще *Krùžninkas*.

Krùžninkas р. Кросна. Ср. блр. *круг* 'болото в лист-
венном лесу; багнистое болото, которое заросло ольхой;
ольховый лес на болоте; край болота, где хорошо растет
травя', *кружок* 'небольшое болото среди поля или в лесу;
криничное место, в котором растет трава осока' и т.п.²⁵

Kubilnyčia р. Друскининкай. Ср. *Kubilnyčia* лес Мар-
цинконис суф. *-nyčia* < слав. *-nica* образовано, вероят-
нее всего, из польск. *kobyta, kobylica* 'ветвистое дере-
во; деревянная загородка', ср. укр. *kobyta, kobytycja*
'загородка, барьер'²⁶. Но возможно прямое преобразование
варианта указанного польского термина *kobylenie*²⁷.

Kutalánka, Kutailénka р. Вевис. Соотношение этих двух
вариантов не вполне ясно. Возможно, они оба являются
поздними преобразованиями из **Kutelenka* < **Kut-el-anka*.
Ср. лит. *kùt* поле Рудишкес, *kùt* поле Бутримонис, поле
Вильнюс: польск. *kuta* 'кочка, заросшая травой возвышен-
ность, остров в болоте или в воде'²⁸.

Lančková р. Казлу-Руда. Ср. польск. *łączka, łąka* 'за-
ливной луг'. Подобным образом можно объяснять и происхож-
дение микропонима *Lančkos* поле Мяркине.

Ledakinė р. Плокшай. Ср. лит. *Ledak-ùpis* д. Смильгяй -
возможно, из потамонима *Ledak-ùpis*. Предполагается связь
с литовским полонизмом *ledākas* 'плохой, ни на что не год-
ный, злой'.

Mačėlnukas оз. Смалвос. Сюда относится и лимноним
Mičėlnukas (Вейсейя), который является поздним преобра-
зованием из *Mačėlnukas* (ср. *mičėlnukas* 'мученик'). До-
статочно вероятна связь с блр. *мачальня* 'мочило', *мачыць*
'мочить' и т.п. См. еще *Mačiulà*.

Mačiulà, Mačiulà р. Онушкис, *Mačiulà* оз. Рудня, *Ma-
čiūliai* р. Лапес, *Mačiūlė* р. Гринкишкис. Из литовского
славизма *mačiulà* 'мочило', ср. блр. *мачула* 'природный,
заросший травой и лозняком пруд, став, болотный луг'²⁹.

²³ Hydronimia Wisły. Cz. I. Pod red. P. Zwolińskiego.
Wrocław-Warszawa-Kraków, 1965, s. 346.

²⁴ Nalepa J. Opuscula Slavica, II. Lund, 1973, s. 107-108.

²⁵ Яшкін Г.Я. Указ. соч., с. 96-97. См. также: Тол-
стой Н.И. Указ. соч., с. 118-122.

²⁶ Jurkowski M. Op. cit., s. 180.

²⁷ Там же.

²⁸ Nitsche P. Op. cit., S. 92.

²⁹ Яшкін Г.Я. Указ. соч., с. 113.

Maskoliūkai 2 озера Молейта, *Maskōl-upis* р. Ретавас.
Из литовского славизма *maskōlius* 'русский' (< блр. *мос-
каль*).

Mašnėlis оз. Друскининкай, оз. Пабраде, оз. Вейсейя.
Ср. лит. *Mašnà* болото Панделис, луг Юодупе, *Mašn-à-kalnis*
гора Тяльшай, *Mašniai* поле Жялва, лес Пабайскас. Наиболее
правдоподобна связь с литовским славизмом *mašnà* 'scrotum'.
Но в некоторых случаях не исключена возможность сравне-
ния с блр. потамонимами *Машна, Мошня, Мошница*, которые
возводятся к блр. *мох, можаўка, мошенец* 'моховое боло-
то'³⁰.

Maičiadis р. Зетяля. Возможно преобразование из соот-
ветствующей польской идиомы, ср. польск. *Mocadta, Mo-
szadło* оз. - диал. *Močadua | Močudua, Mיעčadua | Mיעčadlwk* <
польск. *močadto* 'трясина'³¹.

Mielka, Mėlka, Mielk-upis р. Шяшуоляй. Вероятнее все-
го сопоставление с блр. *мель* 'неглубокое место в реке,
в озере, песчаный нанос, долгая коса в реке'³², *melki*
'мелкий'.

Netėcius оз. Варена. Ср. польск. *Nieszcza, Niesiecsze*
оз.³³, *Niesiecsza* оз.³⁴ < польск. *niesiecsz, niesiecsza*
'стоячая вода; маленькое прибрежное озерцо, образовав-
шееся разливом реки'. Из других славянских языков ср.
еще укр. *нетеч, нетеча, нетечина* 'стоячая вода, болото',
бойковск. *нетеча* 'небольшой ручей, речка' и т.д.³⁵

Óporas, Ópora р. Пакуонис. Ср. польск. *opar* 'мокрое,
незамерзающее место, болото'³⁶, укр. *opar* 'незамерзающее
болотистое место'³⁷.

Popława р. Кяльме. С одной стороны, не исключена воз-
можность, что *Popława* является префиксальным дериватом
от *plaw-* (ср. лит. *Plavys* оз. и т.д., *plovà* 'трясина'
и т.п.). Но с другой стороны, заимствование (учитывая
общую этнолингвистическую ситуацию в данных местностях
Кяльмеского р-на) кажется даже более вероятным, ср.
польск. *popław* 'болотистый луг', укр. *поплава* 'болотис-
тое пастбище'³⁸, блр. *поплава, поплаў* 'заливной луг, се-
нокос; растительный пласт на поверхности стоячей воды,
заросшее место в озере; широкое место реки'³⁹.

³⁰ Катонава А.М. Праблемы інтэрпрэтацыі заходнедзвінскай
гідраніміі. - В кн.: Беларуская аанамастыка. Мінск,
1977, с. 16.

³¹ Breza E. Op. cit., s. 216.

³² Яшкін Г.Я. Указ. соч., с. 113.

³³ Leyding G. Słownik nazw miejscowych okręgu mazurskiego.
Cz. II. Nazwy fizjograficzne. Poznań, 1959, s. 25.

³⁴ Kozierowski S. Badania nazw topograficznych na obszarze
dawnej zachodniej i środkowej Wielkopolski. T. II.
M-Z. Poznań, 1922, s. 67.

³⁵ Шире см.: Толстой Н.И. Указ. соч., с. 181.

³⁶ Nitsche P. Op. cit., S. 82.

³⁷ Jurkowski M. Op. cit., s. 103.

³⁸ Куркина Л.В. Названия болот в славянских языках. -
В кн.: Этимология 1967. М., 1968, с. 134.

³⁹ Яшкін Г.Я. Указ. соч., с. 148.

Prūtas оз. Римше. Ср. лит. *Prūtai* поле Марцинконис, *Prūtas* луг Жямайткемис, *Prūtė* пашня Салочяй и др. Восходит к лит. *prūtas* 'мера земли', которое заимствовано из славянских языков, ср. блр. *прут* 'мера земли'⁴⁰, польск. *pręt* 'прент - мера длины'.

Pūčk-ežeris оз. Варняй. Ср. лит. *Pūčkà* пашня Чякишке, *Pūčk-a-raistis* луг Стаклишкес. Из литовского славизма *pūčkà* 'тупой конец яйца; тупой конец лодки'. Возможно, с первичным конфигурационным значением.

Pūst-ežeris р. Гражижкяй, *Pūst-ežeris* оз. Вайгува. Из литовского славизма *pūstas* (ср. рус. *пустой*) 'пустой'.

Pūstoškà оз. Дягучяй. Из литовского славизма *pūstoškà* 'место, где ничто не растет', ср. блр. *пустоша* 'запущенное поле или лес'⁴¹.

Ribnikas р. Аникяй. Ср. блр. *рибнік* 'водоём, где разводят рыбу'⁴².

Rištākas (*Ryštākas*?) Бутримонис, Гярвечяй, Мяркине, *Ryštēkas* р. Круонис. Ср. лит. *Ryštākai* луг Сямялишкес, *Rištākas* луг Алитус и др., лтш. *Ryštaks* водопад. Из лит. *rištakas* (< польск. *rynyszak* < нем. *Rinnstein*) 'течение, поток, струя; след'.

Skād-upis р. Крюкай, Жямайткемис. Ср. лит. *Skadà*, *Skadėlė* луг Сесикай, *Skād-a-kalnis* гора Кросна, Шимонис, *Skadū kalnas* гора Антазава. Возможно, из литовского славизма *skādai*, *skadaĩ* 'лестница, ступень', ср. польск. *schód* 'склон, скат, откос'⁴³, блр. *сход* 'место, где сходят с горы'⁴⁴.

Skrypakas (*Skrypakas*) оз. Стаклишкес. Ср. блр. *Скряпе* кустарник, *скряпе* 'место, где много дубовых пней'⁴⁵. Но возможна связь и с польск. *skrzypica*, блр. *скряпецъ*, рус. *скряпеть*.

Svinuka оз. Вевис, *Svinka* оз. Рудня. Первое название переносное - из *Svinūcha* луг (там же), ср. еще *Svinūcha* поле Опса. Дальнейшая этимология неясна. Ср., например, рус. *свиноья*, блр. *свинария* 'грязное место, где купаются свиньи'⁴⁶ и под. Но не исключены и другие связи, в частности с названием растения *свиноуха* '*Eryngium planum*, *Polygonum arenarium*' и т.д.⁴⁷.

Здесь приведено около 40 групп гидронимов, которые своими корнями уходят в славянские языки. Но это, разумеется, далеко не все литовские гидронимы, так или иначе связанные со славянской топонимической и в особенности апеллятивной лексикой.

В первую очередь, не перечислялись гидронимы, происходящие из общеупотребительных, широко распространенных

литовских апеллятивов, которые сами являются заимствованиями (часто очень древними) из славянских языков. Следовательно, это гидронимы, сформировавшиеся уже как будто на почве литовской лексики, на почве литовского языка. Например, из лит. *bliūdas* (< блр. *блюда*, ср. рус. *блюдо*) образовано несколько гидронимов (*Bliūdas*, *Bliūdālis*, *Bliūdēlis*, *Bliūdēnis*, *Bliūdikas*, *Bliūdinis*, *Bliūdyšs*). Очень популярен в литовской гидронимии и корень *prūd-* (лит. *prūdas* < блр. *пруд*) - около 20 гидронимов (*Prūdai*, *Prūdas*, *Prūdelis*, *Prūd-upis*). Эти и подобные гидронимы прямой связи с славянскими языками будто бы и не имеют - связь обнаруживается в основном на апеллятивном уровне.

Из других гидронимов славянского происхождения следует назвать такие, которые имеют переносные названия - они свое имя позаимствовали из других топонимов, чаще всего из близлежащих микропонимов. Сами эти микропонимы имеют славянское по происхождению название. Приведем несколько примеров.

Kurōnas оз. Смалвос. Ср. лит. *Kuronaĩ* болото Гярвечяй, *Kurōnai* лес Дягучяй, кладбище Таурагнай, лес Девянишкес, поле Алитус, кладбище Йонишкис, гора Салакас. Из литовского славизма *kurōnas* 'насыпной холм; кочка'. Возможно, что озеро имеет переносное название - из какого-то микропонима **kurōnas*, ср. *Kurōnai* гора Салакас.

Perėinà р. Нямянчине. Возможно, из какого-нибудь другого топонима. На это указывает и предполагаемая этимология - ср. блр. *перына* 'новь'⁴⁸.

Slajà р. Жасляй. Переносное название из *Slajaĩ*, *Slājos* луг. Этот микропоним образован из литовского славизма *slajà* 'годовой побег', ср. лит. *slajaĩ*, *slajūs* 'слой' (рус. *слой* и т.п.).

Таких гидронимов довольно много - ср. еще. *Perkādas* р. Дягучяй - из *Perkādas* луг (лит. *perkadas* - ср. рус. *переход* и т.д.); *Paulėnka* р. Рудамина - ср. лит. *Paulėnka* множество ойконимов и микропонимов (польск. *południanka*); *Tabūnas* р. Шимкайчяй - ср. лит. *Tabūnas* множество микропонимов (лит. славизм *tabūnas* < блр. *табун*) и др.

Как и следовало ожидать, гидронимы славянского происхождения концентрируются в основном в юго-восточной части Литвы, где контакты со славянским языковым миром являются наиболее интенсивно.

В. Ф. ДАМБЕ

СЛАВЯНСКИЕ СЛЕДЫ В ЛАТВИЙСКОЙ ГИДРОНИМИИ И МИКРОТОПОНИМИИ

В данной статье рассмотрены некоторые группы латвийских топонимов и гидронимов, так или иначе связанных со славянским языковым элементом. Однако вопрос об исторических взаимоотношениях балтийских и славянских языков здесь не решается.

⁴⁸ Яшкин И.Я. Указ. соч., с. 144.

⁴⁰ Там же, с. 153.

⁴¹ Там же, с. 158.

⁴² Там же, с. 168.

⁴³ Nitsche P. Op. cit., S. 37.

⁴⁴ Яшкин И.Я. Указ. соч., с. 185.

⁴⁵ Там же, с. 176.

⁴⁶ Там же, с. 172.

⁴⁷ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 4. СПб.-М., 1909, с. 65.

В первую группу¹ входят унаследованные и древние заимствованные лексемы, которые в своей именной основе или в разных производных или сложных формах встречаются в топонимии и гидронимии по всей республике и вполне соответствуют системе и грамматической структуре латышского языка.

1. Этимологически прозрачные, которые в основе соответствуют латышским апеллятивам. Некоторые примеры - названия, семантически связанные с обозначением объектов поверхности земли: апеллятив *zeme* 'земля', болг. *земя* в основе ойконимов *Zeme*, *Zemītes*, *Zemtupi* и др.; *ruobeža* 'рубеж' в основе онимов *Ruobeža*, *Ruobežgrāvis* (речки), *Ruobežņīca* (луг), *Ruobežnieki* (много хуторов) и др.; *straujš* 'быстрый', ср. ст.-слав. *strouja* в онимах *Strauja*, *Straujupe* (речки), *Straujais*, *Straumes*, *Strauti*, *Strautnieki* (хутора) и др. Лексема *brods* 'брод', ср. ц.-слав. *бродъ*, в основе ойконимов - *Bradās*, *Bradi*, *Bradaiži*, *Bradumi* и др.; апеллятив *dibens* 'дно', ср. праслав. **dъno* из **dъbno*, *bezdibens* 'бездна', ср. ст.-слав. *bez-dъna* в основе микротопонимов и некоторых гидронимов, напр. *Dibēni*, *Dibinīte*, *Bezdebēnis*, *Bezdebēni*, диал. *Dubēni*, *Dubīni*, *Bezdebēni* и др.² Куршское областное слово *lanka* 'приречный или низкий луг', ср. ст.-слав. *лъкъ*, в названиях лугов, речек, хуторов, напр. *Lanka*, *Lankas*, *Lancis*, *Lancene*, *Lancenieki* (населенное место) и др.

Названия деревьев - *bērzis* 'береза'³, *egle* 'ель', ср. чеш. *jedle*, *liepa* 'липа', ср. полаб. *leipó* встречаются в ойконимах, микротопонимах и в некоторых гидронимах, напр. *Bērze*, *Bērzi*, *Bērzdāji*, *Bērzaune*, *Egles*, *Eglītes*, *Eglaine*, *Liepa*, *Liepas*, *Liepiņas*, город *Liepāja* и др.

Существует и много других родственных или заимствованных лексем в латвийской топонимии и гидронимии, напр. *galva* 'голова', ср. ст.-слав. *glava*; названия животных - *koza* 'коза', ср. ст.-слав. *koza*; *zāķis* 'заяц', ср. блр. *зайка*, *linis* 'линь', *sams* 'сом', *vārna* 'ворона', ср. кашуб. *varna* и словин. *vārna* и др.; лексемы из области религиозной терминологии - *baznīca* 'церковь', ср. др.-рус.

¹ В эту группу включены также унаследованные лексемы, которые нельзя считать заимствованными из славянских языков, а только родственными славянским формам. Причина такого объединения в том, что не всегда можно установить, когда лексема унаследована, а когда она заимствована, но при этом древняя связь латышского языка со славянскими несомненна.

² В латвийской топонимии и гидронимии, если нет документальных данных (а таковые имеются очень редко или, вернее, почти не имеются), часто невозможно точно определить этимологию или происхождение названия. Так, например, *Dubinova* может быть из рус. *дубина* и из лтш. *dibens* (диал. *dibens*, *dubins*).

³ Возникает вопрос, нет ли связи между анаплексисом в латышских земгалских говорах и полногласием в восточнославянских языках, напр. *bērzi* - рус. *березы*, *varna* - рус. *ворона*.

божица; *grāmata* 'грамота'; *krusts*, диал. *krīsts* 'крест', ср. ст.-слав. *krъstvъ*; *svēts* 'святой', ср. ст.-слав. *svętu* и др., напр. *siens* 'сено', ср. ст.-слав. *sęno*; *vasks* 'воск', ср. ст.-слав. *voskъ*; *dzelzs* 'железо'; *lemesis* 'лемех', ср. чеш., слвц. *lemeš*; *nazis* 'нож', ср. праслав. **nožъ* из **nožios*; *rogs*, диал. *rogs* 'рог', ср. ст.-слав. *rogъ*; *pagasts* 'погост' - в западной части Латвии употребляется в значении 'волость', чему в средней части Латвии соответствует *valsts*.

Имеется еще много таких лексем, напр. *pavārs* 'повар', *vainags* 'венок', ср. польск. *wianek*; *zaļš* 'зеленый', *zaļumi* 'зелень', ср. ст.-слав. *zelenъ* и др.

2. Этимологически непрозрачные топонимы и гидронимы, часто без соответствующих апеллятивов. Некоторые примеры: географические онимы, у которых имеются корни с чередованием звуков *bal(i)-*, *bell(i)-*, *bill(i)-*, напр. *Balduone*, *Baltinava*, *Beļava*, *Bīlska* - названия населенных мест и др., могут быть связаны с рус. *болото*, ст.-слав. *blato*, рус. *белый*, ст.-слав. *bělъ*, рус. *биль*⁴. Названия хуторов *Berlīne*, *Berlīni*, *Burlīni*, *Berliņa*, возможно, связаны с рус. *берлога*, болг. *бърлок* 'мусор, мутные помой' (Фасмер I, 158). С этим же корнем связывают название города Берлин⁵.

Названия некоторых лугов и лесов в восточной части Латвии - *Dubras*, *Dubrava* (диал. *Dubrova*), *Dubrene*, а также села *Dubrovka* связываются с праслав. **dъbrъ*, ст.-слав. *dъbrova*, рус. *дубрава*, в.-луж., н.-луж. *dubrawa* и др. (Фасмер I, 548).

Название города *Griobiņa* в юго-западной Курземе, по мнению Я. Эндзеллина, связано с рус. *граб*, *грабина*, полаб. *gróbbē*⁶, хотя имеются также топонимы *Griōbas*, *Griōbe*, *Griōbis* и апеллятив *grūōba* 'Grube, ausgefahrenes Wagengeleise; Schlucht, Tal' (ME I, 670).

Названия сельсовета *Kalupe*, речки и озера *Kalups* в Латгалии, основываясь на особенностях местного ландшафта с множеством болот и озер, можно связать с болг. *кал* 'грязь', 'лужа', польск. *kał* 'кал, лужа, тина', чеш., слвц. *kał* 'тина, грязь, слякоть, кал' и др. (Фасмер II, 163).

Гидроним *Laņa* - название некоторых маленьких речек - и некоторые микротопонимы *Laņa*, *Laņas*, *Langi*, которые встречаются по всей Латвии, как будто из немецкого *lang* 'длинный', но кажется, что в основе этих онимов лежит рус. *ляга* 'лужа, пруд', диалектное 'яма с водой; болото;

⁴ *Dambe V. Saknes bal(i)-, pal(i)- (skaņu mijā) ar slapiņas vietās nožīmi vietvārdos.* - In: *Veltījums akadēmiskim Jānim Endzelīnam. 1873-1973. Rīgā, 1972, s. 125-150.*

⁵ *Schall H. Berlin - ein slawobaltischer Flurname.* - *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indo-germanischen Sprachen*, Bd. 78. Berlin, 1963, s. 126-146.

⁶ *Endzelin J. Zur baltischen Sprachgeschichte.* - *Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Serie B, XXVII, p. 26.*

низкос, сырое место в кустарнике' (Фасмер II, 548), ст.-слав. *logъ*, польск. *łag* 'топь, болото, лес на болоте, болотистый луг' (Фасмер II, 527). Корень *lug(i)* встречается также в названиях города и озера *Ludza*, реки *Ludze*, хуторов *Ludzes*, *Ludzis*, *Ludzenieki* и т.п., и также в онимах *Lugas*, *Lugi*, *Lugaviņi*, *Luguži*, в названии совхоза *Lugaži* и др.

Древнюю связь со славянскими языками можно отметить и во многих других именах, напр., названия с основой *mur-*, такие как *Mur-leja*, *Murplava* (луга), *Murjāņi* (населенное место), можно связать с рус. *мур* 'луговая трава', лтш. *maurs* 'мурава'.

В западной части Латвии встречается несколько озер *Kviču* или *Kviču ezeri*, родники *Kvičes avuotī*, хутора *Kvičas*, *Kvičes*, луг *kvičene* и др. Корень *kvič(i)* - в них, возможно, производится от глагола *kvītēt* 'мерцать, блестеть' и связан с рус. *цветсти*, др.-чеш. *kvisti* и др. (Фасмер IV, 292).

В средней части республики течет река *Vogre*. Этот гидроним родствен др.-прусс. *angurgis*, лит. *ungurys* и рус. *угорь* из **ogorь* 'змееобразный' (Фасмер IV, 146).

В западной части, главным образом в Курземе, часто встречаются микротопонимы *Piļča*, *Piļčas*, *Piļčenes*, *Piļčīnas*, *Piļčenieki*, названия хуторов, а также лесов, болот, горок и долин. Корень *piļč-*/*piļčš-* родствен др.-рус. *пуца*, чеш. *pošť* 'глухое, пустынное место' (из **pustja*, связанного с *пустой* - Фасмер III, 416).

Часто встречаются, главным образом в Курземе, хутора с названиями: *Remēss*, *Remēsi*, *Remēši*, иногда *Remēšēni*, *Remesnieki*. В основе этих микротопонимов лежит редко отмеченный апеллатив *remesis*, связанный с рус. *ремесло*, ст.-слав. *remstvo*, др.-прусс. *romestue* 'специальный топор' и др. (Фасмер III, 468 и сл.).

Иногда в топонимии и гидронимии на первый взгляд исконно латышская лексема, как, напр., *maika* 'дрова', в действительности имеет другое происхождение и другое значение. Так, в Курземе и Земгалии находим озеро *Maikas ezers* и болотистый луг *Maikas purvs*. Здесь слово *maika* можно сравнить с словен. *mlāka* 'болото, мокрый луг', скрв. *mlāa* 'лужа, болото', словен. *mlāka* 'лужа', укр. *mlōka* 'болото' и т.п.

Часто встречаются топонимы, этимологию которых установить трудно, но соотношение которых со славянскими языками несомненна. Например, в западной части республики находим хутора с названиями *Svinti*, *Svintenes*, *Švinti*, *Svinsteri*. В основе этих микротопонимов может лежать диалектный глагол *svīnīt* 'scheuern, reiben, beschmutzen, mit Schweiss besudeln' (ME III, 1163). Эти микротопонимы могут иметь связь со ст.-слав. *svinija*, рус. *свинья*, польск. *świnia* 'свинья' (Фасмер III, 579), *świnio* 'запачкать; замарать', др.-прусс. **swinstian* 'свинья'.

Заканчивая обзор первой группы топонимов и гидронимов, можно добавить, что от всех ойконимов этой группы образуются названия жителей: в западной части - с суффиксом *-niek(i)*-, *-eniek(i)*-, в восточной части с *-iet(i)*- или

-ēniet(i)-, *-āniet(i)*-, *-ēn-*, *-ān-*, напр. *bērzenieki*, *liepājnīeki*, *egļieši*, *ludzenieši* и т.п. Также интересно отметить, что онимы в западной части Латвии, особенно в Курземе, иногда ближе к западнославянским, см., напр., корни *kal-*, *lang-*, *talk-* и др.

Ко в т о р о й г р у п п е лексем относятся более или менее старые заимствования, которые не имеют соответствующих апеллативов в латышском литературном языке, но отвечают его грамматической структуре.

1. Названия, семантически связанные с обозначением географических объектов: *Ostrova* или *Astrava*, *Ostrovieši* - ср. ст.-слав. *ostrovъ*; *Barauka*, *Borauka* или *Borovka* - из рус. *бор*; *Goliševa* или *Golišova* - из рус. *голтш*; *Kamena*, *Kamenci* - из рус. *камень*; *Kanava*, *Kanavi*, *Kanaviņi*, *Kanaviški* и другие названия речек, прудов, лесов, хуторов - из рус. *канавы*; *Krinica* (хутор), *Kriņička* (дорожка) - из рус. *кряница*; село *Ņīvu ciems* из рус. *нива*; *Starica* (речка) из рус. *старуца* и др.

Встречаются топонимы, реке гидронимы, с приставкой *za-*, напр. *Zabludovka*, *Zabolotje*, *Zaborovje*, *Zaļesje* или *Zaļesji*, *Zareče* и др. В таких названиях сел, как *Duboviki*, *Dubovka*, *Orehova*, *Osinovka*, *Sosnica*, видим русские названия деревьев и животных, напр. *Baršuki*, *Bičkas*, *Kabilova*, *Saziuni*, *Volčica*, *Volkova*, *Zaicava* и т.п. Такие топонимы, как *Gustiški*, *Gusakova*, *Guska*, *Kūricas*, *Siņesa*, *Sovāni*, *Voronova*, гидроним *Ķebediņecas ezers* и другие имеют в основе славянские названия птиц.

2. Славизмы - обозначения различных форм общественной жизни: топонимы - *Bazars*, *Dvari*, *Gorodišče*, *Koņespole*, *Rodopole* и другие имена на *-pole*; *Novoselki*, *Palata*, *Slabada* и др.; наименования отдельных групп людей, напр. микротопонимы *Gusāri*, *Družīņi*, *Gorožņiki*, *Sudari* или *Sudāri* и т.п. О роде занятий и о месте работы говорят, напр., топонимы *Bondari*, *Bondariškas*, *Bondarišči*, *Bondarova*, *Konovalova*, *Kraule* (луг в Курземе - в Ручаве) из *караул* (по местным данным, там в шведские времена стоял караул), хотя имеется и латышское областное слово - *kraulis* 'крутой берег'; озеро *Melnicas ezers*, мельница *Melņiku dzirnavas*, *Bogmaļi* и др. В отношении этимологии интересны топоним *Burtnieki* и гидроним *Burtnieku ezers* - большое озеро в северной Латвии. Вообще известно, что *burtnieks* - исконно латышское слово со значением 'знарок письменных знаков, предсказатель', но Эндзелин (ME I, 355) считает, что эти географические названия связаны с рус. *бортник*. С производством имеют связь, напр., микротопонимы *Smaliniški*, *Smalinski*, *Smolnieki*, *Smoli*, хотя не исключена их связь непосредственно с лтш. *smēli*, диал. *smali*; гидроним и топоним *Tartaka*, *Tartaks* - из польск. *tartak* 'лесопилка', *Zavada*, *Zavadiņas* и др.

3. Часть топонимов имеет в основе славянские названия отдельных предметов, напр. *Kaladiški* из блр. *колода*; *Masts*, *Mosti*, бывшая корчма *Krivej-most-kruogs* из рус. *мост*; также, напр., *Svetlica*, *Svikļi*, *Svikliški*, *Seluchina*. Бывшее именование *Bāta* или *Bātes muiža* (в Курземе) может быть из рус. *бат*, слав. *batъ* 'дубинка', ср. древнепольск.,

блр. *bat*, словен. *bāt* 'дубинка'. Имеются названия села *Čulku ciems*, хутора *Kančukas* из блр. *kančuk*; села *Rogivka*, луга *Rogoviča*, бывшего имения *Rajas muiža*; села *Stolāni*, болота *Tjarku purvs*, села *žoglova* или *žeglōva* (в основе ст.-слав. *žegъ*) и др.

4. Среди латвийских топонимов и гидронимов встречаются такие, в основе которых лежат славянские обозначения абстрактных представлений, напр. название озера *Gordojs*, реки *Gordovņica* - из рус. *гордый*, хутора *Ogarčoks* - из *огорчить*, кладбища *Verni* - возможно, из *верный*, а также характеристика по цвету, напр. название озера *Sineje ezers*, болота *Golubovas purvs*, хутора *Čornas*, реки *Čornaja* и т.п.; по месту нахождения, напр. село *Vļižņeva*. В этом смысле интересна история названия реки на востоке Латвии - *Zilupe*. По местным данным, когда-то эта река называлась диалектно *Sīnupe*, т.е. *Sienupe* 'сенная река' (в "Книге Большому Чертежу" - *Сина*). Русские, исходя из сочетания *sin-*, назвали эту реку *Синяя*, а потом латыши калькировали это название (*Zilupe* букв. 'синяя река').

5. В этой группе имен встречаются и такие, в основе которых имеются славянские географические названия, напр. *Donski*, *Ļitovskoje*, *Maskava Maskaveņa*, *Plevnas*, *Vengerski* и т.п., а также русские антропонимы, напр. *Barisi* или *Borisi*, *Borisova*, *Griša-*, *Grišēni*, *Grišiņa*, *Felicianova*, *Hmelničkaja*, *Kazimere*, *Kažmēri*, *Kozlova*, *Kozlovski*, *Maksimsala*, *Marinova*, *Marinpole*, *Naūmine*, *Naūmka*, *Naūms*, *Nikoļskas*, *Noviki*, *Opanasi*, озеро *Petrovska ezers*, *Petručonka*, *Stepāni*, *Vaņkas*, *Vasīži* и т.п.

Упомянутая вторая группа географических имен встречается главным образом в восточной части республики, где среди населения всегда было много русских, а в южной части этой территории - белорусов и поляков, но меньшей численности. Часть подобных топонимов встречается в средней и даже в западной части республики, напр. *Bāta-*, *Čornas*, *Griša-*, *Kanava*, *Kažmēri*, *Ogarčoks*, *Plevnas*, *Rogoviča*, *Svikļi*, *Vaņkas*, *Vasīži* и др.

Третья группа славянских онимов - совсем новые заимствования, которые встречаются в восточной части республики и часто не соответствуют системе и грамматической структуре латышского языка. Некоторые примеры - главным образом названия колхозов, напр.: *Borec*, *Krasnīj Oktjabrj*, *Krasnoje zņatja*, *Leņines*, *Mirnijs*, *Molodaja gvardija*, *Putj Leņina*, *30 let Oktjabrja* и т.п. От таких ойконимов, за некоторыми исключениями, невозможно образовывать названия жителей.

Итак, мы рассмотрели различные случаи славянского лексического влияния в латвийской топонимии, микротопонимии и гидронимии. И хотя в данный момент невозможен точный подсчет географических онимов со славянскими следами, можно сказать, что таких онимов больше, чем онимов, содержащих германские и западнофинские элементы.

ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ
ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА
В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ
В СВЕТЕ ДАННЫХ ТИПОЛОГИИ
(К названию Белоруссии)

Первые данные о названии Белоруссии относятся ко второй половине XIV в.н.э. В стихотворении австрийского поэта Петера Зухенвирта, посвященном памяти рыцаря, умершего в 1360 г., встречается выражение *Weizzen-Reuzzen*, явно представляющее собою перевод названия Белоруссии (Белой Руси)¹. Соотносясь с этим наименованием обозначения Красной и Черной Руси впервые засвидетельствованы в XV в.н.э. на карте монаха Фра Мауро (умер в Венеции ок. 1457 г.), где употреблены соответственно переводные названия *Rossia bianca*, *Rossia rossa* и *Rossia negra*². В начале XV в.н.э. прусские рыцари употребляли название *Weise Rewsen* по отношению к Московской Руси, что находит продолжение и в характерном для начала XVI в. словоупотреблении *Rutheni albi* в противоположность *Rutheni rubli*, относившемуся к восточнославянскому населению западных земель, входивших в Великое Княжество Литовское (у архиепископа Łaski в 1514 г.)³. Для времени от начала татаро-монгольского ига до его конца - до второй половины XV в. - может быть правдоподобно недавно предложенное И. Кноблохом объяснение, согласно которому 'красный' может указывать на связь восточных славян, оставшихся в западных землях, с константинопольским патриархом в отличие от зависимости 'белых' русских от Золотой Орды⁴. Эта гипотеза Кноблоха основывается на сближении эпитета 'красный' в применении к западным группам восточнославянского населения с употреблением турецкого *qızıl* в сочетаниях типа *qızıl alma* 'красное (= золотое) яблоко' как обозначения христианского собора и соответственно христианского города (Будапешта, Вены)⁵. В то же время церковное использование эпитета 'белый' по отношению к некрещеным частям славянского населения засвидетельствовано по отношению к южным славянам - хорватам уже у Константина Багрянородного: τῶν ἄβαπτιστῶν χρωβάτων καὶ τῶν ἄσπρων ἑθνομαζομένων 'некрещенные хорваты, которые также назы-

¹ Mañezak W. Biała, czarna i czerwona Ruś. - International journal of slavic linguistics and poetics, 1975, vol. 19, p. 19. - Зухенвирт жил при венском дворе в 1356-1395 гг., что дает возможность примерно оценить дату стихотворения.

² Ibid.

³ Ibid., s. 36.

⁴ Knobloch J. Sprache und Religion, Bd. 1, Heidelberg, 1979, S. 16-17.

⁵ Laude-Cirtautas I. Der Gebrauch der Farbbezeichnungen in den Türkdialekten. Wiesbaden, 1961, s. 53.

ваются белыми⁶. Однако в подобных случаях возникает вопрос, в какой мере цветовой эпитет связан с побочными значениями (религиозными, политическими), а не с первоначальным географическим распределением, соотносившимся соответственно с символикой цветов (в особенности у тюркских и других алтайских народов). Географическую схему для объяснения соотношений трех цветowych эпитетов при названии Руси принимает и Knobloch, но для более позднего времени, когда в конце XVI в.⁷ и в середине XVII в.⁸ область поселения восточных славян, примыкающая к Литве и соответствующая современной Белоруссии, называется *Russia alba*, тогда как *Russia nigra* (название, ранее относившееся к более северным областям) употребляется по отношению к верховьям Днепра и к Задонщине, а *Russia rubra* (ранее использовавшееся и в качестве синонима *Russia nigra*) представляет собой небольшую область, примыкающую к Венгрии, со столицей во Львове. Для географического распределения эпитетов в это время (или, точнее говоря, по данным этой эпохи, которые могут более адекватно отражать ситуацию реального употребления названий самими славянами) кажется несомненным наличие противопоставлений б е л ы й - ч е р н ы й и б е л ы й - к р а с н ы й, соотносенных с различием сторон света.

Хотя использование цветowych различий для обозначения сторон света известно и в языках средневековой Западной Европы⁹, тем не менее большинство ученых в настоящее время склоняется к точке зрения, согласно которой в Центральной Европе характерная для азиатских культурных традиций цветовая символика сторон света проникла под влиянием степных кочевников Евразии во времена переселения народов¹⁰. Из тех обозначений, которые представляют собой географический и исторический интерес для сопоставления со славянскими данными, чрезвычайно важны обозначения, засвидетельствованные в ситуации столицы Хазарии, которая согласно Ибн-Фадлану¹¹ делилась на две части, называвшиеся соответственно 'Белыми' и 'Черными' Хазарами. Остается, однако, не вполне ясным, относится ли в этом случае эпитет 'Белый' (арабск. *al-Baidā, Sárkel*, соответствующее по семантике *ἄστρον ὀρεινόν* 'Белый город'

у Константина Багрянородного) к особой (религиозной или хотя бы архитектурной) роли города (что, однако, никак не вяжется с географическим вторичным употреблением арабск. *bayād* 'белый' во мн.ч.: 'пустынная, невозделанная земля'¹²) или же просто к его географическому положению (на западном берегу реки Волги - арабск. *Itil*). В последнем случае можно было бы предположить символическое значение 'белый' = 'западный', что согласуется с той именно символикой сторон света, которая является общеэвразийской. Напротив, в первом случае предполагается связь с наименованиями типа кельтск. *Vindobona* (откуда позднейшее *Wien* 'Вена', ср. др.-ирл. *find* 'белый'), обозначающими прежде всего особенно значимый город, как в топонимах типа вост.-ром. *Alba Julia*, венг. *Gyulafehérvár*¹³. Поскольку для средневековья (особенно европейского) значимость города определяется прежде всего наличием в нем функционально существенного собора, славянские названия типа вост.-слав. *Белгород*, ю.-слав. *Белград, Београд*, с одной стороны, и топонимы типа вост.-слав. *Бела(я) Церковь* оказываются по существу тождественными по первоначальной функции. Но истоки подобного символического употребления названий, включающих эпитет 'белый', являются дохристианскими, как это легко установить при анализе римской легенды об озере, связываемом со священным горным лесом *Alba* (Titus Livius, V, 15). Недавнее исследование Ж. Дюмезиля убедительно показало, что легенда восходит к общеиндоевропейскому преданию об озере, в котором скрывается сияющее сокровище; из этого озера протекают все реки мира. Отзвуки этой легенды обнаруживаются, с одной стороны, в кельтской и италийской традициях, с другой, - в индо-иранской, что удостоверяет общеиндоевропейское их происхождение¹⁴. При этом необходимо подчеркнуть, что в римском варианте легенды с нею связывается и происхождение самого города Рима. При допущении (пока еще чрезвычайно гипотетическом) дохристианских (языческих) индоевропейских истоков первого (цветового) компонента названия Белоруссии следовало бы обратить внимание на чрезвычайно широкое распространение именно в белорусском (и прилегающих к нему) ареалах легенд о чудесном происхождении озер, в некоторых своих частях (в частности, связываемых с волотами¹⁵) оказывающихся исключительно архаическими.

⁶ Constantini Porphyrogeniti de administrando imperio liber (Patrologia Graeca, t. CXIII). Paris, 1964, p. 281.

⁷ Guagninus A. Sarmatiae Europaeae descriptio. Speier, 1581; Mańczak W. Op. cit., s. 38.

⁸ Cellarius A. Regni Poloniae, Magnique Ducatus Lituaniae, omniumque regionum juri Polonico subjectorum, novissima descriptio. Amsterdam, 1659, p. 310; Knobloch J. Op. cit., S. 17.

⁹ Reichenkron G. Historische Latein-Altromanische Grammatik. I. Wiesbaden, 1965, S. 345.

¹⁰ Ludat H. Farbenbezeichnungen in Völkernamen. - Saeculum, 1953, 4, S. 155.

¹¹ Ковальский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана об его путешествии на Волгу в 921-922 г. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.

¹² Wehr H. Arabisches Wörterbuch für die Schriftsprache der Gegenwart. Leipzig, 1952, S. 75. В данной связи представляется также существенным русское наименование крепости Саркел на Дону *Белая Вежа*, ср.: Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1977, с. 206.

¹³ Knobloch J. Op. cit., S. 14, Anm. 14; Mańczak W. Op. cit., s. 35.

¹⁴ Dumézil G. Mythe et épopée. Histoires romaines. Paris, 1973, p. 21-89.

¹⁵ Ср.: Иваинов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974; Они же. К вопросу о

Индоевропейская иерархическая символика цветов определяется соотношением высшего (жреческого) ранга с белым цветом, следующего по значимости социального ранга - воинского - с красным цветом при возможности использования других цветов (часто синего или голубого) по отношению к низшим рангам. Эта символика достаточно явственно отражена в индо-иранской традиции, с одной стороны, и в кельтской, с другой, ср., в частности, идентичное соотношение брахманов и друидов с белым цветом, особенно показательное в данной связи. Дюмезиль, видевший в трехчленной системе индоевропейских цветовых соотношений возможное символическое соответствие предполагаемой им системе общеиндоевропейских мифологических, ритуальных и социальных функций, указал уже на существенное сходство между римскими обрядами, где с тремя родами богов соотносены животные белой, черной и красной мастей, и хеттским ритуалом вызывания духов, где боги выходят соответственно по белой, красной и голубой дорогам¹⁶. При исследовании хеттской (как и общеславянской и праиндоевропейской) символики цветов и ее индоевропейских истоков может оказаться полезным сопоставление культурно-исторических данных с лингвистическими в свете современных выводов типологии цветовых обозначений и изучения их нейролингвистических основ.

Системы цветовых обозначений и цветовых символов в разных языках и культурах явились предметом многочисленных работ (в частности в связи с обсуждением гипотезы лингвистической относительности, предполагающей влияние родного языка на характер цветовой классификации¹⁷), которые привели к выводу о существенном сходстве всех исследованных языков¹⁸. Для значительного числа языков мира, цветовая терминология которых подвергалась изучению, установлена иерархия, определяющая наличие цветовых обозначений: если в языке есть обозначение для красного, то в нем заведомо есть термины для белого (светлого) и черного (темного), которые, однако, могут образовываться сами по себе и минимальную двучленную систему, обязатель-

происхождении этнонима "валах". - В кн.: Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М., 1979, с. 73; *Соболевский А.И.* Заметки по славянским древностям. - Изв. ОРЯС, 1926, т. 31, с. 8.

¹⁶ *Dumézil G.* La religion romaine archaïque. Paris, 1966, p. 413, 534; *Иванов В.В.* Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии. - Труды по знаковым системам, IV. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 236). Тарту, 1969, с. 70.

¹⁷ *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. Психологический очерк. Пер. с англ. П. Тульviste. Под ред. и с предисл. А.Р. Лурия. М., 1977 (детальный обзор с литературой вопроса).

¹⁸ *Michaels D.* Linguistic relativity and color terminology. - Language and speech, 1977, v. 20, pt. 4, p. 333-343.

ную для всех языков. Эти цвета входят в основной общечеловеческий треугольник словесных названий цветов¹⁹, совпадающий с треугольником, который выявлен в исследованиях цветовых символов в ритуалах и мифологии различных народов²⁰ и совпадает с той символической системой цветов, которая представлена в названиях Белой, Черной и Красной Руси.

Вхождение в этот универсальный для большинства языков и культур треугольник красного цвета представляет особый интерес с эволюционной точки зрения. Наличие охры, использовавшейся в сакральных целях, известно уже в шалахах из Терра Амата²¹, датировка которых 23 000 ± 40 000 лет недавно подтверждена новыми методами (определение хронологии "послесвечения" камней, побывавших в огне²²). Трехчленная система цветов красный-черный-белый является определяющей для наскальной живописи верхнего палеолита и поэтому с надежностью может считаться характерной для Homo sapiens с самого начала его археологически засвидетельствованного существования. Эта система, в которой красный цвет (охра) был выделен как особо значимый, резко отлична от известной у антропоидов преобладающей роли синего цвета²³. В истории культуры отдельные изолированные случаи образования культурных систем, в частности систем цветов, символизирующих социальные ранги, в которых черный и белый цвета противоплагаются не красному, а синему (и желтому), как в древнем Китае²⁴, стоят особняком. Но для индивидуального цветового восприятия особая роль синего или голубого (светло-синего) цвета выявилась в произведениях писателей (преимущественно романтиков: голубой цветок Новалиса, стихи о синем цвете

¹⁹ *Berlin B., Kay P.* Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley and Los Angeles, 1969; *Jakobson R., Waugh L.* The sound shape of language. Bloomington and London, 1979, p. 188-194 (с дальнейшей детальной библиографией).

²⁰ *Тернер В.У.* Проблемы цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ндембу). - В кн.: Семиотика и искусствометрия. Сб. ст. под ред. Ю.М. Лотмана. М., 1972; *Sahlins M.* Colors and cultures. - Semiotica, 1976, v. 16, N 1, p. 1-22; *Bolton R.* Black, white and red all over: the riddle of color term salience. - Ethnology, 1978, v. XVII, N 3, p. 287-312.

²¹ *Lumley H. de.* Les fouilles de Terra Amata à Nices; premiers résultats. - Bulletin du Musée d'anthropologie préhistorique de Monaco, 1966, N 13.

²² *Wintle A.G., Aitken M.J.* Thermoluminescence dating of burnt flint: application to a lower paleolithic site, Terra Amata. - Archeometry, 1977, v. 12, N 2, p. 111.

²³ *Фирсов Л.А.* Память у антропоидов. Л., 1972, с. 164, 165.

²⁴ *Крюков М.В.* Социальная дифференциация в древнем Китае. - В кн.: Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968, с. 203.

Бараташвили и т.п.). В последнее время в ряде работ²⁵ утверждается, что тенденция к выбору синего, а не красного цвета характерна для больных с психогенными эмоциональными расстройствами.

По данным лингвистической типологии цветовых обозначений синий (голубой) цвет существует только в таких шестичленных системах, в которых кроме трех цветов, входящих в основную систему (черный - белый - красный), обязательно есть также желтый и зеленый цвета. Существуют четырехчленные системы с одним из этих последних цветов и пятичленные системы с ними обоими, но без синего.

В качестве примера пятичленной системы, где для трех цветов, входящих в основную треугольник, есть по два обозначения, а для трех других из шестичленной системы - только два обозначения, можно привести хеттскую, представляющую особый интерес для сопоставления с другими индоевропейскими: 1) *harki-* 'белый, светлый' (древнее индоевропейское обозначение, родственное греч. *ἀργυ-* 'бело-, ослепительно-', тохар. *A ärki-* 'белый'); *ašara-*, *ešara-* 'светлый, белый' (этимология неясна, возможно сравнение с основой тохар. *Уesan* 'ясный, видный', рус. *ясный*, ст.-слав. *jasono*; в этом случае возможно гетероклитическое чередование суффиксов *-r/-n*); 2) *dankui-* 'темный, черный' (древнее индоевропейское слово, родственное нем. *dunkel* 'темный'); *uanzana-* 'черный' (этимология неясна, встречается значительно реже первого обозначения); 3) *mata-/miti-* 'красный' (согласно Бэйли²⁶, связано с хотано-сакским обозначением красного цвета *mīji-jūna-* 'красный' и в этом случае должно считаться относительно поздним заимствованием из митаннийского арийского, может быть, первоначально в качестве названия масти коня; в качестве альтернативной гипотезы можно было бы вслед за Б. Чопом сравнить это слово со славян. **mědo* > др.-рус. *мѣдо*, что вполне согласуется с праформой **m(e)idi-* для хет. *miti* и с семантикой других индоевропейских обозначений цвета меди, но исключает объяснение славянского слова из иранского, ранее предлагавшееся В.И. Абаевым); *ešharwant-* '(кроваво-) красный' (относительно позднее и прозрачное по структуре производное от *ešhar-* 'кровь'); 4) *haḥlawant-* 'зеленый' (тот же суффикс, что и в *ešharwant-*), *haḥlimma-* 'желтуха, желтый цвет' (основа *haḥl-* 'зеленый, желтый', возможно, родственная *haḥḥal-* 'кустарник'²⁷); 5) *andara-* 'синий' (вероятно использование то-

го же суффикса *-(a)ra-*, что и в *a/esara-* 'светлый'; в этом случае архаическая форма, хотя этимологии спорны²⁸); вариант *andarant-*. То, что хеттская система начиная с древних текстов первой половины II тысячелетия до н.э. функционирует именно в качестве пятичленной, видно из магических текстов. В одном из наиболее ранних обрядовых текстов, произносимых жрицей, соответствующие названия цветов записаны шумерским гетерограммами: *nu-mu SAL.LU-GAL V ga-a-pi-na-an TUR. TUR pa-a-i I BAVBAR I GE₆ I SA₅ [I] SIG₇. SI [G₇] ū I SÍG ZA.GIN* 'и мне царица дает 5 маленьких ниточек: 1 белую, 1 черную, 1 красную, 1 зеленую/желтую и 1 синюю нитку' (Ритуал для царской четы²⁹, строки Rs. IV 15-16; двусмысленность перевода 'желтый/зеленый' характерна для шумерограммы SIG₇ = хет. *ḥaḥl-*; последовательность цветов в этом древнем тексте соответствует универсальной схеме). То, что приведенные шумерограммы в подобных текстах служат графической передачей перечисленных хеттских названий цветов, видно из таких более поздних (новохеттских) ритуалов "Старой Женщины" (наименование жрицы), как KUB XXIV 9 I 39-54, где друг за другом следуют четыре одинаковых по структуре заклания: *EGIR-an-d]a-ma SÍG SIG₇. SIG₇ ka-a-pi-na-an QA. TAM. MA i-ya-zi nu ki-ša-an [te-ez-zi] [ku-i-ša k]u-u-un UKÜ-an al-wa-an-za-aḥ-ḥi-it ku-i-ša ḥa-a-aḥ-la-aḥ-ḥi-iš-k[i-it] [ki-nu-n]a-aš-ši-kán al-wa-an-za-ta SIG₇. SIG₇-ta da-aš-ki-mi na-at EGIR-pa. [J] [iš-ḥi-]iš-ši pé-eš-ki-mi ka-a-pi-na-an IT.TI ALAM^{HI.A} ḥu-u-la-le-e-ez-zi* 'Потом она таким же способом скручивает желтую (/зеленую) шерсть в нитку и говорит следующее: "[Кто] бы ни околдовал этого человека и кто бы его ни сделал желтым (/зеленым) (*ḥaḥlah-ḥiškít*, 3 л. ед. ч. прош. вр. итератива от *ḥaḥlahḥ-* 'ожелтеть/озеленить'), [тепе]рь я убираю от него (это) колдовство и (эту) желтизну (/зелень) и я возвращаю ее тому, кто это сделал (буквально: его господину, его хозяину)!" (При этом) нитью она оплетает образы (людей)' (39-42); *[EGIR-a]n-da-ma SIG an-ta-r[a] -an-ta-an ka-a-pi-na-an QA.TAM.MA i-ya-zi [] [nu t]e-ez-zi ku-i-sa-an an-ta-ri-iš-ki-it ka-a-[ša] [an-t]a-ra-an-da-an UD-an ḥu-u-ma-an-da-az tu-ig-ga-az da-aš-ki-m[i] [na-a]t EGIR-pa iš-ḥi-iš-ši pi-iš-ki-mi SIG₇ ka-a-pi-na-an [] [] x IT.TI ALAM^{HI.A} ḥu-u-la-le-e-ez-zi* 'Потом она таким же способом скручивает синюю (*antarant-*) шерсть в нитку и говорит: "Кто бы его ни сделал синим (*antariškít*, 3 л. ед. ч. прош. вр. итератива от *antarai-* 'синить'), смотри! синий (*andarant-*, в варианте текста *[and]ara-*) день я убираю со всего его тела и я возвращаю его тому, кто

sches etymologisches Glossar. Mit Beiträgen von Günter Neumann, Lieferung 1. (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, Bd. 20). Innsbruck, 1977, S. 121, 124.

²⁸ Tischler J. Op. cit., S. 35.

²⁹ Otten H., Soucek V. Ein althethitisches Ritual für das Königspaar. (Studien zu den Boğazköy-Texten, H. 8) Wiesbaden, 1969, S. 37.

²⁵ Вейн А.М., Родштам И.В., Соловьева А.Д. Вопросы полушарной асимметрии головного мозга и проблема бессознательного в свете анализа функционально-органных клинических синдромов. - В кн.: Бессознательное. The Unconscious. II. Тбилиси, 1978, с. 314.

²⁶ Friedrich J. Hethitisches Wörterbuch. Ergänzungsheft 2. Heidelberg, 1961, S. 18.

²⁷ Riemschneider K.K. Hethitisch "gelb/grün". - In: Mitteilungen des Instituts für Orientforschung der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Bd. V, H. 2. Berlin, 1957, s. 141-147; Tischler J. Hethiti-

это сделал!" (При этом) нитью она оплетает образы (людей)' (43-48); [EGIR-a]n-da-ma SIG BABBAR ka-a-pi-na-an QA.TAM.MA i-ya-zi nu te-ez-zil] [ku-i-š]a-an al-wa-an-za-aḥ-ḥi-iš-ki-it ku-i-ša-an a-ša-re-eš-k[i-it] ki-nu-n]a-aš-ši-kán ka-a-ša ḥu-u-m[a]-an-da-az uzu UR-na-a[z da-aš-ki-mil] [na-at EGIR-pa]iš-ḥa-aš-ši pi-i[š-k]i-mi ka-a-pi-na-an [T.TI ALAM]i.A] [ḥu-la-l]e-ez-z[i]' Потом она таким же способом скручивает белую шерсть в нитку и говорит: "Кто бы его ни околдовал и кто бы его ни сделал белым (ašareskit, итератив от ašarai-, производное к ašara-), смотри! [тепе]рь я (это) убираю со всех его членов и это я возвращаю тому, кто это сделал!" (При этом) нитью она оплетает образы (людей)' (48-52); [EGIR.ŠU-ma ŠA GAD ka-pi-na-an QA.TAM.MA i-ya-an-zi [nu ki]š-an te-ez-zil ku-iš-wa-ra-an ḥar-ga-nu-uš-ki-it]' [Потом] изо льна скручивают таким же способом нитку, и она говорит следующее: "Кто бы его ни сделал белым" (ḥarganušk-, итератив от ḥarganu-, производное от ḥarki- 'белый' (53-54, Во 608 I 11³⁰, сходное производное от dankui- 'темный' dan-ku(n)eaḥ- (итератив) засвидетельствовано в аналогичном контексте в ритуале Туннави (II 30-31, 46 и след.); ku-i-e-ša-an da-an-ku-ni-eš-kir ḥa-aḥ-la-n[i-eš-k]ir 'кто бы его ни сделал (букв.: сделали) темным, сделал (букв.: сделали) желтым/зеленым'. Наконец, в ритуале VBoT 111 9-16 упомянуты в качестве сакральных iš-ḥar-nu-wa-an-te-eš da-an-ku-nu-wa-an-te-eš ḥa-aḥ-l[i-u-wa-an-te-eš]' кроваво-красные, темные, желтые/зеленые' цвета волшебных ниток. Таким образом все пять цветов, обозначенные указанными восемью хеттскими основами, выступают в хеттских текстах (на всем протяжении истории хеттского царства) в качестве магических.

Асимметричность хеттской системы по сравнению с универсальным порядком терминологизации цветов определяется выделением синего в качестве особого цвета при объединении желтого и зеленого в одном слове:

'черный'	-	'белый'		'желтый/зеленый'	-	'синий'
(dankui-)		(ḥarki-)		(ḥahl-)	-	(andara-)
(ḥanzana-)		(a/ešara-)				

'красный'
(ešharwant-)
(mita/i-)

Согласно недавно предложенной модели описания основных цветовых обозначений в терминах теории нечетких (размытых или расплывчатых) множеств (fuzzy sets) предполагается, что шесть цветов образуют основные цветовые категории³¹. Остальные пять лингвистически существенных цветов - коричневый (образующий вместе с шестью вышепе-

речисленными цветами семичленную систему), лиловый, розовый, оранжевый, серый - образуются соответственно благодаря пересечению нечетких (расплывчатых) множеств (ср. традиционное понятие смешения цветов³²). Соответственно коричневый цвет представляет собой пересечение черного и желтого, лиловый - красного и синего, розовый - красного и белого, оранжевый - красного и желтого, серый - белого и черного. Хотя для каждого из этих цветов, входящих вместе с шестью основными в одиннадцатичленный универсальный набор цветов, выражаемых в языках мира, во многих языках есть специальные названия (не являющиеся производными от других названий), тем не менее названия соответствующих пяти цветов оказывается в таком языке, как английский, существенно менее быстрым³³. Для типологии систем цветовых обозначений существенный интерес представляет рус. голубой, представляющее пересечение нечетких множеств для синего и белого³⁴. Соответственно можно предположить наличие двенадцатичленной системы, отраженной в русском языке.

Новейшие исследования о нейросемiotике цвета позволили не только сделать вывод относительно наличия общечеловеческой системы названия цветов, но и о возможном соответствии между этой системой и в основном изоморфной ей системой основных цветовых эталонов, определяющих цветное восприятие. Но вместе с тем экспериментально-психологические данные позволили предположить, что названия цветов преимущественно связаны с доминантным по речи (обычно левым) полушарием мозга и соответственно с правым зрительным полем³⁵. Само же различие цветов осуществля-

³² Нюберг Н.Д. Курс цветоведения. М.-Л., 1932.

³³ Heider E.R. Universals in color naming and memory. - Journal of experimental psychology, 1972, v. 93, p. 10-20.

³⁴ Kay P., Daniel Mc Ch.K. Op. cit., p. 640.

³⁵ Malone D.R., Harry H.J. Hemispheric dominance and normal color memory. - Neuropsychologia, 1978, v. 16, N 1, p. 51-59; Hannay H.J. Asymmetry in reception and retention of colors. - Brain and Language, 1979, v. 8, p. 199-200; Davidoff J. Hemispheric sensitivity differences in the perception of color. - Quarterly Journal of Experimental Psychology, 1976, v. 28, p. 387-394; Renzi E.De, Spinnler H. Impaired performance on color tasks in patients with hemispheric damage. - Cortex, 1967, v. 3, p. 194-217; Renzi E.de, Scotti G., Spinnler H. Perceptual and associative disorders of visual recognition: relationship to the side of cerebral lesion. - Neurology, 1969, v. 19, p. 634-662; Scotti G., Spinnler H. Color imperception in unilateral hemisphere damaged patients. - Journal of Neurology, Neurosurgery and Psychiatry, 1970, v. 33, p. 22-28; Basso A., Faglioni P., Spinnler H. Non-verbal color impairment of aphasics. - Neuropsychologia, 1976, v. 14, p. 183-193. - Учитывая связь "иероглифического" (образного) языка жестов с правым полушарием, в

³⁰ Riemschneider K.K. Op. cit., S. 142.

³¹ Kay P., Daniel Mc Ch.K. The linguistic significance of the meanings of basic color terms. - Language, 1978, v. 54, N 3, p. 610-646.

ется субдоминантным (обычно правым) полушарием³⁶, причем по клиническим данным наибольшую роль играет его затылочная³⁷ и теменная области, меньшую лобная, еще меньшую - височная, функции которой в этом отношении сопоставимы с функциями левого полушария³⁸. Развитие соответствующих способностей правого полушария сопоставимо с данными об антропоидах³⁹. Наиболее отчетливая картина разделения этих функций обнаруживается в двух случаях хирургически полученного расщепленного мозга у двух пациентов, ранее (до операции) страдавших эпилепсией. Следует отметить, что именно эти два пациента (в литературе о расщепленном мозге именуемые инициалами N.G. и L.B.) считаются наиболее удобными для исследования, так как при операциях у них в наименьшей степени пострадали области мозга за пределами мозолистого тела и послеоперационный период был относительно благополучным⁴⁰. Когда этим двум пациентам предлагали сопоставить предъявляемые обоим зрительным полям цветовые стимулы с цветовыми эта-

лонами, у них выявилось явное преобладание правого полушария: они реагировали только на цвет, предъявляемый левому зрительному полю, игнорируя правое⁴¹. Третий из пациентов с расщепленным мозгом (именуемый А.А.) обнаруживал столь же сильное преобладание другого - левого полушария, но только при решении задачи выбора одного из трех цветов, что представляется возможным связать с ролью цветового треугольника типа рассматриваемого в настоящей статье белый-черный-красный по данным лингвистической и культурно-антропологической типологии. При увеличении числа цветов, из которых он должен был выбрать тот, который соответствовал предъявляемому стимулу, от трех до четырех этот пациент (А.А.) переключался на другую стратегию, при которой преобладающим становилось правое полушарие (как это было постоянно при решении той же задачи у L.B. и N.G.). Сходный результат с преобладанием левого полушария при выборе из трех цветов был характерен и для четвертого пациента (R.M.), тогда как у пятого (С.С.) выбор стратегии (и полушария) определялся той рукой, которая осуществляла выбор (при выборе левой рукой работало правое полушарие и наоборот, что можно объяснить паталогическими последствиями эффекта расщепленного мозга).

При тесте, во время которого каждое из полушарий расщепленного мозга должно было или назвать, или показать рукой цвет, ассоциируемый с предъявляемым изображением предмета, только один пациент (L.B.) продемонстрировал соответствующую почти безошибочную способность правого полушария осуществлять такую ассоциативную операцию (всего 4 ошибки на 32 опыта). В сходных экспериментах, проводившихся Э.Г. Симерницкой⁴², левый глаз (правое полушарие) классифицировал предметы по цветовым ассоциациям: лягушка (зеленая) называлась капустой, кот (черный) - пальто, костюмом, белка (коричневая) - хлебом, ботинком; слово "лес" оценивалось как "что-то очень красивое, зеленое", огурец - "что-то зеленое" и т.п. Возможно, что с этой же способностью правого полушария связано и то, что при ослаблении функций левого после левостороннего электросудорожного шока типичными (во всяком случае для некоторых больных) оказываются смысловые ассоциации типа голубой небосвод в ответ на голубой, красный свет в ответ на красный (соответственно у тех же больных после

⁴¹ Levy J. Lateral differences in the human brain in cognition and behavioral control. - In: Cerebral correlates of conscious experience. Proceedings of an International symposium, ed. by P.A. Buser, A. Rougeul-Buser. (INSERM Symposium N 6), Amsterdam-N.Y.-Oxford, 1978, p. 291, 293; Trevarthen C., Levy J. Color-perception in split-brain patients. - Brain, 1977, v. 100, p. 105-118.

⁴² Симерницкая Э.Г. Нейропсихологический анализ функционального взаимодействия полушарий головного мозга. - В кн.: Бессознательное. The unconscious. II. Тбилиси, 1978, с. 302, 304.

том же плане можно анализировать и спонтанное возникновение обозначений цветов в жестовой речи детей, не пользующихся звуковым языком (и, по-видимому, страдающих дефицитом функций левого полушария), ср.:

Schaeffer B. Teaching spontaneous sign language to nonverbal children: theory and method. - *Sign Language Studies*, 1978, v. 21, p. 320.

³⁶ Pennal B.E. Human cerebral asymmetry in color discrimination. - *Neuropsychologia*, 1977, v. 15, N 4/5, p. 563-568. Ср. о половых различиях: Keever Mc W.F., Jackson T.L. Cerebral dominance assessed by object- and color-naming latencies: sex and familial sinistrality effects. - *Brain and language*, 1979, v. 7, N 2, p. 175-190; Boller F., Spinnler H. Visual memory for colors in patients with unilateral brain damage. - *Cortex*, 1967, v. 3, p. 395-405; Damasio A.R., Mc Kee J., Damasio H. Determinants of performance in color anomia. - *Brain and Language*, 1979, v. 7, N 1, p. 74-85.

³⁷ Сербиненко М.В., Голицын Г.А., Репин В.Я. Об участии левого и правого полушарий в восприятии вербальных и невербальных сигналов. - В кн.: Бессознательное. The Unconscious. II. Тбилиси, 1978, с. 309.

³⁸ Capitani E., Scotti G., Spinnler H. Color imperception in patients with focal excisions of the cerebral hemispheres. - *Neuropsychologia*, 1978, v. 16, p. 491-496.

³⁹ Parker S.T., Gibson K.R. A developmental model for the evolution of language and intelligence to early hominids. - *The behavioral and brain sciences*, 1979, v. II, N 2.

⁴⁰ Zaidel E. Lexical organization in the right hemisphere. - In: Cerebral correlates of conscious experience. Proceedings of an International symposium, ed. by P.A. Buser, A. Rougeul-Buser. (INSERM Symposium N 6). Amsterdam-N.Y.-Oxford, 1978, p. 179.

правостороннего шока типичными ответами левого полушария был набор названий цветов типа *красный, зеленый, синий*⁴³; данные являются пока что предварительными). Тесты, проведенные с больными после операций с расщеплением мозга, показывают, что левое полушарие в очень слабой степени может осуществлять соотнесение какого-либо предмета с характерным для него цветом⁴⁴. Этот вывод может представлять интерес и для лингвистической семантики. Характерное для многих языков название цвета по ассоциированному с ним предмету (типа мивок. *súllen ké* 'желтый/оранжевый' из 'цвет детских испражнений'⁴⁵; см. выше о хет. *hahl-* 'желтый/зеленый' < 'цвет кустарника' и т.п.) оказывается связанным с этой характеристикой правого полушария (как и самый принцип названия путем соотнесения с нечеткими множествами типа 'желтый/оранжевый', 'желтый/зеленый' и т.п. в отличие от четкой логической классификации, характерной для левого полушария). Но необходимо подчеркнуть, что, как следует и из опытов с расщепленным мозгом, и из смысловых ассоциаций после односторонних электросудорожных шоков, именно в цветовом восприятии (и в названии цветов и цветовых ассоциаций) особенно характерными оказываются существенные индивидуальные различия, едва ли дающие возможность обобщать сделанные на небольшой выборке больных выводы. Можно, в частности, заметить, что после правостороннего шока больная шизофренией (с хорошими способностями к рисованию), у которой Л.Я. Балоннов, В.Л. Деглин, Н.Н. Николаенко в присутствии автора настоящей статьи исследовали ассоциации на цвет, в качестве характерных цветов травы показала карточки зеленого и желтого цветов (ср. соединение значений 'желтый/зеленый' - 'кустарник' в хеттском языке). Поэтому некоторая степень участия и левого полушария в подобных цветовых ассоциациях не может считаться исключенной.

Наконец, существенный интерес представляют проведенные на пациентах с расщепленным мозгом опыты, позволяющие понять "интерференцию Струпа", до сих пор остающуюся одной из психофизиологических загадок, во всяком случае при подходе к ней в терминах "стимул" - "реакция"⁴⁶. У больных N.G. и L.V. с расщепленным мозгом при предъявлении названий цветов (например, "красный" и "синий"), написанных цветными чернилами другого цвета (например, желтого или зеленого), жестовый ответ на вопрос о цвете чернил давался правым полушарием. Но при необходимости ответить указанием названия цвета, соответствующего цвету чернил, обнаруживалось преобладание левого полушария.

⁴³ Иванов В.В. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978, с. 38, 41.

⁴⁴ Levy J. Op. cit., p. 292.

⁴⁵ Gallagher C.A. Miwok Color names. - International Journal of American Linguistics, 1979, v. 45, N 1, p. 2.

⁴⁶ Stirling N. Stroop interference: an input and output phenomenon. - Quarterly Journal of Experimental Psychology, 1979, v. 31, p. 121-132.

В случае, когда при исследовании интерференции Струпа у больных с расщепленным мозгом требовалось определить обозначенный словами цвет, ответ давался левым полушарием, тогда как цвет чернил определялся (в 6 случаях из 7, $p = 0,056$) правым полушарием. Поэтому Леви предполагает, что и в норме интерференция Струпа объясняется "возмущающим" воздействием правого полушария⁴⁷ (что согласуется с общей идеей взаимодействия полушарий по типу демпфирующего механизма).

В свете этих данных нейросемантики особенности названия цветов, соотносимые с левым полушарием, и особенности опознания цветовых оттенков⁴⁸, производимого преимущественно правым полушарием, следует понимать как два отдельных механизма, которые хотя в норме и согласованы друг с другом, могут иногда оказываться в конфликте.

Крупный французский математик Р. Том рассматривает трехмерное пространство цветовых впечатлений (в свете приведенных данных преимущественно правополушарное) как инвариант структуры, показывающий, что семантические пространства в большей степени представляют собой инварианты, чем сами понятия (связанные с языковыми различиями)⁴⁹. В свете приведенных нейролингвистических и нейропсихологических данных можно высказать предположение, что господствующая роль цветового треугольника черный-белый-красный может (хотя бы у части говорящих) основываться на преимущественном участии речевых зон доминантного (в норме левого) полушария при вербализации соответствующих цветовых различий. Поскольку вербализация некоторых основных пространственных оппозиций, служащих для ориентации, также связана с теми же речевыми зонами (что следует, в частности, из фактов, относящихся к так называемому синдрому Герстмана), представляется возможным, что соотнесение трех основных цветов (черный-белый-красный) с тремя сторонами света может иметь достаточно глубокие нейропсихологические истоки.

Однако конкретное распределение цветов, при котором один из них соотносился с данной именно стороной света, должно объясняться наличием некоторой культурной тради-

⁴⁷ Levy J. Op. cit., p. 292. Ср. также данные о большем числе ошибок при предъявлении стимула в правом зрительном поле (т.е. левому полушарию): Tsao Yao-chung, Festel T., Soseos C. Stroop interference in the left and right visual fields. - Brain and Language, 1979, v. 8, p. 367-371.

⁴⁸ Ср. кроме указанной выше литературы также: Валлах Г. Восприятие нейтральных цветов. - В кн.: Восприятие. Механизмы и модели. М., 1974; Faureau O.E., Corballis M.C. Negative aftereffects in visual perception. - Scientific American, 1976, v. 235, N 6, p. 42-55; Land E.H. The retinex theory of color vision. - Scientific American, 1977, v. 237, N 6, p. 108-129.

⁴⁹ Thom R. Interview. - "Mathematiques et sciences humaines", numero special. Theorie des catastrophes. I (N 59), Paris, 1977, p. 28-31.

ции, о чем свидетельствуют, в частности, достаточно значимые расхождения между общеевразийской системой, в которой север символизируется черным цветом, запад - белым, юг - красным при возможности использования одного из других цветов (желтого или синего) для востока, и несколько иными вариантами в Центральной и Южной Азии и Америке⁵⁰. Поэтому совпадение какой-либо из исторически зафиксированных систем с одним из основных вариантов представляется значимым в каждом случае. Та схема соотношения Белой, Черной и Красной Руси, которая может быть по достаточно надежным (а не случайным) данным прослежена начиная с XVI-XVII вв. н.э., в общих чертах совпадает с общеевразийской схемой⁵¹. Можно предположить два (не обязательно взаимоисключающих) объяснения. Согласно первому из них (соответствующему широко распространенной в настоящее время точке зрения) на возникновение этой трехчленной системы (или - по гипотезе Кноблоха - на ее позднейшее переосмысление) могла повлиять общеевразийская система (в частности, в ее алтайском, например тюркском, варианте). По другому объяснению, речь может идти о преобразовании тех достаточно древних соотношений, отражение которых в топонимике в западнославянской области достаточно давно установлено для соотносимой пары, восходящей в лужицком ареале к обозначению соответственно черного и белого богов. В западнославянском названии, воспроизводящем имя Белобога, видят обычно западнославянское имя божества, связываемого с положительным началом и удачей, счастьем. Название божества реконструируется на основании сведений о наличии у лужицких сербов горы *Biely bôh*, связывавшейся, очевидно, с чем-то хорошим, благоприятным (как, видимо, и аналогичные древние названия у других славян), в отличие от горы *Čorný bôh*, с которой было связано представление о нечете (числе три) и о боге, который у балтийских славян в древности именовался Чернобогом; *Bêlbog* и *Černobog* различались также и у кашубов⁵².

⁵⁰ Pritsak O. Orientierung und Farbsymbolik. - Saeculum, 1954, 5, S. 376-383; Nowotny K.A. Beiträge zur Geschichte des Weltbildes. - Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik, Bd. 17. Wien, 1969; Knobloch I. Op. cit., S. 18-22; Kirfel W. Kosmographie der Inder. Bonn-Leipzig, 1920; Heine-Geldern von R. Weltbild und Bauform in Südostasien. - Wiener Beiträge zur Kunst und Kulturgeschichte Asiens, Bd. IV, Wien, 1930; Saussure P. de. Le cycle des douze animaux et le symbolisme cosmologique des chinois. - Journal asiatique, 1910, v. XV, p. 55.

⁵¹ Помимо достаточно известных ее тюркских примеров следует отметить явный ее след в Коране, сура 35, 25(27).

⁵² Haupt L., Schmalzer J.E. Überreste der alten slavischen Mythologie unter den heutigen Wenden. - In: Volkslieder der Werden in der Ober- und Nieder-Lausitz, II. 1843; Lorentz F. Bêlbog und Černobog. - Mitteilungen des Vereins für kaszubische Volkskunde, 1908, I, S. 19-23; Nedo P. Czorneboh und Biloboh:

В хронике Гельмгольда бог балтийских славян, противопоставляемый Чернобогу и связывавшийся со счастьем, не назван по имени, но на основании серболужицких и кашубских данных можно предположить, что это был Белобог. В этом противопоставлении давно уже усматривали след раннеславянских дуалистических представлений⁵³.

Сопоставление с балтийским показывает, что именно два основных цвета (белый и черный) имеют общебалто-славянские обозначения (как и желтый, но не красный). Формирование символической системы из трех цветов может быть, с одной стороны, косвенным продолжением индоевропейских триад (типа тех, которые реконструированы Дюмезилем), с другой, имеет соответствие и в системе трех мифологических родоначальников составных частей восточнославянского (как и западнославянского) населения⁵⁴. Эти внутриславянские и еще более ранние индоевропейские связи рассматриваемой триады могут быть свидетельствами в пользу того, что рассматриваемое трехчленное деление может восходить к древнеславянской символике, позднее переосмысленной под влиянием евразийской.

Е.М. КАТОНОВА
ДАННЫЕ ГИДРОНИМИИ
О БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ КОНТАКТАХ
НА СЕВЕРЕ БЕЛОРУССИИ

Лингвистами уже давно установлено, что на белорусской части бассейна Западной Двины имеются реки, носящие балтийские названия, однако конкретный удельный вес таких названий по отношению к славянским определен не был, по-

zwei angebliche slavische Kultstätten in der Oberlausitz. - Lëtopis. Jahresschrift für sorbische Volksforschung. Reihe C. Volkskunde, 1963/1964, 617, S. 5-18; Decker H. Aus der Geschichte des Bieloboh. - Unsere Heimat, 1957, 4, S. 7-8.

⁵³ Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964; Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие системы. М., 1965; Они же. Белобог. - Мифы народов мира, т. I, М., 1980. - Поскольку у западных славян речь идет о наименованиях возвышенностей, в этом плане может представить интерес и давно предлагавшееся (хотя затем и отвергнутое) сопоставление сканд. рунич. *Vitaholmr* с *vita* 'белый', см.: Мельникова Е.А. Указ. соч., с. 49, 209.

⁵⁴ Иванов В.В., Топоров В.Н. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян. - В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 120-125 и примеч. 42 (там же литература). - Возведение имени *Лях* к **lęda* 'пустошь, необработанная земля' допускает и сопоставление с семантикой арабск. *bayād*, ср. выше, примеч. 12.

сколькx анализу были подвергнуты лишь единичные гидронимы этого региона. Понятно, что прояснить характер древних балто-славянских языковых контактов в области топонимии той или иной территории возможно лишь на основе широкого лингвистического обследования принадлежащих ей географических названий. Именно с такой целью нами и была предпринята попытка подвергнуть сплошному лингвистическому анализу весь гидронимический материал, относящийся к белорусской части бассейна Западной Двины, который удалось обнаружить как в опубликованных источниках, так и в ходе полевого обследования территории.

Собранный материал (1618 названий, включая варианты) был проанализирован на фоне балтийской и славянской топонимии. В результате исследования для половины названий удалось найти необходимый сопоставительный материал (топонимический и апеллятивный), который позволил, хотя и с неодинаковой степенью достоверности и часто на уровне предположений, дать этим названиям языковую этнолингвистическую интерпретацию.

Что касается результатов семантико-этимологического анализа конкретных гидронимов, то они частично уже освещались в печати. В связи с ограниченным объемом статьи мы не будем подробно останавливаться на этой стороне вопроса, а предложим вниманию читателей некоторые наблюдения над количественным соотношением групп названий, выявленных в западнодвинской гидронимии в ходе ее анализа.

Поскольку по идее данного исследования предполагалось картографирование названий, интерпретированных под углом зрения их языковой принадлежности, вопрос о вариантах, относящихся к одному и тому же объекту, был решен следующим образом: если у той или иной реки варианты представляют собой однокоренные формы, они считались как одно название, а если варианты являются разнокоренными, то названий считалось столько, сколько корней представлено в этих вариантах. Понятно, что в случаях, когда одно и то же название или близкие однокоренные гидронимы относятся к разным рекам, названий считалось столько, сколько и рек. Таким образом, подсчитывались не реки и не их названия, а, если можно так выразиться, факты наименования водных объектов. Повторяем: такое решение было продиктовано необходимостью подсчета и картографирования названий с целью определения удельного веса гидронимов различной языковой принадлежности.

В результате анализа выявилась следующая картина: 18,5% интерпретированных названий с высокой степенью достоверности могут быть отнесены к славянским, 17,5% гидронимов получили балтийскую интерпретацию, но большая часть наименований, составивших 64%, оказалась названиями, которые при нынешнем состоянии вопроса с достаточным основанием могут сопоставляться как со славянскими, так и с балтийскими языковыми (апеллятивными и топонимическими) фактами. Часто шансы у обоих вариантов объяснения настолько близки, что решение вопроса о языковом ис-

точнике таких гидронимов весьма затруднено. Есть основания полагать, что в той группе гидронимов, структуру и семантику которых из-за недостатка сопоставительного материала пока почти не удалось прояснить, картина окажется сходной.

Чрезвычайный интерес представляют именно названия, которые могут быть истолкованы как с помощью славянских, так и с помощью балтийских языков. Думается, что далеко не во всех таких случаях можно будет установить первоисточник гидронима. Учитывая длительный и мирный характер балто-славянских отношений в данном регионе (о чем, в частности, говорят результаты проведенного нами картографирования интерпретированных названий, обнаружившего довольно равномерное распределение гидронимов всех трех групп практически по всей исследуемой территории), есть смысл говорить о названиях, появившихся в результате языкового творчества носителей двух сосуществовавших языковых систем - балтийской и славянской. Славяне не просто перенимали, но творчески усваивали балтийские названия, не только приспособляя их к системе родного языка в плане обычной фонетической трансформации, но и приводя их часто в кажущееся соответствие со своей апеллятивной лексикой путем привнесения своих апеллятивов в балтийские названия по созвучию с ними. Эти апеллятивы по ассоциативным законам постоянно активизировались в сознании славянского населения, прочно привязывались к балтийским названиям и составляли исходным балтийским апеллятивам мощную конкуренцию, производя в гидронимах часто весьма существенные, а порой даже разрушительные изменения. Не исключались, конечно, и способы перевода гидронимов на славянский язык. А если учесть, что и в балтийской топонимии уже во времена древних балто-славянских контактов могло быть немало затемненных названий (в том числе небалтийских), способных вызвать ложные ассоциации у балтийского населения, то становится ясным, что поиск этимона таких гидронимов часто обречен на неудачу или произвольный вымысел. Думается, что уцелели, претерпев лишь фонетические изменения, а также получив в ряде случаев суффиксально-префиксальные усложнения (расширения), те балтийские гидронимы, которые не вызвали у местного славянского населения подходящих с его точки зрения славянских ассоциаций.

К сожалению, результаты картографирования дают мало дополнительных сведений для разграничения групп гидронимов, допускающих две разноязычные возможности их интерпретации, если не считать того, что славянских названий оказалось несколько меньше вдоль белорусско-литовско-латвийской границы. В связи с этим можно полагать, что те названия с двумя вариантами объяснения, которые расположены в этой пограничной зоне, пожалуй, имеют несколько больше шансов оказаться балтийскими, нежели славянскими.

Важно отметить, что в числе гидронимов, заключающих в себе неоднозначную возможность их этнолингвистического истолкования, есть названия (8% от общего числа интер-

претированных форм), которые имеют также и финно-угорские топонимические и апеллятивные параллели (кстати, эти названия тоже распределены довольно равномерно).

Сложность интерпретации западнодвинской гидронимии заключается еще и в том, что в ряде случаев славянская лексика, вносимая в иноязычные названия по созвучию с ними, в общем не противоречит сложившимся представлениям о возможной семантике топонимов, и такие названия вполне укладываются в рамки широко известных и принимаемых исследователями семантических классификаций топонимов, в том числе и гидронимов. Опровергнуть подобные славянские этимологии чаще всего практически невозможно, тем более что слова, живущие ныне в таких названиях, действительно славянские. Другое дело, когда исследователю удается найти доказательства того, что та или иная семантика топонима в т о р и ч н а я и при этом ложная. К сожалению, такие доказательства находятся редко (это дело счастливого случая) и в общем мало убеждают топонимистов в необходимости более тщательно вникать в историю названия, не соблазняясь первой же славянской ассоциацией как единственной возможностью объяснения названия.

Думается, что здесь нет надобности много говорить о том, насколько важно докапываться до истины, до первоистории подобных названий, если исследователь на основе своего анализа будет делать выводы э т н о лингвистического характера, хотя с точки зрения синхронного анализа вывод о том, что то или иное название является славянским потому, что содержит славянский апеллятив (неважно, что этот апеллятив часто не устраивает с точки зрения логики наименования географического объекта), — этот вывод в общем будет верным: славяне действительно имеют прямое отношение к подобным названиям.

Примерами, иллюстрирующими ситуацию такого рода, могут быть названия двух западнодвинских рек. Одна называется *Свинка*, вторая — *Свина*, вар. *Свиница* (последняя вытекает из озера *Свина*).

Подобных топонимов находится бесчисленное множество на территории Белоруссии и на других славянских территориях. Очень много гидронимов типа *Свинка*, *Свиная*, *Свинец*, *Свинчик* в бассейне Верхнего Днепра. На территории Латвии есть гидронимы типа *Sāku ezers* (*ойка* по-латышски 'свинья'), которые Я. Эндзелин называл в числе гидронимов, бесспорно соответствующих созвучным названиям животных¹. Литовское озеро *Veprys* (ср. здесь латышский топоним *Vepra purvs*, зафиксированный у Я. Эндзелина²) объясняют латышским *vepris* 'дикий кабан'³. Две реки бассейна Верхнего

Днепра называются *Веприк*. И тем не менее есть серьезные основания сомневаться в "свиной" семантике территориально славянских *Свинок* (наличие деревни *Дзюдыкі* в бассейне западнодвинской *Свины*, конечно, не добавляет доводов в пользу такой семантики; это, видимо, один из тех курьезов, которых топонимисты знают множество).

Интересные сведения о названии деревни *Свиница*/*Свиница* в бассейне западнодвинской *Шурцы* были почерпнуты нами у старых жителей этой деревни. Они рассказывают, что раньше их деревня называлась *Свионица*, а потом название стали произносить *Свиница*, *Свиница* — так удобнее. Ср. название ныне существующей деревни *Свидна* под Дуниловичами (БССР), гидроним *Свидня* в бассейне днепровской Десны.

Преобразование *-он-* не является каким-нибудь уникальным явлением, произошедшим лишь в топонимической форме *Свидница*. Это живой процесс в современных белорусских говорах, где говорят [анна] вместо [адна], [хобанна] вместо [хобладна] и т.п. Происходил он в славянских языках и в отдаленные времена, о чем свидетельствует рус. *прянуть* наряду с *прядать*, польск. *ganić* 'хулить, порицать' из **gad-n-iti* и родственные ему латышские лексемы *gānītiēs*, *gānā*⁴. Аналогичное явление известно и литовскому языку. И там *d* исчезает перед *n* в случаях, когда перестает чувствоваться связь с другими родственными образованиями с *d*. Такая трансформация произошла, в частности, со старыми формами литовских апеллятивов *slėnù* 'низко' и *slėnė* 'низина, долина', ср. родственные им современные диалектные формы *slėdnus* и *slėdnūs*⁵. Эти и другие факты о продуктивности процесса преобразования *dn* в славянских и балтийских языках дают нам основания реконструировать в названиях с основой *Свин-* основу *Свидн-* при всей многочисленности названий типа *Свинка* и при относительной ограниченности живых примеров типа *Свидна*.

Реконструкция основы *Свидн-* для "свиных" топонимов делает возможным выделение в них *-н-* как суффиксального элемента и сопоставление названий типа *Свино*, *Свинка* (а также, естественно, и названий типа *Свидна*) с такими топонимами, как название западнодвинской реки *Свядоцица*, протекающей у деревень *Свада* и *Свядоцица* в бассейне Эссы, названия рек *Свадица* в бассейне западнодвинской Каспли на территории РСФСР и *Свидалка* в бассейне Дисны под Поставами, название озера и деревни *Свадава* под оз. Шо в истоках западнодвинской Шошы, название месторождения торфа Лельчицкое-*Свидовец* на Белорусском Полесье, верхнеднепровские гидронимические варианты *Сведь*/*Свида*/*Свада* и др. Эти названия в свою очередь сопоставимы с балтийскими топонимическими формами **Svėdā*, *Svėdasai*, *Svėdupis*, *Svėdasas*, древнепрусскими *Swyden*, *Sweyden*⁶. Кстати, своим

¹ Endzelin J. Die lettländischen Gewässernamen. — Zeitschrift für slawische Philologie, Bd. 11. Leipzig, 1934, S. 117.

² Endzelins J. Latvijas vietu vārdi, II daļa. Kurzemes un Latgales vārdi. Rīgā, 1925, l. 81.

³ Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970, p. 32.

⁴ Būga K. Rinktiniai raštai, t. II. Vilnius, 1959, p. 555.

⁵ Ibid.

⁶ См.: Būga K. Rinktiniai raštai, t. III, p. 541; Vanagas A. Op. cit.; p. 96; Топоров В.Н., Трубачев О.Н.

суффиксальным оформлением именно древнепрусские топонимы более всего созвучны территориально славянским формам типа *Свидна*. Что касается этимологии корня анализируемых названий, то здесь вопрос пока неясен. А. Кочубинский сопоставлял днепровское название *Свида* с литовским прилагательным *vidus* 'блестящий'. Эту этимологию поддерживают В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев⁷.

Вообще в топонимах, которые традиционно принято связывать с названиями животных, очень часто смущают формы, представляющие собой чистые апеллятивы. Думается, что в таких языках, как славянские, имеется богатый арсенал словообразовательных средств, и с их помощью население, называвшее тот или иной географический объект, легко могло выразить в названии значение принадлежности, притяжательности, которое просилось бы в названия, связываемые, в частности, с животными. С этой точки зрения и внушают сомнение названия типа *Свина*, *Уть* и под., так же, как, впрочем, и гидронимы, совпадающие с собственными именами людей (ср. названия западновинских рек *Маринка*, *Янка* и др.).

Однако вернемся к вопросу о количественном соотношении групп названий, выделенных в ходе семантико-этимологического анализа западновинской гидронимии. Напомним, что в приведенных выше результатах подсчета интерпретированных названий словообразовательные и фонетические варианты гидронимов (т.е. однокоренные варианты) считались одним названием, а разнокоренные варианты — разными названиями. С этими результатами оказалось интересно сопоставить результаты подсчетов, сделанных несколько иначе. При втором способе подсчета каждый вариант считался отдельным названием, независимо от того, чем он является по отношению к другому своему варианту: его однокоренной формой или названием с другим корнем. Таким образом, при первой форме подсчета, главной для определения удельного веса славянских и неславянских гидронимов, анализировались этнолингвистические факты названия (это имя дано реке балтами, это — славянами...). При второй же форме подсчета преследовалась лишь цель выяснить степень вариативности названий различных групп. Данные подсчетов см. в таблице.

Сравнение результатов, полученных при разных формах подсчета, выявило одну интересную особенность западновинской гидронимии. Оказалось, что балтийские названия значительно больше варьируются в славянской среде бытования, чем славянские гидронимы. Если без учета вариантов славянских названий было 90, а балтийских — 84 (т.е. практически их было поровну), то с учетом однокоренных вариантов славянских форм оказалось 115 (на 25 форм больше, чем без вариантов), а балтийских — 194 против 84, т.е. на 110 форм больше, чем без вариантов.

Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, с. 156, 206–207.

⁷ См.: Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Указ. соч.; с. 5.

форма подсчета	Общее кол-во назв.	Славянские названия		Балтийские названия		Названия, допускающие неоднозначную языковую интерпретацию	
		кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Без учета однокоренных вариантов	484	90	18,5	84	17,5	310 (из них 40 имеют финно-угорские параллели)	64 (среди них 8% от общего числа названий имеют финно-угорские параллели)
С учетом однокоренных вариантов	793	115	14,5	194	24,5	484 (из них 73 имеют финно-угорские параллели)	61 (среди них 9% от общего числа названий имеют финно-угорские параллели)
Разница результатов	309	25	4	110	7	174	3

Заметно изменилось и процентное соотношение между балтийскими и славянскими формами: без учета вариантов разница составляла всего 1% в пользу славянского элемента, а с учетом вариантов разница составила уже 10% в пользу балтийского элемента.

Что касается группы названий, допускающих две или три возможности разноязычной интерпретации, то при разных формах подсчета картина получилась практически одинаковой: 64 и 61%. И это понятно: поскольку там присутствуют названия, принадлежащие к разным языковым источникам, происходит их взаимная нейтрализация.

О чем же говорит тот факт, что балтийские названия на славянской почве варьируются больше, чем славянские? Вероятно, о том, что славянское население путем варьирования приспосабливает иноязычные названия к своей языковой системе, пробует их "на язык", пытается сделать их "своими", потому что, неясные семантически, они их не вполне устраивают. Именно в процессе такого приспособления в иноязычные названия часто и привносится тот славянский элемент, который затрудняет этимологию, направляя ее иногда по ложно славянскому пути.

Вот для примера несколько рядов западновинских гидронимических вариантов. В одних случаях набор вариантов фактически ничего существенного не меняет в названии, и оно, если так можно выразиться, продолжает оставаться для

славянского населения "вещью в себе", т.е. семантически неясным. В других же случаях трансформированные названия как будто уже что-то начинают говорить местному населению, осваивающему чужие названия. Ср. *Сволка/Свѣдна/Свольна/Свольно* (орфографический вариант с *о* на конце), или *Валнѡя/Валнѣя/Вавнѣя/Ваўнѣя*, или *Зѡлва/Золѡва/Зальвѣянка/Зѡльвѣца*, или *Ушѡча/Ушачка/Ушачь/Ушачья/Ушачи/Ушѣтѣ* (у Колупайло) и др. Эти варианты с точки зрения семантики в названия почти ничего не привнесли. Ср., однако, следующие варианты: *Ацкаўлянка/Цжуўлянка/Цкулянка/Скулянка* (последний вариант уже созвучен со славянским словом *скула*), или *Струнь/Струня/Струнка* (последняя форма уже воспринимается как уменьшительная форма от *струна*, хотя первые два варианта связывать с апеллятивом *струна* затруднительно), или *Ула/Улла/Вула/Ульянка* (форма *Ула* ничего не говорит славянскому уху, зато вариант *Ульянка* полностью созвучен с женским именем, и местное население непременно рассказывает о бедной девушке Ульяне, которая утонула в этой реке). У другой западнодвинской реки аналогичные варианты выглядят так: *Улянка* (это просто уменьшительная форма от непонятого *Ула*) - и вариант *Ульянка* (это уже уменьшительная форма от понятого *Уля*, *Ульяна*). А у третьей реки одно название - *Вуліца*, но оно одно теперь, а раньше у него явно были варианты типа *Ула*, *Вула* (как и в предыдущих случаях), но они были вытеснены формой *Вуліца* по той простой причине, что последняя "понятна" местному населению, поскольку созвучна слову родного языка. Стоит здесь вспомнить и упоминавшиеся ойконимические варианты *Свідніца/Свинніца/Свиніца*.

Из приведенных примеров видно, насколько важно при этимологизации гидронимов иметь и включать в анализ их варианты, способные в ряде случаев направить анализ в совершенно неожиданную сторону, может быть, в сторону трудных или даже безрезультатных поисков истинного этимона, но зато очень часто в сторону, уводящую от явной ошибки, связанной с ложным созвучием гидронима и апеллятива.

Таковы выводы и наблюдения, которые удалось сделать в ходе анализа западнодвинской гидронимии на территории Белоруссии.

М КОНДРАТЮК*

ЛИТОВСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В МИКРОТОПОНИМИИ ПОЛЬСКО-БЕЛОРУССКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛОСЫ

В северо-восточной части Польши, на территории между Августовским каналом и рекой Буг, в пограничной с Белорусской ССР полосе жители многих деревень двуязычны, говорят на польском и белорусском языках. В части деревень белорусским диалектом владеет только старшее поколение или отдельные старожилы.

* С М. Kondratiuk, 1981 г.

Территория эта была заселена в основном в XIV-XVII вв. различными этническими и общественными группами польского, белорусского, украинского и литовского населения¹. В северной ее части до прихода славян жили ятвяги. Каждая из этих групп накладывала свой отпечаток на топонимию и микротопонимию этого района.

Для исследования балто-славянских контактов особенно ценны и показательны микротопонимы. Микротопонимы в сравнении с апеллятивной лексикой и даже с ойконимами и гидронимами представляют периферийную группу слов. Эти слова имеют узкую сферу употребления, функционируют обычно в пределах одной деревни, селения. Микротопонимы как названия природных физико-географических объектов, хозяйственных угодий, урочищ в большинстве случаев передаются только устной традицией, они не включены в официальные списки, не представляют собой (с точки зрения фонетики и словообразования) каких-то постоянных нормализованных форм. Микротопонимы в отличие от других собственных имен лучше сохраняют черты местных говоров.

В статье используются топонимические материалы, собранные нами на протяжении 1961-1970 гг. по поручению специальной Комиссии по установлению названий местностей и географических объектов, действующей при Совете Министров Польской Народной Республики. В эти именно годы небольшой группой подготовленных в лингвистическом отношении исследователей (М. Врублевский, Я. Голубовский, Т. Зданевич, М. Кондратюк) под научным руководством проф. д-ра А. Обрембской-Яблоньской была проведена повсеместная сплошная регистрация названий местностей и физико-географических объектов на территории восточной части бывшего² Белостокского воеводства, т.е. в повятах Августовском, Домбровском, Монецком, Сокульском, Белостоцком, Лапском, Бельском, Гайновском, Семятыцком.

Лексический, фонетический и словообразовательный анализ собранных материалов показывает, что среди географических названий славянского происхождения находится часть

¹ *Wiśniewski J. Rozwój osadnictwa na pograniczu polsko-rusko-litewskim od końca XIV do połowy XVII wieku. - Acta Baltico-Slavica, t. I. Białystok, 1964, s. 115-135; Idem. Osadnictwo wschodniej Białostocczyzny, geneza, rozwój oraz zróżnicowanie i przemiany etniczne. - Acta Baltico-Slavica, t. XI. Wrocław-Warszawa, 1977, s. 7-80.*

² Административно-территориальное деление ПНР до 1 июня 1975 г., см. *Spis miejscowości Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej. Warszawa, 1967; Skorowidz nazw miejscowości województwa białostockiego. Białystok, 1962.* Сокращения названий административных единиц и названий поватов, применяемые в статье: гром. - громада, д. - деревня, пов. - повят, Август. - Августовский, Белост. - Белостоцкий, Бельск. - Бельский, Гайнов. - Гайновский, Домбр. - Домбровский, Лап. - Лапский, Мон. - Монецкий, Семят. - Семятыцкий, Сок. - Сокульский.

ойконимов, гидронимов и микропонимов балтийского, в частности литовского, происхождения.

При характеристике литовских элементов в микропонимии польско-белорусской пограничной полосы на указанной выше территории Польши нами не ставится задача перечисления всех микропонимов балтийского происхождения или способов адаптации литовских названий славянскими языками, мы лишь пытались показать типичные (на наш взгляд) случаи славянизации литовских микропонимов и примеры влияния балтийских языков на славянскую микропонимию. Мы укажем общее количество выявленных нами явных и предполагаемых балтизмов в микропонимии этого района и укажем ареалы их наиболее плотного размещения.

На территории между Августовским каналом и рекой Буг, в пограничной с Белорусской ССР полосе, где население ныне славянское и не знает литовского языка, выступает около 600 микропонимов литовских по происхождению или содержащих литовский (балтийский) элемент. Одни из них — несомненные балтизмы по происхождению и способу образования, балтийское происхождение других только предполагается. Из общего числа в 600 микропонимов более половины названий относится к микропонимам апеллятивного происхождения, остальные образованы от антропонимов.

Географические названия апеллятивного происхождения более точно и ярко отражают взаимные славянско-балтийские влияния. Ойконимы и микропонимы, образованные от антропонимов, чаще появляются как результат перемещения отдельных лиц и свидетельствуют скорее о происхождении людей, чем о языковых контактах.

На интересующей нас территории выступают микропонимы, образованные от литовских апеллятивов: *apidėmė, apidėmės, bald, balaitė, brast, degimas, degymė, dugnas, dugnėlis, dauburys, duburys, dirvonas, gervynė, giraitė, girėlė, karklynas, karklynė, kelmynas, kelmynė, kermušė, kamšā, kerėbla, kiaulynė, krūsnis, kūdra, kupstynas, kupstynė, liėptas, lėdimas, lėdimas, mirkyklā, raistas, raistėlis, salā, salynas, skilimas, skroblynas, šaltinis, šermūkėnis, trākas, varyklā, vidūgiris, vertimas* и ряда других. Большинство указанных апеллятивов относится к балтийским географическим терминам³.

Самыми многочисленными и географически широко распространенными являются микропонимы от термина *lėdimas, lidimas* 'вырубленное место в лесу, просека; обрабатываемое поле на месте вырубленного леса'. Нами записано 44 подобных названия разных объектов (полей, лугов, пастбищ, лесов), расположенных на всей территории от Августовской пуши на севере до реки Нарев на юге. Микропонимы эти выступают в разных вариантах: *Lėzimo, Lidimo, Lidumo, Lėzimu, Lėdumu, Lėzima, Lėzima, Lėzime, Lėzimek, Lėzimak, Lėzimes...* Языковой анализ этих микропонимов, почти полный реестр и размещение на карте даются в статье

³ Ср.: Невская Л. Г. Балтийская географическая терминология (к семантической типологии). М., 1977, с. 13-98.

А. Обрембской-Яблоньской⁴. Поэтому здесь перечислим только те девять названий, которые не указаны в упомянутой работе. *Lidimo (Lidima)*, лес, д. Мулявичи, Бельск. пов.; *Lidumo (-ma)*, поле, д. Полична, Гайнов. пов.; *Lidumo (-ma)*, лес, д. Спешин, Бельск. пов.; *Lidum (z Liduma)*, лес и пастбище, д. Выгоново, Бельск. пов.; *Luzima (z Luzimtu, na Luzimti)*, хутор и поле, д. Лозово, Домбр. пов.; *Luzima (z Luzimtu, -ox)*, хутор и поле, д. Старожиньцэ, Домбр. пов.; *Luzime (z Luzimtu, na Luzimox)*, хутор, лесок и поле, д. Кудравка, Домбр. пов.; *Luzimak (z Luzimka, na Luzimku)*, луг, д. Чарнысток, Мон. пов.; *Lodymek (z Lodymka)*, лес, *Pod Lodymkiem (Spod Lodymku)*, хутор д. Плоново, Бельск. пов.

Второе место по количеству образованных от апеллятива микропонимов и широте ареала их распространения занимает географический термин *raistas*, уменьш. *raistėlis* 'болотистое место, болото, трясина, болотистый лесок, кусты, заросли'. Список названий в диалектном произношении отдельных деревень: *Raistra (z Roistr, v Roistrau)*, хутор, поле, д. Мишкеники Вельке, Сок. пов.; *Roistra (z Roistrau, u Roistrax)*, хутор, луг, д. Номики, Сок. пов.; *Laistry | Loistry (z Loistrau, u Loistrax)*, хутор, поле, д. Конюшки, гром. Дубасьно, Домбр. пов.; *Roistro (z Roistra, na Roistry)*, поле, луг, д. Нетупа, гром. Гураны, Сок. пов.; *Roistro (z Roistra, u Roistru)*, хутор, заливной луг, д. Заспичи, Сок. пов.; *Roistvo (z Roistva)*, луг в районе Марчук, части города Белосток; *Reist (z Reistu, na Reisce)*, поле д. Ясьвилы, Мон. пов.; *Roiscecok (z Roiscecka, na Roiscecku)*, заливной луг, д. Кусцинце, гром. Кузница, Сок. пов.; *Dvorny Roiscecak (z Dvornaho Roiscecka, u Dvornum Roiscecku)*, заливной луг и пастбище, д. Куснинце, Сок. пов.; *Za Reistem (Pod Reistem)*, хутора, поле, д. Олексин, гром. Поплавы, Бельск. пов.; *Pad Roistra (Spad Roistrau)*, лесок и луг, д. Сачковце, гром. Кузница, Сок. пов.; *Rasteli (z Rasteli)*, хутор, поле, д. Новосады, гром. Ялужка, Белост. пов.; *Rusteli (z Rystelax, v Rystelax)*, пастбище, д. Помигачи, гром. Турось Костельна, Лап. пов.

Около десяти названий происходят от апеллятива *krūsnis* 'куча камней на поле; сложенная куча чего-либо'. Имя нарицательное *krūšna* от лит. *krūsnis* до сих пор бытует в части говоров рассматриваемой территории в значении 'куча камней на поле'. По способу образования микропонимы от лит. *krūsnis* неодинаковы. Примеры: *Krūšna (s Krūšni)*, хутор, поле, д. Кудэрэвщизна, Домбр. пов.; *Krūšna (s Krūšni)*, поле, д. Миневичи, гром. Заблудув, Белост. пов.; *Krūšna (s Krūšni)*, поле, д. Одринки, гром. Нарэв, Гайнов. пов.; *Žygeņovska Krūšna*, поле, д. Бутрымовцэ, Домбр. пов.; *Krūšnin (s Krūšninā)*, лес, д. Бобрув-ка, гром. Ясьвилы, Мон. пов.; *Krūšnāki (-kuf)*, хутор, по-

⁴ *Obrębska-Jabłónska A. Elementy litewskie w mikroponimii wschodniej Białostoczczyzny.*—In: *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, t. VIII. Warszawa, 1969, s. 261-270.

ле, д. Невярово, Мон. пов.; *Krušankė* (-*ńók*), поле, д. Миньковцэ, гром. Бабики, Сок. пов.; *Krušnavūia* (-*vūx*), поле, д. Горчаки Гурнэ, Сок. пов.

По нескольку названий образовано от географических терминов: *dūgnas* 'дно, глубина, углубление в земле'; *kar-klūnas*, *karklūnė* 'кусты, заросли ивняка, вербы; место поросшее ивняком'; *vidūgiris* 'середина леса, бора, лес с кустами, зарослями'. Языковой анализ и полный реестр этих названий даются в отдельной статье⁵.

Многие микропонимы были записаны нами только в одной местности, как названия единственного на этой территории объекта. Приведем несколько примеров: *Brósta* (з. *Brósty*, на *Brósée*), пастбище в д. Бжозово, гром. Ясвилы, Мон. пов., ср. лит. *brastà* 'мелкое место на реке, брод'; *Būkli* (з. *Būklōf*, *Būklax*), хутор, поле, д. Шпаково, гром. Калинуква Косцельна, Мон. пов., ср. лит. *būkla*, *būklė*, *būklės* 'место, где раньше была усадьба, селище', польск. *sadyba*; *žirvanė* (*žirvanóu*, на *žirvanóx*), хутор, поле, д. Хворосцяны, Домбр. пов.; ср. лит. *dirvonas* 'покинутае без обработки, заросшее поле, целина'; *Kupšcin* (с. *Kupšciná*, -*ńė*), лесок, ручей, д. Бобрука, гром. Ясвилы, Мон. пов., ср. лит. *kupstynas*, *kupstynė* 'кочкарник; место, где много кочек'; *Vazėta* (*Vazėty*), поле, пастбище, дер. Ростолты, гром. Богданки, Белост. пов., ср. лит. *vadė*, уменьш. *vadėlė* 'сухое русло реки, которое после дождя наполняется водой и становится рекой'.

Микропонимы, образованные от антропонимов балтийского происхождения или содержащие какой-либо балтийский формант, а основу славянскую, составляют значительно меньшую группу названий. Эти названия обычно более славянизированы в фонетическом и словообразовательном отношении. Они подвергаются фонетической и словообразовательной субституции часто уже во время своего возникновения, ибо образуются от славянизированных личных собственных имен. Без исторических свидетельств трудно установить, в какое время и в какой степени произошло фонетическое или формообразующее изменение данного микропонима. Перечисленные ниже примеры микропонимов по происхождению и способу образования не одинаковы, но все (на наш взгляд) содержат определенный балтийский языковой элемент. В списке микропонимов указываются после запятой формы родительного и предложного падежей, а в скобках - литовские или славянские антропонимы, от которых происходят данные названия хозяйственных угодий, урочищ и расположенных на них хуторов.

Balónžėuščyna, -*ny*, -*ńi* (: *Balańdis*)⁶, хутор, пастбище, д. Новодзель, гром. Кузница, Сок. пов.; *Butvīžouščy-*

⁵ *Kondratiuk M.* Mikrotoponimy litewskie od *dūgnas*, *kar-klūnas*, *vidūgiris* w gwarach polskich i białoruskich Białostoczczyzny. - *Acta Baltico-Slavica*, t. IX, Wrocław-Warszawa, 1976, s. 219-224.

⁶ Примеры литовских антропонимов, приведенные за недостатком места без указания источника, почерпнуты мной из неопубликованной Картотеки литовских фамилий, кото-

рая находится в Институте литовского языка и литературы Академии наук Литовской ССР в г. Вильнюсе. За возможность пользоваться материалами этой картотеки выражаю глубокую благодарность директору Института акад. К. Корсакасу и руководителю сектора А. Ванасагу. Сокращения при фамилиях обозначают: Zink - *Zinkevičius* Z. Lietuvių antroponimika. Vilniaus lietuvių asmenvardžiai XVIIa. pradžioje. Vilnius, 1977; AB - антропонимия Белосточчины (современные фамилии жителей Белостоцкого воеводства, имеющиеся в картотеке автора статьи).

рая находится в Институте литовского языка и литературы Академии наук Литовской ССР в г. Вильнюсе. За возможность пользоваться материалами этой картотеки выражаю глубокую благодарность директору Института акад. К. Корсакасу и руководителю сектора А. Ванасагу.

Сокращения при фамилиях обозначают: Zink - *Zinkevičius* Z. Lietuvių antroponimika. Vilniaus lietuvių asmenvardžiai XVIIa. pradžioje. Vilnius, 1977; AB - антропонимия Белосточчины (современные фамилии жителей Белостоцкого воеводства, имеющиеся в картотеке автора статьи).

чари, гром. Ялувка, Белост. пов.; *Jákňavó*, -va, -vé (: **Jaknŷs*, *Jakniŷnas*; *Jakna Zink* 83), луг, заросли, д. Краснэ, гром. Липск, Домбр. пов.; *Škinžerŷ*, -róŷ, -róx (: *Škiñderis*), хутор, поле, д. Дрига, гром. Ходорувка Нова, Домбр. пов.; *Šlépety*, ze *Šlépet* (: *Šlepetyš*. *Zink* 153), луг, д. Сасины, гром. Снежки, Бельск. пов.; *Šnípavo*, -va, -ví (: *Šnípas*), луг, д. Куровщина, гром. Камёнка Стара, Сок. пов.; *Šnípavo*, -va, -vé (: *Šnípas*), луг, поле, д. Камёнка Нова, гром. Сокулка, Сок. пов.; *Vaškélay Vŷhan*, z *Vŷhanu Vaškélayeho* (: *Vaškélis* < *Váškus*, *Vaškŷs* : *Вашко* < *Ивашко* < *Иван* *Zink* 87); *Búvŷn*, -na, -né (: *Búvŷs*, *Búvŷis*), лес, д. Кудэрэвщина, гром. Звезинец Вельки, Домбр. пов.

Во многих случаях невозможно точно установить производящую основу микропонима и решить, является ли она антропонимом (личным именем, фамилией, кличкой) или же именем нарицательным, апеллятивом. Приведем два примера: *Blinžŷn*, -ná, -né, лес в д. Бялогурца, Сокульского пов., ср. антр. *Blinđa* и *bliñdė* бот. 'ракита, бредина', *blinďŷnas* 'ракетник, брединник'; *Kéŷlina*, -ny, луг, д. Ци-сувка, гром. Шимки, Белост. пов., ср. антр. *Kiaulŷs*, *Kiaulis*, *Kiaulėnas* и апеллятив *kiaulŷnė* 'место, где пасутся свиньи' < *kiaulė* 'свинья'.

Славянизация балтийских микропонимов происходит по-разному:

1) балтийское название в основном сохраняется, а меняется только его фонетический облик, напр. *Dŷgnel* - поле и лес в дер. Монецкого пов., *Duğnėlis* - микропоним в ЛитССР, *Karklŷn* - *Karklŷnas*;

2) микропоним сохраняет литовскую основу, но приобретает славянский топонимобразующий формант, напр. *Búvŷn*, *Kiškėleŷšćyna*, *Šnípavo*, *Škiłonzix*;

3) название содержит только литовский формант или морфему, а лексическая основа у него славянская, напр. *Andrŷški*, *Janŷški*, *Verbiñel*, *Pod Jakubėl*, *Matušeŷki*;

4) часть составного названия литовская, а другая часть - славянская, напр. *Łóŷy Bilŷŷnavy*, *Jergučóva Zaviña*, *Žužeńóŷska Krušña*, *Pad Trakámi*, *Za Değimámi*, *Zalėpty*, z *Zalėptof*.

Представленный материал, касающийся микропонимии балтийского происхождения на территории между Августовским каналом и рекой Буг, позволяет предварительно заключить, что только немногие микропонимы имеют широкий ареал распространения, и только некоторые названия повторяются в значительном количестве деревень. Плотное размещение большого количества названий балтийского происхождения характеризует северную часть рассматриваемой территории (бывшие Монецкий и Сокульский повяты). При этом надо заметить, что в Монецком повяте преобладают названия, образованные от апеллятивов.

Выявление всех балтизмов в географических названиях польско-белорусской пограничной полосы и учет других языковых и внеязыковых фактов окажется полезным при более точном определении границ давнего размещения балтийских, в частности литовских, племен.

SUDAWSKIE, SUDOWLANY И ЕЩЕ ОДНО СТАРОБЕЛОРУССКОЕ НАЗВАНИЕ ЯТВЯГОВ

1. В свое время К.-О. Фальк, предостерегая против абсолютизации в трактовке слов Дусбурга об опустошении Судавии (et sic terra Sudaviae usque in presentem diem remanet desolata), в качестве контраргумента привел следующий пример: "Недалеко от Вигр, возле местечка Вижайны находится сегодня село *Sudawskie*, лит. *Sudauskai*, название которого свидетельствует о том, что прежде здесь должно было быть какое-то ятвяжское селение. Если бы не существовало никакой хронологической связи между ... остатками давнего племени и населением, прибывшим сюда позже, то это название не сохранилось бы в человеческой памяти"¹.

Позже о расположенном в 4 км к северо-востоку от Вижайн (ныне Сувалкского воеводства ПНР) селе *Sudawskie* писал в своей монографии о ятвягах А. Каминский². При этом в перечне производных славянских образований от этнонимических форм *sudowite*, *sudi* приведенное название оказалось едва ли ни единственным, которое не вызывает сомнения. Это оттеняется еще и тем обстоятельством, что, по словам польского историка, "как известно, в средневековых восточнославянских источниках название судовов (*Sudowów*) не встречается ни разу"³.

Наряду с приведенными данными в монографии А. Каминского содержались также и сведения историко-археологического характера. Так, согласно архивным источникам, "*wieś Sudawskie*" под 1773 г. упоминается как село, которое начинает застраиваться, а шесть лет спустя о нем же идет речь уже под другим названием: "*wieś Nawoosady na uroczysku Sudawskie*". Кроме того, со ссылкой на археологические свидетельства отмечалось, что в 500 м к северу от с. Судавске расположено городище с сохранившимися валами и т.д.⁴ В указанных материалах особо следует подчеркнуть то, что село *Sudawskie* получило свое наименование по названию того урочища, на котором оно возникло. В частности, об этом писал Е. Висьневский, отмечая, что интересующее нас название, хотя оно и "очень поздно датировано, если не происходит от фамилии, возможно, сохранило память о судавах"⁵.

В дополнение к этому следует обратить внимание и на то, что очень близкое (по отношению к селу *Sudawskie*)

¹ *Falk K.-O.* Wody wigierskie i huciańskie. Studium toponomastyczne, I. Uppsala, 1941, s. 2.

² *Kamiński A.* Jaćwież. Terytorium, ludność, stosunki gospodarcze i społeczne. Łódź, 1953, s. 77.

³ *Ibid.*, s. 79.

⁴ *Ibid.*, s. 77.

⁵ *Wiśniewski J.* Domniemane ślady osad jaćwieskich w puszczech pojaćwieskich. - *Rocznik białostocki*. 1961, I, s. 228.

местонахождение упомянутого городища позволяет предположительно, так сказать, "удревнить" и характер обсуждаемого исходного топонима.

Все сказанное выше нашло себе подтверждение и дальнейшее развитие и в других разысканиях, опубликованных уже после выхода в свет исследования А. Каминьского.

Так, в списке озер, приведенном в инвентаре Вижайнско-Сейвейского староства от 1642 г., дважды упоминается название *Sudowskie*, которое в одном случае Е. Висьневский локализует "*koto wsi Sudowskie*", а в другом - оставляет под вопросом⁶. Кстати сказать, повторное написание приведенного названия важно с точки зрения достоверности фиксации именно формы *Sudowskie*, а не *Sudawskie* (ср. современный ойконим). Вместе с тем стоит напомнить, что указание на существование одноименного села в том же инвентаре отсутствует⁷. Что же касается упомянутого археологического объекта, то описанию его посвящена небольшая статья М. Качиньского, в которой, в частности, говорится: "Городище расположено на высоком, поросшем лесом моренном холме, с которого открывается вид на всю окрестность в радиусе около 5 км... Упомянутое городище имеет форму усеченного конуса... Окружность конуса вверху составляет 57 м, внизу - 86 м... У основания конуса проходит ... вал, ширина которого достигает 9 м, тогда как высота не превышает 1,3 м. Окружность этого предполагаемого вала с внешней стороны составляет около 120 м. На поверхности объекта я обнаружил также несколько больших камней, функция которых для меня неясна: возможно, это остатки каких-то укреплений или зданий"⁸.

Таким образом, в окрестностях Вижайн Сувалского воеводства ПНР на протяжении XVII-XX вв. зафиксированы следующие географические названия, производные от одного из ятвяжских этнонимов: 1642 г. - *Sudowskie* (озеро), 1773 г. - *Sudawskie* (село), 1779 г. - *Sudawskie* (урочище), 1877 г. - *Sudawsk* (село и фольварк)⁹, ныне *Sudawskie* (село). Рассматриваемое название (а его можно считать единым, хотя оно в процессе своего функционирования и относилось к ряду, очевидно, территориально смежных объектов) вызывает тем больший интерес, что на сегодня оно является едва ли ни единственным бесспорным отражением соответствующего ятвяжского этнонима в славянской языковой среде: форма типа латинск. *sudowite*, *sudi* в общем была известна только балтам (пруссам и литовцам), но не славянам¹⁰.

⁶ *Wiśniewski J. Dzieje osadnictwa w powiecie suwalskim od XV do połowy XVII wieku. - In: Studia i materiały do dziejów Suwalszczyzny. Białystok, 1965, s. 80-81.*

⁷ *Ibid.*, s. 123.

⁸ *Kaczyński M. Grodzisko w miejscowości Sudawskie, pow. Suwałki. - Wiadomości Archeologiczne, t. XXII, zesz. 3-4. Warszawa, 1955, s. 371.*

⁹ *Zinberg I. Skorowidz Królestwa polskiego, t. 1. Warszawa, 1877, s. 193.*

¹⁰ *Kamiński A. Op. cit.*, s. 80.

Вместе с тем история названия *Sudawskie* не ограничивается только тем, что уже было сказано выше. По нашему мнению, изучение ее можно продолжить, если обратиться и к несколько более раннему периоду, используя при этом новые архивные источники, к которым относится, например, неопубликованная часть Литовской метрики.

2. В процессе поиска более раннего отражения в исторических источниках названия села *Sudawskie* следует иметь в виду два обстоятельства: 1) территория, где теперь находится интересующий нас населенный пункт, в XVI-XVII вв. входила в состав Немонойтской или Кирсенской пуцци (*Puszwa Nemoņojcka lub kirėnieńska*)¹¹ и 2) ближайшим ориентиром для локализации "носителя" исследуемого названия является расположенное всего в 4 км местечко Вижайны, упоминаемое под 1606 г. как *oppidum Wizuny*¹² (суффиксация наименования, как видим, отличается от современной).

В свете всего того, что было сказано выше, значительный историко-лингвистический интерес вызывает ойконим *Sudowlany*, приведенный под 1629 г. в одной из книг записей Литовской метрики (использованы микрофильмы): "... *zascianek gruntu w Lesnictwie Nemoņojckim leżący, we Wsi Sudowlany nazwaney Pilekolnis rzeczonym, włok trzy-nascie*"¹³. Годом спустя подтверждается право "*na Wioskę... Pilokalnie Sudowalny nazwaną w Woiewodztwie y Powiecie Trockim w Lesnictwie Nemoņojckim leżącą*"¹⁴. В последнем случае мы имеем дело с "рифмующейся ошибкой" *Sudowalny* вм. *Sudowlany* под влиянием формы *Pilokalnie*. Таким образом, можно считать, что ойконим *Sudowlany* существовал по крайней мере в 1629-1630 гг. Что же касается упоминания о "Woiewodztwie y Powiecie Trockim", то здесь следует отметить, что вообще ятвяжские земли были присоединены к этому воеводству (до 1413 г. - княжество)¹⁵.

В приведенных отрывках следует подчеркнуть, что ойконим *Sudowlany* выступает не сам по себе, а в обязательном сопровождении формы *Pilekolnis* или же *Pilokalnie*, с которой (во втором случае) даже происходит объединение в одно название села, хотя под 1629 г. наименование *Pilekolnis* носит только "*zascianek gruntu*" (см. выше).

Ввиду сказанного возникает вопрос: не относятся ли только что рассмотренные записи к тому же самому объекту, который в Немонойтском лесничестве под 1593 г. упоминается как "застенокъ лесу непроробленого называемый Пилекольны, в которомъ... волокъ дванадцать при границы имения и местечка... Вижуньского"¹⁶, т.е. современных Вижайн Сувалского воеводства ПНР? Иными словами: не на-

¹¹ *Wiśniewski J. Dzieje osadnictwa...*, s. 66-67.

¹² *Ibid.*, s. 122.

¹³ Центральный государственный исторический архив Литовской ССР в г. Вильнюсе (ЦГИА ЛитССР), ф. 389, ед. хр. 99, л. 330 об.

¹⁴ Там же, л. 375 об.

¹⁵ *Wiśniewski J. Dzieje osadnictwa...*, s. 61.

¹⁶ ЦГИА ЛитССР, ф. 389, ед. хр. 78, л. 225.

зывает ли ойконим *Sudowlany* тот же самый географический объект, что и позднейшая форма *Sudawskie* (ср. под 1642 г. оз. *Sudowskie*)?

В пользу такого отождествления можно привести по крайней мере два аргумента: 1) "zascianek gruntu... Pilekolnis rzeszony" под 1629 г. и "застенокъ лесу непророблено-го называемый Пилекольны" под 1593 г. содержат почти одно и то же количество волок - соответственно 13 и 12; 2) объединение названия села в форме *Pilokalnie Sudowlany* в документе 1630 г. вполне соответствует той ситуации, которая наблюдается в современном селе *Sudawskie* с расположенным всего в 500 м от него городищем (о чем уже шла речь выше): ср. лит. *piliakalnis* 'городище', отразившееся в обоих названиях - *Пилекольны* и *Pilekolnis*.

Таким образом, имеются некоторые основания предполагать, что ойконим *Sudowlany* предшествовал современному названию села *Sudawskie* на территории Вижайнской гмины Сувалкского воеводства ПНР. При этом (если *Pilekolnis* 1629 г. является тем же самым объектом, что и *Пилекольны* 1593 г.) само поселение *Sudowlany* должно было возникнуть в период между 1593 (когда был пожалован соответствующий участок лесных угодий) и 1629 гг.

3. Не исключено, что по мере обращения к новым письменным источникам предложенная локализация ойконима *Sudowlany* будет уточнена. Однако независимо от того, где именно помещать на карте бывших ятвяжских земель обсуждаемое географическое название, факт остается фактом: форма *Sudowlany* имеет яркую восточнославянскую примету - эпентетическое *l*, не свойственное польскому языку, в памятнике которого и обнаружено изучаемое имя собственное. Таким образом, исходя из географической ситуации, ойконим *Sudowlany* следует считать старобелорусским.

Поскольку речь идет о старобелорусском деривате от названия края *Sudowia* или под., уместно будет напомнить, что П. Арумаа, анализируя наименование населенного пункта *Tuszewole* (позже *Tuščevlė* Неменчинского р-на Литовской ССР, ныне *Tuščiauliai* Вильнюсского р-на), пришел к выводу, что этот пример (кстати сказать, очень заинтересовавший его в балтийском ареале) "позволяет предполагать, что некоторую часть славянских названий с эпентетическим *l* можно рассматривать как результат поздней славизации"¹⁷. Очевидно, в таком же аспекте "поздней славизации" необходимо объяснять и возникновение формы *Sudowlany*.

Если последняя появилась действительно между 1593 и 1629 гг., то это, видимо, следует связывать с тем, что в процессе освоения запустевших ятвяжских земель в районе современного польско-литовского пограничья (с начала XVI в.) помимо литовцев и псяков участвовали белорусы (в частности, из окрестностей Гродно и Волковыска) и даже "потомки ятвягов. Можно предполагать, что первыми, кто вновь вступил на ятвяжские земли, были именно

¹⁷ Arumaa P. Die ostslavischen Gewässernamen mit *l*-epentheticum. - In: Festschrift für M. Vasmer zum 70. Geburtstag. Wiesbaden, 1956, S. 59-60.

ятвяги"¹⁸. Так или иначе, однако интересующее нас географическое название имеет бесспорную белорусскую редакцию.

Исходя из названия населенного пункта *Sudowlany* (1629 г.), т.е. *Судовляны*, следует думать, что в старобелорусском языке существовал этноним *судовляне* 'ятвяги, жители Судавии' (как *египтяне*, *римляне* и др.). В словообразовательном отношении - славянское освоение балтийской этнонимии - реконструируемое старобелорусское наименование ятвягов должно стать в один ряд с отмеченной еще под 1192 г. формой *Pollexiani* как старопольским названием этого же западнобалтийского этноса¹⁹, а также с зафиксированным под 1569 г. именем собственным *Wigranie*: "Liudzie... Wigranie", которые, согласно К.-О. Фальку, "могли относиться к ятвяжской народности"²⁰.

Таким образом, к хорошо известной белорусской форме *ятвязь*²¹ необходимо прибавить еще одно наименование ятвягов - *судовляне*. Желательно, чтобы этот этноним нашел свое место и в трудах тех историков, которые пишут о ятвягах.

В.П. РИМША

НЕКОТОРЫЕ БЕЛОРУССКИЕ АНТРОПОНИМЫ БАЛТИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Значительная часть белорусских антропонимов балтийского происхождения списком приведена в другом месте¹. В настоящей статье приводятся этимологическая аргументация и литовские соответствия белорусским параллелям.

Бел. ф. *Альс-эвіч*² - лит. ф. *Als-ys*, *Als-eika* и др. (: лит. *als-úoti* 'дышать', *als-ùs* 1. 'утомительный [о работе]'; 2. 'душный, спертый [воздух]', *als-éika* 'человек, страдающий одышкой', ср. и другие балтийские слова с корнем *als-*); бел. ф. *Арц-эвіч* (БА II 24) - лит. антроп. нач. XVII в. *Art-is*, *Art-inis*, *Art-imas*, *Art-im-*

¹⁸ Wiśniewski J. Dzieje osadnictwa..., s. 62.

¹⁹ Nalepa J. Polekszenie (Pollexiani) - plemię jaćwieskie u północno-wschodnich granic Polski. - Rocznik Białostocki, Białystok, 1968, VII, s. 7-34.

²⁰ Falk K.-O. Op. cit., s. 9.

²¹ Būga K. Rinktiniai raštai, t. III. Vilnius, 1961, p. 129.

¹ Римша В.П. Некоторые белорусские антропонимы балтийского происхождения. - Конференция "Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом" 11-15 декабря 1978 г. Предварительные материалы. М., 1978, с. 118-119.

² Бірла М.В. Беларуская антрапанімія. І. Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі. Мінск, 1969, с. 20 (далее - БА II).

*aitis*³ и др. (: лит. *art-ūs* 'близкий', *aĩt-imas* 1. прил. 'близкий, ближний'; 2. сущ. 'ближний' и др.); бел.ф. *Бэмб-ель* (БА II 51) - лит. антроп. нач. XVII в. *Bemb-ulis* + *Bemb-ul-aitis* и др. (: лит. *bėmb-ė* 'ротозей, раззня, зевака', *bėmb-ti* 'плакать, хныкать', *bėmb-ėti* 'становиться неуклюжим, стареть') (LA 124); бел.ф. *Бярн-юк*, *Бярн-юк-эвич*, *Бярн-як* и др. (БА II 77, 52) - лит. антроп. второй пол. XVII в. *Biern-iuk-owicz* < *Bern-iuk-as*, нач. XVII в. *Tri-bern-is*, *Bern-ius* + *Bern-aitis* и др. (: лит. *bėrn-as* 1. 'парень'; 2. 'батрак', *bern-iūk-as* 'мальчик', *bern-iūk-as* 1. 'паренёк'; 2. 'батрак') (LA 124, 210 и др.); бел.ф. *Віўк* (БА II 88) - лит. антроп. XVII в. *Vijūk-as* *Kojelāvičius*⁴ и др. (: лит. *vūt-i* 1. 'гнать [напр., врага]'; 2. 'выгонять, изгонять'; 3. 'вить, свивать, сучить [напр., веревку]', ср. *vij-óti* 'вить, мотать и др.); бел.ф. *Гар-мін-эвич* (БА II 104) - лит. антроп. *Gar-min-as* и др. (ср. лит. *gar-s-ūs* 1. 'звучный, громкий'; 2. 'известный, знаменитый' и *min-ėti* 'упоминать'); бел.ф. **Гульб-ин* + *Гульби-н-эвич* (БА II 121) - лит. антроп. нач. XVII в. *Gulb-in-as* (: лит. *gulb-in-as* 'лебедь') и др. (LA 146, 231 и др.); бел.ф. *Гурн-о*, *Гурн-эвич*, рус.ф. *Гурн-ов* (БА II 122) - лит.ф. *Gūrn-a*, антроп. нач. XVII в. *Gurn-is* (-*us*?) + *Gurn-aitis* и др. (: лит. *gurn-ėti* 'глотать', *gurn-ūs* 'прожорливый, жадный [до еды]'; 'жирный' и др.) (LA 146 и др.); бел.ф. *Жус-ель* (БА II 148), *Зусь-к-оў*, рус.ф. *Зус-ин*, *Зусь-к-ов* (БА II 161) - лит. антроп. нач. XVII в. *žqs-elis* (вост.-лит. *žus-elis*) и др. (: лит. *žqs-is* [вост.-лит. *žus-is*] 'гусь') (LA 222, 231, 239 и др.); бел.ф. *Жирн-ель* (БА II 151), *Žirn-я* (БА II 160) - лит. антроп. нач. XVII в. *Žirn-elis* и др. (: лит. *žirn-is* 'горох') (LA 225, 231, 232); бел.ф. *Жэдзь*, *Жэдз-ик* (БА II 151), *Зэдз-ин* (БА II 162) - лит. антроп. нач. XVII в. *Žied-elis* + *Žied-el-aitis*, ф. *Žied-as* и др. (: лит. *žied-as* 1. 'цветок'; 2. 'кольцо') (LA 224, 231, 239); бел.ф. *Зіз-іка* (БА II 160), *Зіз-нік* (БА II 162) - лит. антроп. нач. XVII в. *Ziz-a* (*Zuz-a*?) + *Ziz-aitis*, *Ziz-onis* и др. (: лит. *ziz-ti* 'захотеть', *zūz-ti* 'брюзжать; хныкать') (LA 220); бел.ф. *Каб-иш*, *Каб-иш-аў* и др. (БА II 165, 210) - лит. ф. *kab-iš-ius*, лит. антроп. нач. XVII в. *Kab-us* или *Kab-iš-ius* и др. (: лит. *kab-ėti* 'висеть' и др.) (LA 148-149, 91, 241); бел.ф. *Коб-л-я* (БА II 210) - лит.ф. *Kab-l-ūs* и др. (: лит. *kab-l-ūs* 'согнувшийся, неповоротливый, опустившийся или придиричивый человек' и др.) (LA 149); бел.ф. *Кал-ім-ўха* (БА II 173) - лит.ф. *Kal-ūt-is* (: лит. *kál-ti* 1. '[железо] ковать'; 2. '[монеты] чеканить'; 3. '[гвозди] вбивать'; 4. '[дыры] долбить; выдалбливать'; 5. пренебр. '[наизусть] зубрить'); бел.ф. *Кал-іх* (БА II 173) - лит. антроп. нач. XVII в. и совр. ф.

³ *Zinkevičius Z. Lietuvių antroponimika. Vilniaus lietuvių asmenvardžiai XVII a. pradžioje. Vilnius, 1977, p. 73, 89, 120, 23* (далее - LA).

⁴ *Mažoji lietuviškoji tarybinė enciklopedija, t. II. Vilnius, 1968, p. 174* (далее - MLTE).

Kal-ik-as и др. (LA 149) (: лит. *kal-ik-as* 1. 'чеканщик [монет]'; 2. 'зубрила [ученик]', *kál-ti*); бел.ф. *Калх-ўт-а* (БА II 174), *Калк-оў*, *Калк-оўскі* (БА II 211) - лит. антроп. сер. XVII в. *Kalk-ut-is*, антроп. нач. XVII в. *Kalk-as* (-*a*, -*is*?) + *Kalk-ūnas* (*Kalk-ūn-aitis*?) и др. (: лит. *kálk-a* 'нищий' и др.) (LA 150, 247); бел.ф. *Калт-эвич* (БА II 212) - лит. антроп. нач. XVII в. *Kalt-anas* + *Kalt-an-aitis* и др. (LA 150, 240) (: лит. *kal̄t-as* 'виноватый, виновный' и др.); бел.ф. *Кам-эйка*, *Кам-эйша* и др., рус.ф. *Кам-ейко* (БА II 176) - лит. антроп. нач. XVII в. *Kam-as* + *Kam-aitis* и др. (: лит. *kām-as* 'клубок, ком') (LA 150); бел.ф. *Камш-ўл-аў* (БА II 177) - лит. антроп. нач. XVII в. *Kamš-as* и др. (: лит. *kamš-à* 'обжора') (LA 150); бел.ф. *Кіб-ус*, *Кіб-эл*, *Кіб-л-оў*, рус.ф. *Киб-ель* (БА II 201) - лит. антроп. нач. XVII в. *Kib-il-da* + *Kib-il-daitis* и др. (: лит. *kib-il-da* 'хромой') (LA 154), ф. *Kib-elkis*, *Kib-uris* и др. (: лит. *kib-ti* 1. 'цепляться, хвататься'; 2. пер. '[о болезни] прилипнуть'; 3. 'придираться, приставать [к кому-н.]'); бел.ф. *Кіл-эса* (БА II 202) - лит. антроп. нач. XVII в. *Kil-ba-ras* и др. (: лит. *kil-ti* 1. 'подниматься, вставать'; 2. 'произойти, происходить [от кого]'; 3. '[по службе] продвигаться, повышаться') (LA 155 и др.); бел.ф. *Киш-эль* (БА II 204) - лит. антроп. нач. XVII в. *Kiš-el-is* и др. (: лит. *kiš-ti* 'совать, сунуть' и др.) (LA 156 и др.); бел.ф. *Кольн-ет* (БА II 212) - лит.ф. *Kaln-iēt-is* и др. (LA 114) (: лит. *kaln-iēt-is* 'горец', *káln-as* 'гора'); бел.ф. *Кордз-ис*, *Кордз-юк*, *Кордз-юк-оў*, *Кордз-юк-эвич*, *Корд-ак*, *Корд-ан*, рус.ф. *Корд-юк-ов* (БА II 184, 185, 213, 214) - лит.ф. *Kard-is*, *Kard-ōk-as*, *Kard-on-as*, антроп. нач. XVII в. *Kard-as* (*Kard-ōšius*?) и др. (: лит. *kārd-as* 'меч, сабля'; *kařd-as* 'звук, эхо'); бел.ф. *Крып-ель*, *Крып-ан* (БА II 223) - лит. антроп. нач. XVII в. *Krip-as* + *Krip-aitis* и др. (: лит. *krip-ti* 'клониться' и др.) (LA 158); бел.ф. *Кудз-эй-ка*, *Кудз-ис*, *Кудз-эв-ич*, *Куд-ан-эвич* и др. (БА II 225-226) - лит. антроп. нач. XVII в. *Kud-is* (-*us*? дзук. -*dzis*, -*dzus*) и др. (: лит. *kud-ėnti* 'идти, бежать, двигать, шевелить') (LA 159); бел.ф. *Кук*, *Кук-ин*, *Кук-эвич*, рус.ф. *Кук-ин*, *Кук-ин-ов* (БА II 227) - лит. антроп. нач. XVII в. *Kuk-a(s)* и др. (: лит. *kùk-ti* 'гнуть, сгибаться') (LA 159, 160); бел.ф. *Кун-эйка* (БА II 231) - лит.ф. *Kun-ėikā* и др. (: ? лит. *kun-a* 'падаль, мертвечина') или *Kūn-ėika* (: лит. *kūn-as* 'тело' и др.) (LA 161 и др.); бел.ф. *Курм-эль*, *Курм-ял-эў*, *Курм-яса*, *Курм-яза*, *Курм-ац-эў*, *Курм-аш-оў*, рус.ф. *Курм-аш-ев* (БА II 234) - лит. антроп. нач. XVII в. и совр. ф. *Kurt-is*, ф. *Kurt-ėlis*, *Kurt-aitis* и др. (: лит. *kùrt-is* зоол. 'крот') (LA 162); бел.ф. *Кяпур-а* (БА II 238) - лит. антроп. нач. XVII в. *Kerur-ė* и др. (: лит. *kerūr-ė* 'шапка') (LA 153, 232); бел.ф. *Лаб-ўн*, *Лаб-ун-эвич*, *Лаб-ўнь-ка*, *Лаб-ўн-скі*, *Лаб-ўнь-ка*, *Лаб-ўнд-аў*, рус.ф. *Лаб-ун-ский* (БА II 240) - лит. антроп. нач. XVII в. *Lab-is* (-*us*?) + *Lab-aitis*, лит. антроп. *Lāb-gaud-as*, ф. *Lab-ūn-as*, *Lāb-in-is* и др., прусск. антроп. *Buti-lab-s* и др. (: лит. *lāb-as* 'добрый, хороший', лтш., прусск.

lab-s то же) (LA 163 и др.); бел.ф. *Лаўк-эт* (БА II 247) - лит. антроп. нач. XVII в. *Lauk-is* → *Lauk-ait-is*, антроп. второй пол. XVII в. *Łowk-ayc-is* < *Lauk-ait-is* и др. (: лит. *laūk-is* 'лысый', *laūk-as* 'поле') (LA 164 и др.); бел.ф. *Лаш-ўк*, *Лаш-ўт-ка* и др. (БА II 248) - лит. антроп. нач. XVII в. и ф. *Laš-as*, ф. *Laš-ūk-as* и др. (: лит. *lāš-as* 'капля' и др.) (LA 164); бел.ф. *Лэйш-а*, *Лейш-ун-бў* (БА II 249) - лит. антроп. нач. XVII в. и ф. *Leiš-is* (: лит. *leiš-is* 1. 'медленный, неповоротливый человек, увалень'; 2. бытующее среди латышей прозвище литовца; 3. 'говорящий не по-жемайтски, аукштайт') (LA 165 и др.); бел.ф. *Лёнд-аль* (БА II 250) - лит. антроп. нач. XVII в. *Leńd-inė*, ф. *Leńdž-ius* и др. (: лит. *lįsti* 'лезть', 3 л. наст. вр. *leńd-a*) (LA 165); бел.ф. *Ляндз-ин*, рус.ф. *Лянд-ин* (БА II 260) - лит. антроп. нач. XVII в. *Lind-im-as* (дзук. *Lindz-*), ф. *Lind-à*, *Lind-ėn-is*, *Lińdz-ius* и др. (: лит. *lind-a* 'пронырливый человек; лентяй') (LA 166); бел.ф. *Мэйл-ак* (БА II 283) - лит. антроп. нач. XVII в. *Meil-u(s)tis*, ф. *Mėil-ė* и др. (: лит. *mėil-ė* 'любовь', *meil-ūs* 'ласковый, нежный') (LA 172); бел.ф. *Мілт-б*, *Мільм-б* (БА II 285) - лит. антроп. нач. XVII в. *Milt-a-barzdīs*, ф. *Milt-inis* (: лит. *milt-ai* 'мука') (LA 174, 242 и др.); бел.ф. *Міч-ун-эвіч*, *Міч-ун-бў*, *Міч-ур-энка*, *Міч-к-б* и др., укр. антроп. XIV в. *Мич-к-о*, рус.ф. *Мич-ур-ин* (БА II 285) - лит. антроп. нач. XVII в. *Mit-is(-ys?)* → *Mic-iūn-as* (*Mič-iūn-aitis*), *Mit-in-as* → *Mit-in-aitis*, *Mit-ur-is* (-ys?), ф. *Mit-as*, *Mit-à*, *Mit-i-gáil-a* и др. (: лит. *mīs-ti*, 3 л. прагт. *mīt-o* 'питаться, кормиться' и др.) (LA 175 и др.); бел.ф. *Мульк-эвіч*, рус.ф. *Мульк-ин* (БА II 288) - лит. антроп. нач. XVII в. *Mulk-a(s)*, антроп. нач. и второй пол. XVII в., ф. *Mulk-is* и др. (: лит. *mūlk-is* 'дурак' и др.) (LA 175); бел.ф. *Муш-а*, *Муш-ўк* и др. (БА II 290) - лит. антроп. нач. XVII в. *Muš-ila* → *Muš-il-aitis*, ф. *Muš-eik-is* и др. (: лит. *mūš-ti* 'бить') (LA 176); бел.ф. *Мядз-ель*, *Мядз-ел*, *Мядз-ел-ка*, *Мядз-ел-еў*, *Мядз-эйша*, *Мядз-эйша*, *Мядз-ўк*, *Мядз-ўха*, *Мядз-ўта*, *Мядз-ин*, *Мядз-як-бў*, *Мядз-эя* (БА II 283, 291, 292) - лит. антроп. нач. XVII в. *Med-is* (дзук. -*dzis*), *Med-ė*, *Med-in-as* (дзук. *Meāz-*) → *Med-in-aitis*, антроп. *Mėd-gin-as*, ф. *Med-ėl-is*, *Med-eišā*, *Medž-iūk-as*, *Mėd-in-is*, *Med-eik-à* и др., прусск. антроп. *Med-is*, *Med-e*, *Med-ik-e*, *Med-ith-e*, *Med-eyk-e*, *Med-un*, *Ner-med-e* и др. (: лит. *mėd-is* 'дерево', *mėd-ė* 'лес', *medz-ias* то же, прусск. *med-ian* то же и др.); бел.ф. *Няц-ўк* (БА II 302) - лит.ф. *Neš-č-iuk-aitis*, лит. антроп. нач. XVII в. *Neš-č-iok-as* (или *Neš-č-iuk-as*) и др. (: лит. *neš-č-iōti* 'носить') (LA 176); бел.ф. *Па-кўл-аў* (БА II 309) - лит. антроп. нач. XVII в. *Ra-kul-a* → *Ra-kul-aitis* и др. (: лит. *ra-kul-à* 'неряха') (LA 179); бел.ф. *Пік-ас*, *Пік-ул-ь*, *Пік-ўл-а*, *Пік-ўл-ік*, *Пік-ўз-а*, *Пік-ур-эвіч*, рус.ф. *Пик-ул-ин*, *Пик-ул-ев*, *Пик-ур-ин* и др. (БА II 323) - лит. антроп. нач. XVII в. *Pik-el-is*, *Pik-ul-is*, ф. *Pik-as*, *Pik-is* и др. (: лит. *pik-t-as* 1. 'злой'; бел.ф. *Пін-уз-а* (БА II 324), *Пин-т-о*, *Пин-к-уль*, *Пин-*

к-ин, русск.ф. *Пин-енков* (БА II 341) - лит. антроп. нач. XVII в. *Pin-as* → *Pin-ait-is*, *Pin-ok-as*, ф. *Pin-as*, *Pin-ait-is*, *Pin-k-us*, *Pin-ėl-is*, *Pin-ik-as* и др. (: лит. *pin-ti* пер. 'выдуманно, хитро, путано говорить, рассказывать, коварно действовать, плести интриги', *pin-as* 'шалун, глупец') (LA 182); бел.ф. *Пинч-ўк*, *Пинч-ўк-бў*, *Пинч-ўк*, укр. антроп. XVII в. *Пинч-юк*, рус.ф. *Пинч-ук* (БА II 324) - лит. антроп. нач. XVII в. *Pinč-iuk-as* (: лит. *pinč-iūk-as* 'ходящий по деревьям продавец семян; карлик; шалун, непоседа; чёрт'), ср. также ф. *Piñč-ius* и др. (: лит. *piñč-iūotis* 'шалить, беситься', *piñč-ius* 'плотовщик; карлик; шалун, непоседа; исхудалый человек') (LA 182); бел.ф. *Плинд-а*, *Плинд-ук-бў* (БА II 327) - лит. антроп. нач. XVII в. *Plind-is* (: лит. *iš-plind-ės* 'тонкий, изношенный') (LA 183); бел.ф. *Плешк-ун-бў* (БА II 328) - лит. антроп. нач. XVII в. *Plešk-us(a?)* → *Plešk-aitis*, антроп. второй пол. XVII в. *Plešk-elis*, ф. *Plešk-us*, *Plešk-à*, *Plešk-ūs*, *Plešk-aitis*, *Plešk-ūn-as* и др. (: лит. *plešk-ąti* 'радоваться, веселиться', *plešk-ėti* 'гореть, трещать, потрескивать [в огне]; стучать; болтать') (LA 183, 248 и др.); бел.ф. *Прус*, *Прус-аў*, *Прус-эвіч*, *Прус-ян-ок*, *Прус-к-ин*, рус.ф. *Прус-ов*, *Прусс-ов* (БА II 334) - лит. антроп. нач. XVII в. *Prūs-as*, *Prūs-ok-as*, антроп. XVII в. *Prusz-an-ies* + *Prūs-on-is*, ф. *Prūs-as*, *Prūs-aitis*, *Prūs-ėlis* и др. (: лит. *prūs-as* 'прусс') (LA 184-185); бел.ф. *Пўйш-а* (БА II 337) - лит. антроп. XVII в. *Puiš-is* (-ys?), ф. *Puiš-à*, *Puiš-ūs* и др. (: лит. *puiš-is* 1. неодобр. 'мальчишка'; неодобр. разг. 'пацан'; 2. 'выпачканый сажей; закоптелый', *puiš-ti* 'украшать; убирать; наряжать', лтш. *puiš-is* 1. 'парень'; 2. 'батрак, работник [неженатый]' и др.) (LA 185 и др.); бел.ф. *Пук-іта* (БА II 337) - лит. антроп. нач. XVII в. *Pūk-as* (*Pūk-as?*) → *Puk-ait-is*, *Puk-elis* (*Pūk-elis?*) → *Puk-el-aitis*, *Puk-inis* → *Puk-in-aitis*, антроп. второй пол. XVII в. *Puk-eilis*, ф. *Pūk-as*, *Pūk-as*, *Pūk-is*, *Puk-ėnas* и др. (: лит. *pūk-as* 'пух' и др.) (LA 185, 248 и др.); бел.ф. *Пушк-эль* (БА II 340) - лит. антроп. нач. XVII в. *Pušk-el-is*, *Pušk-a* (или *Pūšk-a*), ф. *Pušk-ūs*, *Pušk-aitis* и др. (: лит. *pušk-ėti* 1. 'плескаться'; 2. 'ехать, плыть, брести [по воде]' и др.) (LA 186 и др.); бел.ф. *Рог-ўл-я*, *Рог-ул-еў*, *Рог-ўл-еў*, *Рог-ун-бвч* и др., рус. антроп. XVI-XVII в. *Рог-ул-я*, рус.ф. *Рог-ул-ин* (БА II 346) - лит. антроп. нач. XVII в. *Rag-ul-is*, топ. *Rag-ūn-ai* и др. (: лит. *rāg-as* 'рог') (LA 187-188); бел. антроп. XVII в. *Рог-ац-ень*, *Рог-ац-ян⁵*, ф. *Rag-aц-ėnь* (БА II 345) - лит.

⁵ Бірла М.В. Беларуская антрапанімія. Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы. Мінск, 1966, с. 252 (далее - БА I); БА II 345. В рецензии на книгу А.К. Устинович "Антрапанімія Гродзеншчыны і Брэстчыны" З. Зинквичич убедительно показал, что многие антропонимы, приведенные в рецензируемой книге, по происхождению являются литовскими (Baltistica, 1976, XII(1), p. 95-102), так же как и многие антропонимы письменных памятников Белоруссии, приведенные в рабо-

антроп. нач. XVII в. *Rag-ot-in-is* (дзук. -*cinis*) (: лит. *rag-ót-in-ė* 'копье') (LA 188); бел.ф. *Раг-а-ман, Раг-э-а, Раг-о-к, Раг-ок-эвич, Раг-эйк-а, Раг-юк, Раг-юш, Раг-э-н-я* (БА II 346, 351) - лит. антроп. нач. XVII в. *Rad-i-man-as* (дзук. *Radž-*) → *Rad-i-man-aitis, Rad-is, (Rad-is, -ys?)* → *Rad-aitis, Rad-onis, Rad-ün-as, Rad-ut-is, Radž-iuk-as, Radž-iuš-is, (Radž-ius?), ф. Radž-iük-as, Radž-iuk-ünas, топ. Rad-ėik-iat, Radž-iün-ai* и др. (: лит. *räs-ti*, 3 л. прагет. *rād-o* 1. 'найти'; 2. 'обнаружить') (LA 186-187); бел. антроп. XVI-XVIII в. *Рац-ок, Рац-к-о^б, ф. Рац-ян-ски, Рац-ак, Рац-эн-я, Рац-к-о* и др., укр. антроп. XVI в. *Рац-к-о* (БА II 347-348) - лит. антроп. нач. XVII в. и ф. *Рац-ius, ф. Рац-iün-as, Рац-ėlis, Рац-iuk-aitis, Рац-iul-aitis, Рац-к-ис* и др. (: лит. *rač-ius* 'колесник; каретник') (LA 186 и др.); бел.ф. *Рац-а-н-бэич* (БА II 350) - лит. антроп. второй половины XVII в. *Raud-on-i(u)s* (LA 249), ф. *Raud-on-is, Raud-on-ius, Raud-on-ikis* (: лит. *raud-ón-as* 'красный'); бел.ф. *Ройк-ач* (БА II 352) - лит. антроп. нач. XVII в. и ф. *Rauk-as* и др. (: лит. *raūk-ti* 1. 'морщить, хмурить [напр., лоб]'; 2. 'стягивать, затягивать [напр., мешок]') (LA 189); бел.ф. *Руд-о-мин* (БА II 354) - лит. антроп. нач. XVII в. *Rud-a-min-a, ф. Rud-a-min-as*, антроп. *Rūd-min-as* и др. (первый компонент - к лит. *rūd-as* 1. 'коричневый, бурый; карий [о глазах]'; 2. 'рыжий [о волосах]', второй - к *min-ti* 'помнить', *min-ėti* (LA 191, 190, 174); ср. также бел.ф. *Руд-а-ман* (БА II 3535), второй компонент которой восходит к лит. *man-yti* 1. 'думать, полагать'; 2. 'намереваться, предполагать'; к этому слову восходят многие балтийские антропонимы с корнем *man-*, напр.: лит. антроп. нач. XVII в. *Man-eika* → *Man-eik-aitis*, второй компонент антропонима нач. XVII в. *Bil-man-as*, антроп. *Man-gail-a, ф. Man-iónis* и др. (LA 169, 125 и др.); бел.ф. *Скар-ул-ич* (БА II 377) - лит. антроп. нач. XVII в. *Skar-ul-is, Skar-ys* → *Skar-aitis, ф. Skar-ül-is, Skar-ūs, Skar-aitis, Skar-ėlis* и др. (: лит. *Skār-ti* 'обдираться, обтрепываться, трепаться' и др., ср. также лит. *skar-ul-ūs* 'тряпка') (LA 195 и др.); бел.ф. *Смир-ан* (БА II 384) - лит. антроп. нач. XVII в. *Smird-as* (: лит. *smird-as* 1. 'вонючка'; 2. 'простолюдин, смерд') (LA 197); бел.ф. *Тул-эйка, Тул-э-а-й* (БА II 416) - лит.ф. *Tul-is*, прусск. антроп. *Tul-e, Tul-ik-e, Tul-u-s-tint, Tul-e-drauge* и др. (: лит. *tūl-as* 'многие, не один', прусск. *tūl-an* 'много' и др.) (TRP 108-110, 153 и др.); бел. антроп. XVI в. *Цев-ел-а* (БА I 264; БА II 437), ф. *Цев-ель, Цев-ан, Цев-ан, рус.*

ф. *Тев-ел-эе* (БА II 437) - лит. антроп. нач. XVII в. и ф. *Tėv-el-is, ф. Tėv-el-iūnas, Tėv-aĩnis* (: лит. *tėv-as* 'отец', ср. лит. *tėv-ėl-is* 'бабушка', *tėv-on-is* 'вотчинник') (LA 209 и др.); бел.ф. *Цялвэйк* (БА II 440) - лит. антроп. нач. XVII в. *Tilvik-as* (дзук. *C-*) → *Tilvik-aitis, ф. Tilvik-as* и др. (: лит. *tilvik-as* 'болотный кулик') (LA 210); бел.ф. *Чун-ял-энок* (БА II 453) - лит. антроп. нач. XVII в. *Čiur-as* → *Čiur-aitis, Čiur-ė-ikas, ф. Čiūr-as* и др. (: лит. *čiūr-ti* 'схватить, схватывать; хватать') (LA 131); бел.ф. *Шанор-о, Шанор-юк, Шанор-оха* (БА II 466) - лит. антроп. нач. XVII в. *Šandr-a (-is?)* → *Šandr-aitis, ф. Šandr-ik-is* (: лит. *šāndr-ai* 1. 'сор'; 2. 'нанос') (LA 203 и др.); бел.ф. *Шарк-эль, Шарк-о, Шарк-о-й, Шарк-эвич, Шарк-о-йски, рус.ф. Шарк-о, Шарк-ов, Шарк-евич* (БА II 468) - лит. антроп. нач. XVII в. *Šark-el-is, Šark-a* → *Šark-aitis, Šark-ius*, антроп. сер. XVII в. *Szark-a, ф. Šark-ėl-is* и др. (: лит. *šárk-a* 'сорока') (LA 203 и др.); бел.ф. *Шкір-ман-т, Шкір-ман-ок, Шкір-мян-к-о-й, Шкір-учо, Шкір-уо-э, Шкір-а-но, Шкір-а-та-й* и др. (БА II 474) - лит. антроп. второй пол. XVII в. *Skir-man-t-as, Skir-man-as, Skir-but-as, Skirgaila* (LA 249), имя и ф. *Skir-man-t-as, Skirgaila, ф. Skir-butis* и др. (первый компонент восходит к лит. *skir-ti* 1. 'отделить [напр., мясо от костей]; разделять; разлучать, разъединять [напр., друзей]'; 2. 'различать, отличать'; 3. '[на части] разделять'; 4. 'назначать [напр., директором]'; 5. 'выделять, ассигновать [(денежные) средства]; уделять, уделять', бел. -*ман-т*, лит. -*man-t-as* - к лит. *man-t-ūs* 'сообразительный' или *man-t-a* 'добро, пожитки, вещи', бел. -*ман-*, лит. -*man-* к лит. -*man-yti*)⁷; бел.ф. *Шкрэб-н-ик* (БА II 475) - лит. антроп. нач. XVII в. *Skreb-ulis, Skreb-ėle*, антроп. XVII в. *Skreb-ėta*, антроп. второй пол. XVII в. *Skreb-en-is, Skreb-as* → *Skreb-ün-as, ф. Skreb-ün-as*, и др. (: лит. *skreb-ėti* 'шуршать, шелестеть', *skrėb-ti* 'мерзнуть') (LA 196, 248 и др.); бел.ф. *Шкур-о-к, Шкур-о-а-й* (БА II 476) - лит. антроп. второй пол. XVII в. *Skurd-is (-ys?)* (LA 249) (: лит. *skurd-ūs* 'бедный', *skuřdž-ius* 'бедняк, нищий' и др.); бел.ф. *Шлеп-ар-а-й, Шлеп-янт-о-х* (БА II 476) - лит. антроп. нач. XVII в. *Šlep-utis, ф. Šlep-as, Šlep-ėlis, Šlep-ikas* и др. (: лит. *šlep-ėnt-i* 'шлепать') (LA 207); бел.ф. *Шпін, Шпін-ар-но-й* (БА II 478) - лит. антроп. нач. XVII в. *Šnip-as, Šnip-is, ф. Šnip-as, Šnip-aitis* и др. (: лит. *šnip-as* 1. 'рыло'; 2. 'шпион' и др.) (LA 207 и др.); бел.ф. *Шок-аль* (БА II 479) - лит. антроп. нач. XVII в. и ф. *Šak-al-ys, ф. Šak-al-inis* и др. (: лит. *šak-al-ys* 'лучина, щепка') (LA 202); бел. антроп. XVI-XVII в. *Шун-к-о, Шун-к-а, Шунь-к-о* (БА I 279; БА II 483), ф. *Шун-о-йка, Шун-эвич, Шун-орик, Шун-и-б-о-ра-й, Шунь-к-о, Шунь-кин, рус.ф. Шун-ейко, Шун-ин, Шун-к-ов* (БА II 483) - лит. антроп. нач. XVII в. и ф. *Šun-elis, ф. Šun-ėvič-ius* и др. (: лит. *šuo*,

⁷ Kuzavinis K., Savukynas B. Lietuvių vardų etimologinis žodynas. - In: Vardai ir žodžiai. Vilnius, 1971, p. 137 и др. (далее - VŽ).

те Н.В. Бирилло. В книге Р. Траутманна "Die altpreußischen Personennamen" (Göttingen, 1925; дальше - TRP) как прусские приводятся антропонимы скальвов и надрувов, которые были литовцами (см. MLTE III 90-93 и указанную там литературу). Пока не установлена национальность соответствующих людей, антропонимы, указанные в упомянутых книгах, следует считать белорусскими и прусскими лишь условно.

⁶ См. БА I 250; БА II 348 и указанную там литературу.

вин.п. ед.ч. *šun-j* 'собака, пес') (LA 208); бел.ф. *Шун-эйка* восходит прямо к лит. *šun-ėika* 'шалопай, повеса'; компонент *-орик* белорусской фамилии *Шун-орик*, по всей вероятности, восходит к лит. *drik-ti* 1. 'путаться, спутываться'; 2. 'рассеиваться, рассыпаться, разбегаться [напр., об овцах]'; бел.ф. *Шымш-он-ак* (БА II 491), *Шымш-ал-ей* (БА II 495) - лит. антроп. второй пол. XVII в. *Šimš-el-iūn-is* или *Šimš-el-iun-is* (*š-yms-iel-un-is*), ф. *Rimša-Simš-a*, топ. *Šimš-à* (: лит. *šimšà* 'мокрый луг, болото' и под.)⁸; бел. антроп. XVII в. *Шыш*, *Шыш* (БА I 278; БА II 493), ф. *Шыш-эл*, *Шыш-ал*, *Шыш-он-я*, *Шыш*, *Шыш-ай*, *Шыш-эй*, *Шыш-ин-ин*, *Шыш-он-ак*, *Шыш-оў* и др., рус. антроп. XVI-XVII вв. *Шыш*, ф. *Шыш-ов*, *Шыш-ин*, *Шыш-ич* и др. (БА II 493) - лит. антроп. нач. XVII в. *Šis-l-a*, *Šis-k-a* (-as, -us?), антроп. второй пол. XVII в. *Šiš-as*, *Šiš-el-is*, *Šiš-il-a(s)*, ф. *Šiš-as* и др. (: лит. *šiš-as* 'дурное настроение; бешенство' и др.) (LA 206, 250 и др.); бел. ф. *Ют-аль* (БА II 497) - лит. антроп. нач. XVII в. *Jut-el-ė*, *Jut-ul-is*, *Jut-as* (-us?) → *Jut-aitis*, ф. *Jut-ěl-is*, *Jūt-as*, *Jūt-ūs*, *Jūt-eikà* и др. (: лит. *jūt-ėti* 'бодрствовать, дежурить, чувствовать', *jūs-ti*, 3 л. праэт. *juto* 'ощущать, чувствовать; чуют') (LA 148 и др.); бел.ф. *Яв-ид*, рус. антроп. XIII в. *Я-вид* (БА II 498) - лит. антроп. XVII в. *Jo-vydas*, антроп. *Jó-vyd-as* (первый компонент восходит к лит. *jó-ti* 'ехать верхом' или к *juó:juo-juo* 'чем-тем', второй - к лит. *iš-vūs-ti*, 3 л. праэт. *-vūd-o* 'увидеть') (LA 148, 217; VŽ 100); бел. антроп. *Я-гаўдз-ик*, *Я-гৌдз-ик* (БА II 498) - лит. имя и ф. *Jó-gaud-as*, прусск. антроп. *Ja-gawd-e* (*Jo-gaud-e*) (первый компонент восходит к лит. *jó-ti* или к *juó*, второй компонент - к лит. *gáud-yti* 'ловить', *gáus-ti*, 3 л. праэт. *gáud-ė* 'гудеть, звучать' или под.) (LA 148, 141; VŽ 98; TRP 137, 140 и др.); бел.ф. *Ят-уль-чик* (БА II 500) - лит. антроп. нач. XVII в. *Jot-as* (-is, -us?) → *Jot-aitis*, *Jot-imas*, *Dau-jot-as* → *Dau-jot-aitis*, антроп. *Jót-vil-as*, имя и ф. *Daj-jot-as*, ф. *Jot-eikà* и др. (: лит. *jót-is* 1. 'всадник, верховой'; 2. воен. 'кавалерист', *jót-i* (LA 133, 147, 148; VŽ 71, 99 и др.).

Приведенный материал может быть использован при решении вопросов этногенеза белорусов и взаимодействия балтийского и славянского этноса⁹.

Э. СМУЛКОВА *

К ВОПРОСУ О БЕЛОРУССКИХ БАЛТИЗМАХ (Проблема статуса балтизмов в белорусских говорах)**

Проблеме балтизмов в белорусском языке и говорах уделено уже много внимания - начиная со списка, составленного Е.Ф. Карским [15], и продолжая работами, относящимися к старобелорусским текстам, К. Яблонска [45], А.И. Журавского [13], А.Н. Булыко [5, 6], до разработок более общего и подробного характера таких авторов, как В. Урбутис [53], Ю. Лаучюте [18, 19, 20], Т.М. Судник [33-35], Н.И. и С.М. Толстые [35, 37, 38], О.Н. Трубачев [40], А.П. Непокупный [28-32], В.Н. Чекман [41, 43], Л.Г. Невская [25, 27] и др. Внимания заслуживают статьи белорусских диалектологов: Н.В. Бирилло [4], А.В. Орешонковой [1-3], Е.И. Чеберук [1-3], Ф.Д. Климчука [8-9], Ю.Ф. Мацкевич [1-3, 10-12, 24], Е.Я. Романович [1-3, 10-12], В.В. Мартынова [21-23], А.Е. Супруна [36], Г.А. Цыхуна [16] и др.; иногда в соавторстве с литовскими исследователями: Е. Гринавецкене [10-12], А. Ванагасом [4], А. Видугирисом [8-9] и др.; особенно ценна коллективная работа под ред. В.В. Мартынова, Г.А. Цыхуна и В.Н. Чекмана "Лексічныя балтызмы ў беларускай мове" [16] как подготовка материалов к Этимологическому словарю белорусского языка и, наконец, сам Словарь, том I (А-Б) которого уже опубликован [42]. Польские и белорусские говоры северо-восточной Польши описаны в работах А. Обрембской-Яблоньской [49], Ч. Кудзиновского [47], С. Глинки [44], М. Кондратюка [46], Э. Смукловой [50-52] и Т. Зданевича [54-56].

Вопрос стал особенно актуальным в связи с предпринятой Сектором диалектологии Института языкознания им. Якуба Коласа АН БССР инициативой подготовить Словарь белорусско-польско-литовского этноязыкового пограничья [61]. Наряду со словарями появляются обобщающие статьи, а также списки литовских слов, созданные во время полевого исследования лексического материала. Для нужд словаря Ю.Ф. Мацкевич и Е.И. Гринавецкене был составлен индекс слов литовского происхождения, употребляющихся в белорусских говорах (около 580 лексем).

В результате собран богатый лексический материал, приведены балтийские (главным образом литовские) парал-

⁸ LA 250; Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970, p. 37 и др.

⁹ См.: Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

* © E. Smułkowa, 1981 г.

** Проверкой некоторых литовских соответствий я обязана В.Н. Чекману и И.Б. Адомавичюте.

лели. Довольно убедительно доказано балтийское происхождение некоторых лексем. Указаны главные области использования балтийской лексики в белорусском языке; к ним относятся прежде всего сфера материальной культуры и онамастика в широком смысле слова.

Теперь, когда в распоряжении исследователя имеется обширный языковой материал и в то же время значительно возрос уровень археологических и исторических знаний о заселении и миграционном движении на прежних и новых балтийско-славянских границах (в нашем случае это нынешние Белоруссия и Польша), существенно рассмотреть статус балтизмов в белорусском языке, ранг и место, которое занимают в нем балтийские элементы.

В данной статье будут обсуждаться вопросы, касающиеся только лексики; за пределами рассмотрения останется не менее важная фонетическая, морфологическая и синтаксическая проблематика, о которой говорится, например, в статье В.Н. Чекмана о генезисе белорусского аканья [43], в монографии Т.М. Судник о фонологических системах говоров литовско-славянского пограничья [34] и в нескольких ее статьях [33], в том числе в соавторстве с Л.Г. Невской [27].

Выдвигая проблему статуса лексических балтизмов в белорусском языке, надо сделать некоторые существенные разграничения. Самой важной методической предпосылкой можно считать четкое отграничение балтийских заимствований и инфильтраций, вполне усвоенных говорами (часть их вошла в лексический фонд литературного языка и не осознается уже как заимствованная), от той литовской лексики, которая occasionally может появляться в речи населения нынешнего белорусско-литовского языкового пограничья, в условиях активного или даже пассивного билингвизма, не всегда, может быть, осознанного носителями говора. Это два разных вопроса не только с точки зрения хронологии и географии заимствований и инфильтраций, но и в аспекте функционирования языка; это различие касается сущности языковой системы и как таковое требует специального рассмотрения.

В связи со сказанным выше кажется неправильным ставить в один ряд случайно употребленные двуязычным информантом литовские лексемы, не усвоенные белорусской диалектной системой, и те литуанизмы, которые прочно вошли в основной лексический фонд данного диалекта. Ср. окказиональные литуанизмы из двуязычной Д. Старые Смильгини: *antarāptūsčī* из лит. *antarāpluoštės* < *añtaras* 'второй' и *plūostas* 'волокно' (диал. - Радунь - *antarāplustės*); *skaržī* 'кусочек мяса, испорченный во время убоя' из лит. *skeržiai* то же при *skeršti* 'колоть, бить, резать'; *asūkli* 'хвощи' из лит. *asiūkliai*, мн.ч., общепр. *хвоц, хвоцка* [11].

Отдавая себе отчет в тех трудностях, которые могут возникнуть при конкретном разграничении "случайного" и "усвоенного", автор все же настаивала бы на том, чтобы вопрос о так называемых "белорусских балтизмах" разделить в основе на две отдельные проблемы: одна - это все вопросы, связанные с литовско-славянским дву- или трехязычием в условиях, которые московские исследователи назы-

вают языковым союзом 35, 27; другая - это анализ общеполитической и диалектной, территориально дифференцированной лексики с точки зрения ее генезиса, с точки зрения того, что в ней можно и что следует считать балтийским. Понятно, что в этом случае исследователь основывается исключительно на материале, полученном от информантов, не знающих литовского языка. Термин "белорусские балтизмы", разумеется, следовало бы употреблять лишь в этом втором смысле, тем более, что к старому субстратному слою могут быть отнесены балтийские реликты, не являющиеся литуанизмами (прежде всего ятвяжские, если речь идет о белорусских говорах). Явления же первого рода описывались бы в терминах белорусско-литовской интерференции и конвергенции диалектов, что позволило бы "сосредоточить внимание на системном подходе к процессам и результатам конвергенции контактирующих языков, минуя уводящие от цели вопросы об источнике и направлении заимствования или влияния" [27]. Другое дело, что здесь остается важным исследовать и решить вопрос о том, насколько анализ нынешней языковой ситуации в литовских языковых островах Белоруссии может способствовать восстановлению механизмов проникновения балтийских элементов в белорусские диалекты в прошлом.

Видя, какое большое влияние на способ и пути развития языка имеют экстралингвистические условия, мы не можем поставить знак равенства между процессами, происходящими в условиях современного славянско-литовского билингвизма, и явлениями, которые относятся к балтийскому субстрату в языковой системе белорусского одноязычного населения. Поэтому представляется не совсем корректным рассматривать эти явления лишь в терминах лингвистической географии, как это имеет место в статье, анализирующей лексику литовского происхождения в Западной Белоруссии [1], где, констатируя целый ряд литовских слов, не отмеченных в других районах Белоруссии, авторы заключают: "Это позволяет говорить о более заметных следах балтийского субстрата на этой территории. А зарегистрированные на крайнем западе исследуемого ареала литуанизмы *antarāptūsti, gitón, kramzlá, krumplí, sutá, trušá, junk* и другие, на наш взгляд, являются самым молодым слоем субстратной лексики". В этом случае оказываются поставленными в один ряд вопросы, совершенно различные в хронологическом и системном плане, поскольку из локализации материала ясно, что он происходит из двуязычной деревни. Чтобы избежать подобных неточностей, следовало бы сохранить употребление термина "субстрат" в его ранее принятом в языковедении значении [58, 59].

Оставляя в стороне проблемы, касающиеся междиалектной интерференции и языковой конвергенции двуязычного балто-славянского населения, остановимся на вопросе статуса лексических балтизмов в тех белорусских диалектах, современные носители которых не соприкасались с литовским языком вообще. Есть все основания полагать, что этот вопрос целесообразно рассматривать в пределах конкретных диалектных систем (и отдельно для литературного языка); задача облегчается, если исторические судьбы районов,

в которых данные системы функционируют, известны. Для примера можно взять диалект д. Бобровники на Свислочи в Белосточском воеводстве, принадлежащий к волковскому типу юго-восточного белорусского диалекта. Из названия деревни можно сделать вывод (подтверждаемый историческими источниками), что в прошлом это служебное поселение, основанное на рубеже XV-XVI вв. людьми, пришедшими со стороны Немана [46]. Как свидетельствуют работы археологов и историков, "на Немане изначально сидели балтийские племена, от которых произошли ятвяги и литовцы" [57]. И несмотря на то, что ятвяги на рубеже XIII-XIV столетий разбиты и в конечном счете ассимилированы славянами, а большое количество литовцев из этих районов также подверглось славянизации, их влияние отразилось в языке, духовной и материальной культуре неманского белорусского населения. Исследуемый диалект д. Бобровники находится на Свислочи вблизи д. Крынки, в которой жило много литовцев. Вдоль Свислочи простирались многочисленные поселения литовских и ятвяжских рыцарей. "Еще в XVI в. среди сельского населения на юге от Крынок было много крестьян с именами и патронимами литовского и ятвяжского происхождения" [57, 28]. В диалекте д. Бобровники есть основания ожидать наличия не только древних субстратных элементов, но и заимствований или литовских инфильтраций, возникших с течением времени в условиях соседства с литовцами в процессе их постепенной славянизации.

При исследовании этого говора за основу был взят упомянутый вопросник Ю.Ф. Мацкевич и Е.Й. Гринавецкене, состоящий из 578 вопросов. Вопросник несколько раз был проработан с разными информантами, и в результате было получено всего лишь 30 апеллятивных лексем; даже при предпосылке, что в диалектной системе их может быть больше (не все удается обнаружить методом опроса), это количество невелико, особенно если учесть, что самый полный на сегодняшний день список белорусских балтизмов В. Урбутиса насчитывает 120 лексем, а I том Этимологического словаря белорусского языка (около 3000 заглавных слов), по мнению А.Е. Супруна, включает около 10% балтийских параллелей. Часть имеющихся в вопроснике корней отмечена в исследуемой диалектной системе исключительно в фамилиях и названиях местностей с забытым первичным значением, напр.; фамилия *Szurpa* из лит. *šūrpa*, *šūrpis* 1. 'выщербленный, шершавый'; 2. перен. 'злой, взволнованный человек'; *Szurpity* - озеро на севере Польши; *Шорпа* - имя ятвяжского князя. Ср. также смоленск. *шурпá* 'нахохлившаяся курица'; блр. литер. *шурпáты* 'шероховатый' (Фасмер IV, 489); *Gabáta*, род. *Gabát* - название соседней деревни, на расстоянии 1,5 км от Бобровники, о которой известно, что она была заселена литовскими боярами в начале XVI в.; может быть, это название можно соединить с лит. *gabénti(s)* 'переносить, переселяться', но более вероятно, что это тантропонимическое название типа польск. *Wierzbięta*, *Gabięta*, ср. лит. фамилию *Gabis*; этимологически ясное *Dojłidy* из лит. *dailidė* 'плотник'; из менее известных укажем микропоним на Белосточчине

Kudrėlik 'часть поля' из лит. *kūdra* 1. 'пруд', 2. 'сырое место, поросшее кустарником' [26], ср. блр. зап. *кўдра* 'густой сырой лес'.

Специфика исследования повлекла за собой выделение ономастики в широком смысле слова в качестве самостоятельной области языковедения. Представляется, что для полного освещения роли и ранга балтийского элемента в белорусском языке следует подумать над взаимным отношением в нем балтийских ойконимов и апеллятивов, над причинами территориальных и количественных различий в их проявлении; здесь, пожалуй, на первый план выдвинется вопрос немаркированности ойконимической лексики, которая, таким образом, легче сохраняется в условиях исторически засвидетельствованной славянизации балтийского населения. М. Кондратюк, исследуя местные названия юго-восточной Белосточчины [46], определил, что топонимы балтийского происхождения (в количестве 45) составляют 2,8% всех рассматриваемых местных названий, при учете таких примеров, где название со славянским корнем образовано посредством литовского форманта, напр. *Kleszczele*.

Пережохо к краткому представленным записанным в Бобровниках лексем, для которых предполагается балтийское происхождение, в большинстве случаев литовское. Внимание заслуживает тот факт, что речь идет о лексике вполне усвоенной, повседневной, касающейся, в частности, сельского хозяйства, частей тела, названий растений и т.п. (I), а также об экспрессивной лексике, или, во всяком случае, стилистически маркированной (II). Большинство этих лексем записано также и в других диалектах Белоруссии и представлено в коллективных статьях диалектологов Института языкознания АН БССР [1-3, 10-12, 24].

I. *atósa*, -y 'часть упряжи в повозке, тяж', этимология дискуссионная [42, I]; Урбутис [53], Кудзиновский [47], Мацкевич [24] высказываются за связь с лит. *atašėja* и под.

bónda, -y 1. 'корова, данная в приданое'; 2. 'булка из хлебного теста, печенная на жаровне перед выпечкой хлеба, служит для угощения'. Урбутис [53], Непокупный [31] и др. связывают с лит. многозначным *bandà*, среди прочего 'пирог, булка'. Ср. [42].

brūzgūl'-á, *brūzguvī* 1. 'деревянная пуговица'; 2. 'палочка для вязания снопов'; 3. 'деталь ткацкого станка при ремизках' из лит. *brūzgūlis* [50].

būša, -y 'род корзины для ловли рыбы' из лит. *būšas*, *būšias* то же. Удивляет женск. р. В лит. только муж. р. В ЛКЗ приводятся также *būšinas*, *būšis*, *bušys*, там же предположение, что это может быть славизмом в литовском. Френкель [61] считает, что это литовское заимствование из лтш. *bucis*. Урбутис приводит блр. муж. форму *buš* [58].

dūtki 'пыль, загрязнение воздуха, возникающее во время обработки льна' из лит. *dūlkės* то же 53.

žšhae' 'деготь', дискуссионный литуанизм из *degūtas*, *degūtis* то же. Ср. [62, 64, 53].

dėga 'кремень' из лит. *dėgti*, *dėginti* 'жечь' [51, 53].

gīrsa или *dūrsa* 'овсяница, полевой сорняк', из лит. *gīrsė*, *dīrsė* то же. Ср. [53, 50].

krúšnà, -i 'куча камней' из лит. *krúšnis* 'то же', см. Урбутис, а также многие другие авторы. Лексема известна и в соседних польских диалектах [54].

kudravy les (только в таком сочетании) 'молодой, густой влажный лес' из лит. диал. *kūdra* 'густой влажный лес'. Ср. [52] и цит. литература.

kūlša, -y 'бедро', из лит. *kūlišis* то же [53, 54].

kump, -a и *kūmpāk*, -a - 'ветчина, копченый окорок' и переносное значение (о тучной ягодице), из лит. *kūmpis* 'ветчина, копченый окорок'. См. [53, 54, 31] и др.

lókšyru, -yn pl. 'домашняя лапша'. В ЛКЖ считается славизмом в литовском. Предлагаю, вслед за В. Смочинским, обратное мнение в связи с разнообразием форм в литовском (*lakšalai, lakšiai, lakšenas, lakšinišs*) и изолированным характером лексемы в белорусском. Лит. *lākšiniai* (литер. *lākštiniai*) 'лапша' связано с *lākštas* 'лист растения'.

mantà, -ų из лит. *meitė* 'деревянная лопатка с нарезками, служащая для точения косы', 'лопаточка, лопатка' и под. [50] и др. ЛКЖ в качестве десятого значения приводит 'оселок для косы' (только в Лаздунах; предполагается, следовательно, белорусское влияние).

paršūk, -á 'кабанчик' из лит. *paršiūkas* 'поросенок' Ср. [48, 53] и др.

prasėšė 'расстояние от берда до навоя на полотне в ткацком станке' и 'кусочек полотна, вытканый на этом расстоянии', вторичное 'мера полотна при его выработке' [*prasėšė takąja što išė patatnó. Skólka prasėšėšau natkátą?*]. В этом смысле, а также как 'расстояние от навоя до навоя' лексема *prasėšė* в соответствующих фонетических вариантах засвидетельствована в нескольких полесских пунктах, а также в Житомирской обл. [7]. Насколько мне известно, лексема *prasėšė* до сих пор не включалась в списки белорусских балтизмов. Вероятнее всего, она связана с лит. *prasiskėsti* 'раздвинуться, раздвигаться, раскрыться'. Отмеченное В. Фалинской только в северо-восточной Мазовии в местной форме *przysiesć* (согласно народной этимологии, 'количество полотна, которое можно соткать в один присест') может только подтвердить эту гипотезу. Предлагаемая этимология поддерживается Ю. Лаучюте. В. Смочинский видит, однако, трудности в объяснении отсутствия -k- и предлагает соединить *prasėšė* с *siėti* 'вязать', что более сомнительно.

rėzgini, -au 'приспособление для носки сена' из лит. *rėzginėš* то же (от *raizgýti* 'плести'). Лексема на славянской почве совершенно изолирована [53] и др.

rúpic, гл. *rúpicca* общеблр. 'заботиться, беспокоиться' из лит. *rúpėti* то же [53].

ruplívý 'заботливый, рачительный'.

scírta, -y общеблр. 'копна соломы' (в Бобровниках мало употребительно); из лит. *stirta* то же [31, 53] и др. *svirónak*, -a 'амбарчик' из лит. *svirnas* 'клеть, амбар' [31, 53].

xrabúst 'Sonchus paluster'. Е. Гринавецкене, Ю. Мацкевич и др. [11] соединяют это слово с лит. *grabūzdas*

то же. Смушают, однако, блр. и укр. формы исключительно с глухим x- перед r- в начале слова, диал. польск. *chra-
ęęš* 'лесная чаща, заросль' [63] с носовым гласным, а также архангельск. *xrabas* 'хворост' у Фасмера вслед за Далем.

II. *abrýndacca* 'загрязнить подол юбки' [*abrýndatasė pa rasė; jak karótki spadnicy to i ne abrýndajėšė*]. Эти и другие префиксальные образования, напр. *zabrýndana* 'загрязнена' - от лит. глагольного корня *brėnda, brido*) 'идти вброд, брести по воде и т.п.'. Ср. ЛКЖ *apsi-bríndoti* 'запачкать грязью подол и полы одежды при ходьбе по мокрому' (но под *bríndotis*). Неясно.

batandá, -ų - 1. 'невкусная, жидкая пища'; 2. 'о человеке, говорящем глупости', а также гл. *balanžic* 'болтать вздор' [*batanžic jag balandá, jahó i batandóju nazuvájuc*]. Вернее всего, омонимические лит. выражения: 1. из лит. *balánda* 'лебеда' (*Chenopodium*), откуда значение 'подливка; невкусный суп' и т.п.; 2. из лит. *balandúoti* 'грохотать, стучать; болтаться' [53] и др.

bambúna, -y - шутол.-уничжит. 'грязный, толстощекий маленький ребенок' из лит. *bambiza* 'толстяк' [53, 31].

túpy - бран. 'губы'; из лит. *lúpa* 'губа'.

zhrejdau - 'испортил работу, сделал что-л. наспех, небрежно'. В. Смочинский предполагает здесь связь с лит. *greitas* 'быстрый, скорый' с интервокальным озвончением, возможным в экспрессивных образованиях (ср. Отрембский, GJL I, 323), инфинитив *greisti, pra-greisti* 'быстро встать после болезни', *greitinti* 'ускорить что-л.' и *su-greitinti* 'сделать более быстрым, ускорить (шаг)'. Но есть также:

nagrėžau, nagrėžat 'некрасиво написал', польск. *nagryzmolił*. Ср. '9a'.

tránty plur. tant. 'старая, изношенная одежда, лохмотья'. Согласно информации И. Адомавичюте, лит. *trantas* 'всякие отбросы, изношенные вещи'. Это слово, видимо, связано с лит. *tremti, tremiù* 'выгнать, сослать', диал. также 'стоптать, изнашивать'. Ср. еще *trendėti, trendu* 'портиться, плесневеть' (В. Смочинский).

vašavác 1. 'изрыть землю' (о кабанах на поле, засаженном картофелем); 2. 'быстро, как следует выполнить какую-л. тяжелую физическую работу' - из лит. *vašuoti* 'рыть землю, пахать' и диал. 'интенсивно работать, переутомляться'. См. [53].

vėjdacca 'слоняться, бить баклуши' - из лит. *vaidytiš* 'ссориться'.

Рассматривая семантику белорусского балтизма сравнительно со значением исходной лексемы, наблюдаем довольно большой диапазон возможностей: а) от изолированного в славянском конкретном названии предмета, полностью соответствующего литовскому названию того же предмета, напр., *rėzgini* 'сетка на дугах, служащая для переноски сена', лит. *rėzginėš*, связанное с *raizgýti* 'плести, сплести', б) включая точное перенесение литовского слова лишь в части его значений, напр. блр. *batandá* 'невкусная, жидкая пища' соответствует лит. *balánda* то же, основное значение которого 'лебеда, *Chenopodium*', в) вплоть

до примеров семантического отклонения от прототипа, напр.: блр. *abrýndacca* 'загрязнить нижнюю часть одежды', *abrýndana*, *zabrýndana* 'грязная, неряшливая (женщина)' из лит. *bristi/breinda* 1. 'идти вброд, бродить, брести по воде', *bristi purvu* 'брести по грязи'; 2. 'ловить рыбу'; блр. *vašavá* 1. 'быстро, как следует выполнить какую-л. тяжелую физическую работу' (напр., выгружать из вагона уголь); 2. 'рыть землю на картофельном поле [о кабанах]', при лит. *vašioti/vašavo* 1. 'рыть землю, с трудом пахать'.

Рассматривая изменения значений балтийских заимствований и инфильтраций в белорусском языке в рамках славянского микрополя, в котором они оказались, наблюдаем, что очень часто иноязычное слово в оппозиции с исконным появляется в маркированном значении, например, лит. *lupa* 'губа' там, где используется в том же значении исконное блр. *huba*, приобретает пейоративный оттенок и начинает обозначать 'толстая губа', отсюда бранное прилагательное *župáty*. Ср. также *vėjdas*: 'бродить, бездельничать' из лит. *vaidyti* 'ссориться'.

Стоит заметить, что некоторые литуанизмы на белорусской почве сделали значительную словообразовательную "карьеру". Это случилось, например, с лит. изолированным *mėntė* 'лопатка, лопаточка', локально также 'оселок для точения косы', которое в белорусских диалектах в последнем значении встречается в ряде вариантов: *mántá*, *mėntka*, *mántáška*, *meténka* и т.п. и гл. *mancíc*, *mántášyc* 'точить косу этим инструментом', чего не регистрирует ЛКЖ.

Здесь затронуты лишь некоторые проблемы, касающиеся статуса балтийских элементов в современных белорусских диалектах и в литературном языке. В стороне остались несомненно самые трудные для исследователей вопросы, связанные с литовскими кальками в белорусском языке и разного рода семантическими инфильтрациями, возникшими под влиянием балтийского субстрата и более поздних заимствований и проникновений. Тут можно воспользоваться характерным примером, подсказанным В.Н.Чекманом. Фамилию *Čarnahačóvik*, довольно часто отмечаемую в северо-западной Белоруссии (напр., в Видзовском районе), можно было бы считать несомненно славянской (ср. гриб-подберезовик *žarnahačóvik*), если бы не факт, что в Белоруссии встречаются также фамилии *Jodagalvis* и *Jodahačóvik*, отражающие восточнолитовское *Juodagalvis*. *Čarnahačóvik*, следовательно, является калькой литовской фамилии.

Литература

1. Арашонкава А.У. і інш. Да лексіка-семантычнай дыферэнцыяцы ў беларускіх народных гаворках. - Весці АН БССР, 1961, № 1, с. 89-98.
2. Арашонкава А.У. і інш. 3 лексікі беларускіх гаворак заходняй зоны. - Весці АН БССР, серыя грам. навук, 1969, № 4, с. 123-134.
3. Арашонкава А.У. і інш. Лексіка балтыйскага паходжання ў беларускіх гаворках. - Беларускае лінгвістыка, 1973, № 3, с. 27-37.

4. Бірла М.В., Ванас А.П. Літоўскія элементы ў беларускай анамастыцы. Мінск, 1968, с. 99.
5. Буляка А.М. Даўнія запазычанні беларускай мовы. Мінск, 1972, с. 380.
6. Буляка А.Н. Диалектныя литуанизмы в памятных старобелорусской письменности. - Тезисы IV Диалектологической конференции по изучению говоров и языковых контактов в прибалтийских республиках. Вильнюс, 1972, с. 16-18.
7. Владимирская Н.Г. Полесская терминология ткачества. - В кн.: Лексика Полесья. М., 1968, с. 193-280.
8. Видугирис А., Климчук Ф. Некоторые вопросы этноязыковых процессов на балто-восточнославянском пограничье. - В кн.: Конференция "Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом". Предварительные материалы. М., 1978, с. 10-35.
9. Видугирис А., Климчук Ф. Белорусские говоры Литовской ССР. - Там же, с. 73-75.
- 9а. Вжгонная Л.Ц. Гісторыка-этымалагічныя нататкі. - Беларускае лінгвістыка, 1974, № 5, с. 62-63.
10. Гринавецкене Е. и др. Северо-западные белорусские говоры литовского пограничья. - В кн.: Балто-славянский сборник. М., 1972.
11. Гринавецкене Э.И. и др. Бытовая лексика литовского происхождения в западной Белоруссии. - Lietuvių kalbotyros klausimai, XVI. Vilnius, 1975, p. 163-194.
12. Гринавецкене Е. и др. Литовские элементы в говорах белорусского языка. - Тезисы IV Диалектологической конференции по изучению говоров и языковых контактов в прибалтийских республиках. Вильнюс, 1972, с. 23-25.
13. Жураўскі А.І. Запазычаная лексіка ў беларускай мове. - В кн.: Гістарычная лексікалогія беларускай мовы. Мінск, 1970, с. 145-150.
14. Иванов В.В., Топоров В.Н. К постановке вопроса об отношениях древнейших балтийских и славянских языков (IV Международный съезд славистов). М., 1958.
15. Карский Е.Ф. Белорусы. Введение к изучению языка и народной словесности. Вильно, 1904, с. 125-137.
16. Лексічныя балтызмы ў беларускай мове. (Матэрыялы для абмеркавання). Мінск, 1969.
17. Лаумане Б. Латышско-русско-белорусско-польские лексические контакты по материалам Диалектологического атласа латышского языка. - В кн.: Балто-славянские исследования. М., 1974, с. 183-205.
18. Лаучюте Ю. Лексические балтизмы в славянских языках. - Вопросы языкознания, 1972, № 3, с. 101-109.
19. Лаучюте Ю.А. Тематические особенности балтизмов в славянских языках. - Балтийские языки и их взаимосвязи со славянскими, финно-угорскими и германскими языками. Рига, 1973, с. 124-127.
20. Лаучюте Ю. Терминология обработки дерева (заимствования из балтийских языков в славянские). - Lietuvių kalbotyros klausimai, XVI. Vilnius, 1975, p. 145-161.
21. Мартынаў В.У. Уводзіны. - В кн.: Лексіка Полесья ў прасторы і часе. Мінск, 1971, с. 3-35.
22. Мартынов В.В. Балто-славянский инновационный процесс

- в области именного словообразования. - *Baltistica*, 1978, XIV (2).
23. *Мартынаў В.У.* Праславянская і балта-славянская суфіксальная дэрывацыя імён. Мінск, 1973.
 24. *Мацкевич Ю.Ф. и др.* К интерпретации некоторых лексических изоглосс в белорусских говорах. - Диалектологический сборник. Материалы IV Диалектологической конференции по изучению говоров и языковых контактов в Прибалтике (1972). Вильнюс, 1974.
 25. *Невская Л.Г.* Балтийские названия болот в сопоставлении со славянскими (семасиологические наблюдения). - В кн.: Балто-славянские исследования. М., 1974, с. 155-182.
 26. *Невская Л.Г.* Балтийская географическая терминология (к семантической типологии). М., 1977.
 27. *Невская Л.Г., Судник Т.М.* Диалектные контакты в зоне современного балтийско-славянского этноязыкового пограничья. - В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации к VIII Международному съезду славистов. М., 1978, с. 285-307.
 28. *Непокупный А.П.* Географические термины и топонимы Украинского Полесья и балтийские (украинские) названия рельефа. - *Baltistica*, 1970, VI (1).
 29. *Непокупный А.П.* Прусская этимология в трудах Я. Эндзеллина и лексика белорусского и украинского языков. - Балтийские языки и их взаимосвязи со славянскими, финно-угорскими и германскими языками. Рига, 1973, с. 19-22.
 30. *Непокупный А.П.* Лингвогеографические связи литовских и белорусских форм названий г. Дятлово и его окрестностей. - В кн.: Балто-славянские исследования. М., 1974, с. 144-154.
 31. *Непокупный А.П.* Балто-северославянские языковые связи. Киев, 1976.
 32. *Непокупный А.* Балтийская и балто-славянская географическая терминология Белоруссии и Украины. - *Acta Baltico-Slavica*, 1976, IX.
 33. *Судник Т.М.* Из морфологических наблюдений над говорами литовско-славянского пограничья. - В кн.: Балто-славянские исследования. М., 1974, с. 215-219.
 34. *Судник Т.М.* Диалекты литовско-славянского пограничья. Очерки фонологических систем. М., 1975.
 35. *Судник Т.М., Толстая С.М., Топоров В.Н.* К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза. - Советское славяноведение, 1967, № 2.
 36. *Супрун А.Е.* Из белорусско-балтийской этимологической проблематики. - Балтийские языки и их взаимосвязи со славянскими, финно-угорскими и германскими языками. Рига, 1973, с. 39-42.
 37. *Толстой Н.И.* Славянская географическая терминология. М., 1969.
 38. *Толстой Н.И.* Об одном балтизме в восточнославянских диалектах - *пелька*. - В кн.: Этимология. 1967. М., 1969.
 39. *Топоров В.Н.* К вопросу о балтизмах в славянских языках (теоретический взгляд). - *Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas vēstis*. Rīgā, 1973, N 2.
 40. *Трубачев О.Н.* Славянские и балтийские этимологии. - В кн.: Балтийские языки и их взаимосвязи со славянскими, финно-угорскими и германскими языками. Рига, 1973, с. 18.
 41. *Чекман В.Н.* К проблеме литовско-белорусских лексических связей. - *Baltistica*, 1972, VIII (2).
 42. *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*, т. 1. (А-Б). Мінск, 1978.
 43. *Czekman W.* Akanie. Jego istota i pochodzenie. - *Slavia Orientalis*, 1975, XXIV, s. 283 сл.
 44. *Glinka St.* Gwary pogranicza polsko-białoruskiego (w przygotowaniu).
 45. *Jablonskis K.* Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinių kalboje. Kaunas, 1941.
 46. *Kondratiuk M.* Nazwy miejscowe południowo-wschodniej Białostoczczyzny. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1974.
 47. *Kudzinowski Cz.* Jaćwingowie w języku. - *Acta Baltico-Slavica*, 1964, I, s. 217-225.
 48. *Kuraszkiewicz W.* Domniemany ślad Jaćwingów na Podlasiu. - In: *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, 1955, I, s. 334-338.
 49. *Obrębska-Jabłońska A.* Elementy litewskie w mikrotoponimii wschodniej Białostoczczyzny. - Там же, 1969, VIII.
 50. *Smułkowa E.* Lituanizmy w białoruskim słownictwie rolniczym. - *Lingua Posnaniensis*, 1969, XIV, s. 55-69.
 51. *Smułkowa E.* O białoruskim *gęga* 'krzemień'. Przyczynek do zagadnienia substratu bałtyckiego w językach słowiańskich. - In: *Z polskich studiów slawistycznych*, ser. II. Warszawa, 1963, s. 215-221.
 52. *Smułkowa E.* Białoruskie *kudravy* to nie zawsze 'kędzierzawy'. - *Acta Baltico-Slavica*, 1980, XIII.
 53. *Urbutis V.* Dabartinės baltarusių kalbos lituanizmai. - *Baltistica*, 1969, V (1, 2).
 54. *Zdanciewicz T.* Litewskie i ruskie zasięgi słownikowe na Białostoczczyźnie. - In: *Z polskich studiów slawistycznych*, ser. II. Warszawa, 1963.
 55. *Zdanciewicz T.* Wpływy litewskie i wschodniosłowiańskie w polskich gwarach pod Sejnami. - *Acta Baltico-Slavica*, 1964, I.
 56. *Zdanciewicz T.* Litewskie elementy językowe w gwarach polskich okolic Sejn. - *Lingua Posnaniensis*, 1960, VIII.
 57. *Wiśniewski J.* Osadnictwo Wschodniej Białostoczczyzny (geneza, rozwój oraz różnicowanie i przemiany etniczne). - *Acta Baltico-Slavica*, 1977, XI, s. 7-80.
 58. *Gołab Z., Heinz A., Polański K.* Słownik terminologii językoznawczej. Warszawa, 1968.
 59. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
 60. *LKŽ - Lietuvių kalbos žodynas*, t. I-XI. Vilnius, 1946-1979.
 61. *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча*. Т. 1 (А-Г). Мінск, 1979.

62. Kraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch, I-II. Heidelberg-Göttingen, 1962-1965.
63. Karłowicz J., Kryński A.A., Niedźwiedzi W. Słownik języka polskiego, I-VIII. Warszawa, 1900-1927.
64. Słowski F. Słownik etymologiczny języka polskiego, I-V. Krakow, 1952-1977.

Ф. Д. КЛИМЧУК

К ИСТОРИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ГОВОРОВ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЛИТВЕ

На литовско-белорусском этническом пограничье издавна существовала своеобразная двуязычная зона с относительно широким употреблением литовского и белорусского языков. Впоследствии в этой зоне получил широкое распространение, а в некоторых местах стал преобладающим польский язык. В течение ряда столетий вплоть до начала XX в., а кое-где и позже, происходило постепенное перемещение этой контактной зоны в северо-западном направлении. Во-первых, в регионах, прилегающих к ней, литовское население усваивало белорусский язык и становилось двуязычным. Во-вторых, во многих местах этой зоны литовский язык постепенно уступал свои позиции белорусскому языку. Особенно интенсивно этот процесс происходил в XIX - начале XX в., прежде всего на границе со сплошным белорусоязычным ареалом.

Ширина этой зоны не везде была одинаковой. Сравнительно узкой она была в юго-западной и северо-восточной части и довольно широкой - в средней части, т.е. в окрестностях Вильнюса и к юго-востоку от него. В первой половине XIX в. восточная и южная граница рассматриваемой зоны ограничивалась линией: восточнее Браслава (ведь еще по переписи 1919 г. восточнее Браслава отмечены группы литовцев), западнее Постава, на Сморгонь, по р. Березине (Неманской) почти до Немана, южнее Ивье, на Лиду (и узкий полуостров на юг до Дятлова), южнее Щучина, северо-западнее Острыны, севернее Гродно¹. В настоящее время часть данной зоны входит в состав северо-западных районов БССР, другая часть - в состав юго-восточных районов Литовской ССР.

В Литовской ССР белорусские говоры распространены в следующих местностях²: 1) В юго-восточной Литве - т.е.

¹ См.: Baliński M., Lipiński T. Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym, т. 3. Warszawa, 1846; Корева А. Виленская губерния. СПб., 1861; данные переписей 1897 и 1919 гг., сведения о литовскоязычных островах рубежа XIX-XX вв. любезно сообщил А. Видугирис.

² Кроме личных наблюдений использованы данные, которые любезно сообщены А. Видугирисом, а также другими участниками диалектологических и этнографических экспедиций.

в восточной части Вильнюсского и на большей части Шальчининкского р-нов, приблизительно до линии: севернее Лаваришкес, на Рудамину, Руднинкай - белорусская речь во многих населенных пунктах преобладает. Причем в северной части указанного района до р. Висинча сохранились только реликты традиционных литовских говоров и небольшие острова. Южнее р. Висинча и в р-не Эйшишкес наблюдаются активные контакты литовских и белорусских говоров. В ряде мест, особенно в р-не Девянишкес, литовская речь преобладает. 2) Далее на северо-запад, в центральной части Вильнюсского и восточной части Тракайского р-нов, а также в некоторых населенных пунктах на юге Швянчёнского р-на, белорусской речью владеют главным образом представители старшего поколения (хотя и здесь встречаются семьи и отдельные деревни, в которых белорусским языком, наряду с польским и литовским, пользуется среднее поколение и дети). Территория этого района ограничена линией: Буйвиджая, южнее Неменчине, севернее Калинас, северо-западнее Судярве и Реше, западнее Тракай, восточнее Валькининкай и Даржининкай, западнее Каляснинкай. Белорусскую речь здесь употребляют не во всех населенных пунктах. 3) В северо-восточной и южной части Литовской ССР, в пограничных с БССР сельсоветах Зарайского, Игналинского, Швянчёнского, Варенского и Лаздийского р-нов белорусскими диалектами нередко владеет местное литовское население. В Швянчёнском и Игналинском р-нах встречаются села, где белорусы составляют высокий процент (Ракаускай, Малкунай, Ляйпушке) или преобладают (Симанишке).

На рубеже XIX-XX вв. имело место распространение белорусского языка (наряду с литовским и польским) в р-не Неманчине, Майшягалы, Аукштадварис, в местечке Буйвиджая.

Возникает вопрос: почему в рассматриваемой области распространился белорусский язык? Причин, объясняющих этот факт, несколько.

Формирование восточнославянскоязычных групп населения (включая билингвов) на юго-востоке литовской этнической территории происходило по-разному. До XIV в. оно было обусловлено: 1) переселением восточнославянского населения; 2) крещением части литовцев по православному обряду еще до официального введения в Литве католичества в 1387 г.; 3) прочими контактами литовцев и славян.

В Великом княжестве Литовском языком княжеской канцелярии, а затем и официальным языком был, как известно, старобелорусский письменный язык, обычно именуемый "русским" языком. Белорусские говоры, белорусская речь считались устной разновидностью официального языка. В зоне литовско-белорусского пограничья, в литовских столицах (особенно в Вильнюсе) и юго-восточной этнической Литве того времени белорусский язык распространился как второй язык среди литовских феодалов, высших слоев горожан, а в ряде мест и среди крестьян.

Об этом имеются следующие свидетельства. Бывший приходский священник Вильнюсского кафедрального собора, известный дипломат Казимира Ягеллончика Эразм Вителиус

(Цёлек) в начале XVI в., говоря о положении римско-католической церкви в Литве, писал, что литовцы, ставшие католиками, "сохраняют свой собственный язык. Почти половину княжества населяют русские (т.е. преимущественно белорусы. - Ф.К.), язык которых как более красивый и легкий употребляется шире"³. Однако эта цитата не всеми исследователями одинаково объясняется. Одни понимают ее так, что многие литовцы уже тогда были билингвами⁴, другие же имеют в виду только (бело)русскую письменность⁵. Все же нет сомнения, что многие представители высших слоев также владели белорусским языком⁶. О наличии в XIV-XVII вв. в Вильнюсе белорусского населения косвенно свидетельствует тот факт, что в указанный период здесь было много православных храмов⁷.

Белорусский язык получил в рассматриваемой области распространение и среди мелких этнических групп: татар, евреев, караимов, цыган и др. Он становился здесь средством общения между представителями различных народностей. О том, что в этой среде белорусский язык имел глубокие традиции, свидетельствует, например, тот факт, что литовско-белорусские татары на протяжении XVI-XIX вв. создали на белорусском языке (арабским письмом) богатую литературу⁸. Если для евреев, караимов, цыган белорусский язык оставался вторым, или вспомогательным, языком, то для татар он заменил их собственный язык.

Польский язык в зоне литовско-белорусского пограничья и в юго-восточной Литве первоначально был распространен только среди небольших групп выходцев из Польши и среди части католического духовенства. После Люблинской унии и особенно после 1697 г., когда польский язык вместо отмененного старобелорусского стал в Великом княжестве Литовском государственным, он получает широкое распространение среди крупных литовских и белорусских феодалов и части высших слоев горожан.

Однако среди основной массы населения польский язык

первоначально не распространился. Между тем употребление белорусского языка стало уже традицией, только сфера его использования переместилась на средний и низший слои общества.

Так как белорусский и польский языки близкородственны, это позволяло носителям данных языков общаться между собой непосредственно, не прибегая к билингвизму. Ввиду того, что белорусский язык имел значительное распространение среди литовцев юго-восточной части этнической Литвы, он становится языком-посредником между литовцами и поляками. Средством общения между литовцами и украинцами белорусский язык был прежде всего в XIV-XVI вв., когда значительная часть украинских земель входила в состав Великого княжества Литовского. С конца XVIII в., т.е. после включения Восточной Литвы в состав России, а в ряде случаев и ранее (например, после поселения в Литве старообрядцев), в рассматриваемой нами области белорусский язык часто использовался как средство общения литовцев и русских, а также поляков и русских. Таким образом, белорусский язык в зоне литовско-белорусского пограничья, в литовских столицах и их ближайших окрестностях для значительной части населения в течение ряда столетий являлся р е г и о н а л ь н ы м, или з о н а л ь н ы м, языком.

Хотя литовский язык долгое время оставался бесписьменным, с централизацией литовского государства формировался общенародный разговорный язык. Предполагается, что он широко употреблялся в разных сферах жизни государства⁹. Накануне формирования литовской письменности были два варианта литовского разговорного койне. На основе их в XVI-XVII вв. появились два варианта письменного языка¹⁰. После появления литовской письменности в первой половине XVI в. литовская литература, преимущественно религиозного характера, достигла значительного уровня развития в XVI-XVII вв. Передовая литовская общность боролась за предоставление литовскому письменному языку статуса государственного в Великом княжестве Литовском¹¹. Однако этому противодействовали преимущественно уже полонизированные крупные литовские феодалы и католическая церковь Литвы. Тем не менее сам факт существования Великого княжества Литовского, видимо, не только замедлял процесс отступления литовского языка в зоне литовско-белорусского этнического пограничья, но местами даже способствовал его распространению. Об этом мы можем судить только косвенно, т.е. по полонизации ли-

³ Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. Ed. A. Theiner, t. II. Romae, 1961, p. 277-278.

⁴ *Fiłjatek J.* Kościół rzymsko-katolicki na Litwie. Uchrześcjanienie Litwy przez Polskę i zachowanie w niej języka ludu po koniec Rzeczypospolitej. - In: Polska i Litwa w dziejowym stosunku. Warszawa-Lublin-Łódź-Kraków, 1914, s. 48-49.

⁵ *Jablonskis K.* Lietuvių kultūra ir jos veikėjai. Vilnius, 1973, p. 275.

⁶ Monumenta mediae aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Wyd. A. Prochaska, t. VI. Kraków, 1882, p. 999; *Fiłjatek J.* Op. cit., s. 49; Lietuvių literatūros istorija. Red. K. Korsakas, t. I. Vilnius, 1957, p. 50-52.

⁷ *Крачковский Ю.* Старая Вильна до конца XVII столетия. Вильна, 1893, с. 3, 19-42, 56-58.

⁸ *Антонович А.К.* Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. Вильнюс, 1968.

⁹ *Jablonskis K.* Op. cit., p. 36-46; *Zinkevičius Z.* Lietuvių antroponimika. Vilniaus lietuvių asmenvardžiai XVII a. pradžioje. Vilnius, 1977, p. 24-33.

¹⁰ *Zinkevičius Z.* Rytietiškoji XVII a. lietuvių raštų kalba, jos kilmė ir išnykimas. - *Baltistica*, 1972, VIII (1), p. 79-100; *Idem.* Lietuvių antroponimika, p. 27.

¹¹ *Lebedys J.* Lietuvių kalba XVII-XVIII a. viešajame gyvenime. Vilnius, 1976.

товской шляхты¹². Поэтому еще в первой половине XIX в. ареал употребления литовского языка наряду с белорусским в северо-западных районах теперешней БССР был довольно значительным.

После включения Восточной, или так называемой Большой, Литвы в состав России процесс распространения белорусской речи на ее территории усилился, несмотря на то, что белорусский язык, как и литовский, преследовался со стороны царских властей, местного дворянства и католического духовенства. Связано это с рядом причин. Белорусский язык - близкородственный русскому и польскому языкам. Генетически русскому языку он ближе. Но в зоне литовско-белорусского пограничья белорусским говорам присущи многочисленные польские и литовские заимствования, а говорам польским в этой области - соответственно заимствования белорусские, а также литовские, что указанные говоры сближало.

В XIX в. белорусский и украинский языки официально не признавались отдельными языками. В российских официальных кругах их считали диалектами русского языка, в польских кругах - диалектами польского языка. В польских кругах диалектом польского языка нередко считали и литовский язык. В итоге этого и в результате огромного влияния церкви получил широкое распространение взгляд, что говоры православных белорусов - это диалекты русского языка, а говоры белорусоязычного католического населения - это диалекты польского языка. Такой взгляд на этноязыковую принадлежность населения рассматриваемой территории широко распространился среди местного населения, причем польское самосознание нередко было чрезвычайно развито среди литовскоязычного населения. Под влиянием католического духовенства и местного дворянства польской ориентации белорусский язык литовским населением обычно воспринимался как простой польский язык, и поэтому назывался нейтральными терминами: *местним*, *тутейшим*, *простым* языком. К стати, такие термины кое-где сохранились до сих пор.

Сфера употребления русского языка в исследуемом регионе особенно расширяется с середины XIX в. Распространение польского языка и рост польского национального самосознания, прежде всего в среде литовско-белорусских билингвов, а также в среде белорусоязычного и частью в среде литовскоязычного населения, значительно возросли в связи с польским национально-освободительным движением. Именно под влиянием национально-освободительного движения и католической церкви, с одной стороны, и белорусских говоров, исполнявших функцию средства межнационального и регионального общения, с другой стороны, ассимиляция на широкой территории литовско-белорусского этнического пограничья получила своеобразный характер: по национальному самосознанию значительная часть местного литовского населения ополячилась, а по языку - обелорусилась.

¹² Ochmański J. Biskupstwo Wileńskie w średniowieczu. Ustrój i uposażenie. Poznań, 1972, s. 81-82.

Таким образом, в XIX в. в зоне литовско-белорусского пограничья местные белорусские говоры очень часто отождествлялись коренным населением либо с польским, либо с русским языком. В этом заключалось одно из весьма значительных преимуществ этих говоров перед местными литовскими говорами. Кроме того, здесь компактные литовские диалектные массивы чаще всего концентрировались в отдаленных от городов и больших дорог местах.

Медленная языковая ассимиляция на литовско-белорусском пограничье имела место давно, но в разные периоды она характеризовалась своей спецификой и не всегда была односторонней. До XIII в., когда пограничные балтийские области вошли в состав древнерусских княжеств, этот процесс был направлен в юго-западном направлении, в сторону Принеманья. В эпоху Великого княжества Литовского, с одной стороны, белорусский язык, чаще как второй язык, распространился в литовских столицах, их ближайших окрестностях, среди части феодалов; с другой стороны, в юго-восточном направлении, вероятно, происходило расширение ареала литовского языка. С XVI в. рассматриваемый процесс повернул в северо-западном направлении. Сначала он был медленным и охватил только окраины литовского этнического массива, часто гетерогенные, неоднородные по этническому составу. Впоследствии этот процесс переместился в более гомогенные литовские этнические области.

Весьма вероятно, что вместе с расширением сфер употребления польского языка в крупных городах активизировалась и сфера употребления белорусского языка. Прежде всего таким городом был Вильнюс, который издавна являлся крупным культурным центром нескольких народов.

Расширение сфер употребления белорусского языка вместо отступающего литовского в юго-восточной Литве (прежде всего восточнее Вильнюса) особенно интенсивно проходило с конца XVIII - начала XIX в. Белорусским языком как вторым в первой трети XIX в. нередко пользовались многие литовцы в районе к югу от Шальчининкай и в Тургялайском приходе (теперь северо-восток Шальчининкского р-на)¹³. В XIX в. белорусский язык стал широко употребляться западнее Вильнюса (до Реше и Судярве), в значительной части теперешнего Тракайского и северной части Шальчининкского р-нов до р. Висинчя. Во второй половине XIX - первой половине XX в. литовский язык западнее и северо-западнее Вильнюса стал непосредственно вытесняться польским языком (культурным польским диалектом). В этот период расширилась сфера употребления белорусского языка в тех районах, где ранее он чаще всего функционировал как второй язык. Кроме того, белорусский язык распространился в южной части теперешнего Шальчининкского р-на.

Только в годы вхождения Восточной Литвы в состав буржуазной Польши (20-30-е годы XX в.) граница относительно

¹³ Ведомости о костелах и монастырях Виленской епархии, 1827 г. Вильнюсский Центральный государственный исторический архив Литовской ССР, ф. 694, оп. 1, № 769, с. 5, 7.

ности. Слово, обозначающее нечто, что перестало существовать, что вышло из употребления, удерживается в говоре лишь на протяжении жизни нескольких поколений. Новые элементы действительности, прежде чем будут точно осознаны и укоренены в системе говора, входят в него вместе с новыми названиями, подчас сильно и по-разному искаженными. Однако тем не менее все новое в действительности должно быть выражено в языке. В случае изолированного говора оно должно быть выражено теми средствами, которыми говор располагает на данном этапе своего развития. Поэтому представляется, что роль островного говора² как средства общения отлична от роли говора на исконной этнической территории, так же как отлична и его отношение к общенародному языку.

Языку как системе коммуникативных средств, присущих данному этническому целому, функционирующих во всякого рода формах общения и допускающих внутренние территориальные и функционально-стилистические различия, противопоставляется диалект [14, 5, 4, 3, 2, 1, 12, 11, 15, 10] как один из территориальных вариантов системы коммуникативных средств, который обслуживает лишь часть этнического коллектива и характеризуется определенными функциональными ограничениями [4, 5, 12]. Основанием для разграничения и иерархизации языка и диалекта служат такие различительные черты, как:

1) общенародный характер языка (язык обслуживает весь этнический коллектив, тогда как диалект - только часть его;

2) особенности функционирования (язык многофункционален, функции же диалекта ограничены ролью устного средства общения в пределах данной группы);

3) структура (система диалекта на каждом этапе развития зависит от структуры языка, тогда как система языка более независима в этом плане).

Эти утверждения, верные в отношении диалектов, расположенных на исконной этнической территории, не могут, однако, безоговорочно быть отнесены к островному говору в иноязычном окружении³. Для островного говора, который с определенного момента своей истории (в случае говора

русских-старообрядцев в Польше - это конец XVIII в.⁴) остается вне контакта с общенародным языком и родственными диалектами, указанные определения несколько видоизменяются.

Островной говор продолжает оставаться средством общения, обслуживающим лишь часть этнического целого - в соотношении с родной этнической территорией, и в то же время весь коллектив, т.е. всех говорящих на нем и живущих на территории данного языкового острова.

В этих условиях функции говора расширяются. Он обслуживает данный коллектив во всех ситуациях, не требующих письменной формы⁵, причем как внутри этой группы, так и вне ее (при контактах с окружением - хотя бы некоторое время)⁶. Таким образом, он осуществляет отчасти функции общенародного языка на этнической территории и отчасти те функции, которые выполняет язык окружения⁷.

Кроме того, развитие структуры островного диалекта от момента изоляции перестает зависеть от инноваций в структуре общенародного языка. Начинают вырабатываться инновации, частью являющиеся продолжением процессов, перенимаемых совместно с общенародным языком, частью же реализующие новые возможности развития⁸.

Для лексики островного говора это влечет за собой ряд последствий.

В словаре говора сохраняется и функционирует основное ядро общенародной лексики, которое входило в его состав в момент переселения данного коллектива с этнической территории (главным образом, слова, характеризую-

⁴ Об истории старообрядческих поселений в Польше см.: *Iwaniec E. Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich.* Warszawa, 1977; *Sukertowa-Bedrawina E.* [16], а также работы автора [6, 7].

⁵ Имеющиеся у нас материалы (письма) свидетельствуют о том, что при переписке старообрядцы воспроизводят родной говор, передавая, скажем, звуки, не имеющие графического значка, приближенными буквенными соответствиями, напр., редуцированное *a* через *u* и т.п. Ср. опубликованные образцы письменной речи [6, с. 184-186].

⁶ Известно, напр., что старообрядцы на Мазурах несколько десятилетий по переселении изъяснялись с властями через переводчика [16, 50-51; 7, разд. III, а].

⁷ В нашем случае, в зависимости от территории и хронологии, - польский язык (сувалкско-сейненский и августовский центры) и немецкий (на Мазурах от серед. XIX в. до 1945 г.).

⁸ Об этом свидетельствуют результаты исследования старообрядческого говора, касающиеся различных языковых категорий, ср. [8, 9, 13]. Напр., функции суффикса *-in/k/a* в серед. XIX в. в русском языке расширились, суффикс стал выражать новые значения. В говоре эти значения отсутствуют. В то же время в говоре этот же суффикс приобрел новое значение, заимствованное из польского языка [8, с. 282-285, 286-287].

рядцы сосредоточены в трех центрах: сувалкско-сейненском, августовском и мазурском (в окрестностях Руцяне-Нида). Общая их численность в настоящее время - около 3000 чел. Проживают они большей частью в смешанных польско-русских деревнях. Деревни рассредоточены на довольно большой территории.

² Островным говором называется здесь язык лиц, проживающих сосредоточенной группой на этнически чужой территории в изоляции от своего общенационального языка.

³ В основу изложенных здесь наблюдений положены материалы полевых исследований, проводимых автором в течение многих лет. Статистические данные опираются на изучение специальной выборки из 6430 слов (лексика из сферы "Человек, его физическая и духовная жизнь"), зафиксированных во всех трех центрах старообрядческих поселений в Польше.

щиеся большой частотностью и широким диапазоном значений)⁹.

Лексическая система островного говора включает большее число заимствований из окружения в сравнении с говорами на этнической территории. В то время как на исконной этнической территории новые элементы действительности обозначаются словами общенародного распространения, в островном говоре для их обозначения используются слова того языка, на этнической территории которого находится остров.

Влиянию иноязычного окружения подвержены разные уровни - фонетика, словообразование, лексика, синтаксис, причем именно обогащение фонетики расширяет в свою очередь возможности лексических заимствований.

Все слова в островном говоре, независимо от их происхождения, становятся равноправными с точки зрения их функции в процессе коммуникации. Как заимствованное слово, так и исконные диалектизм или слово общерусское, даже искаженное, служат здесь элементами системы общения. Не существует эталона общенародного языка (как в случае говоров на этнической территории), в сопоставлении с которым слово могло бы утратить свой ранг.

Возможности развития лексической системы по исконным родным образцам подвергаются ограничению. Это находит выражение в слабом развитии полисемии, а также в утрате архаизмов¹⁰.

Возникает возможность образования новых слов по типу или под влиянием моделей извне, особенно моделей словообразовательных. Эта возможность находится в тесной зависимости от характера контактов с окружающими языками и диалектами.

В островном говоре действует особый механизм лексических изменений, характерный для говоров, существующих в иноязычном окружении.

II. Изменения и направления развития лексики островного говора определяются, наряду с расширенной функцией, которую говор выполняет в процессе коммуникации, рядом других факторов, возникающих вследствие отрыва от этнической территории. Главные из них - это те культурно-исторические условия, в которых оказались переселенцы: изоляция от общенародного языка, характер языковых контактов; билингвизм членов коллектива, языковой барьер, отделяющий их от окружения, школа, численность коллектива.

Одним из важнейших факторов, влияющих на направление и быстроту изменений словарного состава островного гово-

ра, являются иные, нежели на исконной этнической территории, исторические и культурные условия, в которых группа оказалась по переселению. От этих условий зависит численность сохраняющихся общенародных слов, количество и сфера заимствований, проникающих из окружения.

Поселение коллектива на другой этнической территории ведет к изоляции от влияния русских говоров и общенародного языка. В диалект перестает проникать общерусская лексика, прекращает оказывать свое воздействие норма общенародного языка, которая именно в последнее время имеет огромное значение для русских говоров на исконной этнической территории. Поэтому в островном говоре новые явления действительности обозначаются словами, заимствованными из иноязычного окружения (после 1945 г. - заимствованиями из русского литературного языка). В результате в лексике старообрядцев в Польше новых общерусских слов немного - по нашим наблюдениям, около 1,3%. Это слова типа: *xatśós, ekulírəvət, jiraptán, partéjnyj, ven-dic'it, przynórk, pl'ónko, raspiśássa, tang'íst*. Утрата соседства и контакта с русскими говорами вызвала исчезновение значительной части семантических диалектизм, характерных для целой группы средневеликорусских говоров, а также утрату архаичного (уже для периода переселения) слоя лексики.

В изменившихся условиях, когда диалект уже не может черпать из фонда общенародного языка, возникает необходимость пополнения лексики путем заимствования. Эти заимствования островной говор черпает из словаря окрестных иноязычных говоров, а также из общенародного языка той этнической территории, на которой он существует.

В говоре старообрядцев сувалкско-сейненских и августовских представлены главным образом заимствования из польского языка, напр.: *adbyvát, fśásy, naradóvy, parasólka, vartóvnik*. На Мазурах - заимствования из мазурских говоров, напр.: *dukt, gbur, kajét, pajedýnək* 'единственный сын'; *pats'radánək; rektórka*; из немецкого языка, напр.: *cuk; gel'éunki* 'пруды'; *háltər; jákə; mútərmól'; śmurfánkə; trépy*; а также из общепольского языка, напр.: *btut* 'ошибка'; *gumáki; núdit; sk'lapóvyja; zap'át* 'застегнуть'. Во всех центрах отмечены заимствования из русского языка самого последнего времени. В говоре заимствования из польского языка составляют 27%, а из немецкого (это относится только к Мазурам) - 14,2%.

Переселенцы, образующие островной говор, вступают в разного рода контакты с окружением. От характера контактов зависит интенсивность влияния на говор языка окружения. Так, у старообрядцев всегда существовал живой контакт с людьми, говорящими по-польски, - с соседями и административными властями. После второй мировой войны важную роль играют средства массовой информации и возможность работы в городе. Таким образом, лексические заимствования из польского языка очень многочисленны и относятся к различным областям (исключая религиозную терминологию). С немецким языком на Мазурах контакт был менее продолжительным - от последней четверти XIX в. до

⁹ Как показывают наши наблюдения, в лексике русских островных говоров Польши общерусские слова составляют 68%.

¹⁰ Подавляющее большинство слов в островном говоре старообрядцев - слова с одним конкретным значением. Число лексических архаизмов ничтожно мало по сравнению с говорами той же группы (псковскими) на этнической территории. В исследованном материале они составляют менее 1%.

1945 г. Параллельно с этим существовал контакт с польскими мазурскими говорами. Этот контакт выступал в двойной форме. Ряд необходимых говору слов был заимствован из немецкого через мазурское посредство, напр.: *brútkə, gáf'li, fujavérə, l'ácy, rəntav'inə*; это уменьшило приток неассимилированных заимствований. Некоторые немецкие заимствования со временем проигрывали в конкуренции с польскими. В лексике островных говоров на Мазурах засвидетельствовано 14,2% германизмов, но среди них лишь 10,2% заимствовано непосредственно из немецкого языка, и целых 35% полонизмов. Германизмы в диалекте старообрядцев на Мазурах относятся к лексике из сферы названий болезней, редких растений, инструментов, технической терминологии.

Параллельный контакт с польским и немецким, а также с польским и с русским литературным языком (после 1945 г.) обусловил появление в лексике островного говора ряда синонимов (дублетов) разного происхождения, напр.: *túlví-šča* (диал.)//*tútəvišča* (из рус. литер.)//*tútaf* (из польск.)//*rumf* (из нем.); *sánki* 'челюсть' (диал.)//*šča-ká* (из польск. диал.)//*ščénkə* (из польск.); *kanf'éty* (из рус. литер.)//*cuk'érki* (из польск. литер.)//*banbónki* (из нем.) и т.п.

С течением времени население языкового острова осваивает язык окружения и становится двуязычным или многоязычным (трехязычным на Мазурах)¹¹. Это еще один фактор, облегчающий проникновение в говор заимствованных слов. При пользовании двумя языками у говорящего вырабатывается навык произношения чуждых родному языку звуков. Таким образом, артикуляционные возможности расширяются. Это в свою очередь облегчает усвоение иноязычных слов либо в неизменном, либо в адаптированном со временем виде. Билингвизм ведет также к изменениям в словообразовательной системе. Иноязычные словообразовательные модели обуславливают частое чередование суффиксов или префиксов, не отражающееся на значении слова. Лексика говора изобилует словообразовательными вариантами, напр. *pədbaródže*//*pədbaródək*; *gumófəy*//*gumáki*//*gum'áki* 'резинные сапоги'; *pədváčórək*//*príváčórək* 'полдник'; *zəmə-tát*//*zam'átəvət* 'подметать'. Билингвизм, кроме того, влечет за собой синонимическое употребление слов разного происхождения.

Между говором старообрядцев и польским окружением не существовало столь мощного языкового барьера, какой был между немецким языком и этим говором. Проникновение полонизмов облегчалось тем фактом, что говор старообрядцев генетически восходит к западной части средневелико-

¹¹ Сначала двуязычными или многоязычными становятся мужчины и только спустя несколько поколений - весь коллектив. На Мазурах до конца XIX в. русские были двуязычны, владея родным говором и польским. Немецкий язык вошел в употребление лишь в конце XIX в., когда изучение немецкого было введено в школе (обучение распространялось и на девочек) и когда старообрядцы стали привлекаться к воинской службе.

русских говоров псковского типа, не свободных в прошлом от польского влияния. Поэтому среди заимствований преобладают полонизмы, в том числе полонизмы, известные говору до переселения, напр. *al'éj, bratónə, buračk'í, kamá-šy, kavál', mōndryj, paškódit', p'ástkə, ráit', smak, tul'iesə, žabrák* и др., и относительно малочисленны, несмотря на германизацию, заимствования из немецкого. Ассимилированные германизмы говор воспринял главным образом через мазурское посредство.

В псковских говорах на исконной территории отмечены в довольно большом числе балтизмы. В говоре старообрядцев балтизмы представляют немногочисленную группу заимствований. Это в большинстве своем старые заимствования, известные говору еще до переселения, напр.: *ašv'éř* 'журавль колодца', *atávə* 'отава', *girsá* 'полевой сорняк', *jing'inə* 'георгин', *kīnd'úk* 'вид копченостей', *kuššá* 'бедро', *kr'učkə* 'брюква', *krup'éřə* 'суп из крупы', *kiz'úk* 'жеребенок', *túnka* 'прорубь', *túpy* 'губы', *tupátyj*; *tápinə* 'заплата', *zaťápit* 'залатать', *nářest* 'нерест', *ramštýk* 'потолочная балка', *rónkəl'* 'кормовая свекла', *sv'ř'ónək*//*šv'ėřin* 'амбар', *šurbátyj* 'растрепанный'.

В сувальско-сейненском крае на польские говоры оказывает влияние литовский язык. Можно было бы ожидать, что в говоре старообрядческих деревень этих мест обнаружатся в большом количестве новые литуанизмы, заимствованные прямо или через польское посредство.

Между тем, во всех наших лексических материалах (в том числе и за пределами рассматриваемой тематической группы) оказалось лишь четыре слова, которые можно было бы признать поздними заимствованиями из литовского: *gřim-nój* 'глупый, вздорный', *rampátyj* 'рябой, с оспинами', *sp'ibugát'* 'уничтожить, глумиться', *špyl'*//*špel'* в выражении: *suxój kak špél'* 'худой как щепка'¹². Причину этого можно усматривать в языковом барьере, преодолению которого не содействовали внеязыковые факторы, как это было в случае с немецким языком.

Очень сильное воздействие на словарный запас оказывает школа. В сувальско-сейненском и августовском районах у старообрядцев были только польские школы, на Мазурах с 1876-1898 гг. (по разным деревням) до 1944 г. - немецкие. Помимо содействия закреплению польских и немецких заимствований школа влияла и влияет на их характер. Это слова из общенационального фонда в нормативном звучании. В последнее время благодаря школе в говор проникают заимствования из русского литературного языка.

¹² В говоре старообрядцев отмечены лексемы, которые некоторые балтисты склонны считать словами балтийского происхождения в славянском. Однако их нельзя причислить к балтизмам в говоре старообрядцев на Мазурах, поскольку они известны и мазурским говорам этих мест. Таковы, напр.: *andarák* 'неказистое, бесформенное платье' < нем. *das Unterrock*, *bl'áta* 'плита' < нем. *die Platte*, *kudrófki* 'половики из лоскутьев' < нем. *das Kodder*.

Для сохранения диалектной лексики островных говоров существенное значение имеет обычно численность говорящих, Однако в случае старообрядцев, осевших в Польше, этот фактор на протяжении почти двух веков не играл столь важной роли. Численность этой островной группы ныне не достигает 3000 чел., а в прошлые времена ее численность в Польше, вероятно, не превышала 6000. Если учесть при этом, что переселенцы были рассредоточены по разным деревням (а их насчитывается около двух десятков), то, казалось бы, сам факт этого распыления мог бы привести не только к большим, чем это сейчас наблюдается, изменениям в говоре, но вообще к полному его исчезновению. Противоположным этому фактором была и остается религия. Почти все являются членами общины, придерживающейся довольно строгих правил, соблюдают общие моления, избегают браков с иноверцами. Большое значение имело чтение религиозных книг.

За последнее десятилетие говор подвергся дальнейшей полонизации. Словарь говора значительно обогатился и обрусел лексикой. Главными факторами, обуславливающими в настоящее время различные изменения в лексике и на других уровнях языка, являются частые посещения СССР и воздействие средств массовой информации.

Перевела с польского Т.М. Судник

Литература

1. Баранникова Л.И. К вопросу о соотношении грамматического строя территориального говора и грамматического строя общенародного языка. - Учен. зап. Саратовского пед. ин-та, 1955, вып. 17, с. 362-391.
2. Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967.
3. Баранникова Л.И. К вопросу о соотношении литературного языка и диалектов. - В кн.: Очерки по русскому языку и стилистике. Саратов, 1967, с. 345-358.
4. Баранникова Л.И. О внутреннем (диалектном) членении языка. - В кн.: Язык и общество. Саратов, 1967.
5. Баранникова Л.И. О разграничении языка и диалекта. - В кн.: Язык и общество. М., 1968, с. 178-180.
6. Grek-Pabisowa I. Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1968.
7. Grek-Pabisowa I. Kształtowanie się leksyki rosyjskiej wyspy gwarowej na tle dziejów grupy społecznej. - Acta Baltico-Slavica, 1979, t. XIII.
8. Grek-Pabisowa I. Rzeczowniki z sufiksem *-ina*, *-inka* w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców w Polsce. - Slavia Orientalis, 1978, XXVII, N 2, s. 275-288.
9. Grek-Pabisowa I. Uwagi o *sam* i *zamyj* w gwarze staroobrzędowców mieszkających w Polsce. - Prace Komisji Językoznawczej BTN.
10. Грузберг Л.А., Егорьева М.Н. О соотношении языка, говора и речи одного носителя говора. (На материале

ле вводных элементов). - В кн.: Живое слово Прикамья в русской речи Прикамья. (Учен. зап. Пермского ун-та, № 236). Пермь, 1969, с. 65-75.

11. Калыць Л.Э. Диалектологический аспект проблемы - "язык и диалект". - Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1976, т. 35, № 1, с. 34-35.
12. Коготкова Т.С. Литературный язык и диалекты. - В кн.: Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970, с. 104-152.
13. Maryniakowa I. Wpływ języka polskiego na system przyimków w gwarze starowierców mieszkających w Polsce. - In: Prace Komisji Językoznawczej BTN.
14. Парбус Ю. О специфике взаимоотношений литературного языка и народных говоров. - В кн.: Труды прибалтийской диалектологической конференции 1968 г. Тарту, 1970, с. 29-33.
15. Сороколетов Ф.И. Диалектная лексика и ее отношение к словарному составу общенародного языка. - В кн.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968, с. 222-236.
16. Sukertowa-Biedrawina E. Filiponi na ziemi mazurskiej. - In: Komunikaty Mazursko-Warmińskie, N 1. Olsztyn, 1961, s. 39-68.

А.Я. БЛИНКЕНА

ЛАТЫШСКО-РУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Латышский и русский языки, как известно, имеют древние традиции территориальных и функциональных контактов. Существует общий слой балто-славянской лексики (*klēts*, *liēpa*, *līnis*, *sams*, *sloka*, *vārna*; *galva*, *roka*, *rags*, *mīļš*, *nabags*, *abi*, *iz* и др.), по мнению Я.М. Эндзелина, содержащий около 200 балтийских и славянских слов. Имеются также общие фонетические, словообразовательные и грамматические черты, и, как полагал Я.М. Эндзелин, "когда-то, в древнейшие времена, предки славян и балтов понимали друг друга"¹. Кроме того, в латышском языке имеется много древних заимствований из славянских языков (как *svēts*, *grāmata*, *baznīca*, *bļoda*, *tirgus*, *dukurs*, *grēks*), относящихся к тому времени, когда существовали тесные торговые и иные функциональные связи между латышскими и русскими племенами (с IX до XII-XIII вв.), особенно с Киевской Русью. Позже, с вторжением в Прибалтику немцев связи латышей с русскими были ослаблены, и усилились они только во второй половине XIX в. в связи с ориентацией на русскую культуру. В советское время в

¹ Эндзелин Я.М. Древнейшие славяно-балтийские связи. - Труды Ин-та языка и литературы АН ЛатвССР, 1953, II, с. 67.

Латвии сформировалась ситуация активного латышско-русского двуязычия².

Как показывает статистика, в крупных городах и восточных районах республики русский язык знают почти все латыши. Как правило, при таком тесном языковом контакте возникает активная интерференция, в процессе которой в каждом из языков образуются новые черты.

Немало примеров воздействия латышского языка на русский в этих условиях отмечает М.Ф. Семенова². По ее данным мы можем судить об этих явлениях начиная с 1816 г., когда в Риге появляется первая газета на русском языке. Выявляются не только факты лексического взаимодействия, но и примеры, когда влияние затрагивает область грамматики и фразеологии.

В этой статье рассматриваются вопросы, связанные с влиянием русского языка на латышский в последние десятилетия.

Латышский и русский языки принадлежат к старописьменным языкам и обладают богатыми средствами выражения и развитыми литературными традициями. С социологической и функциональной точек зрения они равноправны и многофункциональны; их характеризует также типологическое подобие. В аспекте взаимодействия особенно важным оказывается фактор генетического родства и типологического сходства. "При контакте языков, характеризующихся значительным сходством, восходящим к генетическому родству или связанным с общими заимствованиями, двуязычные носители (...) часто делают ошибки в выборе алломорфов, не учитывая различий в их распределении"³.

В латышском языке воздействие русского языка проявляется сейчас на разных уровнях и в разной степени.

На уровне фонетики влияние русского языка проявляется только в очень ограниченной степени и касается произношения русских собственных имен, в которых звучат не характерные для латышского языка палатализованные зубные: [dɛgtɛrɛva, tihonovs].

На уровне грамматики проблема шире и сложнее. Большинство морфологических, а также словообразовательных фактов влияния проблематично именно потому, что оба языка являются генетически близкими. По принципу аналогии приравниваются друг другу и те конструкции, которые в процессе исторического развития в обоих языках дифференцировались. Хотя считается, что грамматическая структура относительно инертна к иноязычным воздействиям, некоторые категории на деле поддаются им весьма легко — напр., род, число, аффиксы и особенно синтаксис⁴. Это доказывают и материалы латышского языка, причем подтверждается тезис Б. Гавранка, что "влияние чужого языка — не только внешний фактор, но также нечто, связанное с внут-

ренним, имманентным развитием языка, который избирает то, что требуется соответственно его структуре и языковым условиям его существования"⁵.

Под влиянием русского языка, например, широко распространяется аффикс *-niek* (ср. рус. *-ник*): *trieciennieks, apdarnieks* и др.; слово *rūpes* 'забота', которое раньше употреблялось только во множественном числе, сейчас стало употребляться почти исключительно в единственном; видовые названия растений в латышском обычно употребляются в форме множественного числа, но в последнее время распространяется и единственное (*mēžā aug priedes, egles, ozoli* — *mēžā aug priede, egle, ozols* 'в лесу растет сосна, ель, дуб').

В синтаксисе влияние русского языка выражается, в частности, в форме числа при согласовании определения и определяемого слова (*latviešu un krievu valoda* — *latviešu un krievu valodas* 'латышский и русский языки'); в употреблении некоторых не характерных для латышского языка способов подчинения предложений (союзы *par cik* — *par tik* 'постольку — поскольку'; *ja-tad* 'если — то', без значения условности) и предлогов; в употреблении в атрибутивной функции или родительного падежа существительного, или соответствующего прилагательного (*energētiskas — energētiskā krīze*).

Лексика латышского языка значительно обогатилась новыми словами, которые пришли из русского языка в виде индуцированных новообразований⁶ (*Lehnschöpfung*) по латышским словообразовательным моделям. К этой группе относятся многие термины и терминологические образования, обозначающие новые явления. Это, например, такие общеупотребительные слова, как *teicamnieks* 'отличник', *piecgade* 'пятилетка', *mūžzaļš* 'вечнозеленый', *pašdarbība* 'самостоятельность' и др., а также специфические термины, употребляемые только в одной узкой отрасли науки и техники, как *virsbūve* 'надстройка', *ledstāve* 'ледостав', *aukstlūstamība* 'хладноломкость', *neizkūlums* 'недомолот'. Такие новообразования могут быть и прямыми кальками. Калькируя русскую терминологию, латышский язык пополняется многими новыми словами, которые необходимы в нашей хозяйственной и культурной жизни. В наше время из русского языка заимствованы слова *boļševiks, meņševiks, kolhozs, sovhozs, sovetisms*, а также слова, обозначающие этнографические, иногда специфически региональные явления, не имеющие реальных и лексических соответствий в латышском языке и быту (как *sarafāns, gusli, gorodki, vareņiki, pelmeņi, stepe, taiga* и т.п.). В латышском языке они получают соответствующее грамматическое оформление.

Сближение латышского и русского языков на современном этапе в основном происходит за счет увеличения слоя общей интернациональной лексики. Особенно это касается термино-

² Семенова М.Ф. Русско-латышские языковые связи. Рига, 1973.

³ Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие. — В кн.: Новое в лингвистике, VI. М., 1972, с. 106.

⁴ Там же, с. 36-41.

⁵ Гавранек Б. К проблематике смешения языков. — В кн.: Новое в лингвистике, VI. М., 1972, с. 103.

⁶ Хауген Э. Процесс заимствования. — В кн.: Новое в лингвистике, VI. М., 1972, с. 369.

логии. Так как часто с новыми понятиями науки и техники мы знакомимся через русский язык, то в латышском языке укрепляются слова с тем же интернациональным корнем, что и в русском языке, напр.: *aerosols*, *antresols*, *bertinizācija*, *flokēšana*, *diskriminācija*, *kosmodroms*, *kibernētika* и др. В грамматизации нового слова также предпочитается соответствие русской форме этого слова, т.е. соответствующие род и число, напр. *akvatorija* - акватория (ср. нем. *das Aquatorium*), *procents* - процент (ср. нем. *die Prozente*), *kons* - конус (ср. рус. конус); это касается также некоторых заимствований из английского языка: *džinsi* - рус. джинсы (хотя по правилам транскрипции было бы *džīnas/džīni*).

Как видно из примеров, русский язык на современном этапе в результате активного контактирования занимает важное место в процессе развития латышского языка. Ситуация двуязычия обуславливает изменения в литературной норме языка⁷. Вследствие этого важной задачей лингвистов становится оценка функциональной целесообразности новообразований и нормативная адаптация положительных явлений⁸.

Главными критериями нормативной адаптации заимствований в латышском языке является функциональная целесообразность и их структурное и семантическое соответствие моделям латышского языка. Новые модели адаптируются исключительно редко. Нормативными следует считать лишь те явления, которые соответствуют потенциальным возможностям структуры и семантики латышского языка или вносят в язык функционально важные смысловые или стилистические оттенки. Так, например, не признается нормой употребление форм мужского рода для обозначения женщин по профессии или занимаемой должности - согласно требованиям системы латышского языка здесь возможна только форма женского рода: *Vīņa ie direktore, pedagoģe, šofere, kurpiene* 'Она директор, педагог, шофер, сапожник'⁹.

Под влиянием русского языка чаще стало употребление в латышском языке возвратных форм глагола в значении пассива: *eksponāti nepārdodas* 'экспонаты не продаются', *kas te darās?* 'что здесь творится?'¹⁰. Такое употребление возвратной формы глагола, против которого выступал уже Я. Эндзелин¹¹, хотя и наблюдается весьма часто, пока не является нормативным.

Игнорирование семантики слов, близких по звуковому составу в латышском и русском языках, приводит к семанти-

ческим варваризмам, напр., лтш. *maisīt* 'мешать, размешивать' употребляется вместо *traucēt* 'беспокоить, препятствовать', или вместо *veidot* 'лепить' употребляется *li-pināt* 'приклеивать, наклеивать' (*ar režisora rokām var izlīpināt no manis visu, kas vajadzīgs*), или если частица *jele* со значением русского *эле-эле* употребляется вместо наречия *tikko* (*jele jele kustas//tikko kustas* 'эле-эле двигается'). Такие же семантические варваризмы появляются в результате прямого перевода, без соблюдения семантических различий, напр. *bolemb* - 1) *slimot*, 2) *just līdzi*; *жизнь* - 1) *dzīve*, 2) *mūšs* (*slimot par Maskavas "Spartaku", just līdzi Maskavas "Spartakam"* 'болеть за московский "Спартак").

Такого рода нарушения границ семантического поля слов не должны становиться нормой. Здесь упомянуты лишь некоторые вопросы, связанные с изучением современного контактирования русского и латышского языков. В этой области еще много проблем, решение которых - задача будущей работы лингвистов, специалистов по современным языкам и историческому языкознанию.

А.С. РЕКЕНА

СЛАВИЗМЫ В РЕМЕСЛЕННОЙ ЛЕКСИКЕ ЮЖНОЛАТГАЛЬСКИХ ГОВОРОВ ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКА

1. Богатый материал для изучения материальной и духовной культуры и языковых контактов дает ремесленная лексика ареалов, интересных в языковом, историческом и этническом отношении. Одним из таких ареалов является восточная Латвия (Латгалия), где в большей степени, чем в других частях Латвии, сохранились элементы древней материальной культуры и своеобразные лексические образования. Южная Латгалия - это территория соприкосновения балтов (латгалов, селов, аукштайтов) и славян (русских, белорусов, поляков). Здесь сохранилось много исконных слов, исчезнувших вследствие различных исторических процессов из латышского литературного языка и нижнелатышских говоров. Однако в результате смешанного национального состава и широко распространенного двуязычия (латгальские и русские говоры при влиянии белорусских) и трехязычия (латгальские, русские и польские говоры) во всех тематических группах слов появилось много лексических заимствований, особенно в ремесленной лексике. Из 1520 лексем ремесленной лексики 725 представляют собой заимствования, среди них 490 славизмов и около 170 гибридных образований - сложных слов и словосочетаний.

2. Проникновение, распространение и закрепление этих славизмов в речи носителей говоров не одинаково, о чем свидетельствует ряд групп, составляющих лексические параллелизмы.

2.0. Зарегистрировано около 44% славянских заимствований, являющихся единственными обозначениями соответствующих реалий. Это - укоренившиеся заимствования, которые служат для обозначения предметов и понятий, прочно

⁷ Blinkena A. Valodas situācija un valodas kultūra. - Latv. PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis, 1975, N 8.

⁸ Blinkena A. Interference un norma. - In: Latviešu valodas kultūras jautājumi. Rīgā, 1978, l. 27-39.

⁹ Blinkena A. Vai tikai vīriešu dzimte? - In: Latviešu valodas kultūras jautājumi. Rīgā, 1969, l. 158-162.

¹⁰ Blinkena A. Nepareizs verba refleksiīvās formas lietojums. - In: Latviešu valodas kultūras jautājumi. Rīgā, 1966, l. 128-134.

¹¹ Endzelīns J. Dažādas valodas kļūdas. Rīgā, 1928, l. 42.

закрепившихся в речи всех носителей говоров. Возникает вопрос, какие же реалии обозначаются такими славянскими заимствованиями? Как их характеризовать с точки зрения статики и динамики процесса? Почему параллельно не употребляются и другие обозначения?

Рассмотрев обширный диалектный материал (более чем за двадцатилетний период времени), видим, что славизмы встречаются в речи представителей различных поколений и обозначают весьма разнообразные реалии. Можно установить определенные закономерности в употреблении таких заимствований.

2.1. Одна группа славизмов обозначает реалии, которые помнят представители только самого старшего и изредка среднего поколения. Подобные слова в наше время уже устарели; они обозначают реалии прошлого. В области ремесленной лексики сюда относятся слова, связанные со строительством, например *zirubs* 'сруб' < др.-рус. *срубуь*; *drānica* 'дранка' < польск. *dranica* или рус. диал. *драница*; *žolubs* 'желоб' < блр. диал. *жолуб*.

Некоторые предметы домашнего обихода теперь только изредка встречаются на изучаемой территории и уже стали музейной редкостью, ср. слова: *paska* 'деревянная посуда для сливочного масла, творога, меда' < рус. диал., блр. *фаска*, польск. *faška*; *čarņaks* < блр. *чарнак* или *чернак*, или польск. *szępak*; *sūnduks* < рус. *сундук*. Неактуальными стали и некоторые названия, относящиеся к орудиям и приспособлениям для обработки льна и шерсти, например *strūna*, которое употреблялось на рубеже XIX и XX вв., и его помнили представители только самого старшего поколения. Ср. рус. и блр. *струна́* или польск. *struna*. Похожее приспособление - "лучок со струной для разбивания шерсти" - описан в русской этнографической литературе, такая *струна* изготовлялась из овечьих жил. Н. Лебедева на основании фактов, полученных во время экспедиций 1925-1926 гг. в Брянской и Калужской губерниях, описала составные части этого предмета¹.

Некоторые названия обуви и одежды и их частей устарели в связи с тем, что теперь уже не шьют и не покупают одежду такого фасона, как в начале XX в. и позднее. Например, название *saks* заимствовано из рус. или блр. *сак* или польск. *sak*. Из названий обуви следует отметить слово *kruki* 'сапоги с вытянутым передом, подъемом' < блр. диал. *круки* то же.

К этой группе относятся и такие названия реалий, которые употреблялись только короткое время. Примером может служить название *būrkas* < рус. *бурки* или блр. *буркі*. Это название вместе с самим предметом появилось во время войны, когда из оккупированных немцами мест пришли русские и белорусы, которые шили из старой одежды обувь, напомилавшую по своей форме валенки. Латыши тоже стали изготавливать бурки и продолжали это делать еще и в пер-

¹ См.: Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян. - В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, с. 470-471.

вые послевоенные годы. В настоящее время это слово уже ушло в пассивный запас.

2.2. Ко второй группе относятся также славизмы как единственные обозначения реалий, но они связаны с теми предметами, которые еще встречаются, употребляются или используются.

2.2.1. Часть таких названий, обозначающих текстиль, фабричные нитки, шерстяную пряжу и нитки домашнего прядения, сохранялась в речи носителей изучаемых говоров только определенное время. Например: *vičkas* 'фабричные цветные нитки' < рус. *жички* или блр. *жичка*; *garass* 'фабричная тонкая блестящая шерсть для утка атласной ткани' < рус. диал. *гарассь*; *lučka* 'цветная фабричная шерстяная пряжа' < польск. *włoczywka*; *tālke* 'очень тонкая льняная пряжа' < блр. диал. *талька* и др. Указанные названия известны только представителям самого старшего поколения, и активно они употреблялись на рубеже XIX и XX столетий, примерно до сороковых годов XX в.

Славянские текстильные названия заимствовались начиная с XVII в. из русских говоров, белорусского или польского языков. Этому процессу способствовали свободные ремесленники² - опояченные литовцы, белорусы и латгальские латыши, жившие или работавшие в имениях. Славянские названия, связанные с одеждой, заимствованы главным образом из польского или белорусского, например *guziks* 'петелица' < польск. *guzik* или рус. диал. *гүзик*, блр. *гүзик*; *šalis* 'шарф' < блр. или рус. диал. *шалъ*; *kutazi* 'бахрома' < польск. *kutas* или блр. *кутас* и др. Большая часть из них встречается в литовском языке. Большинство славянских названий могло войти в латышские диалекты в XVIII и XIX вв., когда опояченные немецкие феодалы привозили ремесленников из Варшавы. Значительную роль при этом играли торговцы-евреи, в руках которых находилась торговля в Латгалии³. В этих случаях, во-первых, славянские названия появлялись вместе с реалией, во-вторых, с течением времени изменились как сами реалии, так и национальный состав торговцев.

2.2.2. Отдельную группу составляют некоторые старые заимствования, широко распространенные в латгальском ареале, например, *sprēst* < рус. *прясть*; *tačka* < рус. или блр. *тачка*. Последнее слово употребляется не только в верхнелатышском диалекте, но и в некоторых других латышских диалектах.

2.2.3. Бывали случаи, когда употребляя, используя и изготовляя соответствующие предметы, носители говора не соприкисались с населением других территорий Латвии и с говорящими на латышском литературном языке. Так были заимствованы *motks* < рус. *моток* или польск. *motek*; *va-*

² О группах латгальских ремесленников см.: Alsupe A. Amatniecības nozares Latgalē XIX gs. otrajā pusē. - В кн.: Археология и этнография, X. Рига, 1973, с. 81.

³ Об этом см. Slava M. Zemnieku apgērbis Latgalē (XVIII gs. beigās - XX gs.) - В кн.: Археология и этнография, X. Рига, 1973, с. 157-158.

lītnieks 'цветочный горшок' < польск. *wazonik* или блр. *vazonik*.

Сюда относится ряд слов, обозначающих части и детали одежды, например *klīnis* < рус., блр. или польск. *клин*; *staniks//stanuks* 'наплечевая часть одежды' < рус. диал. *стануха* 'верхняя часть (рубашки)' или польск., блр. *станик* 'лиф'; *kārvašs* 'обылаг' < польск. диал. *karwass*; *nasirka* 'нижняя наволочка' < польск. диал. *nasyrka*.

2.2.4. Только славянские обозначения встречаются и в таких случаях, когда заимствование семантически дифференцирует понятие, например *brēžkas* 'тонкие, обычно фабричные кружева' < блр. *брэжкі*; *kōlsts* 'толстая подкладка' < рус. *холст*; *kadaki* 'деревянные башмаки' < рус. диал. *ходак* или блр. диал. *хадак*, ср. польск. *chodak*; *biblička* 'берет' < рус. разг. *бубличка*; *кара* 'фабричное бумажное покрывало' < польск. *кара*.

2.2.5. Для некоторых этнографизмов также в качестве единственного названия принято славянское заимствование. Известно, что в Латгалии, где имели место тесные многовековые контакты латышей, русских, белорусов и поляков, сложились отличные от других территорий Латвии особенности в характере построек, отопительных устройств, утвари, в выборе узоров тканья, в одежде и т.п., нашедшие отражение и в лексике. Например, в южной (и не только) части Латгалии около жилых домов и хлевов имеются, как и у русских, завалинки. В латгалских говорах они называются *za-ūlēņš* из рус. *завалина* и *zavāls* из рус. *завал*. У зажиточных крестьян жилой дом был с мезонином. Вместе с планировкой дома заимствовались у русских соседей или ремесленников и название *vdžka* - из рус. диал. *салька*. В южной части Латгалии почти для каждого ребенка было приспособление для стояния, так же как и в Литве, Белоруссии и России⁴, под названием *stoika* из рус. или блр. *стойка* (*оціцячая*).

Среди этнографизмов можно отметить несколько славянских названий узоров тканья, обычно на полотенцах, например *dimeņas* 'узор в четыре нити основы'. По данным латышских этнографов⁵, такое узорное тканье известно и в других местах Латгалии под названием *dinka* или *dimka*, в западной Белоруссии *оимка*, в Литве *diminis*, *dimas*, в Польше *дума*, *думка*.

Эти и еще многие другие примеры заимствований в речи носителей южнолатгалских говоров отражают взаимодействие латышей со славянами в области материальной культуры.

2.2.6. Только славянское обозначение чаще всего встречается в тех случаях, когда во всех возможных источниках заимствования (в русском, белорусском, польском) отмече-

⁴ Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. - В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, с. 434.

⁵ Alsups A. Latviešu un slāvu tautu kulturvēsturiskie sakari XIX un XX gs. (Audumu un aušanas darba rīku materiāli). - В кн.: Археология и этнография, VIII. Рига, 1968, с. 156.

но похожее или одинаковое наименование, например *bašlaks* 'башлык' < блр. диал. *башлак*, ср. также рус. и блр. *башлык*, польск. *basztyk*; *керка* < рус. или блр. *кénка*.

2.2.7. В более поздних заимствованиях, главным образом из русского языка, употребляется только одно обозначение, например *māika* < рус. *майка*; *toļa* < рус. *толь*; *klejonka* < рус. *клеénка*; *gimnascjōrka* < рус. *гимнастерка* и др.

3. Большую часть ремесленной лексики (56%) составляют славизмы, ограниченные в своем употреблении. Это уже не единственные обозначения соответствующих реалий, а возникшие под воздействием различных факторов два или несколько параллельных названий одной реалии.

Типы двуязычия, дифференциация поколений, внутреннее развитие языка по-разному повлияли на проникновение иноязычных элементов в ремесленную лексику южнолатгалских говоров. В зависимости от причин появления славянских заимствований различаются два основных случая.

3.1. Часть славизмов вошла в лексику изучаемых говоров вместе с освоением новых предметов и понятий. Однако с течением времени под влиянием различных факторов соответствующие реалии приобрели и другие названия (два, а порой и несколько обозначений).

3.2. Наряду со славизмами, возникшими под влиянием внешних и внутренних связей, встречаются диалектные названия, образованные самими носителями говоров, например *puģāns//āršīnāuka//lielā ēvele//garā ēvele* 'фуганок'; *plāšōšs//lītnieks* 'плащ', *rezka//grīžūmnīca* 'резка' и др. Употребление славизмов в этих и других случаях поддерживается двуязычной или трехязычной средой.

3.3. В диалектной системе за последние десятилетия активно употребляются в речи представители всех поколений слова, вошедшие из латышского литературного языка (происхождение их может быть весьма разнообразным), например *pārba* (< блр. *фарба* или польск. *farba* < нем. *Farbe*)//*krāsa* (литер.) 'краска'; *žvira* (< польск. *żwir* или блр. *жвир*)//*grānts* (литер.) 'гравий'; *klejāt* (< рус. *клеить* или блр. *клéiць* или польск. *kleić*)//*limēt* (литер.); *ustuba* (< др.-рус. *устьба*//*māja* (литер.) 'дом'; *kužņa* (< рус., блр. *кузня* или польск. *kuźnia*)//*smēde* (литер.) 'кузница' и др.

3.4. Некоторое ограничение в употреблении славянских заимствований наблюдается в тех случаях, когда в диалектной системе встречается несколько слов для обозначения одной и той же реалии, вошедших из разных славянских языков или говоров. Хронология их заимствования тоже может быть различной. Примеры: *sēlnieks* (< рус. диал. *сельник* или блр. диал. *селник*)//*pacelīs* (< рус., блр. *постель*) 'матрац'; *tīnks* (< блр. *тынк* или польск. *tynk*)//*(š)čikatūrka* (< рус. диал. *щекатурка*) 'штукатурка'; *vērtipass* (< рус. диал. *вертипас*)//*uravēnš* (< рус. *уровень*) 'ватерпас'; *vilkas* (< блр. *вілкі*)//*ukāti* (< рус. *ухват*) и др.

3.5. В связи с тем, что славизмы в ремесленную лексику проникали в течение ряда столетий и из разных славянских языков, их активность в речи представителей отдель-

ных поколений неодинакова. Например, заимствование *abrūss* (< блр. *abrūc*) 'полотенце' встречается в речи людей самого старшего поколения, а слово *ruņņieks* (< рус. или блр. диал. *ручник* 'полотенце') - у представителей всех поколений. Слово *sāušs* (< блр. *шавец* или польск. *szewe*) 'сапожник', по данным Я. Курмина⁶ и Я. Эндзеллина⁷, было хорошо известно латгальским говорам еще в середине XIX в. и на рубеже столетия, активно употреблялось оно и в 40-50-х годах XX в. Заимствование *sapožņiks* < рус. *сапожник* встречается только изредка и главным образом в речи сапожников старшего или среднего поколения, что, вероятно, связано с явлением двуязычия. Вместо обоих указанных славизмов в последние десятилетия под влиянием литературного языка начинает употребляться слово *kūrpiņieks* 'сапожник'.

4. Имеют место и такие случаи, когда наряду с исконными диалектными словами появляются и славизмы. Это объясняется внутренними факторами - двуязычием и трезвязычием, а также психолингвистическими факторами. Появлению славизмов особенно способствовало то, что часть ремесленников (столяры, печники, плотники, портные и др.) сами были русскими, белорусами или поляками. Об этом свидетельствуют славянские названия ремесленников, хотя и здесь возможны параллелизмы, например: *plotņieks* (< рус. *плотник*) и *budāunņieks* (< польск. *budownik* или блр. *будоўнік*); *gaļdnieks* и *stoleris* (< рус. или блр. *столяр*); *sāušs* (< польск. *szewe* или блр. *шавец*) и *sapožņiks* (< рус. *сапожник*), и *kūrpiņieks*; *svačka* (< польск. *szwaczka*); *bōndaris* (< рус. *бондарь* или блр. *бондар*).

4.1. Употребление некоторых славизмов обусловлено профессиональной ориентацией говорящих. Так, например, заимствование *galaveška* (< рус. *головешка* или блр. *галавёшка*) употребляется только тогда, когда речь идет об использовании обгоревшего полена в строительстве, в остальных случаях используется диалектное слово *niodegulis*. Слово *radakoniks* (< рус. *подоконник* или блр. *падаконнік*) употребляется главным образом тогда, когда ремесленники говорят об изготовлении подоконников. Такие заимствования можно назвать ситуативными, так как их употребляют во время трудового процесса. Это вызвано определенной ситуацией - при общении с ремесленниками другой национальности. Таким путем заимствования постепенно закрепляются в двуязычной среде, главным образом в профессиональной речи.

4.2. Отмечен также ряд семантически ограниченных заимствований, когда заимствуется только какой-либо один лексико-семантический вариант полисемантического слова. Иногда заимствование уточняет или конкретизирует соответствующее понятие, помогает выделить некоторые значения

⁶ Słownik polsko-łaciński-łotewski, ułożony i napisany przez księdza J. Kurmina. Wilno, 1858.

⁷ Эндзеллин Я. Латвийские заимствования из славянских языков. [1899, "Живая Старина", III 285-312]. - В кн.: Эндзеллинс Я. Darbu izlase, I. Rīgā, 1971, l. 80-113.

или оттенки, например, заимствование *stročīt* обозначает 'сшивать верх обуви', а исконное слово *šūt* употребляется в значении 'шить (обувь, одежду) и т.п.'; *budavāt* значит 'сооружать деревянную постройку', а *ceļt, tāisīt* - 'строить (вообще)'.

4.3. Большинство славизмов занимает обширный ареал, они отмечены во всех изучаемых говорах, а также в некоторых верхнелатышских и нижнелатышских говорах. Однако имеются славизмы, известные только в одном или нескольких говорах, например *bōndaris* 'бондарь' в Варкаве, а в Калупе, Ликсне, Ницгале - гибридное образование *buciņieks*; слово *siņces* 'сени' употребляется в Варкаве, Ликсне, Ницгале, а в Калупе - *nāms; dāļzōns* 'тарантас' в Калупе, Ликсне, Ницгале, а в Варкаве - *tarāntass*.

5. В настоящее время происходит интенсивная смена предметно-понятийного фонда, существенно меняется и характер контактов населения изучаемой территории со славянами - поляками, белорусами, русскими. В соответствии с этим формируются новые закономерности в укоренении и закреплении славизмов.

О. БУШ

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ГЕРМАНИЗМЫ В ЛАТЫШСКОМ, ЗАИМСТВОВАННЫЕ ЧЕРЕЗ СЛАВЯНСКОЕ ПОСРЕДСТВО

О. Латыши и латышский язык на протяжении 700 с лишним лет имели непосредственные и тесные, хотя далеко не всегда добровольные, контакты с носителями германских языков. Не удивительно, что наиболее объемный слой лексических заимствований в латышском составляют именно германизмы (этим термином обозначаются здесь заимствования из разных форм немецкого языка; заимствования из других германских языков отличны от первых и подлежат особому рассмотрению - см. об этом [1]).

Наряду со слоем прямых заимствований из немецкого в латышской лексике есть некоторое количество германских слов, пришедших окольным путем, через посредство других языков. Такими языками-посредниками являются прибалтийско-финские (эстонский, ливский), литовский и славянские (польский, русский, белорусский). Для обозначения заимствований такого типа далее использован термин "субгерманизмы".

Субгерманизмы, заимствованные через славянские языки (речь здесь будет идти только об этой группе), встречаются во всех трех лексических подсистемах латышского - в литературной, sublитературной и диалектной лексике.

1. В латышской литературной лексике субгерманизмов немного. В их составе можно выделить две подгруппы. Хронологически более древняя - историзмы, связанные с царской Россией, главным образом с военным делом, например: *leibgarde, vahmistrs*. Одно по крайней мере слово из этой подгруппы осталось в активном словаре и сегодня - *jefreiters*. Вторую подгруппу составляют интернационализмы германского происхождения, вошедшие в латышский язык че-

рез русский, например: *aisbergs, hintrelande, kišs*. Говоря о словах этого типа, было бы рискованно утверждать, что прямым источником заимствования всегда был именно русский. Как правило, история проникновения этих слов в латышский язык сложнее. Так, слово *aisbergs* в качестве узкоспециального термина было заимствовано прямо из немецкого языка уже довольно давно (оно отмечено в Конверсионном словаре 1927 г.). Но в 50-60-е годы произошло повторное заимствование, на этот раз из русского (слово появилось и в общеупотребительной лексике). Отчасти сходна судьба ряда германизмов, связанных с периодом гитлеровской Германии, например: *anšluss, fīrers, gesta-po, zonderkomanda* и др. Эти слова, конечно, являются непосредственными заимствованиями, но русский язык повлиял на их встречаемость в латышском (ср. частое появление слов этого типа в переводах с русского).

Примером иного рода является слово *kišs*. Можно предположить, что в латышский язык оно пришло через русский, который в настоящее время служит для латышского основным посредником при заимствовании интернационализмов. С наибольшей определенностью о заимствовании интернационализма именно через русский язык можно говорить в тех случаях, когда слово является узкоспециальным термином, не известным общелитературному языку (тогда менее вероятно многократное заимствование из разных источников, хотя не исключена возможность прямого пути из немецкого), как, например, упомянутый термин экономической географии.

2. В сублитературной латышской лексике заимствования представлены весьма обильно. Среди них немало слов, заимствованных из русского языка в новейшее время, в том числе и некоторое количество субгерманизмов (более старых сублитературных заимствований из русского немного, и субгерманизмы среди них не отмечены), например *blies, ceitnots, gastrolēt, obertonis, šaiba, štrihs*. Иногда такой субгерманизм уже имеет предшественником собственно германизм. Фактически так обстоит дело и с термином *aisbergs*, но фонетический облик этого слова остается неизменным в обеих ипостасях. В сублитературной лексике в подобных случаях часто можно говорить о двух разных словах (или о двух фонетических вариантах), например (первым ниже дается германизм, вторым - субгерманизм): *bakēnbārda - bakenes, šlagbuomis - šlagbaums, feiļjerverķis - feiļjerverks, knūpe - knopka* (в последней паре не совпадает и семантика: 'пуговица' - 'кнопка'). Среди причин этих фонетических различий надо отметить то, что германизмы, будучи заимствованными значительно ранее соответствующих субгерманизмов, успели в большей степени приспособиться к фонетической системе латышского языка.

3. Довольно много субгерманизмов, пришедших через славянские языки, можно найти в диалектной лексике, главным образом в верхнелатышских говорах. Если для литературной и сублитературной лексики прямым источником заимствования является только русский, то диалектные субгерманизмы нередко заимствовались также из польского и белорусского языков.

3.1. По всей вероятности, в масштабе всего верхнелатышского диалекта меньшую роль в передаче субгерманизмов играл белорусский язык. Правда, его часто приходится учитывать вместе с русским и польским в качестве потенциального посредника (фонетические критерии не дают оснований для однозначного определения направления заимствования). Однако тот факт, что языком межнационального общения в Латгалии (т.е. на территории распространения верхнелатышского диалекта) с конца XVI до середины XIX в. был польский язык, а с прошлого столетия до наших дней - русский [2, с. 32-33], позволяет в сомнительном случае считать более вероятным посредником один из этих двух языков. Правда, это не относится к ряду говоров южной Латгалии, которые подверглись сильному влиянию белорусского языка. В других же говорах о заимствовании субгерманизмов из белорусского можно говорить лишь в тех случаях, когда для этого есть веские фонетические основания.

Примером, когда белорусский язык представляется единственно возможным посредником, является слово *mukta* 'муфта', восходящее к блр. диал. *муфта* [3, с. 489]. Слово *mukta* не является общим для всего верхнелатышского диалекта. В ряде говоров ту же реалию обозначает также субгерманизм, но пришедший из русского или польского: *mupta, mufta*. В некоторых говорах известны оба варианта. Весьма вероятно белорусское посредство в случае *gartavuot* 'закалять (металл)' (Пилда, Малта). В ряде других верхнелатышских говоров в том же значении употребляется *artavuot*, восходящее (вместе с лит. *artavoti*) к польск. *hartować* и далее к верхненемецкому. В качестве альтернативы называется и блр. *хартаваць*, но такое направление заимствования справедливо признается гораздо менее вероятным [3, с. 557]. Вероятнее всего *gartavuot* восходит к другой белорусской форме: *гартаваць*. Форма *гартовать* известна и русскому языку, но ее ареал - южные говоры.

3.2. Довольно много субгерманизмов пришло в верхнелатышский диалект из русского языка. Как известно, германизмы в русском отмечены главным образом в ремесленной и военной лексике, а также в лексике, связанной с одеждой, туалетом. Та же тема характерна и для верхнелатышских субгерманизмов, пришедших через русский (это отчасти относится и к соответствующим субгерманизмам латышской литературной и сублитературной лексики). Ср., например, широко распространенное в говорах Латгалии слово *vaksa*. Его русский эквивалент заимствован, как известно, из в.-нем. *Wachs* [4, I, с. 267]. Нижнелатышское соответствие (нелитературное) *vikse*, возможно, также заимствовано из верхненемецкого, в котором имеется и этимологически родственное предыдущему слово *Wichse*. Рефлексы этих слов в других языках охватывают довольно широкий ареал: эст. *viks*, лит. (Малая Литва) *viksas*, схрв., чеш. *viks*, словц. *vič*; ср. и формы с *a*: лит. диал. *vaksas*, укр., болг. *вакса*, рум. *vaș*, польск. *szuwaks*. Этот германизм, который по некоторым критериям можно

считать и интернационализмом, вероятно, распространялся вместе с реалией.

Еще несколько субгерманизмов верхнелатышского диалекта, заимствованных при посредстве русского языка: *galstuks, galstruks, galstiks* (н.-лтш. эквивалент - германизм *glsduogs, alsduogs, maļars* (н.-лтш. *mālderis*), *mascers* (н.-лтш. литер. *meistars*), *cinkavuot* (н.-лтш. *cinēt, cinnēt*).

3.3. Чаще всего прямым источником субгерманизмов в верхнелатышском диалекте является польский язык, в котором (как и в других западнославянских) количество лексических германизмов (в том числе и нелитературных) довольно значительно. Как известно, и в русский язык некоторые слова германского происхождения попали через посредство польского. Так, путь уже упомянутого в.-лтш. *maļars* таков: средневерхненемецкий → польский или украинский → русский [4, II, с.565] → верхнелатышский диалект.

Во многих славянских языках можно найти слово, соответствующее в.-лтш. диал. *škoda, škode* (н.-лтш. эквивалент *skāde* < ср.-н.-нем. *schade*). Почти во всех этих языках фонематическое оформление слова одинаково - ср. польск., чеш., словц., славц., схрв., блр., рус. диал. и просторечн. [škoda]. А. Брюкнер, возводя польск. *szkoda* к др.-в.-нем. *scado*, считает, что русский язык заимствовал это слово при посредстве польского [5, с.549]. Вероятнее всего, из польского же заимствовали это слово и верхнелатышские говоры (ср. высокую частотность и деривационную активность этого слова в польском языке). Однако нет оснований категорически отрицать возможность другого пути (например, посредство русского языка).

Полонизмом можно считать также зафиксированный в южных говорах Латгалии субгерманизм *parba* 'краска' - из польского *farba* (хотя нельзя полностью исключить и посредство белорусского языка - ср. блр. *фарба*. В польский это слово пришло в XV-XVI вв. из в.-нем. *Farbe*). К этой же форме восходит словц. и схрв. *farba*; польск. *barwa* является более древним заимствованием из ср.-в.-нем. *varwe* [5, с. 17, 118] (*barwa* и *farba* в польском семантически дифференцировались). В то же время источником заимствования н.-лтш. *perve, verve* является средневерхненемецкий. К ср.-н.-нем. *verwe* восходит и эст. *vārv*. В литовском (Малая Литва) зафиксированы рефлексы как в.-нем., так и н.-нем. форм: *parbas, parvas, perva*.

Еще несколько верхнелатышских субгерманизмов из польского (почти всегда допустимо и соучастие белорусского языка): *šuplatka, šupletka* 'выдвижной ящик' (в мебели) (н.-лтш. эквивалент *šūplāde*), *škarlatina, šarlatins* (н.-лтш. *šarlaks*), *gizelis* 'подмастерье' (н.-лтш. *zēlis*), *palda* 'складка (одежды)' (н.-лтш. *palte, falte*).

4. Большинство субгерманизмов, заимствованных через славянское посредство, восходит к верхненемецкому языку, т.е. либо к немецкому литературному языку, либо к средневерхненемецкому. Такие субгерманизмы известны только в верхнелатышских говорах, в нижнелатышских фор-

мах языка (т.е. в литературном языке, в сублитературной речи или в нижнелатышских говорах) этим словам обычно соответствуют этимологически родственные германизмы, заимствованные из нижненемецкого, т.е. из средненижне-немецкого или его реликтов в прибалтийско-немецком разговорном языке. Весьма часто параллельные нижненемецкие заимствования имеются и в эстонском. Ср. к уже приведенным примерам еще один: в.-лтш. *ceglis* 'кирпич' - лтш. литер. *ķieģelis*.

Для верхнелатышских субгерманизмов, пришедших из славянских языков, обычно характерен весьма широкий внешний ареал. В большинстве случаев (или, по крайней мере, во многих случаях) эти слова можно считать так называемыми культурными заимствованиями. Они позволяют проследить и путь ряда явлений, в частности материальной культуры, проникших на большую часть Латвии непосредственно из немецких земель, в восточную же Латвию пришедших через Польшу и Россию.

Литература

1. *Baldunčičs J.* Anglicismu aizgūšanas pamatiedzīmes latviešu valodā. - Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis, 1979, Nr. 4, l. 59-71.
2. *Брейдан А.Б.* К вопросу о фонетической интерференции в Латгалии. - *Baltistica*, 1976, XII (1), с. 32-33.
3. *Reķēna A.* Amatniecības leksika dažās Latgales dienvidu izloksnēs un tās sakari ar atbilstošajiem nosaukumiem slāvu valodās. Rīgā, 1975.
4. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., т. I, 1964; т. II, 1967.
5. *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.

Б. КЕРБЕЛИТЕ

**О ПРИЧИНАХ СЮЖЕТНОГО СХОДСТВА
НЕКОТОРЫХ ЛИТОВСКИХ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ
СКАЗОК**

Собирателями литовского фольклора зарегистрировано немало свидетельств рассказчиков о том, что ту или иную сказку они слышали по-белорусски, по-польски или по-русски; в свою очередь русские, белорусы или поляки, живущие по соседству с литовцами, нередко утверждают, что они узнали сказку от литовцев. Среди записей литовских сказок обнаруживаются некоторые (правда, весьма редкие) перенятые у славян сюжеты, в текстах можно найти различные славянские детали (имена персонажей, формулы и пр.), следы буквального перевода. Однако детали, свидетельствующие о переходе произведений из одной национальной традиции в другую, спонтанны и весьма малочисленны. Это говорит о том, что национальная сказочная традиция приспособливает и как бы поглощает перенятые у соседей аналогичные произведения, а те, которые представляют резкие отличия, отбрасывает¹. Из этого следует, что по внешним деталям можно судить лишь о недавних (по отношению к моменту записи текстов) творческих контактах соседних народов.

Количество записанных вариантов и районы записи отражают состояние сказочного репертуара в XIX-XX вв. Но репертуар меняется даже на протяжении нескольких десятилетий: некогда очень популярные сказки становятся редкими, чаще рассказываются произведения, которые ранее редко фиксировались. Поэтому при определении характера сходства сказок разных народов эти признаки могут быть лишь дополнительными.

В фольклоре литовцев и восточных славян обнаруживается целый ряд сказок, чрезвычайно близких по сюжетам и даже деталям. Каковы причины этого сходства - следствие ли это творческих контактов этих народов, или же перед нами лишь типологически сходные произведения?

Решение этого вопроса затрудняется наличием близких сказок и в фольклоре народов, контакты которых нельзя обнаружить. Разграничение типологически сходных произ-

¹ Подробнее об этом см.: Кербелите Б. К вопросу о взаимодействии литовских и восточнославянских волшебных сказок. - В кн.: Отражение межэтнических процессов в устной прозе. М., 1979, с. 66-79.

ведений и тех, которые стали похожими из-за длительных творческих контактов народов, - сложная и пока недостаточно разработанная проблема фольклористики. Нам представляется, что в какой-то мере эту проблему можно решить на основе изучения развития конкретных произведений. Если в фольклоре разных народов обнаруживаем сходные сказки, для которых теоретически возможны и иные пути развития (т.е. если два или несколько народов из многих возможностей выбрали одну и ту же), то их можно считать плодом совместного творчества, свидетельством контактов этих народов.

Методика описания структур и смысла сказок, разработанная нами в сотрудничестве с математиком А. Валушисом², а также изучение развития структур и смысла произведений позволили нам обнаружить некоторые общие закономерности построения сюжета сказок. Сложные сюжетные структуры подавляющего большинства сказок европейских народов, известных нам в записях XIX-XX вв., - результат длительного развития. Чем архаичнее произведение, тем проще его структура, тем меньше в нем смысловых линий. Для отражения новых жизненных явлений большей частью не создавались новые произведения, а трансформировались уже имеющиеся. Приспособление архаичных сказок к новым условиям шло как за счет пересмысления, так и за счет включения новых эпизодов, соединения двух или даже нескольких прежде самостоятельных произведений в одно.

Для выяснения пути развития каждой конкретной сказки в текстах выявляется последовательность действий и ситуаций - т.е. сюжет. Сюжет делится на отрезки - элементарные сюжеты (далее - ЭС). ЭС составляют все действия и ситуации, которые связаны с достижением одной цели тем же героем. ЭС могут быть (и нередко бывают) основой самостоятельных произведений. Совпадающие на семантическом уровне ЭС образуют типы ЭС. Типы ЭС классифицируются: на основе целей героев нами выделено 5 классов ЭС. Далее тексты сказок описываются через ЭС и типы ЭС, изучаются связи между ЭС, в сложных структурах на сюжетном уровне (в комбинациях ЭС) выделяются простые структуры (один отдельно взятый ЭС или два ЭС, между которыми обнаруживается сильная логическая связь: причина - следствие), выясняется роль всех остальных ЭС в сюжетной структуре текста. Простые структуры (без мотивирующих и поясняющих ЭС или вместе с ними) также могут быть основой самостоятельных, довольно архаичных произведений.

Эти коротко и схематично изложенные приемы восста-

² См. об этом: Кербелите Б., Валушис А. Один разрушенный вариант сказки и его связи с древней традицией. Заметки о методе описания структур и смысла текстов. - В кн.: Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980; Кербелите Б. Методика описания структур и смысла сказок и некоторые ее возможности. - В кн.: Типология и взаимодействие фольклора народов СССР. М., 1980, с. 48-100.

новления пути развития произведения мы применим к текстам трех сказок, сюжеты которых очень близки в фольклоре литовцев и восточных славян.

У литовцев, латышей, а также у славянских народов весьма популярна сказка о брате, который превратился в животное (АТ 450). Рассмотрение 124 вариантов этой литовской сказки³, а также опубликованных записей латышской, русской и белорусской сказок показало, что сюжет в упомянутых репертуарах варьирует незначительно. В большинстве текстов соседей выделяется 6 ЭС, которые относятся к тем же типам ЭС, и лишь единичные ЭС в вариантах заменены эквивалентными ЭС других типов. Итак, большинство текстов сказок соседних народов можно описать через следующие типы ЭС (для удобства поместим типы ЭС буквами латинского алфавита; буква со знаком $-$ обозначает ЭС с отрицательным исходом, а буква без знака $-$ ЭС с положительным исходом):

\bar{A} . Герой пьет неподходящую для питья воду - теряет человеческий облик, получает облик животного.

\bar{B} . Герой имеет необыкновенный объект, привлекает им жениха - получает идеального мужа.

\bar{C} . Антипод помещает героя в неподходящую для человека среду - герой теряет свой облик, получает облик животного.

D . Антипод принимает облик члена семьи героя, живет с ним. Герой узнает о подмене, ликвидирует антипода.

E . Герой откладывает время своей смерти, прося выполнить желание. Антипода ликвидируют, герой остается в живых.

F . Герой узнает своего близкого в облике животного, привлекает его из неподходящей для человека среды, возвращает ему человеческий облик.

Вместо ЭС F в некоторых текстах литовских и восточнославянских сказок обнаруживаем эквивалентный тип ЭС:

Герой узнает своего близкого в облике животного, отнимает часть тела, придающую ему чужой облик (шкуру животного, перья), возвращает своему близкому человеческий облик.

В результате изучения связей между этими шестью ЭС обнаружена простая структура $\bar{C} + F$, которая может быть основой самостоятельного произведения. Имеются и соответствующие тексты литовских, русских и украинских сказок (АТ 405, 409).

В ЭС F , B и D обнаружены лишние действия, нарушающие цельность их внутренней структуры. Характерно, что этих действий нет в однотипных ЭС, выделенных в текстах других сюжетных типов. Лишние действия таковы, что есть основания считать их рудиментами ЭС (пометим его буквой G) о возвращении брату-животному человеческого облика. Этого ЭС явно не хватает в сюжетной структуре

³ Данные о литовских вариантах указаны по картотеке Каталога литовского повествовательного фольклора, подготавливаемого нами в Институте литовского языка и литературы АН Литовской ССР.

сказки. Таким образом, в сюжетной структуре выделяем рудимент другой простой структуры ($\bar{A} + G$), однотипной с простой структурой $\bar{C} + F$.

Прямое соединение двух самостоятельных произведений, однотипных по сюжетной структуре и очень близких по смыслу, было бы лишь механическим и недолговечным. Поэтому устойчивое присоединение второй части сказки АТ 450 возможно лишь после того, как в произведение $\bar{A} + G$ был включен ЭС B об удачном замужестве сестры. Привнесение свадебной тематики в архаичные произведения об отношениях человека с окружающей средой - закономерный процесс, наблюдаемый в развитии сказок всех народов мира.

Можно прогнозировать, как развивалась сказка, пока она достигла известной нам сложной сюжетной структуры. Основной самостоятельного произведения мог быть ЭС \bar{A} . Текст, сюжетная структура которого - один ЭС \bar{A} , обнаружен в латышском фольклоре (PŠ IV, 527). О наличии одного сходного эстонского варианта нам сообщила К. Салве. Таким образом, предположение о возможности существования самостоятельного произведения, состоящего из ЭС \bar{A} , подтвердилось.

Следующая ступень развития произведения - образование простой структуры $\bar{A} + G$. На месте ЭС G может быть любой ЭС о возвращении человеческого облика животному. Тексты с такой сюжетной структурой нами пока не обнаружены. Но в латышском фольклоре (PŠ IV, 525) и в малагасийском фольклоре⁴ обнаружены тексты, в которых в простую структуру $\bar{A} + G$ включены ЭС о замужестве сестры, соответствующие нашему ЭС B , т.е. подтверждена следующая ступень развития произведения.

Из-за включения ЭС B в простую структуру появилась возможность продлить сказку - к ЭС об удачном замужестве присоединить какой-либо ЭС о разрушении семьи. Этот ЭС в свою очередь влечет ЭС о восстановлении семьи.

Возможности выбора ЭС о разрушении семьи в литовском фольклоре весьма большие: кроме имеющегося в данной сказке ЭС \bar{C} - трансформированного более архаичного ЭС о потере героем человеческого облика, нами обнаружено еще 5 типов ЭС о потере облика (герой купается в неподходящей воде, прикасается к части тела животного, подвергается магическому воздействию, оставляет одежду без охраны, доверяет одежду чужому) и 2 типа ЭС о потере возможностей (герой приближается к объекту, способному лишить возможностей, доверяется сильному чужому - теряет зрение, не может двигаться), которые также бывают трансформированными и изображают разлуку с семьей; 1 тип ЭС (имеющий 3 подтипа) об устранении члена семьи конкурентами (ложно информируют мужа, что жена рождает плохих детей, уничтожает детей, вредит престижу семьи). Все эти типы ЭС в сказках разных народов сочетаются с ЭС об удачном замужестве. Таким образом, литовцы могли присоединить к ЭС B не только ЭС

⁴ Обычай и фольклор Мадагаскара. М., 1977, с. 159-162.

Г, но и любой из упомянутых 8 типов ЭС. Кроме того, теоретически возможно присоединение еще 4 типов ЭС об испытании новых членов семьи.

Вполне вероятно, что примерно столько же возможностей выбора было и у латышей, а также у восточных славян. Но все соседние народы выбрали одну и ту же возможность. Мало того, в текстах сказки АТ 450 этих народов одинаковая участь постигла произведение со структурой $\bar{A} + G$: оно было частично разрушено (невозможно совместить в одном произведении два почти одинаковых ЭС о возвращении человеческого облика животному), стало играть второстепенную роль в сказке о судьбе сестры.

Поэтому вероятнее всего, что сложный сюжет сказки АТ 450 балты и восточные славяне создали совместно, постоянно контактируя. Не исключена возможность участия в этом процессе и других народов. Но для выяснения этого необходимо иметь подробные сведения о сюжетном типе в их репертуаре.

В литовском и восточнославянском фольклоре весьма сходны сказки, относимые к типу АТ 480. В национальных каталогах выделяется несколько сюжетных типов или подтипов (АА 480* А - D, СУС 480, 480*, 480 С**). Все сказки роднит тип сюжетной структуры. В текстах выделяются два простых или составных ЭС, связанные между собой следующим образом: в первом ЭС изображается положительное достижение одного героя, а во втором - неумелое подражание второго героя и неудача. Кроме того, обрамления составных ЭС относятся к тем же типам ЭС: в первом говорится, что падчерица (свекровь) изгоняется в заведомо опасное место, чтобы там погибнуть, но она поступает правильно и возвращается богатой; а во втором - родная дочь или мать посылается в заведомо опасное место за богатством, но поступает неправильно и погибает.

Сюжеты сказок различаются простыми ЭС, которые как бы расширяют и конкретизируют обрамление. Внутри обрамлений находим более или менее переосмысленные архаичные ЭС об испытании младших членов рода старшими. Переосмысление довольно жестоких испытаний, связанных с обрядами инициации, - втягивание соответствующих ЭС в изображение внутрисемейных конфликтов, - закономерный процесс в сказках разных народов, уже отмеченный сказковедами⁵. Внутри тех же обрамлений бывают и некоторые другие ЭС других классов. Выбор простых ЭС (самостоятельных или являющихся частями составных ЭС) в значительной мере обусловил тип сюжетной структуры: нужно, чтобы герой позитивного ЭС добился не только того, что необходимо в равной степени всякому человеку (остаться в живых, получить равные права, вернуться в свой род), но и какого-то преимущества, особого благополучия для себя лично, так как его успех должен вызвать зависть другого героя. Если результат простого ЭС - герой остался в живых, то в текстах находим или дополнительное

действие антипода - награждение героя, или же в то же обрамление включается второй ЭС, заканчивающийся каким-то материальным приобретением героя. Так простые ЭС образуют сложную структуру - связь двух однотипных простых структур (это характерно для текстов сказок "Игра в прятки" и "Пряха у колодца" - АТ 480).

Из сказок о неудачном подражании, относимых к типу АТ 480, в литовском и восточнославянском фольклоре наиболее близки "Морозко" и "Танец с чертом". Первая сказка известна в 15 записях из разных районов Литвы. Структура всех этих текстов состоит из двух составных ЭС; внутри обрамлений выделяется по одному простому ЭС об испытании падчерицы (свекрови) и мачехиной дочери (матери невестки) морозом. Так построены и соответствующие восточнославянские тексты; среди опубликованных записей, учтенных в СУС 480, обнаружен лишь один украинский вариант, отличающийся обрамлением: в зимний лес забредает нищенствующая вдова и возвращается оттуда богатой, а ее благополучная соседка, отправившись туда же за богатством, погибает (ЖС 1912, II-IV, с. 317).

Сюжетная структура сказки "Морозко" исчерпывается простой структурой. Не было нужды включать другие ЭС, так как героиня простого положительного ЭС получает нечто для себя лично. Она осталась в живых, потому что получила от антипода средство защиты от холода (одежду), но этот результат можно истолковать и так: героиня не только выжила, но и получила богатую одежду. Поэтому полное совпадение сюжетной структуры сказок разных народов еще не означает, что они - результат творческих контактов.

Рассмотрим строение простого ЭС (находящегося внутри обрамления) в литовских и восточнославянских сказках. Наибольшую смысловую нагрузку несет диалог героя и антипода (мороза). В 9 литовских сказках мороз спрашивает: "Что, морозит?" Героиня позитивного ЭС отвечает: "Пускай морозит на здоровье: его время, его воля". В негативном ЭС другая героиня ругает мороз, что он пропал и т.п. В 6 литовских текстах героиня позитивного ЭС отвечает, что холодно, но ничего не поделаешь, или же говорит: "Мороз от бога, и мы от бога". Смысл ответа героини позитивного ЭС - признание объективности условий (холода). Такой по смыслу ответ обнаружен в украинском тексте: "Мороз, бог его помножь" (ЖС 1912, II-IV, с. 317) и в белорусском: "Труби, морозик, твоя пора. В петровку не будешь". В белорусском тексте тут же добавлено: "Только я колочуся, заморозишь меня" (БНТ IV, № 45).

В большинстве русских, белорусских и украинских текстов героиня просит ее не заморозить, просит дать одежду ("Мороз, не хрястай, дай мне одеться" - Ончуков, с. 108), отвечает, что ей тепло, или же осознает свою участь ("Мороз, пришел ты по мою душу" - БНТ IV, с. 572). Здесь на первом плане - приспособленность к условиям: героиня не приспособлена к холоду и просит мороз умягчить усилия, просит дать средства приспособления (одеж-

⁵ Шронт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, с. 68-71.

ду), она утверждает, что приспособлена (пытается во что бы то ни стало перенести холод), осознает, что она не в состоянии приспособиться.

В литовских текстах пропущена просьба героини к антиподу (уменьшить усилия, дать одежду), а в большинстве известных нам восточнославянских текстов словами не выражено признание обязательности действий антипода (зимой мороз должен морозить). Но в сказках вообще довольно часто эксплицитно не выражены само собой разумеющиеся смысловые моменты. Действительно, просьбу можно выразить всем своим видом, а понимание объективности условий - желанием приспособиться к ним.

Таким образом, обнаруженные в литовских и восточнославянских текстах простые ЭС относятся к тем же типам ЭС. Герои ЭС испытываются - выясняется, как они реагируют на объективные условия. Героиня позитивного ЭС признает неизбежность условий и хочет к ним приспособиться, а негативного - требует изменения условий. Понимание объективности законов природы - одно из открытий человеческой мысли, к которому должны были прийти все народы. Для иллюстрации этого закона литовцы, латыши и восточные славяне выбрали обязательность холода зимой (судя по каталогу АТ, сказка "Морозко" у других народов не зафиксирована), но этому могли способствовать примерно одинаковые условия жизни этих народов, а не творческие контакты. Отмеченное выше различие простого позитивного ЭС в литовских и восточнославянских сказках на языковом уровне отражает некоторую разницу в мышлении этих народов: само собой разумеющимися они считали разные моменты. Поэтому мы склонны полагать, что, несмотря на полное совпадение структуры и смысла сказок, эти произведения сходны типологически. Контакты народов - уже вторичная причина схождения сказки "Морозко" в репертуаре соседних народов.

Сюжетная структура сказки "Танец с чертом" в большинстве литовских и восточнославянских текстов такая же, как и сказки "Морозко": два составных ЭС образуют простую структуру "неудачное подражание", внутри обрамлений выделяем по одному простому ЭС. В части текстов обнаруживаем лишь два простых ЭС (без характерных для сказок АТ 480 обрамлений). В сказках соседящих народов простые ЭС не только принадлежат к тем же типам ЭС (герой позитивного ЭС попадает в место, где антипод в определенное время может вредить; антипод хочет контактировать, герой соглашается, но утверждает, что еще не готов; антипод помогает готовиться, но время истекает, он вынужден удалиться), но даже совпадают на языковом уровне (черти приглашают танцевать или сватаются, а девушка говорит, что у нее нет платья, нет башмаков и т.п.). Другие ЭС этого типа (об откладывании контакта) менее подходят для структуры "неудачное подражание": герой позитивного ЭС не получает никаких материальных благ, а лишь остается в живых. Поэтому в литовском и восточнославянском фольклоре обнаружены лишь единичные тексты такой структуры, содержащие ЭС: черти просят

сказать, как получить белое полотно, или же просят спеть песню - девушка рассказывает или поет до петухов. В этих текстах обнаруживаются дополнительные действия: черти заранее дают денег или, убегая, оставляют богатства.

В отличие от подавляющего большинства простых ЭС, содержащихся в сказках АТ 480, пара простых ЭС сказки "Танец с чертом" принадлежит не к классу ЭС об испытании младших членов рода, а к классу ЭС о стремлении к свободе от "чужих". ЭС этого класса редко вытягиваются в изображение внутрисемейных конфликтов. Как уже говорилось, в сказке "Танец с чертом" этот процесс тоже не завершен: среди примерно 200 литовских вариантов обнаружен 31 текст без изображения семейных конфликтов, аналогичные тексты найдены и в восточнославянском фольклоре. Это свидетельствует о том, что ЭС об откладывании контактов героя с антиподом образовали структуру "неудачное подражание" сравнительно поздно, по аналогии с другими произведениями.

Полное совпадение у разных народов структуры и смысла сказок, развитие которых не совсем закономерно, дает некоторые основания полагать, что сходство определено преимущественно творческими контактами этих народов.

Учет большего количества восточнославянских вариантов может изменить картину разбираемых нами сюжетных типов в фольклоре этих народов, и наши соображения о причинах схождения сказок могут подвергнуться коренному пересмотру, но пока можно утверждать, что в сказках АТ 450 и "Танец с чертом" больше совпадений необязательных, а в сказке "Морозко" совпадения закономерны. Поэтому сходство первых двух сказок главным образом предопределено творческими контактами этих народов, а подобие третьей - общностью социальных и иных условий. Разумеется, сказанное выше относится к сюжетному типу вообще, а не к конкретным текстам, судьба которых может быть и индивидуальной.

Принятые сокращения

- БНТ IV - Беларуская народная творчасць. Чарадзейныя казкі, ч. II. Мінск, 1978.
ЖС - Живая старина.
Ончуков - Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губ.). Сборник Н.Е. Ончукова. - Записки РГО по отделению этнографии, т. XXXIII. СПб., 1908.
СУС - Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Сост. Л.Г. Баран, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л., 1979.
АТ - The Types of the Folktales. A Classification and Bibliography. A. Aarne's Verzeichnis der Märchentypen translated and enlarged by S. Thompson. - FF Communications, № 184. Helsinki, 1961.
PŠ IV - Šmits P. Latviešu pasakas un teikas, IV. Rīgā, 1927.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ О БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ В ЛАТЫШСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Использование пословиц и поговорок, т.е. паремий, для изучения этнических процессов весьма сложно, так как в них велик удельный вес интернациональных элементов. В паремиях каждого народа обнаруживаются сходства разного уровня, ареальные и специфические. Нет также единых, общепринятых методических принципов сравнительного исследования. Поэтому сначала - несколько слов о методике, примененной в данной работе.

В основе этой методики лежит системный подход: сходные паремии анализировались как исторические феномены, которые, активно бытуя в народе, находят в непрерывном развитии, в постоянной связи с историей и культурой народа. Чтобы реализовать этот подход, оказалось необходимым выработать две группы критериев, которые помогали бы, во-первых, выделить сопоставляемые величины и, во-вторых, определить характер сходства.

В отличие от общепринятой традиции - изучать бытование отдельных адекватных паремий в традиции разных народов, в данной работе сопоставлению подвергались не только отдельные адекватные паремии, но весь тип, т.е. все ее структурные и синонимические варианты. Адекватные и синонимические паремии со своими вариациями зачастую образуют весьма широкое гнездо, особенно в тех случаях, когда сопоставляются произведения многих народов. Для выделения типа, для определения его границ могут быть предложены два основных критерия: 1) сходство синтаксической и поэтической структуры, 2) адекватность семантики образной системы, т.е. обобщенного содержания паремий.

Для определения характера сходства паремий оказалось необходимым изучить функционирование соответствующих пословиц: 1) в пространстве - путем выявления а) ареала их распространения, т.е. мест, откуда были присланы или где были записаны варианты, б) частоты и интенсивности бытования, т.е. количества фиксаций (записей) в разных местностях; 2) во времени - путем установления давности соответствующих фиксаций; 3) в фольклорной традиции - путем соотнесения с тематически родственными типами пословиц и с иными жанрами.

Эти критерии применены при изучении всех латышских паремий (как опубликованных, так и архивных материалов) и при сопоставлении их с опубликованными в разных сборниках литовскими, русскими, белорусскими, а также с западнославянскими пословицами.

При оценке этих выявленных параллелей в этнологическом аспекте выделяются две группы сходств: 1) встре-

чающиеся только в балто-славянском и 2) в интернациональном ареале.

Остановимся на параллелях, принадлежащих только к первому - балто-славянскому ареалу. Это общие балто-славянские типы, сходство которых можно квалифицировать как генетическое, типологическое и контактное. Различия касаются генезиса и интенсивности распространения.

В этой связи следует добавить, что каждый вид сходства "в чистом виде" встречается редко. Обычно любой балто-славянский тип хотя бы условно, пусть ассоциативно, но все же связан с соответствующим типом в фольклоре другого народа.

Количественно наименее значительную часть образуют историко-генетические сходства со сравнительно небольшой интенсивностью бытования. Они обычно связаны с общими древними мифологическими представлениями, со сходными бытовыми и фольклорными традициями и социально-историческими условиями жизни. Но они по большей части выходят за пределы жанра паремий, проникая в системы других жанров (в латышском фольклоре - чаще всего в жанр народных песен). Иногда именно такие факты, указывающие на взаимосвязанность жанров, нагляднее, чем сами пословицы и поговорки, свидетельствуют о древнем происхождении соответствующих поэтических структур, их популярности в фольклорной традиции в течение длительного времени, типологической преемственности. Ярким примером этого служит поговорка о горохе на обочине дороги, с которого каждый, кто идет мимо, обрывает по стручку.

В архиве латышского фольклора в качестве поговорки эта поэтическая система записана только в пяти вариантах. В двух из них содержание раскрывается только косвенно, путем анализа структуры образов: *Живет, как горох на обочине* (FS 548, 2280) и *Дела идут, как у гороха на обочине* (FS 958, 4667). Синтаксическая структура остальных вариантов более развернута, предложение включает и расшифровку тропов: *Дела идут, как у гороха на обочине: кто мимо идет, тот стручок срывает* (FS 529, 698). Имеются также варианты, на основе которых мы получаем представление об одном из многих возможных ситуативных значений поговорки: *Жизнь у сиротки, как у гороха на обочине: кто мимо идет, каждый щиплет* (FS 1645, 4569).

В литовском фольклоре форма этой поговорки более многообразна. Помимо обычно внешне нейтральной констатации - *Живет, как горох на обочине* (KM 11920), мы встречаем варианты, в которых варьирующийся компонент поговорки - в сущности, стилистически нейтральная лексема *gero* 'хорошо' или *džiugiasi* 'радуется', в предложении эти лексемы приобретают иронический оттенок: *Хорошо, как гороху у дороги* (PP 336); *Радуется, как горох у тропинки* (KM 7607). Литовцам известен также и более развернутый вариант, в котором уточнены "выводы" такой жизни: ... *кто идет, тот щиплет, кто хочет, тот топчет* (KM 11921).

В русском фольклоре записи этой поговорки и данные о ее функции более полны. Она встречается также в форме, адекватной латышскому лаконичному варианту (Д 148), и имеет расширенную систему образов, усиливающую как поэтическую выразительность, так и функциональную эффективность. Последние усиливаются также иронией, которой проникнуты все компоненты поговорки: *Горох да репа - завидное дело; кто ни идет, урвет* (Д 155); *Завидны в поле горох да репа* (прибавка: *кто ни пройдет, щиплет*) (Д 155).

Вторая группа вариантов поговорки, так же как балтийские паремии, включает ситуативное значение, указывает на соотнесенность с конкретными условиями бытования: *Завидны деека в доме, да горох в поле; кто ни пройдет, ущипнет* (ТС I, 942); *Мимо гороху да мимо девки так не пройдешь* (Д 155). Как видим, эти варианты носят озорной характер.

Разбираемая поговорка известна также полякам, о чем упоминает в очерке о польских пословицах К. Вурцбах¹; он отмечает, что ее использует в своих сочинениях поэт Рей фон Нагловиц. Вариант поговорки *Красивая женщина - как горох на обочине: каждый, кто идет мимо, с удовольствием полакомится* опубликован в качестве польской пословицы на латышском языке в журнале "Vārds" (1901, № 75) и в газете "Baltijas Vēstnesis" (1901, № 91).

В архиве латышского фольклора, как уже было указано, записей этой поговорки мало. Это могло бы навести на мысль о ее возможном заимствовании у литовцев или русских, поскольку у них вариации более многообразны. Однако есть несколько моментов, дающих основание воздержаться от такого заключения. Во-первых, известные записи латышской поговорки происходят из различных местностей республики, что указывает на более широкий в прошлом ареал бытования, чем показывает архив. Во-вторых, поговорка опубликована уже в первой половине XIX в. в очерке Б. Бергмана² о латышском языке: следовательно, в то время она была популярна в народе. Третий и главный фактор состоит в том, что содержащийся в поговорке устойчивый мотив гороха на обочине встречается в двух очень популярных типах народных песен, где он образует первую половину песен. Один из этих типов - популярная сиротская песня, система образов которой в целом перекликается с поговорками.

Кто горошек не сорвет
На обочине большака;
Кто сиротку не заставит плакать,
Без матушки живущую (LD 4797, Саука)

¹ Wurzbaeh C. Die Sprichwörter der Polen, historisch erläutert mit Hinblick auf die eigenthümlichsten der Lithauer, Ruthen, Serben und Slovenen und verglichen mit ähnlichen anderer Nationen. Wien, 1852, S. 288.

² Bergmann B. Ueber der Ursprung der lettischen Sprache. - Magazin... (Mitau), 1838, Bd. 6, S. 74.

В картотеке народных песен сектора фольклора имеется более 420 записей, 400 из которых получены из Латгалии. Большая часть остальных 20 вариантов получена с самого пограничья Латгалии, либо мы встречаем в записях указание на то, что сказитель родом из Латгалии. Таким образом, достаточно оснований для утверждения о том, что это типичная латгальская песня. Не будь большого количества вариантов, свидетельствующих о длительном активном бытовании песен в народе, можно было бы и образы песен считать заимствованием у восточного соседа.

Против предположения о заимствовании свидетельствует второй тип, принадлежащий к молодежно-бытовым песням и весьма близко соотносящийся с вариантами русской поговорки о судьбе молодой девушки:

Кто горошек не сорвет
На обочине большака;
Кто девушку не унижает,
Пока на ней бисерный веночек (FS 1651, 3256, Бауска)

Большая часть вариантов этой песни собрана в Видземе, отдельные записи происходят из Земгалии. Таким образом, ареал устойчивого мотива весьма широк. Все это побуждает выдвинуть гипотезу об историко-генетическом сходстве очень древнего происхождения мотивов балтийских и славянских поговорок, с одной стороны, и латышских народных песен - с другой.

Возможно даже, что это сходство древнее, чем балто-славянская общность. На такие мысли наводит исследование первоисточников русских паремий И.Е. Тимошенко, который пишет, что эта поговорка не встречается в новых языках, за исключением русского. В древности же она была известна римлянам. Вариант, в котором "горох" в качестве образа - носителя идеи заменяется его функциональным синонимом "бобы", сохранился в трудах римского грамматика II в. н.э. Феста. Соответствующее изречение *tam perit, quam extrama faba 'пропал, как горох при дороге (собств. бобы на краю поля)'*³ звучит весьма близко к анализируемым балтийским и русским вариантам. И.Е. Тимошенко указывает, что Катулл также употреблял сходное выражение, только вместо гороха или бобов речь шла о цветке на обочине луга, задетом плугом. Таким образом, здесь мы сталкиваемся с типологическими сходствами, которые объединяются общей моделью. В интернациональной паремиологии встречаются и другие типологические сходства, например, немецкая паремия *Schöne Blumen stehe nicht lange am Wege*. Однако это вовсе не подвергает сомнению, а наоборот, подтверждает допущение о генетической связи балто-славянских параллелей, которые входят в интернациональный тип.

Численно большую группу образуют контактные парал-

³ Тимошенко И.Е. Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897, с. 131.

лели, возникшие на протяжении последних столетий в результате постоянных контактов представлений разных народов. Таким путем в латышский репертуар попало много литовских и славянских - русских, белорусских, польских - пословиц.

Распространение паремий такого вида на территории Латвийской ССР ограничивается в основном Латгалией и Восточной Видземе, где на разных этапах исторического развития контакты с представителями русского народа были особенно длительными и тесными. Параллели, которые могут быть переводами русских пословиц, мы обнаруживаем и в других областях Латвии, где в различные исторические периоды констатированы связи со славянским населением.

Переводы русских паремий изредка встречаются и в других районах, однако в большинстве таких случаев оказывается, что информант - выходец из Латгалии. Часть контактных параллелей локализовалась в областях, в XVII-XVIII вв. находившихся под властью Польши; это иногда позволяет предполагать непосредственное воздействие польской культуры, особенно в тех случаях, когда в латышских и литовских параллелях чувствуется славянское влияние, а в русском фольклоре прямых соответствий констатировать не удалось. Возможно также заимствование белорусских пословиц. В условиях, когда представители всех этих национальностей в течение нескольких столетий жили бок о бок, поддерживая самые тесные экономические и культурно-бытовые контакты, и притом еще в ситуации, когда соседи владеют языком друг друга, обмен паремиями закономерен.

На заимствованный характер указывают малое количество вариантов и славизмы в лексике, встречающиеся и в латышских, и в литовских вариантах, а также одновременно в вариантах обоих народов. Обычно в этих случаях соответствующие паремии зафиксированы только в нескольких вариантах и идут из двух- и трехязычных районов. Последний фактор делает возможным допущение, что проникновение славизмов в паремии является чисто языковым, а не фольклористическим процессом. Однако, как правило, этот фактор усиливается наличием только небольшого числа вариантов, что указывает на чужеродность данной паремии для латышской фольклорной традиции. Иногда на такие выводы наталкивают литовские варианты со славянским оттенком.

Характер и удельный вес в латышском фольклоре общих балто-славянских паремий различен в разных тематических группах. Контактные параллели, происхождение которых связано со славянским, главным образом русским фольклором, встречаются по большей части среди пословиц трудовой тематики и особенно в произведениях, образы которых позволяют соотнести их с конкретными трудовыми процессами или приемами работы. Они звучат как прямые советы по ходу того или иного дела, реальные предложения или предостережения в различных ситуациях, связанных с практической деятельностью. Например: *Дер-*

жись сохи плотнее, так будет прибыльнее (Д 507), Клады павоз густо, в амбаре не будет пусто (Д 915), Носи кося, пока роса; роса долой и ты домой (Д 644).

В латышском переводе они менее поэтичны по стилю, среди них редко встречаются паремии, которые имели бы полностью переносный смысл. Как правило, троп включает только отдельное слово или часть паремии. В русском фольклоре им обычно соответствуют полноценные в поэтическом отношении произведения.

Вторая тематическая группа, где балто-славянские параллели встречаются в сравнительно большом числе, относится к социальной тематике. Главным образом это паремии об антагонизме богатых и бедных, о суде и праве. Их ареал и интенсивность распространения позволяют предполагать их бытование в латышской фольклорной традиции в течение нескольких столетий.

Немного другая картина создается при анализе паремий, общих только для обоих балтийских народов.

Принимая во внимание близкое родство латышского и литовского народов, можно было бы предполагать у них большое число общих типов паремий, оцениваемых как историко-генетические параллели. Однако анализ конкретного материала показывает, что основная часть параллелей принадлежит к интернациональным типам. Сравнительно много также контактных параллелей. Большинство из них в латышском фольклоре следует квалифицировать как позднейшие переводы, возникшие в результате проживания представителей обоих народов на одной территории в условиях двуязычной ситуации. Так как они не имели сколько-нибудь значительного удельного веса в активном репертуаре латышских паремий, здесь они не будут подробно анализироваться.

Также на этот раз не будем касаться типологических параллелей. Их изучение требует иной методики.

Самую большую часть балто-славянских параллелей составляют пословицы, общие для многих народов Европы. Каждый тип таких пословиц объединяется общей моделью поэтической структуры, которую в латышском фольклоре в большинстве случаев можно квалифицировать как древнее наследие. Этот тип представляют образовавшиеся по единой модели как интернациональные, так и специфически национальные пословицы, которые обычно записаны в нескольких сотнях вариантов. Содержание и поэтические образы таких пословиц уходят своими корнями в глубокую древность и связаны с очень ранними формами познания и отражения действительности. Тематически эти параллели связаны с моралью и многовековым опытом трудовой и общественной деятельности народов.

Ядро таких типов обычно образует популярная пословица или поговорка, общая для всего индоевропейского ареала. Генезис такого сходства паремииологи обычно видят во влиянии церковной или античной, реже - средневековой литературы.

Вопрос о возможном литературном происхождении паремии следует решать конкретно, прослеживая бытование

каждого произведения в фольклоре определенного народа и выявляя его связь с данной фольклорной традицией. Нередко оказывается, что поговорка, которая в фольклор одного народа попала из античной или религиозной литературы, в фольклоре другого может оказаться типологической параллелью или древним наследием, общим для целой группы родственных народов.

Для иллюстрации можно рассмотреть в общих чертах несколько примеров. У многих народов очень популярна поговорка: *Кто другому яму роет, сам в нее падает*, первоначальным источником которой все паремологи единогласно признают Библию. Возможно, что в фольклоре некоторых народов она в самом деле стала популярной благодаря Библии. Однако относительно латышского фольклора анализ обширного материала позволяет такое мнение отрицать по целому ряду причин.

Во-первых, поговорки библейского происхождения в картотеке латышских паремий представлены в сравнительно малочисленных вариантах - число записей вариантов одной поговорки редко превышает три десятка. Поговорку *Кто другому яму роет, сам в нее падает* мы обнаруживаем в 237 полностью адекватных записях. Они дополняются 348 вариантами с небольшими синтаксическими, лексическими и морфологическими различиями и 62 синонимическими вариантами. Итого - 647 записей из всех частей Латвии. Могла ли приобрести столь большую популярность опубликованная в 1637 г. на латышском языке притча Соломона "Кто роет яму, тот упадет в нее; и кто покатит вверх камень, к тому он воротится" (Притч. 26, 27)? Еще надо учесть, что среди латышских крепостных крестьян число грамотных было весьма невелико. А поговорку начиная уже с XVIII столетия мы обнаруживаем во всех немецко-латышских словарях и грамматиках как образец латышского языка.

Во-вторых, поговорку *Кто другому яму роет, сам в нее падает* окружает множество очень популярных синонимических поговорок, например: *Кто другому силки ставит, сам в силки попадает* (FS 527, 47400). Поэтическая система обеих поговорок связана с традициями первобытного охотничьего промысла - с рытьем ловчих ям или настораживанием петли или силков для ловли зверя или птицы. Возникает вопрос: нужно ли посредничество Библии для того, чтобы образы, связанные с опытом трудовой жизни, создателем этих образов - народом были распространены на человеческие взаимоотношения? Несколько групп вариаций образуют поговорки анализируемого типа, образы которых позволяют предположить национальное происхождение. В среде латышских крестьян могли сложиться варианты, в которых образы связаны с представлением о телесных наказаниях на баронской мызе: *Кто для другого розги режет, сам получает порку* (FS 1759, 508). Предположение о специфическом латышском происхождении этой группы вариаций подтверждается тем фактом, что в сборниках паремий других народов нам не удалось обнаружить адекватных произведений. Таковые не найдены и для ряда других

синонимичных вариантов, в образах которых нашли более яркое отражение самые негативные стороны человеческих взаимоотношений, по-видимому, в сильно гиперболизированной форме: *Другого топчет, сам тонет*, (FS 1242, 3255); *Другого вешает, сам вешается* (FS 1225, 36172) и мн. др. То же самое можно сказать о группе поговорок, входящих в этот тип, идея которых выражена в форме обобщенного суждения: *Кто другому зла желает, сам его имеет* (FS 1014, 712) и *Другому досаждая, сам себе досадишь* (FS 1341, 18589) и многих других поговорок (каждая с несколькими десятками вариантов) из различных частей республики.

Как видим, интернациональный тип в латышском фольклоре нашел выражение в весьма разнообразных поэтических системах, образы которых коренятся в реальной жизни народа.

В-третьих, рассматривая поговорку *Кто другому яму роет, сам в нее падает* в качестве определенной идейно-поэтической системы, сопоставляя ее на уровне обобщенно-философского содержания с другими паремиями, мы обнаруживаем тесную связь с целым рядом обширных и родственных в семантическом отношении типов, у которых в основе обобщения лежит тот же диалектический вывод: каждое действие вызывает соответствующее противодействие. В сфере тех человеческих взаимоотношений, в которых функционирует анализируемая поговорка, она связана как с многовековыми традициями человеческих взаимоотношений, так и с чисто психологическими явлениями: вежливая или же резкая речь или поведение порождают соответствующую реакцию у партнера по общению.

В-четвертых, этот социально-психологический фактор, которым в основном регулируется формирование традиций взаимоотношений между людьми, широко отражен не только в поговорках, но и во многих других системах фольклорных жанров, в особенности в сказках, а также в народных песнях, где он составил основное идейное содержание целых тематических циклов.

Система образов наиболее популярных вариантов в свою очередь связывает поговорку с той стадией развития общества, когда основным занятием являлась охота. Все это свидетельствует о древнем происхождении поэтической модели и о тысячелетнем ее развитии, в ходе которого по мере формирования законов и традиций языка и художественной выразительности она приобретала соответствующую синтаксическую структуру и систему образов.

В латышском фольклоре модель этой поговорки должна рассматриваться в качестве древнего наследия, которое, формируясь в процессе исторического развития народа и подчиняясь законам развития языка, приобретало конкретные формы в различных системах образов.

Сходные выводы получаем, анализируя многие другие популярные паремии интернационального характера, генезис которых до сих пор связывали с литературой. Например, основой поговорки *Не продавай шкуру, пока медведь еще в лесу* считали анекдот о двух охотниках, которые

обещали заплатить хозяину кабачка шкурой не убитого еще медведя. Всесторонний анализ функционирования различных вариантов этой пословицы в латышской фольклорной традиции заставлял генезис ее системы образов связывать с древними охотническими традициями. Но по своей семантике и общественной функции эта пословица входит в обширную группу паремий на тему о том, что нельзя преждевременно, до окончания работы, радоваться и хвастаться.

Анализ латышских паремий, которые имеют параллели в фольклоре других народов, показал, что в латышском фольклоре они своими корнями уходят в глубокую древность.

Для выдвижения конструктивных выводов в этнологическом аспекте необходимо всесторонне изучить бытование общих балто-славянских пословиц в фольклорной традиции других балто-славянских народов.

Принятые сокращения

- Д - Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957.
ТС I - Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. СПб.-М., 1912.
FS - Материалы фольклорного архива Института языка и литературы им. А. Упита АН ЛатвССР
KM - *Krevē-Mickevičius V. Patarlēs ir priežodžiai*, т. I-III. Kaunas, 1934-1937.
LD - *Barons Kr. Latvju dainas*, I. Jelgava, 1894.
PP - *Grīgas K., Jonyņav Amb. Patarlēs ir priežodžiai*. Vilnius, 1958.

Н. ВЕЛЮС

VELNIO BANDA: 'СТАДО ВЯЛЬНЯСА'*

Вяльняс - самый популярный персонаж в литовском фольклоре, появляющийся в сказаниях этиологического и мифологического характера, сказках, загадках, пословицах и поговорках. Если взять одни мифологические сказания о вяльнясе, то оказывается, что они превышают числом сказания о всех других мифических существах вместе взятых. С вяльнясом связано множество верований, колдовства и суеверий. Со словом *velnias* в языке соотносятся названия растений, животных, предметов, не говоря уже о целом пласте экспрессивной лексики (LKŽK). В Литве зафиксировано около 400 названий местностей, связанных с этим именем (VK).

Тем не менее исследован вяльняс пока еще явно недостаточно. История этого образа в народной культуре осложнена к тому же позднейшими наслоениями - своеобразной контаминацией с персонажем в христианстве, оли-

* *Velnias*, собств. 'черт', здесь оставлено без перевода, чтобы избежать ассоциаций с более поздним (христианизированным) представлением о черте как духе зла.

цетворяющим злое начало. На самом же деле с этим последним фольклорный вяльняс имеет не много общего. Фольклорный вяльняс - это архаичный персонаж литовской мифологии, составляющий одну из ее доминант. Дальнейшее его изучение, несомненно, поможет найти ключ к решению многих существенных проблем мифологии, причем не только литовской, но и соседней славянской.

В данной статье речь пойдет лишь об одном аспекте этой обширной темы - о взаимоотношениях вяльняса с домашними животными. Предполагается, сосредоточив внимание на этом частном вопросе, проследить черты, указывающие на древнюю мифологическую природу популярнейшего персонажа литовского фольклора. В статье не рассматриваются отношения вяльняса с собакой, поскольку анализ этого вопроса связан с верованиями и обычаями другого комплекса.

В литовском фольклоре связи вяльняса с животными многообразны: он сам создает животных; ему принадлежат большие стада; он появляется в образе животного или наделяется некоторыми зооморфными чертами.

Вяльняс как создатель животных выступает в народных этиологических сказаниях. Во вводной части сказаний "Божье и чертово стадо" (LPK 3083) говорится, что вяльняс сотворил в с е х животных. Ср.: "Некогда вяльняс творил всяких некрасивых животных: черных с рогами, без ушей, с нераздвоенными копытами. Натворил их и напустил полные луга" (BLS 46); "Вяльняс сотворил всех животных. Он сотворил их очень много..." (BLS 47) и т.п.

В сказках вяльняс владеет большими стадами животных. Так, в сказке "Уговор не сердиться" (AT 1000) и в родственных типах (AT 1001-1022) говорится, что у вяльняса (при позднейших трансформациях: у мужика, барина, попа, немца) есть стадо коров (DPM 31; LTR 462/350/; 988/50/; 1865/5/; 1920/5/), быков (LTR 217/125/; 552/1080/; 1608/149/; 2145/258/), лошадей (LTR 270/778/; 462/359/; 552/1080/; 1079/10/; 2145/258/), свиней (LTR 988/50/; 1069/10/) или вообще животных (LTR 462/10/), скота (LMD 815/3/), рогатого скота и лошадей (LTR 825/106). В большей части вариантов упоминаются овцы и быки вяльняса. В макаберном комизме этих сказок, в мотивах ошпаривания детей и усаживания их за стол, насаживания их на забор, убийства старухи, которая кукует кукушкой или кричит петухом, поджога дома, посыпания дороги пшеницей, заклания овец "kurios pažiūres" ('которые будут глядеть'), отрезания губы и животных, "kad juoktusi" ('чтоб смеялись') и т.д. угадываются скорее всего отголоски древних ритуалов. В этом контексте тем большее значение приобретают упоминания о стадах вяльняса. В сказке "Тяжелый топор" (AT 1049) стадом быков владеет враг человека змеиной природы, который именуется вяльнясом (LTR 42/12), гадюкой (LTR 783/133/), змеей (BLP I, 153), драконом (LTR 854/14/), змеем (*zmejūm*) (LMD I, 998/9/) или великаном (LTR 398/263/). В сказке "Три похищенные принцессы" (AT 301, 301 A, 301 B) за быками присматривает персонаж, во многом схожий с вяль-

нясом, - человек с длинной бородой (BLP II, 250; LMD I, 121/3/; I, 292/2/; I, 301/43/; LTR 10B/227/; 321/1/; 421/13/; 462/315/; и др.). Коров и лошадей вьяльняса упоминает сказка "Откормленная корова" (AT 1161A), где вьяльняс отдает человеку корову или лошадь, чтобы тот пас их летом (BLV 287; BLPY IV, 52-53; LMD I, 315/13/; I, 499/2/; LTR 544/232/ и др.). Животные вьяльняса приносят удачу, с их помощью человек быстро богатеет. Во многих сказках, где речь идет о соревновании человека и вьяльняса, также фигурирует стадо (правда, принадлежащее человеку); в состязание с вьяльнясом вступает п а с т у х (LTR 10B/213/; 42/40/; 68/334/; 69/478/; 208/130, 131/; 270/527/; 462/332, 480/ и др.).

В тех же сказаниях, где черт выступает как создатель животных, возникает противопоставление "божий человек - животные вьяльняса", ср.: "когда б о г сотворил ч е л о в е к а, в я л ь н я с о ч е н ь р а с с е р д и л с я н а б о г а и в о т м е с т к у с о т в о р и л с к о т и н у: к о р о в у, о в ц у, с в и н ь ю, к о з у и д р у г и х" (BLS 47). Однако здесь, скорее всего, наблюдается поздняя замена одного компонента. В древней народной традиции животным вьяльняса, которые передвигаются по з е м л е, противопоставлялись как создания бога птицы, летающие по в о з д у х у. Это видно по текстам сказаний о том, как бог сотворил птиц (LPK 3131-3151), и особенно по некоторым вариантам сказания "Бог и вьяльняс, состязаясь, творят животных" (LPK 3081): бог подбрасывает комок глины - вылетает п т и ц а, вьяльняс бросает горсть ила - ползет ж а б а (BLS 43-45).

Такое разделение животного мира по самым общим признакам (птицы - животные) - древнее явление, известное в мифологии первобытных народов: животные обычно относятся к хтоническому божеству, а птицы - к небесному. В литовских этиологических сказаниях, о которых идет речь, эта дихотомия претерпела изменения: один ее компонент, затемненный позднейшими наслоениями, приходится реконструировать, другой также выглядит иначе - здесь речь идет не о животных вообще, а о д о м а ш н и х животных. И далее - о том, что все животные принадлежали вьяльнясу, говорится лишь во вводной части сказаний. сами же сказания повествуют о том, как бог п р и с в о и л животных вьяльняса: разделил копыта тем животным, которые прибежали в его хлев, так что вьяльняс не признал их и не мог взять обратно. В некоторых вариантах говорится, что животных вьяльняса бог отдал людям (MT IX, 89; LTR 3392/13/). Бог не помнил только лошадь, которая и продолжала оставаться у вьяльняса, поэтому лошадь приписывается вьяльнясу (BLS 47), мясо ее не едят (BLS 47). Таким образом, в этих сказаниях как создания бога выступают п а р н о к о п ы т н ы е животные, тогда как н е п а р н о к о п ы т н ы е принадлежат в я л ь н я с у.

В сказках со стадом вьяльняса также связан ряд своеобразных эпизодов: человек его продает, убивает животных или каким-либо способом наносит увечье.

Предполагается, что как в упомянутых литовских сказаниях, так и в сказках представлен архаичный мотив о т б и р а н и я стада у вьяльняса, известный по многим индоевропейским традициям (ср. мотив похищения скота - стада коров - и борьбы хтонического и божественного персонажей за обладание им в древнеиндийской, греческой, германской, славянской мифологии).

В связи с намеченным противопоставлением (божьи парнокопытные - непарнокопытные вьяльняса) интересно проследить представления о лошади в литовской фольклорной традиции. Именно как непарнокопытное лошадь остается собственностью вьяльняса (см. выше, BLS 47). По другим этиологическим сказаниям (LPK 3092), лошадь происходит от вьяльняса или от ужа (BLS 54-57). В литовских народных верованиях лошадь отнюдь не считается святым животным (LTR 374c/1276/; 374d/2124/), она помышляет о том, как бы зарезать человека (Elisonas 1932, p. 132), убить его (LTR 2295/125/), и не убивает только от страха, ибо человек ей кажется слишком большим. В рождественскую ночь лошадям нельзя давать сена со стола, за которым ели кутью, так как лошади не согрели своим дыханием Иисуса (Balys 1930, p. 129), не перенесли Марию через реку (Elisonas 1932, p. 152) и т.п. Лошадь обладает свойством видеть вьяльняса и другие злокозненные существа (LTR 14/598/; 1335/45/; 1404/435/; 1445/70/; и др.); иногда вьяльняс ездит верхом на лошади, запертой в хлеву (LTR 486/25⁸⁶/; 607/109/ и др.).

В мифологических сказаниях вьяльняс запрягает лошадь, ездит верхом, а иногда сам превращается в лошадь. Верхом или в повозке вьяльняс навещает девушку (BLS 130; LTR 893/101/), отправляется на пир или на свадьбу (BLS 171, 193; LMD I, 479/3/; LTR 447/100¹²/; 961/277/), предлагает человеку поменяться лошадьми, табакерками (BLS 263, 264; LTR 270/556/; 860/15/) и т.д. Иногда человек по дороге находит обернувшегося лошадью вьяльняса, ловит его (BLS 373, 374; LTR 982/46/), ездит на нем верхом (DSPŽ I, 50-51, BLV 350, 351, 353, 354; LMD III, 24/2/; LTR 2268/64/) или, приведя его домой, заставляет делать различную работу (BLS 312, LTR 732/260/; 768/18/; 960/340/). Если вьяльняс изображается человеком, то нередко у него одна нога (а иногда и обе) лошадиная (BLV 282; BLS 195, 316, 379; LTR 552/1083/; 869/136/; 959/29/; 619/38/; 1048/109/ и др.). Многие атрибуты вьяльняса в литовских мифологических сказаниях оказываются различными частями тела лошади: ружье вьяльняса - л о ш а д и н а я н о г а (BLS 260-261; 266; LTR IOA/57/, 260/221/; 279/149/; 936/68/; 957/117; 1045/249/ и др.), л я ж к а (BLS 261; LMD I 842/36/); ремень у ружья вьяльняса - л о ш а д и н ы е к и ш к и (BLS 261); табакерка - к о п ы т о (BLS 261, 262; LTR 270/514/; 380/423/; 507/17/; 262/226/; 860/61/; 932/7/; 991/23/; 924/133/ и др.), н о г а (LTR 325/42/; 270/559/); трубка - б о л ь ш а я б е р ц о в а я к о с т ь (LTR 783/510, 659/), р е б р о

(BLS 264; 807/575/), нога (LTR 2268/263/); скрипка - лошадиный череп (BLS 178, 180), берцовая кость (DSPZ II, 120-123), бедро (LTR 260/499/), голова (BLPY IV, 478; LTR 217/118/), череп (BLS 180); кларнет - нога (LTR 932/10/). Угощение, которым вьяльняс потчует человека, - это конский навоз (BLV 338; BLS 110, 188, 195; LTR 284/541/; 447/100¹²/; 462/268/; 619/38/; 795/60/; 1027/82/ и др.); кишке с навозом (LTR 957/91/); лошадиные мясо (LTR 539/28/); лошадиные копыта (BLS 174). Тарелки вьяльняса - лошадиные копыта (LTR 462/268/), вилки и ножи - ребра (LTR 783/169/) и т.п.

В литовских сказках вьяльняс часто предстает в образе лошади. Вьяльняс превращается в лошадь во многих вариантах сказки "Девушка помогает герою бежать" (AT 313 A, B, C) (BLP I, 70; BLP II, 81-82; LMD I, 296/12/; I, 95/1/; I, 495/8/; I, 594/6/; 284/530/; 350/168/; 421/105/449A/18/; 552/732/; 662/287/; 687/46/ и др.). Иногда вьяльняс свою жену обращает в кобылу (BLP II, 122), а своих дочерей - в кобылок (LMD I, 558/24/; LTR 449A/25/; 552/732/; 662/216/). Свою жену (LTR 35/34) или друга (LTR 178/58/) вьяльняс превращает в лошадь и в некоторых вариантах сказки "Чистить лошадь" (AT 1016).

В литовских народных верованиях также довольно распространено представление, что вьяльняс может обернуться лошадью (LTR 374/2378/; 1315/216/; 1336/64/; 1337/53/; 1405/242/; 1426/24/; 1565/128/ и др.).

Парнокопытные животные, как мы заметили, в литовских этиологических сказаниях отнесены к богу. Поэтому, согласно поверьям, вьяльняс не может обратиться в святое животное - в корову (LTR 1286/47/; 1312/82/; 1445/75/; 1600/59/ и др.); правда, отмечены и противоположные представления: вьяльняс оборачивается быком или коровой (LTR 1288/186/; 1415/309/; 1504/14/; 1515/34/; 1565/128/). Что же касается мифологических сказаний, то в них мотив превращения черта в быка или корову довольно распространен (хотя и реже, чем мотив превращения в лошадь). В варианте (BLS 208) сказания "Музыкант проваливается в пекло" (LPK 3279) вьяльняс оборачивается то жеребенком, то теленком. Человек ловит оборотня в виде быка (BLV 356, 358), берет его подвезти (BLV 357, 358). Вьяльняс, обратившийся в быка или надевший бычью шкуру, заставляет человека соблюдать древние календарные обычаи - по понедельникам не дает вывозить навоз (DSPZ I, 351-353), а на масленицу принуждает вывезти хотя бы один воз (BLS 298-299). Если вьяльняс изображается человеком, то ноги у него коровьи (LTR 462/186/; 1284/233/; 1291/84/). Предлагаемая им человеку еда иногда оказывается коровьим навозом (BLS 178; LTR 217/118/; 1064/68/), табакерка - коровьим копытом (LTR 814/35/). Посетивший чертоги вьяльняса человек обнаруживает себя сидящим на куче коровьего навоза (LTR 783/169/).

Таким образом, в литовском фольклоре, особенно в мифологических сказаниях, остались живые отголоски древней традиции, согласно которой с вьяльнясом связаны не только непарнокопытные, но и все другие животные. Более того, некоторые парнокопытные (напр., коза), как мы дальше увидим, осознаются именно как самые типичные животные вьяльняса.

В сказаниях о сотворении козы (LPK 3090) говорится, что бог создал различных животных (BLS 53; LTR 3695/46/), животных и птиц (BLS 54), многих животных (BLP II, 10), всё (LTR 3283/224/), весь мир (LTR 3548/25/), овцу (MT IX, 87), корову (MT II, 126), тогда как вьяльняс сотворил козу. Иногда вьяльняс вылепливает козу, насмотревшись, как бог делает чудеса (MT IX, 106). Таким образом, в этих сказаниях именно коза как животное вьяльняса противопоставляется всем божьим созданиям. Коза, как и лошадь, в литовских поверьях считается "несвятым" животным (LTR 374d/2124). Вьяльняс часто обращается в козу (LTR 1288/186/; 1297/65/; 1307/245/; 1362/59/; 1405/242/; 1486/569/; 1534/642/; 1546/114/; 1565/128/ и др.). В мифологических сказаниях вьяльняс также нередко изображается в виде козла. Характерно, что в козлином образе вьяльняс фигурирует в большей части вариантов сказания "Передразнивающее животное" (LPK 3300). Это особенно интересно в связи с тем, что в некоторых из них речь идет о борьбе Перкунаса с вьяльнясом: вьяльняса, передразнивающего человека, поражает Перкунас (BLS 249, 250; LTR 1044/121/; 2268/82/). Вьяльняс, обернувшийся козленком, является человеку в сказании "Животное в повозке становится камнем/пнем" (LPK 3301; см.: BLS 254-257; LMD I, 656/3/; LTR II, /6/; 768/344/; 822/18, 314/). В сказании "Вьяльняс служит хозяину за украденный хлеб" (LPK 3290) вьяльняс запрягает коз в телегу (BLP II, 7; LMD I, 558/16/; LTR 260/88/; 826/99/; 873/399/), пашет козой (BLS 230), корчует пни (BLV 336).

Козел связан с вьяльнясом и в сказках. Так, в сказке "Кто придет верхом на невиданном животном" (AT 1091) вьяльняс приезжает именно на козе (LTR 462/143/; 481/34/; 1608/143/; 2221/247/; 2417/107/; 2786/324/). В некоторых вариантах сказки "Дележ урожая" (AT 1030) человек и вьяльняс делят козу (LMD I, 1063/1322/; LTR 792/106/; 971/186/). Вьяльняс-козел изображается и в варианте (LMD I, 1062/56/) оригинальной сказки "Три вызволенные сестры" (AT 311). Наконец, козы упоминаются и в тех сказках, где человек и вьяльняс (великан) состязаются в силе, только козы здесь принадлежат не вьяльнясу, а человеку (LTR 92/16/; 1831/204/ и др.).

Все эти материалы (причем их число можно было бы значительно увеличить) свидетельствуют об устойчивой связи вьяльняс-коза в литовском фольклоре. Тем самым вьяльняс примыкает к кругу индоевропейских пасторальных божеств - покровителей животных, обнаруживающих те же связи (ср. греческого Пана с козлиными ногами, римского Фавна, древнеиндийского Пушана, запрягающего в по-

возку коз, и т.д.¹). С богами - покровителями животных связывает вьяльняса не только козляная природа. В мифологических сказаниях вьяльняса изображается другом пастухов - он играет с ними в различные традиционные пастушеские игры (LPK 3338). В сказках о состязаниях в силе (AT 1060 и др.) вьяльняс является пастухом или главным пастухом. Пастухам он дарит волшебную дудочку; когда на ней играешь, все животные и люди пускаются в пляс (BLP I, 45-46; BLV 321-322; LTR 10B/213/; 208/130/; 270/52/; 662/278/; 422/86/ и др.), это помогает пастухам в работе. Ср. варианты упомянутых сказок: как только пастух заиграет на волшебной дудочке, животные ложатся возле него (LTR 776/136/), не убегают от него (LTR 208/131/) и т.п. Мотив дудочки в свою очередь сближает литовского вьяльняса с греческим Паном, играющим на свирели. Этот мотив интересен и с другой точки зрения. Во многих вариантах сказки "Заячий пастух" (AT 570) пастух получает волшебную дудочку от ничего старика, который в некоторых вариантах называется богом (LTR 10A/18/; 886^C/692/). Нищий старик дарит дудочку пастуху (батраку, солдату) во многих вариантах сказки "Пляска в зарослях шиповника" (AT 592; см. LMD I, 133/204/; LTR 260/38/; 393/164/; 409/40/; 498/13/; 1497/37/; 1658/433/; 1831/252/ и др.), где он также называется богом. Мотив дарения дудочки позволяет, однако, сблизить этот образ скорее с вьяльнясом. Обращает на себя внимание регулярное упоминание в этом эпизоде таких специфических реалий, как пень или камень, причем упоминание, никак не мотивированное сюжетом (ср. вариант сказки "Заячий пастух": старик появляется перед пастухом, который плачет, сидя на пне или на камне). В литовской фольклорной традиции эти реалии устойчиво ассоциируются с вьяльнясом, собственно говоря, их можно даже рассматривать как своего рода субституты вьяльняса (ср., напр., в связи с этим оригинальный вариант LTR 10B/257/ сказки "Ведьмин пастух" AT 556F, где дудочку дарит пастуху женщина, которую он находит втиснутой в пень). Эти и другие особенности контекста позволяют предположить исходную связь рассматриваемого мотива с мифологическим существом - вьяльнясом.

Коль скоро речь идет о животных вьяльняса, то следует обратить внимание и на фольклорные представления об овце и свинье. О вца как творение бога в более

¹ Ср., однако, северогерманского бога грозы Тора, который ездит в повозке, запряженной двумя козлами (Старшая Эдда. М., 1963, с. 51, 53; Младшая Эдда. М., 1970, с. 66-67). Свообразную связь с козлом обнаруживает и Перкунас - ср. лит. *perkūno ožėlis*, *perkūno ožys* 'бекас *Capella gallinago*' (LKŽ VIII, 1025, 1030). Таким образом, соотношение вьяльняса с козлом - животным, и Перкунаса с "козлом - птицей" еще раз подчеркивает архаичность оппозиции животные вьяльняса - божьи птицы.

поздних этиологических сказаниях противопоставляется козлу вьяльняса (LMD I, 144/30/; MT IX, 87). В литовских поверьях овца выступает как "святое" животное, в нее не может превращаться вьяльняс (LTR 293/611/; 1284/81, 337/; 1286/47/; 1291/13/; 1415/48/; 1454/40/; 1414/86/). Иначе в мифологических сказаниях. Здесь вьяльняс как раз превращается в овцу или барана - ср. прежде всего сказания "Передразнивающее животное" и "Животное в повозке обращается в камень" (см. BLS 252-256; LMD I, 312/17/; I, 600/2²/; I 848/2/; LTR 10/76/; 208/120/; 421/135/; 732/331/; 811/341, 453/; 865/113/; 874/371/; 961/14/ и др.). Представление о том, что вьяльняс превращается в овцу, засвидетельствовано и в поверьях (LMD I, 186/1/; LTR 374^d/2094/; 374^e/3116/; 1546/114/).

Об овцах вьяльняса речь идет во многих вариантах сказки "Уговор не сердиться" и близких ей типах (AT 1000-1029) - батрак безжалостно вырезает овец, если они, открыв хлев, глядят на него; овцы постоянно упоминаются в популярной сказке "Ослепленный великан (Polyphemos)" (AT 1137), причем выступающее здесь мифическое существо иногда называется вьяльнясом (LTR 462/41/; 2596/5/; 2683/173/).

И наконец, в некоторых мифологических сказаниях вьяльняс представляется в образе свиной: найденная человеком на дороге свинья в повозке вдруг увеличивается, тяжелеет и, заговорив человеческим голосом, убегает, когда хозяин бьет ее рябиновой или липовой палкой (BLV 361-362), а привезенная домой, превращается в корягу (BLS 259), камень (LTR 847/203/), жернов (LTR 1044/11/); свинья нападает на настоятеля прихода, когда тот возвращается после молитвы (BLS 336); пугает картежников, засидевшихся за игрой вечером в "зеленый четверг" (BLV 362), и т.п. В этиологических сказаниях и поверьях о связи вьяльняса со свиньей почти не упоминается. Свинья в литовском фольклоре (в мифологических сказаниях, верованиях, сказках) чаще всего связывается не с вьяльнясом, а с другим, родственным ему мифическим существом, - ведьмой, хотя в некоторых текстах (очень редко) все же встречается мотив превращения вьяльняса в свинью (LTR 374/1245/; 1426/24/; 1415/309/).

Итак, вьяльняс в литовском фольклоре связан почти со всеми домашними животными. Способность вьяльняса принимать облик различных животных и фольклорное представление о нем как о владельце животных подтверждают предположение о том, что некогда вьяльняс осознавался покровителем животных. Фольклорных свидетельств о жертвах вьяльнясу как покровителю животных не сохранилось. Их нет и в древних письменных источниках. Авторы описаний древней литовской религии не упоминали вьяльняса, поскольку он отождествлялся с олицетворением зла в христианстве (чертом), так что его приходится искать под другими именами. Вьяльнясу, по всей вероятности, соответствует упоминаемый М. Стрыйковским лесной и

пастушеский бог *Goniglis Dziewos*², которого сам Стрыйковский сопоставлял с римским Фавном. Именно этому божеству приносятся в жертву ячичник лошади, быка, козла и других животных (Mannhardt 1936, S. 331), при этом место жертвоприношения - камень - в свою очередь сближает его с вьяльнясом (см. выше о связи с вьяльнясом камня и пня). Судя по контексту, с балтийским (латышским в данном случае) вьяльнясом идентифицируется *Deewa* у Г.Ф. Штендера (см. Ivanov, Toporov 1973, p. 16-17), который говорит о быках, конях и птицах, принадлежащих этому божеству (Mannhardt 1936, S. 626).

О том, что вьяльняс был покровителем животных, свидетельствуют и языковые данные: как известно, *velnias* восходит к тому же корню **vel-* < **uel-*), что и скотий бог славян Волос-Велес³.

Как бог скота (the god of cattle) вьяльняс определяется и в работах М. Гимбутене⁴, где, однако, автор не приводит подробных доказательств в пользу этой гипотезы.

Рассмотренные здесь литовские фольклорные материалы могут служить аргументацией для истолкования вьяльняса как древнего божества - покровителя скота.

Принятые сокращения

- AT - Aarne A., Thompson S. The Types of the Folktale. FF Communications, N 184. Helsinki, 1961.
 Balys, 1930 - Balys J. Kalėdų papročiai ir burtai. - Mūsų tautosaka, 1930, II, p. 124-153.
 BLP - Lietuviškos pasakos. Surinko J. Basanavičius. Shenandoach, Pa, I - 1898, II - 1902.
 BLPY - Lietuviškos pasakos yvairios. Surinko J. Basanavičius, I-IV. Chicago, 1903-1905.
 BLS - Lietuvių liaudies sakmės. Parenė J. Balys. Kaunas, 1940.
 BLV - Iš gyvenimo lietuviškų vėlių bei velnių. Surinko J. Basanavičius. Chicago, 1903.
 DPM - (S. Daukantas) Pasakas Massiū suraszitas 1835 metuose apigardosi Kretiu, Pažongos, Gundenės. - Lietuvių tauta, IV. Vilnius, 1932.
 DSPŻ - Podania żmujdzkie. Zebrał i dosłownie spolszczył M. Dowojna Sylwestrowicz, I-II. Warszawa, 1894.

² Сопоставление *Goniglis Dziewos* - вьяльняс см. в работе: Gimbutas M. The Lithuanian God *Velnias*. - In: Myth in Indo-European Antiquity. Berkley-Los Angeles-London, 1974, p. 90.

³ См.: Toporov B.H. Фрагмент славянской мифологии. - КСИС, 1961, т. 30, с. 14-32; Ivanov, Toporov 1973; Иванов В.В., Toporov B.H. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

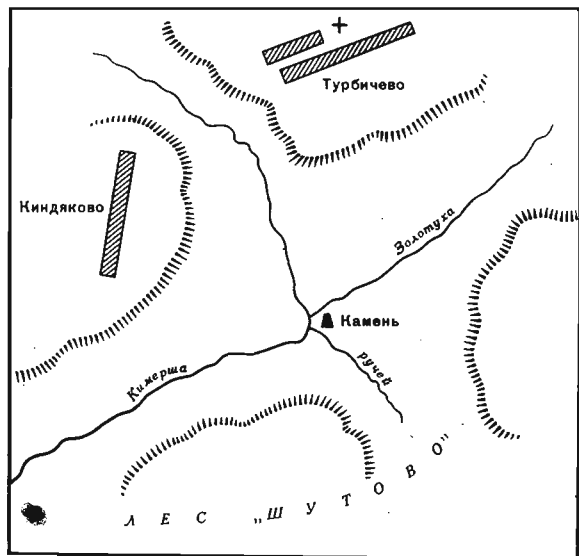
⁴ Gimbutienė M. *Velnio istorija*. - Metmenys, 1970, N 20, p. 137-147; Gimbutas M. The Lithuanian God *Velnias*. - In: Myth in Indo-European Antiquity. Berkley-Los Angeles-London, 1974, p. 87-92.

- Elisonas, 1932 - Elisonas J. Mūsų krašto fauna lietuvių tautosakoje. - Mūsų tautosaka, 1932.
 Ivanov, Toporov 1973 - Ivanov V., Toporov V. A comparative study of the group of Baltic mythological terms from the root **vel-*. - Baltistica, 1973, IX (1).
 LKŽ - Lietuvių kalbos žodynas, t. VIII. Vilnius, 1970.
 LKŽK - картотека Словаря литовского языка (Институт литовского языка и литературы АН ЛитССР).
 LMD - рукописный фольклорный архив Литовского научного общества (там же).
 LPK - Balys J. Lietuvių pasakojamosios tautosakos motyvų katalogas. - Tautosakos darbai, 1936, t. 2.
 LTR - картотека литовского фольклора (Институт литовского языка и литературы АН ЛитССР).
 Mannhardt 1936 - Mannhardt W. Letto-Preussische Götterlehre. - Magazin der Lettisch-Literarischen Gesellschaft, XXI. Riga, 1936.
 MT - Mūsų tautosaka. Red. V. Krėvė-Mickievičius. 1930-1935.
 VK - топонимическая картотека (Институт литовского языка и литературы АН ЛитССР).

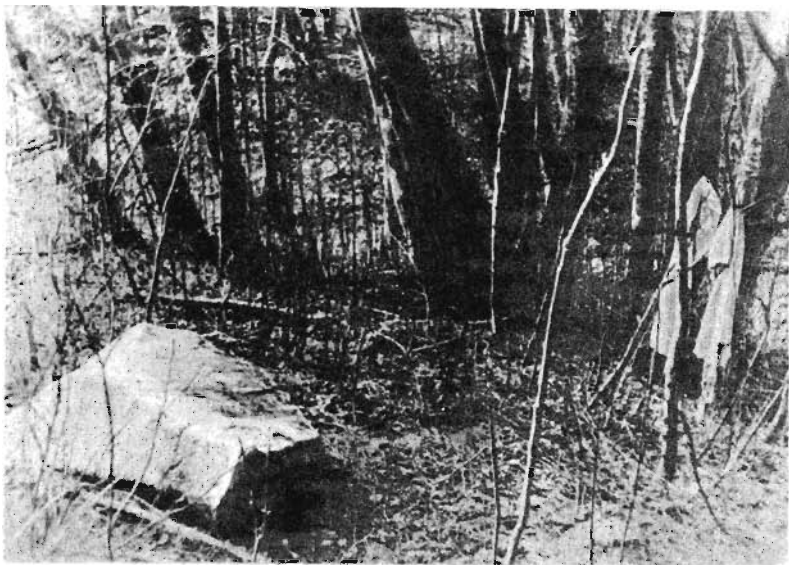
Ю.М. ЗОЛОТОВ

ОСТАТКИ ДРЕВНЕГО СВАТИЛИЩА НА РЕКЕ КИМЕРШЕ

В Дмитровском районе Московской области, между деревней Киндяково и селом Турбичево имеется очень интересный памятник старины. Это большой камень-валун серого цвета, продолговатый, неправильной формы. Лежит он в болотистой местности, изобилующей ключами, в нескольких шагах от реки Кимерши, где в нее впадают слева речка Золотуха и безымянный ручей. Кимерша делает здесь как раз крутой поворот, образуя угол, кут. Кругом - высокие холмы (см. рис. 1). Особого названия среди местных жителей этот памятник не имеет, и его именуют просто "Камень". Сейчас Камень полузабыт, а когда-то известность о нем распространялась километров на 20 вокруг. Он имел славу целителя от всяких болезней, но более всего от д е т с к и х. Сюда несли тяжелобольных детей и проделывали следующее. Набирали из ручья ковшиком воду и "скатывали", т.е. обливали ею Камень, собирая стекавшую воду в особую посудинку. Этой водой, считавшейся целительной, чудодейственной, обмывали большое дитя, надевая после этого на него новое белье, а старое обычно развешивали на растущих вокруг деревьях. Еще 20 лет тому назад автор этих строк видел развешанные вокруг Камня детские чепчики, рубашки, чью-то косынку и т.д. (см. рис. 2). Народная молва утверждала, что результаты такой процедуры могут быть двоякого рода (что вообще характерно для памятников такого типа): "если ребенку суждено жить, то он сразу после омовения пойдет на поправку, а коль сужде-



Р и с. 1



Р и с. 2

но умереть - быстро зачахнет". Популярность Камня в старину была очень велика. Никаких молитв при омовении, насколько нам известно, не произносилось. От всего обряда веяло глубокой языческой стариной. Но для придания ему видимости христианского действия около Камня

на дереве держали икону Богородицы с младенцем. Лес, на окраине которого находится Камень, имеет несомненно древнее и характерное название *Шутово*, от слова *шута*, которое в здешних местах обозначает и шута (забавника, скомороха), но более всего черта, лешего и вообще "нечистую силу". Такими эпитетами, как известно, наделяли на Руси старых языческих богов после принятия христианства.

По народному преданию, рассказанному нам жителями деревни Киндяково супругами М.Е. и И.В. Моисеевыми, Камень будто бы "приплыл" по реке Кимерше "на Купалу, на Ивана-хорошие-травы, когда траву первый раз закашивают". Приплыл и остановился здесь, на углу, при слиянии трех вод. Таким образом, все компоненты, связанные с этим памятником, безусловно, очень древние. Древность и большую популярность памятника подтверждает и то, что даже в XVI в. вся окружающая местность входила в "Каменский стан" (Дмитровского уезда), названный, очевидно, именно по данному Камню, потому что в этом стане не значится ни сел, ни деревень, имеющих в своем наименовании слово "камень". К тому же Камень располагался почти в центре этого стана, тянувшегося длинной полосой в междуречье Сестры, Яхромы, Лутосни и Волгуши¹. Косвенным свидетельством бывшего влияния этого языческого памятника и стремления духовенства приглушить его популярность является присвоение турбичевской церкви наименования "Чуда архангела Михаила в Хонех" (6 сентября). Ведь в легенде об этом "чуде" рассказывается (а также изображается на фресках и иконах) тоже о камне, который пробил своим железом архангел Михаил, пустивший в расщелину бурный поток, коим язычники хотели потопить христианский храм. Таким образом, здесь имеются те же темы, что и в легенде о турбичевском Камне: "камень", "вода", "святилище", но уже в совершенно другом сюжете с яркой антиязыческой направленностью. Как мы увидим дальше, имело свое значение и то, что святым был здесь божественный воин, архангел Михаил.

В том, что около турбичевского Камня было в глубокой древности святилище, притом очень популярное и чтимое, вряд ли приходится сомневаться. Возникает вопрос: был ли объектом поклонения сам камень как таковой или в нем видели ипостась какого-то языческого бога? Мы склоняемся к последнему предположению. Долгие века упорной борьбы с язычеством совершенно вытравили в народе память об имени этого языческого бога. Но некоторые косвенные данные очень согласно, на наш взгляд, указывают, что под видом этого Камня почитался бог Волос. В самом деле, один из позднейших памятников (цен-

¹ Писцовые книги Московского государства. Ч. I. Писцовые книги XVI в., отд. 1 под ред. Н.В. Калачова. СПб., 1872, с. 743 и след.; Холмогоров В. и Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI-XVIII вв., вып. II. М., 1913, с. 184 и др. (о Каменском стане).

ность его признана сейчас наукой, ибо он основан на древних достоверных известиях)², - "Сказание о построении града Ярославля", рассказывая об имевшемся некогда в тех местах святилище Волоса, называет жреца Волоса "пестуном" этого бога и вдобавок упоминает о "неких зело больных днех", когда этому "грозному богу" приносились даже человеческие жертвы, сжигавшиеся перед его идолом³. Невзирая на краткость этих свидетельств, они, на наш взгляд, совершенно определенно говорят о том, что, во-первых, бог Волос почитался (по крайней мере в одной из ипостасей) в облике ребенка, ибо само собой разумеется, что взрослому человеку "пестун" не нужен, и притом, во-вторых, этот бог-дитя в какое-то время года мыслился тяжело больным и хилым, и для исцеления его предписывались кровавые жертвы. Если обратиться к древним народным поверьям, то в них совершенно отчетливо обнаруживается тот день, в который происходили массовые народные обряды очищения от всех болезней и получения здравия: это день летнего солнцестояния, точнее, - ночь на Ивана Купалу (24 июня), когда магическим прыганием через горящие костры и купанием в реках и озерах "набирались здоровья на целый год". Видимо, тогда же исцелялся от своих болезней и бог Волос, обретал силу и сам мог исцелять больных. И именно с этими днями, как мы видели, связывал народ явление камня-целителя на реке Кимерше. Вполне понятно, что будучи богом-дитятей, Волос в первую очередь приобрел значение исцелителя детских болезней, что являлось самой характерной функцией турбичевского Камня. К тому же мотив "хороших трав", магия трав, сопутствующие обрядам купальского цикла, как нельзя более соответствуют самой сущности образа Волоса как "скотьего бога".

Есть ли еще памятники, подобные описываемому? Нам известен один такой "священный" камень, имевшийся некогда в Москве. Оказывается, вплоть до 1848 г. в Кремле, около древнейшей его церкви Иоанна Предтечи что под Бором, располагавшейся на склоне Боровицкого холма, лежал продолговатый, длиной около аршина, отесанный камень, на который, очевидно, по очень давней традиции матери клали своих младенцев, особенно больных, для обретения крепкого здоровья и исцеления от различных недугов⁴. О том, что эта традиция была, без сомнения, очень древней, и что истоки ее были связаны именно с богом-дитятей Волосом, косвенно говорит тот факт, что московское духовенство постаралось устроить в этом храме придел во имя мученика Уара (19 октября), имя которого дали при рождении (по тогдашнему обычаю) ца-

реничу Дмитрию Углицкому, страдавшему, как известно, тяжелой болезнью, эпилепсией, и причисленному после смерти также к лику святых. В этом храме некоторое время дежали и "мощи" царевича. Неудивительно, что этот храм в позднейшее время был более известен как храм св. Уара. Кроме того, как храм рождества Иоанна Предтечи он пережиточно был связан с купальским циклом, а следовательно, и с праздником исцеления бога Волоса, тем более, что Иоанн Предтеча изображался на иконах и фресках в виде своеобразного "скотьего бога", - одетым в верблюжью шкуру мехом наверх.

Но старания московского духовенства связать почитание кремлевского камня-Волоса с культами Иоанна Предтечи и Уара-Дмитрия, очевидно, не дали желаемых результатов, и языческая сущность совершавшихся около храма обрядов с камнем выявлялась очень сильно. Разумеется, терпеть такое положение в Кремле - одной из официальных цитаделей православия - было невозможно. И вот под совершенно надуманным предлогом (якобы церковь Иоанна и Уара "портит" вид из окон нового царского дворца) этот крохотный храм по приказу Николая I и с благословения митрополита московского Филарета был в 1848 г. за одну ночь разобран до основания, а остатки тогда же вывезены. На попытку ценителей московских древностей спасти этот памятник от разрушения митрополит Филарет ответил раздраженным отказом с очень многозначительной для нас мотивировкой: "Простите меня, что я поклоняюсь древним иконам и прочей святыне, а не расседшимся камням Василия Тёмного"⁵. Следовательно, истинной причиной сноса этой церкви были действительно древние камни (точнее, как мы знаем, один камень), которым поклонялись как святыне. И в самом деле, под алтарем разрушенного храма были обнаружены кости животных: конский череп и кости лошади и коровы - по-видимому, остатки древних жертвоприношений "скотьему богу" Волосу⁶.

Остается добавить, что и этот камень лежал также "в углу", делаемом излучиной Москвы-реки и впадающей в нее здесь рекой Неглинной.

Московское духовенство, очевидно, знало, что в почитании "святого" камня у церкви Иоанна-Уара сохранялись отзвуки культа Волоса (невзирая на то, что сам камень, видимо, не был языческой реликвией). В этой связи очень интересно скрытое сопоставление и замена имени Волоса именем Василия Темного, содержащиеся в словах митрополита Филарета (хотя храм был построен не этим князем). Здесь, на наш взгляд, обнаруживается давняя традиция русского духовенства объяснить название "скотий бог" от греческого слова σκοτός - 'темный', 'мрачный', а также 'слепой'. Такая традиция была издавна в обычае у русских церковников: Перуна они называли "еллинским старцем", Хорса - "старейшиной на Кипре", Сварога именовали Гефестом и т.д.

⁵ Успенский А.И. Судьба первой церкви на Москве. М., 1901, с. 18.

² Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 55-66.

³ Лебедев А.Н. Храмы Власьевского прихода в г. Ярославле. Ярославль, 1877, с. 6-7.

⁴ Снегирев И.М. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества, т. I. 3-е изд. М., 1852. с. 45.

Интересно отметить также, что описываемый Камень — не единственный памятник старины в этих местах. Километрах в семи от него близ деревни Бортниково имеются два "святых" колодца, а еще один — около деревни Чеприно, у реки Лутосня. Все эти колодцы не что иное как ключи среди болотистой местности, заключенные в срубы. С этими колодцами были связаны некогда празднества и поверия пятнично-богородицкого цикла. Над колодцами стояли деревянные часовенки с иконами Богоматери, горели лампы. Наконец, на юго-западной окраине леса Шутово известно место, где якобы "провалилась" церковь, и на пасху можно, дескать, слышать благовест ее колоколов, доносящийся из-под земли.

В. Н. ТОПОРОВ

ЕЩЕ РАЗ О БАЛТИЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ НАЗВАНИЯХ БОЖЬЕЙ КОРОВКИ (*COCCINELLA SEPTEMPUNCTATA*) В ПЕРСПЕКТИВЕ ОСНОВНОГО МИФА

Совокупность мотивов, составляющих индоевропейские версии сюжета основного мифа, подробнее всего была изложена в книге "Исследования в области славянских древностей" (М., 1974), написанной совместно с В. В. Ивановым. Как показали результаты реконструкции, основной миф принципиально в а р и а т и в е н — как в плане содержания, так и в плане выражения. Конечно, эта вариативность имеет свои корни в несовершенстве способов передачи информации во времени¹, более точно — в некоторых недостатках консервирующего механизма, во-первых, и в "возмущающей" роли неадекватной интерпретации смысла со стороны того, кто пользуется текстом (и, следовательно, толкует его), во-вторых. Но и несовершенство консервирующего механизма, и неадекватность восприятия сообщения, несомненно свидетельствующие об определенном онтологическом изъяне, вместе с тем выступают как те предельные и практически оптимальные условия, которые используются уже в положительном направлении², — чтобы удержать информацию данного сообщения на уровне не ниже некоего предела, обеспечивающего диахроническое единство текста $M(t_1)$ и текста $M(t_2)$ [t_1 во времени предшествует t_2] и чтобы сохранить такую степень "понимаемости" потребителем текста $M(t_2)$, которая считалась бы удовлетворитель-

¹ См.: Monod J. Le Hasard et la Nécessité. Essai sur la philosophie naturelle de la biologie moderne. Paris, 1970, p. 130-131; специально в связи с основным мифом см.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах. — В кн.: Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В. Я. Проппа (1895-1970). М., 1975, с. 44-76.

² Ситуация добродетели, возникающей из необходимости.

ной и для "понимаемости" текста $M(t_1)$ и, следовательно, обеспечивала бы сохранение контакта ("понимания") между потребителем текста и самим изменяющимся текстом³.

Осознавая неизбежность вариативности как непременно-го продукта эволюции и отдавая себе отчет в том, что сама эволюция может рассматриваться как результат несовершенной передачи во времени некоего сообщения, принимаемого за е д и н о е, — можно, тем не менее, попытаться взглянуть на вариативность с точки зрения той положительной задачи, которая решается с ее помощью. Как известно, основной миф зафиксирован не только в собственно мифологических текстах, но и в существенно более широком классе текстов (кстати, и таких, которые, к сожалению, часто не учитываются, поскольку они якобы не удовлетворяют ни одному из двух неперемных условий — "быть текстом" и "быть мифологическим"). Вся совокупность этих текстов реализует тот вид вариативности, который можно назвать "мотивным" (от мотива как такового до атрибута, выраженного, например, эпитетом). Речь идет в этом случае о разных типах мотивной вариативности (появление нового по сравнению с исходной схемой мотива как результат расщепления "старого" мотива на два или несколько; исчезновение мотива как результат "склеивания" его с другим мотивом, наличествовавшим в исходной схеме; разные типы "неорганического" (т.е. внешнего, из других текстов) появления новых мотивов или такого же выпадения, утраты старых мотивов без очевидной компенсации и т.п.). Но вместе с тем — и в данном случае это важнее — основные элементы исследуемого мифа дошли до нас в текстах, использующих разные ко д о в ы е с и с т е м ы. Эти различия в форме (т.е. в выборе кода) передачи содержания основного мифа, т.е. сообщения в теоретико-информационном смысле, нередко оказываются препятствием, из-за которого затрудняется реконструкция основного мифа во всей его полноте. Поэтому необходим анализ разных "кодовых" версий этого мифа, который позволил бы определить само сообщение, понимаемое как некая инвариантная схема. Но нужно помнить и о том, что выбор любой кодовой версии неизбежно связан с серьезными ограничениями в возможностях рекон-

³ Это поразительное приспособление воспринимающего сознания (Я) к изменяющемуся внешнему миру, данному как текст (сообщение), предполагает определенное е д и н с т в о Я и мира, некий общий ритм того и другого как результат настраивания Я на ритм внешнего мира (текста) или же как следствие единства происхождения Я и внешнего мира, объясняющего удовлетворительную степень скоррелированности потребителя текста и самого текста. Иначе говоря, презумпция состоит в том, что в распознающем и интерпретирующем устройстве потребителя текста е с т ь т о, что есть и в с а м о м т е к с т е (естественно, что эта связь может быть выражена корректнее, что, однако, в данном случае не является необходимостью).

струкции мотивной структуры⁴. Следовательно, выбор "не-антропоморфных" кодовых версий в известной степени предопределяет потерю некоторой части сюжетной информации, но - вместе с тем - может открыть новые мифологические смыслы, которые могут и не быть непосредственно связаны с сюжетной схемой основного мифа. Поэтому при сравнительной оценке информационных параметров частных кодовых версий основного мифа необходимо различать то, что объясняется выбором именно данной кодовой версии, от того, что не зависит от этого выбора и связано с действием иных причин. Имея в виду эту перспективу, можно сформулировать следующее положение: нельзя ожидать, что каждая отдельная частная кодовая версия отразит в себе мотивы исходной схемы, но каждая из таких версий непременно выступает как основной источник-выразитель некоего существенного частного смысла. Именно в этом, между прочим, обнаруживает свою целесообразность распределение мифологической информации по разным кодовым версиям текста. Само это расчленение общего содержания и "разбрасывание" (распределение) его элементов по разным кодовым версиям (как и вообще по разным текстам) с тем, чтобы лучше сохранить информацию при передаче ее во времени и из этих разрозненных элементов синтезировать "неповрежденное" целое, адекватно ключевым операциям, описываемым в основном мифе, а именно: расчленение → разбрасывание → упрятывание → нахождение → собиране → чаемая полнота и совершенство.

Предлагаемая вниманию читателей статья посвящена анализу "энтмологической" версии основного мифа⁵; ранее

⁴ Особенно это заметно при переходе от антропоморфной (или антропоморфизирующей - животные как маски, под которыми скрываются человеческие персонажи) кодовой версии как универсальной или, точнее, как наиболее приспособленной к передаче именно сюжетной линии к таким версиям, как вегетативная, энтмологическая, химическая, кулинарно-гастрономическая и т.д. Сказанному, естественно, не противоречит особая разрешающая сила перечисленных кодовых версий в специфических условиях (когда мифологические смыслы передаются не столько через сюжет, сколько, например, через объектную структуру мифа: важно не только, что мифологический персонаж съел нечто или пошел куда-то, а то, что он именно съел и куда он пошел).

⁵ Предварительные варианты: Топоров В.Н. Балтийские и славянские названия божьей коровки (*Coccinella septempunctata*) в связи с реконструкцией одного из фрагментов основного мифа. - В кн.: Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом. Предварительные материалы. М., 1978, с. 135-140; *Idem*. Lady-Bird (*Coccinella septempunctata* L.) in the Baltic and Slavic Traditions in Connection with the Reconstruction of Some Motives of the Principal Myth. - In: *Humanitas Religiosa. Festschrift für Haralds Biezais*. Uppsala, 1979, p. 268-275. - Ранее в контексте

были исследованы отдельные примеры "растительной" и "териоморфной" версий. Разумеется, однако, что кодовое разнообразие, определяющее своего рода "гибкость" основного мифа, не исчерпывается проанализированными версиями. Видимо, есть все основания сказать, что именно основной миф (и только он) передается максимум в данной мифопоэтической традиции числом кодовых версий (в идеале - всеми версиями, которыми располагает эта традиция). В известном соответствии с этим находится и то обстоятельство, что имена персонажей основного мифа (прежде всего тех, с кем связывается идея смерти и воскресения для новой, как бы усиленной жизни) кодируются наибольшим числом языковых элементов, многие из которых прозрачны с точки зрения "языковой" мифологии потребителя основного мифа. Образ божьей коровки в "энтмологической" версии в этом отношении особенно показателен.

* * *

Ранее, в связи с реконструкцией прусской лексики **karw-* 'корова' (при *klente* Э 673, *alynt* Гр. 4; ср. *curwis* 'бык', *kurwan*), было обращено внимание на сопоставление литовского названия божьей коровки *diėvo karvūtė* (собств. 'коровка бога') и полабского наименования для оленя *dajva korvo* (собств. 'дикая (дивья) корова')⁶. Полабские примеры надежны, поскольку они засвидетельствованы не только в разных источниках, но и, несомненно, в независимых друг от друга собраниях (о чем, в частности, можно судить по различию в переводах), ср. *Deiwa Korwō* 'Un cerf, c'est à dire, une vache sauvage' (Pfeffinger), *Deiwa korwo* 'Der Hirsch' (Vocabul et Phræolog. Vandalicum), *Deiwakurwa* (Domeier), *Deiwa Korwō* 'Thier' (Baucœur)⁷, *deiwa Korwō* 'Wilde Kuh'

"энтмологических" версий основного мифа были проанализированы мифопоэтические образы пчелы, осы, стрекозы, овода, комара, муравья и т.п.

⁶ Ср. статью автора: Балто-слав. **karv-* и **deiv-* & **karv-*. - *LPosn.* 23, 1980, p. 199-205, а также: Прусский язык. Словарь, т. 3. I-K. М., 1979, с. 238-243.

⁷ Подобное смешение названий для оленя и зверя характерно для всей южнобалтийской зоны: помимо полабского примера, когда олень обозначается как зверь (*Thier*), ср. прусск. *alne* E 647: 'tyer' или нем. *tyer* 'олень'. Ср.: *Mažiulis* V. - *Baltistica*, 1979, 15, p. 148. Мотивы названия оленя "зверем" более или менее понятны: в этих местах олень был действительно самым крупным и ценным диким животным (в Эльбингском слове *alne* не случайно открывается список рогатых животных), т.е. зверем по преимуществу. Однако из этого не следует, что "оленьи" слова (*Deiwa Korwō*, *alne*, *Hirsch* и т.п.) могли обозначать и других "зверей" (напр., медведя, волка, лису или зайца). Можно думать, что обозначения дикого животного "оленьим" названием носило отчетливо метонимический характер; исходное значение слова при этом сохранялось.

(Hennig)⁸. Эти примеры предполагают исходное сочетание *divbja/*divaja/*korva, обнаруживающее удивительное сходство (можно сказать, идентичность) с лит. diėvo karvūtė, основанным на потенциальном словосочетании *diėvo kārve, которое в свою очередь входит в ряд сходных "бычьих" наименований, ср. diėvo jautis 'растительный клещ' (собств. 'бык бога'), diėvo jautėlis 'Gyrinus patator' (и даже karvūkė. Rudamina, Лаздийский р-н, см. LKŽ 2, р. 517)⁹. Принимая во внимание обычное для многих мифопоэтических и языковых традиций Старого и Нового Света обозначение дикого оленя как божьего¹⁰ и многочисленные примеры параллелизма типа рус. олень : олѣнка (жук *Cetonia durata*), можно высказать предположение, что, в о - п е р в ы х, подобно лит. diėvo karvūtė (*karvėlė, karvūtė*), в праславянском могли существовать сочетания типа *divbja & *korv- + suff. diminut. (напр., *korv-ьka, *korv-ica, *korv-iььka, *korv-uška и т.п.), обозначавшие именно божью коровку, но предполагающие более ранние наименования диких животных как б о ж ь и х¹¹, и что, в о - в т о р ы х, элемент *divbja в этом сочетании должен был первоначально

- ⁸ См.: Połański K. Słownik etymologiczny języka Drzewian Połabskich. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1971, zesz. 2, s. 276-277.
- ⁹ Ср. изображение пчел как коровок - лит. *Mano bitės kaip karvikės* 'Мои пчелы - как коровки' (с продолжением: *O bitukai kaip jautukai* в свадебный песнях. См.: Lietuviškos svotbinės dainos užrašytos Antano Juško ir išleistos Jono Juško, т. I. Vilnius, 1955, р. 562, № 670 (здесь же и другой ряд сравнений - *Mano pati kaip bitutė* 'Моя жена - как пчелка').
- ¹⁰ В этом плане соотношение полабск. *Korvud : Deiva Korvud* вполне идентично кетск. *ʒeʃ* олень (домашний) : *Es-da ʒeʃ* обозначение дикого оленя как божьего (собств. - олень Еся, т.е. высшего бога).
- ¹¹ Ср. также рус. *дивий мёд*, т.е. мед от диких пчел, при синонимичном *божий мёд*, откуда *дивий* = *божий* (ср. обычную характеристику и самих пчел как б о ж ь и х). Ср. частые обозначения диких животных по принципу 'принадлежащий богу', типа лтш. *dieva vērsī* 'дикие быки' (т.е. 'божьи быки', ср. выше формально близкие литовские формы *diėvo jautis, diėvo jautėlis*, значение которых оказалось перенесенным и, следовательно, не совпадающим с исходным), *dieva zuosis* 'дикие гуси', *dieva suns* 'волк' (собств. 'божья собака', т.е. дикая) и т.п., а также принцип названия и ряда других насекомых, исходя из обозначений 'божьего (дикого) скота', как, напр., в лтш. *dievvērsiņš* (или *dieva vērsiņš*) 'дровосек', о насекомом вида *Cerambyx* (букв. 'божий бычок'); *dievziņš* (или *dieva ziņš*) 'маленькое насекомое (жучок) красного цвета (букв. 'божья лошадка'), *dieva kumeliņš, dieva aita* и др.; ср. еще *dievsunītis, dieva sunītis*, жучок особого вида, *dieva vabulītes*

значить именно 'божья' и, следовательно, соответствовать вост.-балт. *diev-*, прусск. *dei-* (ср. далее др.-инд. *deva-*, авест. *daeva-* и т.п.) с общим значением 'бог'¹². Иначе говоря, слав. *božьbja & *korv- + suff. diminut. (ср. засвидетельствованные во всех группах славянских языков обозначения типа рус. божья коровка, блр. божая кароўка, ббгава-кароўка, польск. *boża krówka*¹³, слов. *rápbožková kravička*¹⁴, болг. бџа крџвица, бџа крџвичка и т.п.¹⁵) представляют собой продолжение реконструированной формы с естественной заменой первого члена

(см.: Šmits P. *Latviešu tautas ticējumi*, I. Rīgā, 1940, р. 360-362); лит. *diėvo karvūkė, diėvo jautėlis* и др. (см. выше).

- ¹² О том, что праслав. *divь не только фонетически, но и семантически идеально отвечает продолжениям и.-е. *dei- (см. I - *dei-, II - *die-, III - *di-: Watkins C. *God. - In: Antiquitates Indogermanicae. Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift für Hermann Güntert*. Innsbruck, 1974), в связи с недавно высказанными сомнениями в корректности этого сопоставления см. в другом месте. Ср. также: Rudnyckij J.B. *Slavic Terms for "God"*. - Ibid.
- ¹³ Ср. и явно более поздние образования, трансформирующие, тем не менее, исходный тип: польск. диал. (Августув) *Matki Boskiej krówka* (ср. в диалектном словаре Я. Карловича *mrówka Matki Boskiej/Rzeszów*). Вместе с тем иногда в этом значении выступает и просто *krówka* (южная Малопольша), *krufka* (Кашубщина) и т.д. "Коровья" компонента божьей коровки содержится и в таких ее названиях, как кашубск. *borowa krówka*, с одной стороны, и *kruszka, kruszka muszka, matuszka kruszka, matka kruszka* (при кашубск. *kruszka* 'mała krowa', 'krówka'), с другой. См.: *Atlas językowy Kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich*. Zesz. IV. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1967, s. 70-71 и карта 159 (далее - АЖК).
- ¹⁴ Ср. чеш. диал. *rámbičková ovečka* и др.
- ¹⁵ Ср. нем. *Gotteskühelein, Herrgotteskühelein* 'божья коровка'; финск. *jumalanlehmä* (от *jumala* 'бог' и *lehmä* 'корова' (см.: *Vilkuna K. - FUF 24*, р. 200 и след.)), но - по другому принципу - эст. *lepatriinu*, вепск. *jumalanlehmaine* (*guma* || и, -*lan* 'бог', *lehm* 'корова', но и *rapinlehmaine* 'божья коровка', от *rap*, -*in* 'священник, поп'; ср. н.-греч. *καταβίτσα*, т.е. 'попадьяха' = 'божья коровка'); рум. *vaca domnului* (ср. также игру *vacile-domnului*) и др. Сюда же, разумеется, нужно отнести обозначения божьей коровки как 'божьего бычка' типа нем. *Gotteskühelein, Gotteskühelein, scharf. božju volak*, рум. *boul domnului*, ср. еще *boul porci* и др., а также названия той же структуры, но отнесенные к иным денотатам (см. выше о лит. *diėvo jautis, diėvo jautėlis* и др.).

(*div- → *bož-), как, видимо, и в других случаях, когда речь идет о мифологически и/или ритуально отмеченных животных, ср. божий олень, божий конь, божья птица, божья пчела, божья овца и т.п. Что касается сочетания божья овца, то оно заслуживает особого внимания ввиду того, что, кроме обозначения овцы, может выступать и как перенесенное наименование божьей коровки - ср. схрв. *božja ovciца* или нем. *Herrgottschäffchen* или *Gottschäffchen*. Интересно, что божья коровка может обозначаться и просто как овечка; ср., напр., чеш. *beruška*, *berunka* (ср. *béran*), моравск. *verunka*, *veronka*, ляхск. *terunka* и др.¹⁶; можно было бы привести здесь и еще целый ряд похожих форм, но все они обнаруживают связь со словами типа польск. *biedronka* и т.п., бесспорно, иного происхождения (о них см. ниже). Не исключено, что некогда существовало и такое обозначение *Coccinella septempunctata* L., как *božbja & *beruška во всяком случае, чеш. *Panny Marie beruška* 'божья коровка' при наличии такого соотношения, как польск. *boża krówka: Matki Boskiej krówka* (и даже *Panna Marija* 'божья коровка' → **Panny Mariji krówka*), дает основание для такого предположения.

Если внутренняя форма литовского и славянских обозначений божьей коровки отсылает к мотиву коро́в бо́га, его овец или даже его птиц¹⁷ и т.п.¹⁸ (ср. реконструированный в другом месте мотив похищения коров (стада скота) бога его противником в сюжете основного мифа), то другие названия божьей коровки отсылают к мотиву солнца, иногда бо́жьего; ср. в.-луж. *bože stóněko* 'божья коровка'¹⁹, а также: укр. *со́нечко*, *засулька-сонечко* (ср. *божа засулька*, *засулейка* - всё о божьей коровке при блр. *зозулька*, *зязулька*, *зёзюлька* то же), блр. *сонейка*, *солнышка* то же, чеш. *sluněčko*, *sluníčko sedmitečné*, в.-луж. диал. *styněko*, нем. *Sonnenkälbchen*, *Sonnekäfer* (но и *Glückskäfer*) и др.²⁰; ср. эвентуальное обозначение божьей коровки в сербском фольклоре как *сунчевић*, т.е. 'сын Солнца'. Эти языковые данные, как и образы божьей коровки в словесном искусстве -

¹⁶ Характерно, что эти слова переносно обозначают и человека ('*hodné děvče*', '*miláček*', '*sluněčko*'/brouk/ и т.п.).

¹⁷ Ср. франц. *poulette à Dieu* 'божья коровка' (собств. 'божья курочка') при итал. *palomilla*; алб. *puře Shën Mëris* (букв. 'курица св. Марии') и т.п.

¹⁸ Ср. н.-луж. диал. *бодоца уаска* 'божья коровка' (собств. 'божий червячок'), видимо, отражающее влияние форм, подобных н.-нем. *tarickenwort* 'божья коровка' с близкой внутренней формой.

¹⁹ Ср. выше о чеш. *beruška* (букв. 'овечка'), обозначающем и божью коровку и солнышко (хотя и в переносном употреблении).

²⁰ См.: *Budziszewska W. Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1965, s. 160.*

и народном (ср. болгарскую загадку: *Една б о ж а к р а с а в и ц а всичкия свят напълнила. - С л ъ н ц е т о*, откуда 'божья коровка' ≡ 'солнце'), и художественно-литературном (ср. киевское: ... *И пойдём в синь и гать, | Солнце - божью коровку | Аллилуйем встречать...*) - существенно уточняют и семантическую мотивировку обозначения божьей коровки как солнышка (летающее насекомое выпуклой округлой формы, обычно красного или желтого цвета), и то место основного мифа, с которым связан образ солнца-божьей коровки²¹. Конкретно речь идет о сюжете небесной свадьбы, наиболее полно и надежно засвидетельствованном именно в балтийском мифологическом фольклоре²², но известном и по разрозненным свидетельствам других традиций. При этом важно подчеркнуть два обстоятельства, существенно выделяющих балтийскую версию сюжета: 1) участие в ней Громовержца (лит. *Perkūnas*, лтш. *Pērķōns*) или бога, божьего сына (лтш. *Dievs, Dieva dēļs*), соответственно чему иногда появляется не само Солнце (лит. *Saulė*, лтш. *Saule*), а Солнцева дочь²³ (или дочери, ср. лтш. *Saules meita*, лит. *Saulės dukterys* при содержательно и этимологически сходном ведийском образе *Duhitā Sūryasya* 'Дочь Солнца'); при этом орудием наказания изменнику, нарушившему брачный союз, выступает обычно именно Громовержец; 2) нарушителем

²¹ Исходная (базовая) по отношению к этому образу мифологема о солнце-корове достаточно хорошо известна в разных (преимущественно южных) традициях. Ср. древнеегипетскую богиню Хатор (кстати, стоит отметить, что изображение Солнца, поддерживаемого ее рогами, весьма напоминает внешний вид божьей коровки; ср. солнце на рогах небесной коровы в типовых композициях с фараоном; наконец, ср. образ скарабея с солнечным шаром), в связи с которой заслуживает, в частности, внимания столб с двумя головами этой "Госпожи сикоморы" в Дендера, или же "утреннюю корову" (*usriyā gauḥ*), богиню зари ведийскую Ушас, или, наконец, Геру, сохраняющую следы связи как с солнцем, так и с коровой.

²² Ср., напр., тип, представленный такими текстами, как *Rēza L. Lietuvių liaudies dainos*. I. Vilnius, 1958, № 27, 62, 78 или: *Barons K. un Wissendorffs H. Latvju dainas, I-VI. Jelgavā un Petrogradā, 1894-1915, № 33845* (ср. также: *Jonval M. Les chansons mythologiques lettonnes*. Paris, 1929, и др.) Среди славянских версий ср. болгарскую мифологическую песню "Слънчева женитба" и др. О небесной семье и небесной свадьбе см. обстоятельное исследование: *Vičaiš H. Die Himmlische Götterfamilie der Alten Letten*. Uppsala, 1972.

²³ Результатом взаимодействия двух персонажных схем - "Сын бога" и "Дочь Солнца" - можно объяснить образ Сына Солнца, ср. с.-хорв. *сунчевић* (напр., в очень важном фрагменте основного мифа: *Проси С у н ц е за свог С у н ц е в и ћ а*).

брака выступает мужской персонаж - Месяц (ср. лит. *Mėnuo*, лтш. *Mėness*, рус. *Месяц*), а не женский, как это засвидетельствовано большинством традиций (отчасти, между прочим, и балтийскими). Тем не менее, женский персонаж и его "энтомологическая" перекодировка (*сбнечко*, *bože stónčko* и другие обозначения *Coccinella septempunctata*); ассоциируемая с полужителеным началом (божья коровка связана с богом, приносит детей, помогает разыскивать стадо²⁴, предупреждает об опасности, предсказывает человеку урожай, срок его жизни²⁵, покровительствует влюбленным и т.п.), она в известной степени сохраняет следы трансформаций, которые произошли в мифе с отрицательным женским персонажем, изменившим своему мужу Громовержцу. В этой связи характерен и сам мотив (содержащийся, правда, в мифе обычно имплицитно) превращения супруги Громовержца Солнца в солнцеподобное насекомое (божья коровка как "солнышко") при аналогичном мотиве в других традициях, где согрешившая жена

²⁴ Т.е. отчасти дублирует один из основных мотивов, связанных с Громовержцем, - разыскание похищенного стада или жены, уведенных и спрятанных противником бога.

²⁵ Частным, профаническим вариантом этой функции божьей коровки является указание ею часа дня. В эту особенность предсказывать время верят в разных традициях, а в некоторых из них сама божья коровка обозначается как 'часок' (ср. кашубск. *godzinka*, *godzineszka* 'божья коровка'; диминутив от *godzina* 'час', см. ниже) или даже просто как 'часы' (ср. *zégarek* в Сумине под Старогардом на Коцеве). На Кашубшине к божьей коровке обращаются с вопросом о времени (причем само название божьей коровки может не быть связанным с идеей времени, часов): *L ẽ t e w e s z k o, paneweczko, powiédzké mie, jaká to je g o d z i n k a; piérszã, drégã, t'rzecã, czwórtã, piótã, szósfã, sódmã, uósmã, dzewiótã, dzesótã, jednãstã, dwanãstã (Puzdrowo); Jaká to je g o d z i n k a, źle je tu po- ẽ n k o, wiele g o d z i n d o wieczorka; m o r ó w e s z k a, poonies skrzidełeczka i powiédz, jaká godzinezczka; k r ù š k u e, k r ù š k u e, powiec iaká to quozena ie, p o i a u t o p e g u o v a s k r a c a; k r a p ñ i č k e, m o č n i c k e, p r e v c m e i a k a g o z i n a, b o s e k a r u š e k s k r a c a i t. p. См.: Syçhta B. Twórcze zdolnošci językowe Kaszubów (na przykãdziej synonimów biedronki). - JP 38, № 3, 1958, s. 217-218; Idem. Słown. gwar kasz, t. I. Wrocław, 1966, s.v.; AJK, zesz. IV, s. 68-69 и карта 159; ср. также: Labuda A. Słowniczek kaszubski. Warszawa, 1960. В кашубских говорах отмечены также *g'ozinka*, *guezinka*, *g'ezénka*, *g'ożinka*, *gożineška* и даже *guezyna* (AJK, zesz. IV, s. 69); за пределами Кашубщины слово известно из одного коцевского и одного крайняцкого говора. Ср. блр. *Цецер-цечер, ці далёка вечар? Як далёка, то ляці высока, калі блізка, то ляці нізка* (цечер - название божьей коровки).*

превращается во вредоносное насекомое или дает им (комары, москиты, мухи и т.п.) начало: сами же эти насекомые трактуются как "превращенные" дети низринутой жены Громовержца. В этом же контексте нужно рассматривать и о п а л е н н о с т ь божьей коровки, едва спасшейся от небесного огня (ср. популярное детское обращение к божьей коровке в русской традиции: *Божья коровка, Улети на н е б о, Принеси нам хлеба, Черного и белого, Только не г о р е л о г о ...*; ср. блр. *Божая кароўка, паляці на неба, прпрнясі нам хлеба; чорнага і белага, толькі негарэлага...*) при обычном мотиве поражения огнем-молнией жены Громовержца²⁶. Еще очевиднее эта тема наказания огнем выступает в ряде фольклорных текстов (в частности, детских), построенных по следующему принципу: божья коровка, лети домой, твой дом в огне, твои дети горят...; н.-луж. *slyńčko, slyńčko, letkaj domkoj, twoja budka se pali, twoje źižetka plaku* (ср. весьма характерную параллель в связи с темой божьей коровки и солнцева дома - верхнелужицкую формулу *stónčko w boži domčk dže*, о заходящем солнце, при том, что в этой же традиции божью коровку называют *bože stónčko*, т.е. буквально - 'солнце бога'²⁷). Мотив горящих детей²⁸, наказанных за некий грех матери ("несвой"

²⁶ Как показано в другом месте, жена Громовержца в этом сюжете нередко носит "огненное" имя - рус. *Маланья* (в мифопозитической мифологии от *молния*), *Маланьвица*, *Огненная Мария*, болг. *Огняна Мария*, схрв. *Марија огњена* и т.п. В *Марии* сербско-хорватских и болгарских мифологических и ритуальных песен видят Богородицу или Марию Магдалину как хранительниц молнии (Мария Магдалина за непочтение к ее дню, согласно русским данным, наказывает громом). Характерно, что в ряде традиций Илью (как трансформацию бога-Громовержца основного мифа) и Марию (как трансформацию жены Громовержца) почитают в двух идущих подряд праздниках. Дальнейшая трансформация этих персонажей, сохраняющая, однако, мотив о г н я (и воды), - *Иван и Марья* купальских песен.

²⁷ Иначе говоря, эта формула как бы предполагает суммирование разных (но изоморфных друг другу) семантических рядов: 1) "Солнце идет в божий домик", т.е. закатывается, заходит; 2) "божья коровка идет в свой дом (к своим детям)"; 3) "Солнце - жена бога идет в дом (к своим детям)". Вообще тема дома (домка, хатки) божьей коровки принадлежит к числу нередких, ср. блр. *Андрэйка-братка, дзе твая хатка?*; - *Петрык-вэдрык, дэ твэй дом?* и более косвенно: *Пава-пава, калі пагода, ляці ў поля, а дошч сядзі дома* или *Пётра-Паўла, ... Калі дошч, сядзі дома, калі пагода, ляці ў поля* (по данным Л.Ф. Шаталовой, см. ниже).

²⁸ В известном смысле его можно видеть и во многих играх - в г о р е л к и, "в классы" (раньше - "в цари"), ср. такие термины этой игры, как "огонь", "горит", "мак" (как образ огня), и т.п.

дети) или за нарушение запрета, хорошо известен как в ряде версий основного мифа (напр., на Балканах, где обнаруживаются и другие важные параллели в этом же сюжете²⁹), так и в некоторых литературных текстах с мощным архетипическим слоем³⁰. В фольклорных и мифологических текстах этот мотив так или иначе соотносится и с дальнейшими трансформациями жены Громовержца (ср. рум. *Sf. Vineri* 'святая Пятница', продолжающая римскую Венеру, и др.).

Даже если исходить только из тех примеров, что приведены выше (а реально их значительно больше, и некоторые из них весьма убедительны и исключительно широко

²⁹ Ср. "посудную" тему в румынских рассказах о пламени, сжигающем детей (приуроченных как раз к *Sf. Vineri*): *para asea arde copiii mei*, с одной стороны, и мотив перевернутой посуды (*tóte vasele cu gura în jos*, собств. 'вниз ртом'). См.: *Marian S.F. Sărbătorile la români*. București, 1899, p. 295-296; *Свешникова Т.Н., Цивьян Т.В.* К исследованию семантики балканских фольклорных текстов. Румынские тексты о персонифицированных днях недели. - В кн.: Структурно-типологические исследования. М., 1973, с. 206 и др. С этим комплексом, неоднократно выступающим в восточнороманской традиции, связаны и сходные балтийские мотивы. Ср. типовую формулу литовского фольклора: *P e t r ė l i, b ě k, b ě k, tavo vaikai r ě k, r ě k, š a u k š t a i, b l i ū d a i n e t a z g o t i, po suolelio pakavoti!* "Божья коровка, спеша, спеша (собств. беги, беги), твои дети кричат, кричат, тарелки, блюдца не мыты, под лавкой спрячаны!"

Следует напомнить, что в румынском сказочном фольклоре известны сюжеты, связанные с божьей коровкой. См.: *Schullerus A. Verzeichnis der Rumänischen Märchen und Märchenvarianten*. Helsinki, 1928, S. 89 (№ 68: сестра, убитая братом; превращение прекрасной женщины и т.п.), а также: *Marian S.F. Insectele în limba, credințele și obiceiurile Românilor. Studiu folkloristic*. București, 1903, p. 106, 426, и др.

³⁰ Ср. у Анны Ахматовой в стихотворении 1940 г.:

Уложила сыночка кудрявого
И пошла на озеро по воду
.....
Как последнее слово услышала,
Света я пред собою не увидела,
Оглянулась, а дом в огне горит -

и в переключке с этим:

Все ушли и никто не вернулся,
Повинуясь обету любви,
Мой последний я, лишь ты оглянулся,
Чтоб увидеть все небо в крови.

разветвлены³¹, на этом этапе неизбежно заключение, согласно которому божья коровка - не что иное, как "превращенная" жена Громовержца, несущая на себе следы наказания огнем. Такой вывод подтверждается и многими другими фактами. Из них уместно ограничиться рядом диагностически важных женских обозначений божьей коровки, прежде всего ее антропоморфизированных версий. Помимо названных выше наименований божьей коровки, отсылающих к теме божьей матери (ср. *Matki Boskiej krowka* и т.п.), ср. лтш. *mārīte* (при имени *Māra*, в образе которой сочетаются черты жены Громовержца и божьей матери дэвы Мариши³²), лит. *marūtė* и особенно *diėvo marūtė* (букв. 'божья Мариюшка') как обозначение божьей коровки³³; весьма многочисленные кашубские формы - *panna Maryja*, *panna Marianna*, *panka Marianka* (*panna Marija*, *marjanna pan-na*³⁴, *marjanka panka*); *mariana*, *marianka*, *marinka*, *marionka*, *marjuška*, *marineška*, *markeńkifer* (из немецкого); *panna*, *panienka*, *panieneczka* (*pańunka*, *pańanka* и др.)³⁵. Сюда же, в конечном счете, нужно отнести и вторичное обозначение божьей коровки как *mora*, собств. 'чаровница', 'дух', 'мора' (*m^uora* и даже *ora!*), *morówka* (*m^uorufka*, *m^uerėufka*), *moroweczka* (ср.: *moroweczka*, *p^uó-vėc ti m^ue, iako to ie g^uożineška*), *pańenka moroweczka* (отмечена и изолированная лексема *mróvuška*). Основанием для такого отнесения этих форм может служить известное в самых разных традициях притяжение и смешение имени Мариши и имени ее предшественницы (толкуемой позже уже как отрицательный персонаж) Мары, Моры, Марены, Морены и т.п. в ряде общих или достаточно сходных ситуаций. Кроме того, характерно и размещение этих названий: *mora* и *morówka* обнаруживаются не посредственно к западу от основного массива форм типа *mariana*, *panna*

³¹ Ср. богатый материал в монографии: *Backman E. Jungfru Maria Nyckelpiga*. Stockholm, 1947; ср. также: *Holsten R. Coccinella septempunctata im pommerschen Plattdeutsch*. Pyritz, 1914; *Hinze F. Pomoranische Bezeichnungen des Marienkäfer im hinterpommerscher Plattdeutsch*. - *ZfSl*, 1964, Bd. 9, Hf. 3, есть сведения о том, что В. Важным была подготовлена монография о божьей коровке.

³² См.: *Blezaïs H. Die Hauptgöttinnen der alten Letten*. Uppsala, 1955; *Idem. Die himmlische Götterfamilie...*

³³ Ср.: *Diėvo marūtė bėga man per ranka*. К связи с богом ср. формульное обращение (просьбу): *M a r y t, m a r y t, skrisk pas diė v a!* См.: *LKŽ 7*, p. 863 (словом *marūtė* обозначается и растение *Chimaphila umbellata*).

³⁴ Возможно, под влиянием этой формы могло возникнуть единичное *anna panna*. - Показательны некоторые румынские названия божьей коровки этого же типа: *Măriuța*, *Măriuța popei*, *Măria popei*, *Mămăruța* и др. См.: *Marian S.F. Op. cit.*, p. 107.

³⁵ См.: *AJK, zesz. IV*, s. 69-70, карта 159; *Sychta B. Op. cit.*, p. 218-219.

Maryja, panienska, как бы продолжая его³⁶. В свою очередь непосредственно к западу от ареала *mora*, *morówka* (а именно в pow. Bytów и Chojnice) обнаруживаются формы, которые или в звуковом, или в содержательном плане ориентируются на *morówka* (*moróweczka*); ср., с одной стороны, *borówka, boróweczka, boroweczka, borowiczka* и под., а с другой — *borowa matka, borowa matynka, borowa matyneczka, borowa matuszka*, даже *borowa ciotuszka* (отмечено и *borowa krówka*)³⁷, ср. блр. *буроўка*. "Материнская" тема продолжается и в других наименованиях божьей коровки в Кашубшине и соседних с нею территориях, ср.: *matynka, matyneczka, matyniczka; matuszka kruszka, matka kruszka* (при *kruszka* и *kruszka muszka*), также отмеченные в pow. Chojnice. Следовательно, данные Кашубского атласа показывают компактность и непрерывность той зоны, где божья коровка обозначается как женщина-мать (иногда с уточнением имени), см. карту. Более того, при единстве (или однообразии) семантических мотивировок обозначения божьей коровки в этой зоне она весьма сильно дифференцирована в отношении лексем, которые реализуют сходную семантическую схему. В этом отношении указанная зона (Кашубщина и pow. Starogard Gdański, Tuchola, Tczew) образует резкий контраст по отношению к прилегающей к ней с юго-востока обширной, но малодифференцированной (в основном *biedronka*) зоне. Кодирование названия божьей коровки через имя Марии или Девы (в частности, через принадлежащих ей животных) наблюдается и в других языковых традициях; ср. нем. *Marienkäfer, Marienkäferchen, Marienwürmchen* (возможно, влиянием подобных названий объясняется н.-луж. диал. (Błota) *marijka*), схрв. и макед. *бубамара*, толкуемое иногда как 'червь

³⁶ При этом примеры с *mora* занимают южную часть пояса (pow. Tuchola, Sepólno Krajeńskie, Starogard Gdański), а примеры с *morówka* — северную часть (pow. Bytów, Kościerzyna, Kartuzu и даже Puck, ср. Ястарню).

³⁷ См.: АЖК, zesz. IV, s. 74-75; *Sychta B. Op. cit.*, p. 218. — Любопытно свидетельство о духе-охранительнице Тухольских Боров по имени *Borowa Ciotka*. Она занимает одно из первых мест в тухольской демонологии, охраняя леса как от грозы, бури, вихря, так и от людей, наносящих урон лесу или его обитателям (особенно птицам); последних она наказывает, насылая на них комаров (*kośmigów*), ос и даже змей. Эти особенности Боровой Тетки в точности совпадают с анализировавшимися ранее (в частности, в сибирских и америндских традициях) чертами наказанной жены бога (Громовержца), свергнутой на землю.

В той или иной степени полезно учитывать и белорусские названия божьей коровки с корнем *бур-*: *мур-,* хотя они непосредственно и не связаны с указанными польскими. Ср. блр. *буроўка, кароўка-буроўка, бурка-кароўка, каровка буренька, буринка, кароўка-муроўка, коровушка-муровушка, кароўка-мугоўка* и др.

Марии' (ср. также макед. *божја бубалка*)³⁸, алб. *puļe Shën Mëris* или же итал. *bestia della Vergine*, англ. *lady-bird, lady-bug* и другие примеры, в которых божья коровка дается в христианизированной перекодировке, соотносясь с Богоматерью (*implicite* женой бога³⁹). Здесь же должны быть названы и другие женские ипостаси божьей коровки. Речь идет о таких обозначениях *Coccinella septempunctata*, как лит. *katrytė* (букв. 'Катеринушка'; ср.: *Maryt, katryt, kada bus pagada?* LKŽ 7, p. 863)⁴⁰ или польск. *katrynka*, засвидетельствованное в АЖК дважды (*Strzelczyki, pow. Chodzież, woj. Poznań* и *Mieczkowo, pow. Szubin, woj. Bydgoszcz*), но частое в широком кругу великопольских говоров⁴¹. Эти названия показательны, между прочим, и в том отношении, что соответствующее женское имя Катерина (наряду с *Марина-Мария*) обычно носит змея, к которой обращаются в заговоре⁴². Человеческое имя змеи (как и божьей коровки) проще всего объясняется тем, что змея и есть "превращенная" жена Громовержца (как это реально засвидетельствовано целым рядом мифопоэтических традиций); ср. и другие "именные" обозначения божьей коровки: лит. *barbūtė* (при *Barbora*), вероятно, *borūgė*, может быть, и некоторые славянские названия, несомненно, подвергшиеся разным влияниям и перестройкам (ср. блр. *бобруніца*, укр. *бобруна, бобрунка* и т.п., о чем см. ниже).

Осмысление названий божьей коровки как женских имен не только отсылает к соответствующему женскому персонажу основного мифа, но и способствует возникновению "мужских именных" обозначений этого насекомого. Достаточно назвать ряд лексем, распространенных в довольно компактном литовско-белорусском ареале. Речь идет о таких названиях, как лит. *petrėlis (petrėle), petronėlė, petriškėlė* (славянское заимствование) и т.п. или блр. *пэтрык, пэтрык, пятрох, пятрук, пятрусць, пэтрыя, пятро, пятро, даже пэтра-паўла* и многочисленные и по-разному гибридизированные формы типа *пэдрык, вэдрык-пэдрык, пэтрык-ведрык, пэдорка-едорка, цэдрык-пэдрык, подэрко, фэдарка, фэдорко, фэдрык, хведарка, бэдрык, вэдрык,*

³⁸ См.: *Budziszewska W. Op. cit.*, s. 160.

³⁹ Очевидно, в силу сдвига: мать бога + мать детей бога и, следовательно, жена бога.

⁴⁰ Лит. *katrytė* используется и в народной ботанической номенклатуре (LKŽ 5, p. 414), обозначая, в частности, болотную незабудку.

⁴¹ См.: АЖК, zesz. IV, s. 75 и карта 159, а также картотеку "Słownika gwar polskich" в Кракове.

⁴² Ср. рус.: *ти Марина, ти Катерина...* или лит. *Maryt, Katryt...*; ср. формульное: *Toje gūžtoje trys slūgos: Karalina, Katrina, Marcelina...* при обращении к божьей коровке типа *Marele, Katrele, pasakyk, kada bus lietus?* (см.: *Lietuvių tautosaka*, т. 5. Vilnius, 1968, p. 918, № 9421; ср. p. 896, № 9291 и др.).

бооржк и т.п.⁴³ Указанный ареал отчасти продолжается и на территории Польши. Во всяком случае, мазурск. (вельнск.) *patrunelka* (ср. Ном. пропр. *Petronela*), малопольск. диал. *petruska*⁴⁴ (ср. название растения *pietruszka*; такого рода омонимия отмечена и в лит. *petrėlė*, *petruškėlė*) и отмеченные на границе крайняцких и северновеликопольских говоров формы *patronka* (*patronka*, *patronka*), *patroneczka* (к зап. от Быдгощи)⁴⁵, известны также в ряде говоров Великопольши, Силезии и южной Малопольши⁴⁶. Разумеется, роль основного обозначения божьей коровки *biedronka* в возникновении и/или консервации подобных форм беспорядочна; более того, в ряде случаев (ближе и конкретнее, однако, не определимых) именно *biedronka* могло стать источником для *patronka* и т.п. И, однако, для всего массива приведенных форм — как польских, так и тем более белорусских и литовских, — основным источником является, несомненно, имя *Петр*. Его использование в наименованиях *Coccinella septempunctata*, как и в названиях растения петрушки (ср. рус. *петрушка*⁴⁷, лит. *petrāžolė*, т.е. 'трава Петра', *petrėlė*, лтш. *pētersīlis*, нем. *Petersilie*, лат. *petroselinum*, др.-греч. *πετροσέλινον* и т.п.), и ф о л о г и ч е с к и о б у с л о в л е н о тем, что Петр, Петрушка (+ петрушка как сниженный образ Петра — растение и кукла) — поздняя трансформация образа младшего сына Громовержца (и, следовательно, его жены, превращенной в божью коровку, чье имя как раз и кодируется элементом *petr-*(:*Petr-*)⁴⁸. Не случайно поэтому наличие в балтийских и славянских языках лексем с корнем *petr-*, обозначающих обе сниженные ипостаси младшего сына Громовержца — и божью коровку и пет-

⁴³ Подробно см.: Шаталова Л.Ф. Назва "божя кароўкі" (*Coccinella septempunctata*) у беларускіх гаворках. — В кн.: 3 жыцця роднага слова. Мінск, 1968, с. 166-178; ср. также: Трубацев О.Н. Лит. *petrėlė* 'божья коровка' — словообразовательно-семантическая калька блр. *пэтрык/пятрок/пятрук/пятрусць* 'божья коровка'. — В кн.: Этимология 1975. М., 1977, с. 12.

⁴⁴ См.: *Budziszewska W.* Op. cit., s. 159.

⁴⁵ См.: *AJK, zesz. IV, s. 75* и карта 159; комментатор лишь отчасти прав, рассматривая эту форму как "ewentualnie wukolejenie nazwy *biedronka*, być może pod wpływem wielkopolskiej *katrynki*". Здесь, как и в ряде других случаев, недооцениваются, так сказать, "петроцентричные" формы.

⁴⁶ См.: *Karłowicz J. Słownik gwar polskich, t. I-VI. Kraków, 1900-1911, s.v.*; ср. также картотеку "Słownika gwar polskich" в Кракове.

⁴⁷ Ср. такую ошибочную польскую форму, как *piotruszka*, ценную в том отношении, что она отчетливо ориентирована на Ном. Пропр. (правильная форма — *pietruszka*).

⁴⁸ Подробнее об этом см. в статье автора: Заметки о растительном коде основного мифа (*перец, петрушка* и т.п.). — В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1977, с. 196-207.

рушку⁴⁹. Наконец, показательное наличие таких параллельных текстов, как:

Б о ж а я к а р о ў к а,	П я т р у, П я т р у,
	П я т р у ш а ч к а,
Д з е м а я с в я к р о ў к а?	А д з е м а я д у ш а ч к а?
Ц і ў л е в ы м б а к у,	Ц і ў л е в ы м б а к у,
Ц і ў п р а в ы м б а к у,	Ц і ў п р а в ы м б а к у,
Ц і ў ж о ў т ы м п я с к у?	Ц і ў ж о ў т ы м п я с к у? ⁵⁰

Даже такое, казалось бы, искусственное и во всяком случае вторичное название божьей коровки, как блр. *петра-паўла*, посредством элементов христианского словаря⁵¹ моделирует ту д в о й с т в е н н о с т ь (сомнительную парность), которая неотделима от разных трансформаций потомства Громовержца и его жены (ср. *Иван да Марья* как персонажи купальских празднеств и как парный цветок, в который они были обращены за нарушение запрета — инцест; см. выше о Петре и петрушке), в частности, как можно судить по некоторым намекам, и от божьей коровки. Впрочем, существуют и другие названия этого насекомого, в основе которых находится мужское имя. Речь идет о блр. *андрэйка*, *андрушк*⁵², нередко фигурирующих в детских обращениях к божьей коровке (*А н д р э й к а - к а л о д а*, |*што заўтра будзе*, |*Дождж ці пагода?*|*Бэ-э-э; А н д р э й к а - б а ж о к*, |*Ляці ў той бачок*, |*Паптайся ў бога*, |*што заўтра будзе*|*Дождж ці пагода?* и др.)⁵³. Сам выбор одного элемента из двух (дождь или ведро), как и обращение *Андрэйка-братка* (№ 633), выступает как способ реализации начала двойственности в образе божьей коровки.

Можно высказать предположение, что пара Громовержец-его жена из основного мифа отражена в преобразованном виде в гаданиях, в вопросах о женихе или невесте, о будущем браке и т.п., с которыми обращаются к божьей коровке. Ср. блр. *Пятро, куди я замуж пайду?*; — *Петра-Паўла*,

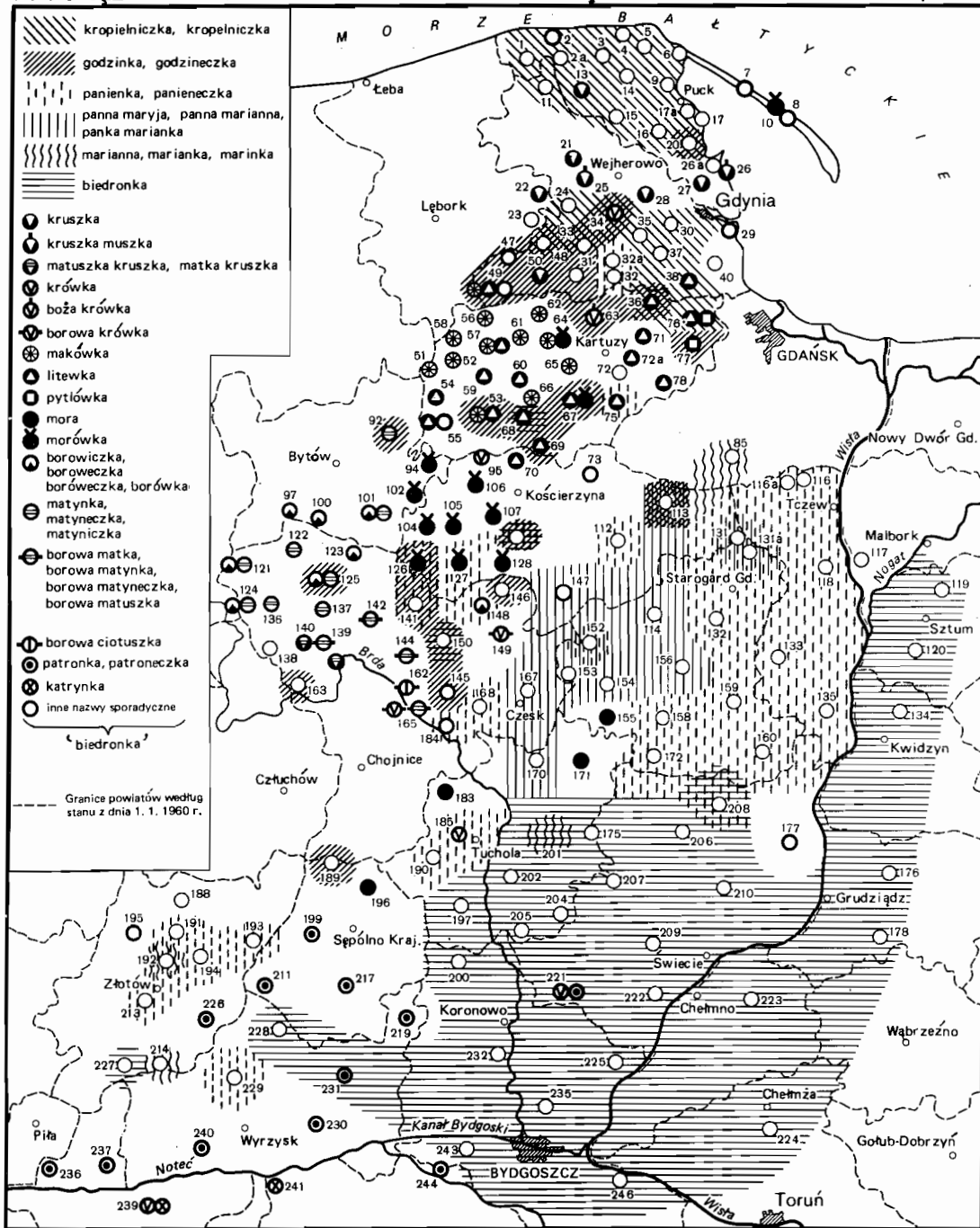
⁴⁹ Об этом следует помнить и при решении вопроса о том, является ли лит. *petrėlė* 'божья коровка' калькой, и если является, то какая форма (источник) калькировалась.

⁵⁰ См.: *Беларуская народная творчасць. Дзіцячы фальклор. Мінск, 1972, с. 368-369, № 646-647.*

⁵¹ Эти элементы составляют единство, п а р у, но сами по себе они в известном отношении разнонаправлены (ср. нем. *dem Peter nehmen und dem Paul geben; Ich bin Peter, du bist Paul...* и т.п.). — С этой парностью связан, видимо, и мотив б р а т а, нередко выступающий в названиях божьей коровки или в обращениях к ней, ср., напр.: *Братка-Кандратка; - Ядзерка, мой мілі брацейка...*; — *Андрэйка-братка; Иванька-братка* и др.

⁵² См.: *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча, т. I. Мінск, 1979, с. 81.*

⁵³ См.: *Беларуская народная творчасць, с. 364-365, № 630-633. К разнице между божьей коровкой и андрейкой см.: Шаталова Л.Ф. Указ. соч., с. 171.*



скажи праўду, скажи мне, дзе мой мілі, у якой старане? — Пэтрык пасадыць на руку і паказваюць направа і налева, у які бок палляціць, у той бок замуж выйдзе; — Пэтрык-Пэтрык, дзе мой жаніх? У той бок палляціць, значыць, там ён; — Пётрашка, скажи мне праўду, дзе мая мілашка, у якой старане?; — Пятрушачка, дзе мая душачка, ці ў левым баку, ці ў правым?; — Пэтрык-Пэтрык, дэ мый замуж: чи в тым боці, чи в гэтым?; — Пэтрык, скажи, дэ мый жнінх, чи в том боці, чи в тым?...; — Андрэйка, ляці на краёк, дзе мілі дружок; — Клемка-Клемка, дзе мая дзеўка, у якім баку, ці ў тым, ці ў тым, ці ў тым...; — Зозулька-зозулька, дзе мая жонка? Ці ў том боці, ці ў том, ці ў том... Ці на небе, ці на земле?; — Чыбрушка-чыбрушка, дзе мая молодушка, чи на світи жывэ, чи в могилі гние...; — Андрэйка-рабачок, скажи, дзе мой мужичок?; — Пятрушачка-душачка, дзе мая маладушачка... и т.п. (Шаталава Л.Ф. Указ. соч., с. 168-173) и даже: Божая кароўка, дзе мая свякроўка? при Божая кароўка, ляці ў той бачок, дзе мой мужичок (сходные вопросы иногда имеют и других адресатов: Ты залай, залай, собачка, залай серенький волчок, ты залай в тую сторонку, где мой миленький живет).

Тема детей божьей коровки (как трансформации наказанной жены Громовержца), не только возникающая при реконструкции, но и нередко даваемая открыто (ср. о божьей коровке: Там т в о и д е т и | На повети, | В красних рубашках, | В беленьких порточках... и т.п.⁵⁴), обычно развивается в одном из двух планов. П е р в ы й из них

⁵⁴ См.: Кудрявцев А.В. Детские игры и песни в Нижегородской губернии. — В кн.: Нижегородский сборник, 1871, т. IV, с. 218. Часто д е т и божьей коровки находятся на н е б е; ср. блр.: Божая кароўка, палляці на н е б к а. Там твае д з е т к і кушаюць катлеткі, п'вам запіваюць, хлебам заядаюць; — Ядзерка, ядзерка, б о ж а я д з і ц я т к а! Палляці на н е б а, прынясі нам хлеба; — Божая кароўка, ты ляці на н е б к а, там твае д з е т к і кушаюць катлеткі. Усім раздаюць, а табе не даюць и т.д. (см. Беларуская народная творчасць, с. 366 и след.); ср. также Андрэйка, ляці на неба, прынясі ад Бога хлеба или даже Божая кароўка! Палляці на неба, дам табе я хлеба и т.п. Сходные варианты есть и в русском детском фольклоре, хотя чаще мотив полета на небо за хлебом (полети на небо, принеси нам хлеба!) не сопровождается мотивом детей; иногда просьба ограничивается молоком, как в блр.: Кароўка-мугоўка, дай малачка и т.п. Но в ряде случаев нахождение детей божьей коровки неизвестно: Фэдрік, фэдрік, дзе твае д з е т к і? Куды палляціш: ці ў высокія горы, ці ў глыбокія н о р и? (там же, с. 336, № 638); к теме д е т е й ср. также: Пётрачка, дзе маё дзіцятка? — Клямук-Клямук, дзе мой дзяцюк?; — Дзенчик-дзенчик, дзе мой маладзеньчик? и др. (Шаталава Л.Ф. Указ. соч., с. 170-171).

актуализирует образ детей Солнца (ср. укр. *сбнечко* 'божья коровка' и т.п.), воплощающихся (или соотносенных) в днях недели, с е д ь м о й из которых отмечен: в о с к р е с е н ь е как день Солнца (ср. англ. *Sunday*, нем. *Sonntag* и т.п., т.е. 'Солнца день') при обозначении в ряде традиций четверга как дня Громовержца (ср. англ. *Thursday*, нем. *Donnerstag*, лит. *Perkūno diena*⁵⁵, полабск. *Perdunedan* и т.п.)⁵⁶, а пятницы как дня жены Громовержца (ср. Пятница — русск. *пятница*, франц. *vendredi*, румынск. *vineri* от имени Венеры, англ. *Friday* и т.д.) — в соответствии с мотивом, согласно которому лишь последний из с е м и детей спасся, в о с к р е с (:воскресенье), включившись в цепь рождений и смертей (ср. частое обозначение дней недели по счету по принципу: первый, второй, третий, ... седьмой, как и аналогичное обозначение пальцев, также соотносимых с образами детей Громовержца, ср. *мальчик-с-пальчик, мизинец* как образ последнего, самого маленького сына бога⁵⁷). В высшей степени характерно, что и в связи с божьей коровкой возникает тема дня Громовержца — ч е т в е р г а; ср. блр. *Колода-колода. коли будэ погода? Як тпер,*

⁵⁵ Ср.: *Ketvirtasdienis yra savaitės vidurys, todėl ta diena yra paskirta Perkūnui; Perkūno diena, ketvirtadienį, vestuves gerai daryti* и т.п. См.: *Balys J. Perkūnas lietuvių liaudies tikėjimuose*. — In: *Tautosakos darbai*, III. Kaunas, 1936, N 1072-1073.

⁵⁶ Иногда четвергу соответствует и женский персонаж — ср. румынскую *Joi-mariță (Joi-mari 'Великий четверг')*, т.е. 'Четвергица'; см.: *Șainėnu L. Basmele române*. București, 1895, p. 986; *Muglea I. Cercetări folklorice în țara Oașului*. — *Anuarul archivei de folklor*, 1932, I, N CCCXXIV; *Свешникова Т.Н., Цивьян Т.В.* Указ. соч., с. 200 и след.

⁵⁷ Между прочим, пальцы, как и дни недели, могут носить особые имена, ср. лтш. *garā Mārīte 'средний палец'* (букв. 'длинная Мариюшка', ср. выше о построенных по этому типу названиях божьей коровки). Вместе с тем по дням недели могут обозначаться и коровы (ср. их включенность в основной миф; в частности, найденные и отобранные Громовержцем у его противника коровы вновь пересчитываются; ср. выше "пересчет" часов в обращениях к божьей коровке с вопросом о времени). Ср.: *Zemzare D. Par govju vārdiem latviešu valodā*. — *Baltistica*, 1971, VII(2), 1. 189 и след.; *Eadem. Pirkstu nosaukumi latviešu valodā*. — *Ibid.*, 1972, VIII(1), 1. 63 и след. — В контексте сказанного трудно сомневаться, что и русская детская игра "Сорока" (или "В пальцы") не что иное, как вырожденная версия основного мифа. Ср. особенно (при пересчете-переборе пальцев): *Сорока, сорока! | Где была? — Далеко; | Кашку варила | ... | Каша п р и г о р е л а | И этому дала! | И этому дала, | И этому дала, | ... | (схватив мизинец) А т и м а л м а л ё н е к | Ты дров не носил, | ... | Нет тебе ничего и т.п.*

то лети, як в ч и т в э р, то сиди; - Питро-Питро, ку-ли будэ тпало? Чи зовтра, чи тпалэр, чи в вуеторок, чи в ч и т в е р (ср., видимо, вторичный вариант: Пэтрик-Пэтрик, коли будэ тпало, чи ў нэдлію, чи ў суботу, коли пидэм на работу). В т о р о й план предполагает подчеркивание мотива н а к а з а н и я о г н е м д е т е й б о жьей коровки (: жены бога), которых семеро (как и дней недели) по числу пятнышек на спинке божьей коровки (ср. такие ее обозначения, разумеется, книжно-го характера, как лат. *Coccinella septempunctata*, нем. *Siebenpunkt*, лит. *borūžė septuntavkė*, чеш. *sluníčko sedmítečnė* и т.п. - с мотивом семи пятнышек, точек)⁵⁸. Каждое из семи пятнышек - прокол (лат. *punctum* совмещает в себе значение т о ч к и и у к о л а, ср. франц. *point* и т.п.)⁵⁹. На этом основании, в частности, можно поставить вопрос о реконструкции мотива последовательного наказания всех семерых детей Громовержца (каждый день по одному сыну в течение всей н е д е л и). Похоже, что наказание каждого сына (соответственно - каждый день недели) приводило к появлению новой "точки" (пятнышка) на матери этих сыновей, т.е. на божьей коровке. В этом отношении весь мотив может быть в известной степени соотнесен с историей последовательного поражения сыновей Ниобей (в версии Еврипида их было с е м е р о - как, впрочем, и семеро дочерей⁶⁰) с т р е л а м и Аполлона. Очень вероятно, что идея п р о к о л а, уда-ра мотивирует одно из бесспорно праславянских навваний

божьей коровки - *bedronka/*bedrenka/*bedrunka/*bedrunica, в основе которого лежит Adj. *bedrъ, произведенное с помощью элемента -r- от глагольной основы *bed-/*bod- 'колоть' (*bodo, *bosti)⁶¹. Наиболее надежные продолжения этой праславянской лексемы обнаруживаются в западнославянских языках. Речь идет о польск. *biedronka*, *biedrzonka* (ст.-польск. *wiodrunka*) и других формах, главным образом из южной и центральной Польши, в меньшей степени из северо-западной⁶², словинск.-поморск. *bjedronka*; чеш. *bedruňka*, диал. *bedrunka*, *berunka*, *verunka*; слвц. *bedrunka*; укр. *бедрик*, *бездрик* (ср. *бедрак*, о личинке майского жука); блр. *бедрик*, *бэдрик*, *бедарка* и т.п. (см. выше)⁶³, не говоря о других формах, прочно вовлеченных в поле имени *Петр* или же ориентирующихся на комплексы *bobr-* : *babr-*⁶⁴.

Оба указанные выше плана, естественно, соотносятся с тем, что известно о детях Громовержца по "отцовским" версиям мифа и сложившимся на их основе устойчивым представлениям, которые уже вполне оторвались от своих источников. В этой связи достаточно напомнить хотя бы такие типовые схемы, как: *Perkūņų yra septyni. Jie pasiskirsto darbus: vienas pirmadienį, kitas antradienį, trečias trečiadienį...* "Перкунасов (т.е. детей Перкунаса) с е м е р о. Они

61 См.: Этимологический словарь славянских языков, вып. I. М., 1974, с. 180-182. Ср. с. 181: "Применительно к случаю названия насекомого *Coccinella septempunctata* мы имеем право говорить о конкретной реализации значения 'наколотый', "punctatus", ср. такую броскую особенность божьей коровки, как несколько точек на жестких надкрыльях, что отмечено и латинским научным термином *septempunctata* 'покрытая семью точками". Другие этимологии (напр., *Lunt H.G.* - *Language* 29, 1953, p. 131-133; *Sadnik-Aitzetmüller*. Vgl. Wb. 4, S. 262-263 и др.) менее убедительны. Связь с названием овцы (чеш. *beruška*: *beran*), подкрепляемая известным рядом семантических параллелей, предлагается в словаре: *Stawski I*, s. 32. Как бы ни относиться к этой этимологии, но польск. диал. *biedr-ona*, *biedr-awa*, *biedr-ula* 'krowa pstra; szeregowa; biała na grzbiecie' ставит серьезный вопрос перед исследователями.

62 Заслуживает внимания отмеченная АЖК, *zesz. IV*, s. 70 форма *biedruška*, в которой комментатор видит комбинацию двух лексем - *biedronka* и *kruška*.

63 См.: *Кравчук Р.В.* - *Беларуская лексикалогія і этымалогія*. Мінск, 1968, с. 85; *Шило Г.Ф.* Названия божьей коровки в украинских говорах. - В кн.: *Советские по общеславянскому лингвистическому атласу* (Одесса, 4-7 июня 1969 г.). М., 1969, с. 37 и др.

64 Ср. слвц. диал. *bobrunka* 'божья коровка', *bobruna*; укр. диал. *бобрунка*, *боборунка*, *бобруница*, *бобруна*, *бобруська*; *бобруна*, *бобруська* (см.: *Кравчук Р.В.* - *ВЯ*, 1968, № 4, с. 124: против связи с *бобрати*), блр. *бобруница*.

58 Факт поражения детей Громовержца (или обращения их в насекомых) "в первоначальные времена", отраженный в основном мифе, имеет своим следствием ("обратным") категорический запрет - в самых разных традициях - убивать божьих коровок: *Zabic božę krowką to wi a l g i g r ě s ě h* (см.: *Sychta B.* *Op. cit.*, s. 217). Подчеркиваемая в некоторых названиях божьей коровки ее р я б и з н а может рассматриваться как след наказания (ср. блр. *андрэйка-рабачок*, *пумпарушка-рабушка*, *бабушка-рабушка*).

59 Имея в виду сказанное выше о теме петрушки, ср. характерное ее название в румынском - *pătrunjel* при имени *Petru* и *pătruns* 'проколотый', 'прозенный'.

60 К различению "мужской" и "женской" семерки ср. "мужской" и "женский" принципы обозначения божьей коровки, соответственно - "Петр" и "Мария", что подтверждается не только приведенными выше разрозненными примерами, но и целыми текстами, где оба элемента (мужской и женский) выступают совместно. Ср., напр.: *пастух*, посадив на руку божью коровку (*pasidėję Marytę/dievo karvytę/ant rankos*), произносит: *M a r i š k ě l e*, *P e t r i š k ě l e*, *ar dar toli pietūs* (если божья коровка улетает далеко, то и обед не скоро; если она улетает недалеко, то обед скоро). Или же: - *M a t i u š k a b a t i u š k a*, *kur lėksi*, *kur slėpsies?*... (к божьей коровке). См.: *Lietuvių tautosaka*, t. 5, p. 919, № 9424, 9428.

распределяют себе труды: первый - понедельник, второй - вторник, третий - среду (букв. - третий день)... или же: Perkūnai yra septyni. Pirmas Perkūnas yra nesmarkus... o septintasis Perkūnas yra labai smarkus, vyriausias ir smarkiausias "Перкунасов семеро. Первый Перкунас несильный..., а седьмой Перкунас очень силен, старший и сильнейший"⁶⁵. Есть все основания считать, что именно седьмой сын отмечен особо: самый младший (иногда даже с чертами уродства), он один выдерживает испытание огнем и водой, насылаемое его отцом, и оказывается "своим" сыном Громовержца. Именно с ним и связывается отныне идея вечного возвращения, воскресения, богатства, прямая линия преемственности с Солнцем, его матерью (прошедший испытание через смерть сын как бы искупает грех матери). Воскрешенный к жизни младший сын теперь именуется "солнышко" (см. выше)⁶⁶. Но он одновременно и сын своего отца: поэтому ему не чужды стихии огня и воды, тепла и холода, и он, естественно, связан с хорошей и плохой погодой. Не случайно, что самый частый вопрос, задаваемый божьей коровке, относится к погоде - дождь или вёдро (погода). Ср. лит.: *Dievokarvute, ar rytoj bus šilta dienutė?*; - *Maryte, maryte, ar lietus, ar pagada? Jei lietus - tupāk, jei pagada - sparvą jūk*⁶⁷; - *Maryt katryt, kada bus pagada?*; - *Petronėlė, petronėlė, kimet būs lytavis?* и т.п.⁶⁸; блр.: *Божая кароўка, што заўтра*

⁶⁵ См.: *Valys J.* Op. cit., № 394-395 и др.

⁶⁶ В качестве параллели ср. ведийского *Mārvāṇḍa*, букв. 'из мертвого яйца (рожденный), седьмого из Адитьев, ставшего солнцем'.

⁶⁷ См.: *Lietuvių tautosaka*, т. 5, р. 918-919.

⁶⁸ В этом контексте, возможно, получает объяснение и укр. *бёдрик* 'Coccinella', как и другие слова того же корня и того же значения. Уместно напомнить, что *бёдрик* связан с богом и сочельником, т.е. стыком старого и нового года (ср.: *Дай боже й на бедрик!* или *Щедрик - бедрик! дайте вареник!* - при *Щедрий вечер* как обозначение кануна нового года). То, что божья коровка оказывается приуроченной к основному празднику годового цикла, чрезвычайно симптоматично. Наличие же варианта с начальным *в-* (*вёдрик*: *бёдрик*; ср. кашубск. *wiodro*: *biodro* "ładna pogoda, drgające rozgrzane powietrze"; см.: *AJK, zesz. 1*, карта 6; *cz. 2*, s. 45-46) помогает, видимо, установить связь с обозначением ясной (хорошей) погоды, ср. укр. *вёдро*, рус. *вёдро*; болг. *вёдър*, скрв. *вёдър* 'ясный', словен. *védar* 'веселый'; чеш. *vedro*, в.-луж. *wjedro*, н.-луж. *wjadro*, польск. *wiodro* (ср. *wiodzinka* 'Ornithogalum umbellatum'), полаб. *vedrū* 'погода', 'солнце' и т.п. (к кашубск. *wiodro*/*biodro*, ср. нем. *Wetter* и т.п. в значении 'ясная погода').

будзе - дождж ці пагода, пень ці калода? Пагода - ляці, дождж - сядзі; - Гнілая калода, ці будзець заўтра пагода? Калі будзець - адгукнісь, а не будзець - заікнісь! (ср. блр. калода как обозначение божьей коровки); - *Калода, калода, ці будзе пагода? Як цяпер, то пушчу, а заўтра, то забю; - Колода - молода, ці пень, ці колода, си пагода, то пушчу, си нигода, то забю; - Ядзерка, ядзерка, калі будзе сонейка? Калі будзе, то пушчу, а не будзе, то забю (к божьей коровке); - Ядзерка, ядзерка, паляці да бога, папятайся ў бога, што заўтра будзе - дождж ці пагода?; - Зозуля-зозуля, еси будэ пагода, то пушчу, еси ни будэ, то забю; - Пава-пава, калі пагода, ляці ў поля, а дошч, сядзі дома; - Пятро-Пятро, коли будэ тупло? Коли зимно, то сиди, коли тупло, то лети; - Пятро-Пятро, кулі будэ тупло?...; - Пётра-Пайла, скажи праўду, што заўтра будзіць: дошч ці пагода?...; - Андрэйка-калода, што заўтра будзе, дошч ці пагода? Бз-з-з...; - Андрэйка-калода, куди паляціш, уніз, ці ўгору, на дошч ці на пагоду?; - Пётрыку-Пётрыку... чи зовтра пагода, ек пагода, то пушчу, ек нигода, то забю; - Пётрычку-Пётрычку, пень ці колода? Шо зовтра будэ, слота чи пагода, як пагода, то пушчу, як слота то забю; - Вэдрик, пень чи колода? Коли будэ пагода? Як тупэр, то пусцю, як ўзавтра, то забю; - Вэдрик-вэдрик, чи пень, чи колода? Си пагода, то пушчу, си нигода, то забю; - Хвэдорко-вэдорко, чи пень, чи колода, сэ пагода, то пушчу, сэ нэгода, то забю; - Вэдріку-вэдріку, як полэтиш, то дождж будэ, а як нэ, то сонцэ; - Бобрик, бобрик, чи будэ пагода, чи нэ?; - Каровка-буренька, куди паляцела, калі ўгору, на пагоду, калі ўніз, то на дошч и др.; ср. также зап.-укр. *Мушка-мушка-папарушка! Лети до бога звуден понеси студынь, а вўдти принеси тепло* (интересное такое название божьей коровки, как *пагодка-ягодка*) и т.п.⁶⁹ Наконец, существуют еще некоторые детали, связанные с обозначениями *Coccinella septempunctata*, довольно непосредственно отсылающие к основному мифу. В одной из работ было показано, что в русском фольклоре, фразеологии и идиоматике имя *Сидор* выступает в связи с персонажем, являющим вырожденный образ Громовержца (*Сидор Карпович*, ср. *Сидорова коза*, *Сидор-Марья*, *Сидорка да Марычка* и т.п.). В этом контексте такие названия божьей коровки, как блр. *сидорко-пидорко*, *сидорко-хвэдорко*, *пэдурка-сэдурка*, конечно, прямо отсылают к *Сидору* как продолжению главного образа мифа. По-видимому, сходная ситуация обнаруживается и в связи с женским именем как обозначением божьей коровки. Укр. *папарушка* (*Мушка-мушка-папарушка! Лети до бога...*), *папаруза*, как и такие румынские названия божьей коровки, как *рăрărie* (Трансильвания), *рăрărie*, *рарărie*, *рарărigă* (Банат), *рă-**

⁶⁹ См.: *Беларуская народная творчасць. Дзіцячы фальклор*, с. 363-369, № 625-647; *Шаталава Л.Ф.* Указ. соч., с. 168-173; *Верхратський І.* Знадоби для пізнання угорсько-руських говорів. Львів, 1899, и др.

păruză, pararugă, părăluză, biburuză (Венгрия) и некоторые другие, встречающиеся, в частности, и в фольклорных текстах, сопоставимых со славянскими (ср., например, *Rugă, rugă, pararugă, în cotro to veî sbură, în colo mîii însură*, т.е. "Руга, руга, папаруга (божья коровка), куда ты полетишь, там мне жениться") находят прямое соответствие в балканских названиях основной участницы ритуала вызывания дождя, девочки, как бы обручаемой Громовержцу Перуну (**Per-un-: *Par-un-* и под.), ср. болг. *пеперуга, перперуга, пеперунга, пуперунга, пемперуга*, рум. *părărugă, părălugă* и т.п. Таким образом, *сидорка*, с одной стороны, и *папарушка, părărugă*, с другой стороны, в сумме с точностью до имен синтезируют вырожденную божественную пару основного мифа.

Выше было показано, как на основе текста, записанного энтомологическим кодом, реконструируются существенные черты основного мифа. По сравнению с наиболее представительными сюжетными версиями и реконструкциями "энтомологическая" версия обладает одной характерной чертой - отрицательный персонаж, столь ярко и эмоционально описываемый в соответствующих текстах балтийской традиции (а отчасти - и славянской, прежде всего белорусской), здесь оказывается предельно бледным, завуалированным; строго говоря, он вообще отсутствует в приведенном выше материале⁷⁰. Божественная и солнечная характеристика *Coccinella septempunctata*, усвоенная языком и образной мифопоэтической моделью мифа, сыграла свою роль, очень сильно деформировав миф в его "энтомологической" версии (не столько, правда, сюжет, сколько одного из его участников - трансформацию жены Громовержца). Даже в разведении с богом и Солнцем божья коровка ("солнышко") сохранила свои прежние положительные характеристики в мифопоэтических представлениях о ней. Но "энтомологическая" версия, разросшись и дифференцировавшись, создала условия для формирования некоей вторичной мифопоэтической системы, в которой утрата отрицательного значения божей коровки (как женского персонажа основного мифа) в силу своего рода Systemzwang'a была восполнена созданием отрицательного члена этой системы, данного, естественно, в том же энтомологическом коде. Речь идет об образе стрекозы как чертова насекомого, противопоставленного положительной божей коровке именно как божему насекомому. Ср. лит. *laımžirgis (laımžirgis, laumiāžirgis), laımės žirgas, laımės žirgėlis* и т.п., букв. 'конь Лауме' при том, что Лауме - один из самых бесспорных вариантов жены Громовержца⁷¹ (наряду с женскими персона-

жами, кодируемыми корнем **Mar-*). Следовательно, пара *diėvo karvūtė : laımės žirgas* отсылает к противопоставлению Бога и его жены Лауме, коровки и коня, женского и мужского. Последнее противопоставление дважды инвертировано по сравнению с соответствующим фрагментом схемы основного мифа (бог - положительный - мужской : жена бога - отрицательная - женская): во-первых, положительным персонажем в "энтомологической" версии становится женский, а отрицательным - мужской; во-вторых, женский персонаж определяется в его языковой форме мужским элементом (*diėvo karvūtė*, т.е. 'коровка бога'), а мужской персонаж - женским элементом (*laımės žirgas*, т.е. 'конь Лауме'). Эти отношения сохраняются и тогда, когда на месте *laımės žirgas* оказываются другие названия стрекозы, в которых она характеризуется как конь некоего женского мифологического персонажа (напр., раганы). Ср.: *rāganos žirgėlis, ragān-žirgis, rāganos-arkliūkas* или *arklūs* (ср. параллельно: *laımės arkliūkas* или *arklūs*), *rāganos kumelūs*. Положение меняется, когда, так сказать, "женоцентричные" названия стрекозы вытесняются лексемами, в которых отчетливо выступает ориентация на мужской персонаж, враждебный богу. Ср. лит. *vėlnio žirgas, vėlnio žirgėlis, vėlnia-žirgis* 'стрекоза' (как 'конь черта'), *vėlnio arklūs, vėlnio arkliūkas, vėlnio kumelūs, vėlnio kumeliūkas, vėlnio drigañtas*⁷². В этих случаях названия стрекозы, сохраняя противопоставленность божественному началу и даже усиливая его до классического дуализма бог : черт, снимают противопоставление мужской - женской. Переориентация с образа жены Громовержца на его противника приводит к "маскулинизированной" версии мифа: проблема добра и зла, правды и лжи "разгрыбается" исключительно мужскими персонажными элементами. С точки зрения позднего христианизированного мифопоэтического сознания в одном ряду с формами типа *vėlnio žirgas* и под. находятся такие названия стрекозы, в которых она характеризуется как конь Перкунаса. (Ср. *perkūno žirgėlis* или *perkūno arklūkas*)⁷³. Но для более

mitologinės sakmės. Vilnius, 1979 и особенно - Судник Т.М., Цивьян Т.В. К реконструкции одного мифологического текста в балто-балканской перспективе. - В кн.: Структура текста. М., 1980, с. 240-285, и др.

⁷² Ср. также *žydo arklūs, žydarklis, žydo kumelūs* и т.п.

⁷³ Учитывая обычные описания Перкунаса в литовской традиции как старика, деда (*Perkūnas-senis, Perkūnas yra senis* и т.п.), можно видеть в лит. *diėdas, diėdūkas, diėdarōkas* 'стрекоза' отсылку к образу Перкунаса (но уже без упоминания его коня; обратная ситуация - указание на коня без упоминания его хозяина - представлена в таких названиях стрекозы, как *žirgėlis, žirgiūkas, žirgas, žirginis, žirginas, drigañtas* и т.п.). С Перкунасом в конечном счете могли соотноситься и такие названия стрекозы, как лит. *striėlis, striėlōkas, striėlė, striėlā, striėlā, striėlka* и некот. др.

⁷⁰ Впрочем, не очень ясные следы "небесной" ссоры и, следовательно, признаки исконно отрицательных черт все-таки обнаружимы (опаленность и пронзенность - проколотость, видимо, как результат наказания, неясная вина перед детьми, нахождение их в глубокой норе и т.п.).

⁷¹ См.: *Vėlius N. Mitinės lietuvių sakmių būtybės*. Vilnius, 1977, p. 83-128; *Idem. Laumių dovanos*. Letuvių

ранней эпохи, в текстах которой *diēvas* и *Perkūnas* нередко выступают как синонимы, название стрекозы *perkūno žirgėlis*, по существу, равнозначно ее обозначению как *diėvo žirgelis*, из чего вытекало бы заключение о том, что стрекозу представляли некогда как божьего конька, соотношенного с реальным конем Перкунаса (одним из основных его атрибутов) по тому же принципу, по которому божья коровка соотносится с коровой (или коровами) бога, покищенной у него его противником, или *bože ston-āko* - с Солнцем бога (т.е. светилом и его персонифицированным воплощением - женой бога)⁷⁴. Впрочем, при всем правдоподобии этого заключения следует считаться и с возможностью возникновения и развития образа конька Перкунаса, отложившегося в названии стрекозы, в силу выравнивания мифологической системы (и обслуживающей ее языковой номенклатуры), стремившейся к симметричному отражению на каждом уровне обоих членов противопоставления мужской - женской, ср. *Perkūnas - Saulė, diėvo karvūtė (*Perkūno karvūtė)*⁷⁵ - *laūmės žirgas* (: *perkūno žirgėlis*) и т.п. Иначе говоря, при ис-

⁷⁴ Из других названий стрекозы ср. лит. *skėtė, skratė, avižė, keturspañnis, latėsius, skėrys, šarañčius (šarañčius, žarañčius, zarañčius, šerañčius), Bīržų vagis, kīkė, kiūkis, muzikantas, bizdigōnas, bīzdinas* и т.п. См.: *Lietuvių kalbos atlasas, I. Leksika. Vilnius, 1977, p. 158-159* и карту 85. Данные других традиций, прежде всего соседних - латышской, белорусской, польской, немецкой, - существенны, но значительно беднее и однообразнее. О польских названиях см.: *AJK. zesz. IV, s. 58-64* и карту № 157: к описанной литовской схеме ср. *panna 'стрекоза'* (и 'божья коровка'), *matūlda* - женская линия, *strzel(e)c, żotnierz* - трансформация линии Громовержца, *szwed(a), francuz* и др. - трансформация линии противника Громовержца ("чужое"), *koń, dziki koń, konik, dziki konik, pasikonik* - анимальная линия. Форма *dziki koń* в реконструкции отсылает к **dik- & *konь*. Альтернативный вариант **div- & *konь* может толковаться как обозначение б о ж ь е г о коня (см. выше о полаб. *Deiwa Korwd* как - в реконструкции - б о ж ь е й корове, т.е. д и к о й : об олене) и, следовательно, соотносится с лит. *diėvo žirgėlis 'стрекоза'*.

⁷⁵ Такая реконструкция, позволяющая выявить образ Перкунаса как пастуха коров, вполне подтверждалась бы древнеиндийским названием божьей коровки - *indrağora*, букв. 'имеющая Индру (Громовержца) пастухом'; ср. также тему божьего скота, божьих коров - *devasya gauh, deva-gava-* и т.п. (ср. лтш. *dieva gavs*). Ср. сходные обозначения других "маленьких" животных через имя Перкунаса и соответствующего большого животного, напр., лит. *perkūno ožys 'клев'* (букв. 'козел Перкунаса') или *perkūno ožėlis 'кулик'* (букв. 'козлик Перкунаса'); ср. такие его синонимы, как *diėvo ožėlis* или *dangaus ožėlis*.

следовании частных кодовых версий (в данном случае - "энтомологической") исследователь все время должен различать две категории случаев - особенности, определяемые структурой данного кода (конкретно - энтомологического), так и ли и н а ч е трансформирующей и деформирующей содержание мифа, и особенности, объясненные своим возникновением внутреннему соотношению элементов мифопоэтической (и языковой) системы.

Вместе с тем важно сознавать, что развитие мифа не заканчивается созданием частной кодовой версии. Как показано выше, на основе одной версии ("энтомологической") может складываться "вторичная" другая версия ("антропоморфическая"), которая в ряде случаев лучше сохраняет (или восстанавливает, ср. так называемую архаизирующую трансформацию) исходную схему. Примером могут быть названия божьей коровки, ориентирующиеся на человеческие имена, - ж е н с к и е ("Мария") и м у ж с к и е ("Петр"), ср. лтш. *mārīte*, лит. *marūtė*, польск. *panna Maryja* и т.д., с одной стороны, и лит. *petrėlė*, блр. *пэтрк*, укр. *пэтрк* и т.д., с другой стороны. Если обратить внимание на ареальное распределение вариантов этих двух типов⁷⁶, то сразу же бросается в глаза четкая противопоставленность двух зон - той, где доминирует "женский" принцип ("Мария") названия божьей коровки (Польша, Германия и др.), и той, где ведущим является "мужской" принцип ("Петр"), - Белоруссия. Известное равенство наблюдается в Литве, где представлены оба принципа (*marūtė* и *petrėlė*), и, следовательно, ареал оказывается в этом отношении последовательно дифференцированным. Эта ситуация должна, очевидно, рассматриваться как указание

⁷⁶ Разумеется, кроме форм, которые строго распределяются по этим двум типам, существует большое количество других названий божьей коровки (некоторые из них существенны и с мифопоэтической точки зрения, ср. болг. *калѝнка, калѝнка-малѝнка*, польск. *takówka, borowiczka, -eczka, boróweczka, borówka, litewka, rytlówka, krop(i)elniczka, kropanka* и т.п.): характерно, что этот не дифференцированный в указанном отношении резерв выступает как основа "вторичной" подмифологической системы.

⁷⁷ Ср., однако, редкие названия от женских имен типа *матрунка, матруна-колода, матруна-колодиця* (а также *бабушка-рабушка, бабка-карабка, бабочка-коробочка* и т.п.) при обилии мужских названий: *пэтро, пятро, пятро, пэтрк, пэтрк, петрачка, петрашка, пэтрачок, пятрок, пятрук, пятрусь, пятрушачка, пятрушачка-душачка, пэтричок, пэтрик-вэдрик, пэтрик-мэтрик; пэдрик, надрик, фэдрик, фэдорко, фэдарка, хведарка, хвэдорко, пэдорка-эдорка, пэдурка-сэдурка, пэдрик-шчэдрик, хведорко-пэдорко, пэтра-паўла, тодор, андрэйка, андрэйка-калода, андрэйка-братка, андрэйка-купарэйка, андрэйка-рабочок, іванько, іванька-братка, клемка, клямук, братка-кандратка, сидорко-пидорко, сидорко-хвэдорко* и др.

на сохранение в литовском ареале глубоко уходящей в архаику мифологической схемы с двумя участниками – мужским и женским, восходящими соответственно к паре Громовержец – его жена. Можно напомнить, что эти члены пары кодировались именами с корнем *Per(k)- и *Mar-, имеющими надежные индоевропейские параллели. Эти имена, видимо, и способствовали притяжению поздних христианских имен Петра и Марии (Petr - Marija) к этим местам схемы основного мифа в качестве субститутов исходных имен. Таким образом, литовские названия *Coccinella septempunctata* дают основание для реконструкции и "мужской", и "женской" части основного мифа, тогда как каждая из названных двух зон ориентируется или на одну, или на другую часть его. Архаичность литовской мифопоэтической модели мира как раз и состоит в равномерном сохранении разных частей как текста, так и системы. Но с точки зрения теоретико-информационной провиденциальности распределение информации об основном мифе отдельно по двум зонам ("мужской" и "женской") может трактоваться как метаописание того мотива основного мифа, где речь идет о расчленении, разбрасывании и упрятывании как лучшим способе сохранения некоей ценности (в данном случае – смысла, Слова) в надежде на будущее соединение всех разъятых частей в совершенстве целого.

Т.М. СУДНИК, Т.В. ЦИВЬЯН

МАК В РАСТИТЕЛЬНОМ КОДЕ ОСНОВНОГО МИФА (BALTO-BALCANICA)

В последнее время тема реконструкции мифопоэтических текстов стала рассматриваться в плане различных семиотических кодов: космологического, антропоморфного, зооморфного, вегетативного, гастрономического и т.п. Предполагается, что исходный текст (=архетип) реконструируется сведением воедино разных кодовых версий. Можно допустить далее, что каждая отдельная кодовая версия содержит данные, достаточные для хотя бы частичной реконструкции текста или его фрагмента. Эта возможность реализует высший уровень мифологизации в модели мира: практически весь мир, в котором живет человек, – он сам, земля, небо, животные, растения и т.д., – вовлекается в сферу, которую, используя термин Леви-Стросса, можно назвать "мифологичной". Разумеется, коды "не равнодушны" к содержанию, которое они призваны передать: они должны подходить, соответствовать друг другу. Двустороннее взаимодействие код ↔ содержание обеспечивает наиболее эффективную передачу информации. Так осуществляется максимальное живание человека в мифологизированный универсум.

Поэтому, когда речь идет, например, о растительном

коде, в принципе несущественно, что подо что подстраивается: мифологизируется ли периодическое обновление природы, или жизненный цикл растения служит метафорой для изначально заложенного и в этом смысле имманентного содержания. Так или иначе растительный код в наибольшей степени подходит под схему уничтожение/возрождение в новой ипостаси, и этой схеме, в свою очередь, соответствует любое растение.

Дальнейшая разработка должна идти уже в связи с конкретным сюжетом. В данном случае выбран фрагмент основного мифа, посвященный наказанию/испытанию младшего и самого маленького сына Громовержца. Он опален небесным огнем, превращен в камень, растение, хтоническое животное и т.п., уничтожен (распран, разбит, растерт), низвержен под землю/воду, откуда после долгого пребывания выходит воскресшим и в новой ипостаси, чтобы принести человеку богатство и плодородие. В функции младшего сына заложено, кроме того, и внесение культуры (обработка растения), где особо выделяется сакральная сфера. Она связана с приговорами галлюциногенного вещества (чаще всего – напитка) и представляет собой ритуальную реализацию исходного текста: наказание младшего сына путем расчленения, растирания и т.д. Действие галлюциногенного напитка стирает границы между жизнью и смертью, создает возможность перехода из одного мира в другой, т.е. как бы мультиплицирует жизнь, давая человеку способность к метаморфозам. Можно предположить, что именно галлюциногенный напиток символизирует "обостренную" идею плодородия как многократного и вариативного воспроизведения.

Содержательные требования определяют круг растений, наиболее естественно вписывающихся в заданную схему. Среди их отличительных признаков существенны следующие: малые исходные размеры, т.е. крошечные семена; быстрый рост; плодовитость (самовоспроизведение в виде огромного количества семян); интенсивный цвет (красный, черный); резкий, отмеченный запах и вкус (жгучесть, горечь); наконец, специфические способы обработки (размачивание, растирание, сжигание и т.п.), приводящие к получению наркотика. По этой схеме были описаны такие растения, как *перец*, *петрушка*, *конопля*, не говоря о *Соме/Хаоме* с его разветвленными растительными эквивалентами (вплоть до гриба)¹. Теперь в список включается еще одно

¹ Топоров В.Н. Заметки о растительном коде основного мифа (*перец*, *петрушка* и т.п.). – Балканский лингвистический сборник. М., 1977; *Он же*. К семантике мифологических представлений о грибах. – *Balcanica*. Лингвистические исследования. М., 1979; Цивьян Т.В. 'Повесть конопля': к мифологической интерпретации одного операционного текста. – Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977. См. в том же кругу: Norman R. On the semiotic function of cucurbits. – In: *Humanitas religiosa*. Festschrift für Harald Biezais. Stockholm, 1979.

растение с богатыми мифологическими ассоциациями: мак².

Мак — древнейшее культурное растение. Среди разнообразия его видов выделяются два основных, на которых главным образом и строится мифология мака: *Papaver rhoeas* L. — мак самосейка и *Papaver somniferum* L. — мак снотворный. Родиной мака предположительно считается Средиземноморье, откуда он распространился едва ли не по всем странам света, везде обрстая соответствующей мифологией. Наркотические свойства мака, из которого добывается опиум, известны с древнейших времен. Из мака, кроме того, выжимают масло, он широко используется в лекарственных целях, для приготовления еды, наконец, как декоративное растение. Мифологизация мака облегчается и его внешними признаками: бросающийся в глаза цветок с крупным пестиком и эффектными ярко-красными с черным (но и белыми и фиолетовыми у снотворного мака) лепестками, нежными настолько, что они не выдерживают веса насекомых; быстрый расцвет и увядание; особая форма головки мака, "маковки"; характерное потрескивание сухой коробочки с семенами; ядовитый млечный сок, придающий растению горький вкус и неприятный запах³.

Анализ "маковой темы" в фольклоре обнаруживает достаточно показательную картину жанрового распределения. При большой популярности и, так сказать, актуальности мака в повседневной жизни он оказывается распределенным в фольклорном корпусе неравномерно. Сюжеты повествовательного фольклора — сказки, предания и т.д., связанные с маком, достаточно ограничены и в мифологическом плане не очень показательны. Индекс мотивов Томсона указывает для мака два сюжета, причем оба связаны исключительно с его опиатными свойствами: А 2733. Серия превращений под влиянием опиума; А 2691. Происхождение опиума. Характерно, что не отмечен основной сюжет, на котором строится символика мака, — как ее представляют наиболее авторитетные мифологические словари (Funk and Wagnalls, G. Jones и т.д.): мак произошел из крови убитых героев, поэтому, в частности, маки растут на поле битвы (см. хотя бы *Flanders poppy*, emblem of dead in World Wars, esp. artificial red poppy worn on Poppy Day (=Remembrance Sunday)).

В противоположность этому весьма обильно мак представлен в тех жанрах фольклора, которые традиционно считаются периферийными или даже вырожденными: речения ти-

² В этой статье рассматривается только один фрагмент мифологии мака. Многие темы оказались незатронутыми — не только из-за недостатка места, но и потому, что был выбран аспект, сочный наиболее значимым.

³ Ср. блр. пеляск.: мак надо сеять первым, иначе он *свадй горкасцю п а л і ц ъ, глушиць* другие растения. Мотив сжигания в связи с маком весьма древен, ср. еще в "Георгиках" у Вергилия (I, 78): (*Ниву*) *Также спялет и мак, напитанный дремой летеиской (Urunt Lethaeo perfusa papavera somno)*.

па *маков цвет, краснеть, как мак, ни маковой росинки и т.д.*, загадки, тексты детского фольклора, игры и танцы; сюда же следует присоединить практическое использование мака в обрядах (приготовление еды, в том числе ритуальной, гадания, народная медицина и т.д.). Не менее показательным, что в фольклорной семантике мака нередко подчеркивается сдвиг в сторону комического, пустого, дурачества и под. (ср. *кукиш с маком*, разного рода обыгрывания рифмы *мак-дурак* — к этому чеш. *tak 'o глупом человеке'* и т.д., см. далее о Макаре). Иными словами, мак как бы вытеснен из сферы непосредственно мифологической в сферу быта, пусть мифологизированного, или аллегории, которая, строго говоря, и знаменует собой смерть мифа, оставляя ему лишь препарированную оболочку.

Возникает вопрос, интерпретировать ли это состояние как вырождение темы мака в связи с утратой им мифологической значимости, или видеть здесь особый способ хранения информации. Эта информация (учитывая наркотические свойства мака) изначально должна была быть сакральной по преимуществу и, следовательно, принадлежать узкому кругу посвященных, т.е. жрецов, хранивших и осуществлявших ритуал. Информация такого рода сугубо закрыта и табуирована, но при этом сохранение ее во времени и пространстве должно быть гарантировано. В таком случае здесь можно видеть классический способ маскировки: предмет спрятан на самом видном, бросающемся в глаза месте, при этом настолько "непрестижным", что в обычных условиях или в плену традиции никому не придет в голову его там искать.

Приблизительно то же самое происходит и с маком. В соответствующих фольклорных описаниях, о которых заранее известно, что там должен быть мак (хотя бы ритуальные трапезы, ритуальные украшения цветами и т.п.), мак в большинстве случаев пропускается или явно входит в число "и другие"⁴.

Представляется, что это лишь отчасти объясняется недостаточной подробностью описания или его направленностью на другие темы: несомненно, что информанты в большинстве случаев не придают маку никакого специального значения, что для "оживления" мифологии мака необходимо актуализовать некий глубинный уровень мифологической памяти коллектива.

Авторам пришлось наблюдать подобную картину в д. Пеляса (Гродненская обл., записи 1979 г.). Мак воспринимался информантами на чисто бытовом уровне. Обычно ответ строился по единообразной схеме: мак специально не

⁴ В частности, не удалось найти упоминания о маке в жанре так называемых "травных песен" (*билгарски песни*) у южных славян. Засвидетельствовано сравнительно редкое упоминание мака в болгарской фольклорной традиции, см.: *Усачева В.В.* Мифология растений в болгарских народных песнях. — *Balcano-Balto-Slavica*. Симпозиум по структуре текста. М., 1979.

сеют; иногда отвар из головок мака используют как снотворное; на сочельник делают маковое молоко (подробно сообщался способ приготовления - сугубо операционно); есть детские игры-танцы с темой мака (о них см. ниже). Сакральный аспект мака, в обычной ситуации не пропускаемый мифопоэтической цензурой, обнаружить не удавалось, пока особенно чуткая к сфере мифа информантка (М. Круопене) после нескольких бесед не вспомнила историю о з а к л я т и и м а к о м. Лет 30 назад малознакомая женщина из чужой деревни (д. Герники Щучинского р-на) ночью сказала ей, как заклинать маком, предупредив, что это заклятие - одно из самых сильных: *ма'кам можна заклясці так сама, як няруном* [т.е. молнией, именем Громовержца, Перуна; см далее о взаимосвязи и взаимозаменяемости комплексов *так-/ток- и *пер- в одном и том же мифологическом контексте]. Для этого мак надо смешать с песком следа левой ноги и бросить в полночь через забор во двор закливаемого, произнося: *няхай разаб'еца на дробни мак той (што нас разлучыў)*!⁵

Более пристальный взгляд обнаруживает, что локусы, в которых задерживается мак, так или иначе вписываются в круг ритуала, и это еще раз свидетельствует об особом, сакральном аспекте мака. Здесь по недостатку места сочтено возможным ограничиться лишь некоторыми примерами в кругу балто-балканской традиции⁶. Прежде всего можно вспомнить так называемую "богиню мака" из Гази на Крите (Минойская культура, 1400-1200 г. до н.э.) - женскую фигуру с головками мака в прическе⁷, и ее санктуарий,

⁵ К этому лит. *žaliūs aguonūs krēsti* (букв. 'трясти зеленый мак') 'сильно проклинать' (Lietuvių kalbos žodynas, I. Vilnius, 1968, p. 28; далее LKZ), и, возможно, болг. родопск. *мак-та-пук!* 'лопни!' (Стойчев Т. Родопски речник. - Българска диалектология, кн. II. София, 1965, с. 202). Ср. соответствующие клише в заговорах, где мак включается в мифологически показательные связи: *Вуж муж, вуж муж, рассяпся ти дробней маку, а ўзыйдзи полявым цвятom* и т.п. (Романов Е.Р. Белорусский сборник, вып. 5. Витебск, 1891, с. 117 и др.). Ср. еще пелясск. *каб ты села (сырим) макам!* ('век замуж не вышла') при укр. *маком сісти* 'погибнуть' (Гринченко Б.Д. Словарь украинского языка, т. II. Киев, 1908, с. 399), рус. смол. *маком сесть* 'пропасть, рассыпаться подобно маку безвозвратно' (Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914, с. 396), польск. *siać mak między ludźi* 'сеять вражду' (Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłówiowych polskich, II. Warszawa, 1970, s.v. mak).

⁶ Они отчасти были приведены в работе: *Судник Т.М., Цивьян Т.В.* Еще о растительном коде основного мифа: *мак*. - *Baltano-Balto-Slavica*. Симпозиум по структуре текста. М., 1979.

⁷ Ср. арум. *băltotă* 'мак' (которым убирали волосы невесты): *Papahagi T.* Dicționarul dialectului aromân.

где, судя по найденным там сосудам особой формы, происходило ритуальное одурманивание опиумом. Мотив цветов и головок мака широко распространен в орнаменте античного мира. О маке - атрибуте греческих богов см. далее.

Роль мака в обрядовых трапезах общеизвестна. Существенно, в частности, что на ужине в сочельник мак, входящий в состав колива, кутьи, клецок, различных печений⁸ и т.п., сочетается с другими мифологически отмеченными растительными компонентами этой трапезы: грибами, ячменем, рожью, коноплей и под.⁹ Мак в составе поминальных трапез (в частности, та же кутья, т.е. род каши из пшеницы или ячменя с маком и медом) значим в соотношении со связанными с ним магическими действиями при похоронных обрядах. Специально следует упомянуть *маковое молоко* балтийской и славянской традиции, в приготовлении которого отчетливо прослеживаются следы ритуала, восходящего к растиранию, уничтожению растения/сына Громовержца для приготовления сакрального напитка. Мак растирают в специальном сосуде - макитре (< *макотъра; ср. особые макитры (с бугром в донце) для растирания к у т е й н о г о мака - *ciortă z pupom*, засвидетельствованные в западной Белоруссии и в окрестностях Львова¹⁰; мак растирают т о п о р и щ е м (Пеляса), ср. балто-славянские представления о кремневых топорах как оружии Громовержца.

Мак в свадебных и похоронных обрядах имеет, как правило, функцию оберега: в восточном Полесье во время свадьбы невеста должна иметь при себе мак *wiedun, sztab nichto nie prystau*. Там же маком-видуном посыплют мо-

București, 1963 s.v. Ср. еще о маке: *Adascalitei V.* Motifs floraux dans la peinture murale paysanne chez les roumains, les polonais et les hongrois. - *Македонски фолклор*, 1974, VII, № 13, с. 95, а также мак как распространенный элемент вышивки и текстильного орнамента в том же балто-балканском ареале, и т.д.

⁸ Ср. в связи с этим интересный экспонат из Краковско-го этнографического музея: рождественский пряник, изображающий черта, черного от того, что он весь обсыпан маком.

⁹ Ср. подобный набор в белорусских народных песнях (например, мак, просо, вика, конопля: *Анталогія беларускай народнай песні*. Мінск, 1975, с. 120, и т.п.).

¹⁰ *Hołubowicz W.* Garncarstwo wiejskie zachodnich terenów Białorusi. Toruń, 1950, s. 142, 194; ритуальная макитра находилась "pod specjalną troskliwą opieką najstarszej babci w rodzinie".

Возможно, мотив растирания мака косвенно отразился в литовских и белорусских цепных текстах типа лит. "Pinu, pinu pinū" (*Jokimaitienė P.* Lietuvių liaudies vaikų dainos. Vilnius, 1970, N 447, p. 228), блр. "Сіўка-варонка, дзе ты была?" (Беларуская народная творчасць (далее БНТ). Дзвіячы фальклор. Мінск, 1972, № 467-478) с клише *горы - в горах ступка* (железная, золотая) - *в ступке маковое зернышко*.

гилу колдуна, чтобы он не возвращался домой¹¹; в Закарпатье покойнику-колдуну на дорогу бросают мак (*штоби тот босуркан мау работу збирати, аби ся займал*) или кладут мак в гроб, чтобы он считал зерна¹²; у могилы вампира-колдуна трижды рассыпают мак¹³. Чтобы мать после смерти не возвращалась к ребенку, у могилы и дома рассыпают освященный мак¹⁴; мак сыплют в норки на могиле *зайздорсьника 'ходячего мертвеца'*¹⁵; от него (*пужайла*) сыплют мак на могилу, в воротах, на дом¹⁶ и т.д.

Широко отмечено в рассматриваемом ареале использование мака в ритуалах г а д а н и я. Здесь можно упомянуть, например, распространенные в Литве и Белоруссии гадания о суженом в канун дня св. Андрея (мак, льняное или конопляное семя сеют у колодца, трижды его обходя и приговаривая: "*Andriejau, Andriejau, kanapes sėju, parodyk man mano kavalieryų*")¹⁷; рождественские гадания о будущем урожае (бросают в потолок кутью или горсти разных семян, в том числе и мака, и смотрят: что пристанет к потолку, то и уродится); ср. также бытующие едва ли не повсюду гадания по лепесткам мака, использующие акустический эффект ("взрыв"); в Румынии девушки используют цветы мака как приворотное средство (*Gorovei A. Credinți și superstiții ale poporului român. București, 1915, N 1993*) и т.д.

О роли мака в ритуале вызывания дождя, особенно значимой в аспекте рассматриваемого мифа, будет сказано специально.

Отголоски ритуалов возделывания мака (тишина, молчание, темнота и т.п.), возможно, сохранились в речениях типа: словц. *sejŭ mak* (об особой тишине) (*Záturecký A.P. Slovenské prislovia, porekadlá a úslovia. Bratislava, 1974, s. 563*), агундс. *sėti* (=сеять мак) 'молча плакать'

¹¹ *Moszyński K. Polesie wschodnie. Warszawa, 1928, s. 195, 168.*

¹² Мотив перебирания мака вошел в сказочные сюжеты в качестве трудного задания, см. "Казка пра падчарыцу" (БНТ, Чарадзейныя казкі, II, с. 226-229), где падчерице надо выбрать мак из п е п л а. Ср., с другой стороны, рассказ о "чернокнижнике" из литовской д. Пелегринда, к которому по ночам приходили черти требовать душу: "bet jis jiems duoda darba: papils goršcių aguonų ir liepia velniams rinkti" 'но он давал им работу: рассыплет гарнец маку и велит чертям собрать' (LMD 841/1).

¹³ *Богатирев П.Г. Магические действия, обряды и верования Закарпатья. - В кн.: Богатирев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, с. 271-272.*

¹⁴ *Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej, I. W Krakowie, 1897, N 172.*

¹⁵ *Никифоровский Н.Я. Простонародные приметы и поверья. Витебск, 1897, с. 293.*

¹⁶ Запись О.А. Седаковой (вост. Полесье, 1974 г.). Авторы благодарят О.А. Седакову за подборку сведений о маке в похоронном обряде.

¹⁷ *Lietuvių etnografijos bruožai. Vilnius, 1964, p. 537.*

(*Paulauskas J. Lietuvių kalbos frazeologijos žodynas. Kaunas, 1977, p. 18*); мак надо сеять через голову (LTR 1423(247)), в полночь и в полнолуние (LTR 1389(31) и др.; *Šmits P. Latviešu tautas ticējumi, I. Rīgā, 1940, l. 1114*).

Наконец, в особый мифологический фрагмент должны быть выделены игры-танцы (игры-пантомимы) "Как растет (сеют, трясут) мак"¹⁸, распространенные по всему балто-балканскому ареалу¹⁹. Игра сохраняет древнейшую вопрос-ответную структуру, - нередко это диалог птиц или животных, - и воспроизводит основные этапы жизни мака, от посева и до еды. Исполнители при этом играют двойную роль, изображая жестами и тех, кто обрабатывает мак, и сам мак; так нейтрализуется оппозиция *природа/культура*²⁰. Текст игры (как и другие тексты подобного рода, охватывающие мифологически значимый круг растений, -

¹⁸ Один из вариантов этой игры вошел в поэму Н.А. Некрасова "Мороз, Красный нос" (гл. XIX):

.....
Весной в хороводе опять
Подхватят подруженьки Машу
И станут на ручках качать!
Станут качать,
Кверху бросать,
Маковкой звать,
Мак отряхать!

с пространным авторским объяснением: "Известная народная игра, называемая: *сеять мак*. Маковкой садится в середине круга красивая девочка, которую под конец подкидывают вверх, представляя тем отряхиванье мака; а то еще *маком* бывает простоватый детина, которому при подкидывании достается немало колотушек".

¹⁹ И, несомненно, им не ограничивающиеся. Например, Э.И. Зеленина сообщила о том, что в 40-е годы такая игра была распространена на Урале.

²⁰ Ср. литовский хоровод "Aguonėlė", чаще всего диалог голубя и воробья: *Klausė pilkas karvelėlis | Seno žvirblio čiulbuonėlio, | Kaip, kaip aguonėlę sėja. | Šitaip sėja, da ir va kaip, | Šitaip sėja da ir va kaip, | Taip, taip aguonėlę sėja...* (далее весь ряд предикатов из цикла жизни и обработки мака: *dygsta, auga, žydi, noksta, rauna, krečia, kelia* и т.д.) - см.: *Lingys J. Sceninis lietuvių liaudies šokis. Vilnius, 1975, p. 11-19*, где дается обзор вариантов, начиная с ранних фиксаций А. Коссаржевского и А. Юшки (включившего "Aguonėlė" в перечень свадебных танцев). У восточных славян хороводы "Мак" были широко распространены как компонент весенне-летней обрядности (в частности, пасхальных гуляний) - см.: *Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов, с. 79, 117*). Ср. также сходные белорусские тексты с характерным приурочением *мак - г о р а*: *А на гарэ мак, | На фаліне так. | Мае мілья маковачкі,*

лен, коноплю, перец и некот. др.) не может считаться чисто операционным, обучающим технике "обращения с маком": это описание жизненного цикла, соответствующего обновлению природы²¹.

Уже эти примеры, которые легко могут быть умножены, убеждают в том, что из сакральной замкнутости вырвались достаточно значительные фрагменты, и, очевидно, не могли не вырваться, потому что роль мака в мифологическом универсуме была особо отмеченной. Она, в частности, побуждает обратиться к Элевсинским мистериям в свете недавней работы: *Wasson R.G., Hafmann A., Ruck C.A.P. The Road to Eleusis. Unveiling the Secret of the Mysteries* (N.Y.-London, 1978). При многочисленности материала об Элевсинских мистериях был неизвестен их *sui generis* нерв, то, что обеспечивало участникам экстатическое состояние. Иными словами, речь идет о составе ритуального напитка, описанного в гомеровском гимне Деметре: отвергнув поднесенный ей кубок с вином, богиня

... Попросила, чтоб дали воды ей,
Я чной мукой²² замесивши и нежным полеем...²³
Выпила чашу Део. С этих пор стал напиток обрядным.

*Залатня галовачкі, | Станьце так, як белы мак. | - Ці паспей мак? | - Не, яшчэ толькі пасеялі... (Песні сямі вёсак. Традицыйная народная лірыка Міншчыны. Уклад. і рэд. Н. Гілевіча. Мінск, 1973, с. 459-460, а также БНТ, Дзіцячы фальклор, с. 437-439). В русском фольклоре Прибалтики "Мак" засвидетельствован как святочный хоровод (Русский фольклор в Латвии. Сост. М.Д. Фридрих. Рига, 1972, с. 50-51). Подобные игры отмечены и у южных славян (см., например, упоминание об игре "Мак" в Боснии и Герцеговине в работе: *Dorica J. Narodne igre (plesovi) u području Jajca. - In: Rad XV Kongresa Saveza Udruženja folklorista Jugoslavije u Jajcu* (1968). Sarajevo, 1971), у румын (*Muşlea I., Bîrlea O. Tipologia folclorului. Bucureşti, 1970, p. 615*) и т.д.*

²¹ Засвидетельствованы и игры "Мак" совершенно другого рода. Это не пантомима, а игра-соревнование, где мак, строго говоря, играет побочную роль: игра "В клас-сы" - играющий с закрытыми глазами переступает через черту, спрашивая "мак?", т.е. "правильно?"; литовская пастушеская игра "Aguõnos" - бросание в землю ножа, причем проигравший должен *aguõnàs žėbėti* 'есть мак=землю' (LKŽ I, 29); как бы суммирует обе эти игры белорусский "Мак" - играющий с закрытыми глазами про-водит ножом по черте, сделанной в земле (БНТ, Дзіцячы фальклор, № 1109). Здесь, таким образом, выделяются мотивы резания, меты (нож, черта на земле) и зрячести / слепоты (последнее отражено в противопоставлении двух видов мака "зрячего" - *мак-видун* и под., *Papaver rhoeas L.*, и "слепого", *мак śliruj* и под., *Papaver orientale L.*)

²² Т.е. из ячменя - τὸ ἄλφι.

²³ τὸ γλήχωνι - род мяты.

Таким образом, ритуальный, опьяняющий напиток как будто представляет собой смесь воды, муки и мяты (по некоторым источникам - и меда), заведомо лишенную наркотических свойств. Естественна заподозрить, что здесь заложена некая скрытая информация.

В указанной работе предполагается, что наркотическую роль играл здесь грибок *Claviceps purpurea*, т.е. спорынья, "рожок", нарост на колосьях пшеницы; именно спорынья зашифрована в ἄλφι. Если это так, то роль колосьев как атрибута Деметры, передача их Триптолему, интерпретируемая обычно как акт целиком культурный, приобретает иной смысл: это передача растения, из которого готовится галлюциногенный напиток для мистерий, напиток, символизирующий плодородие, как и сама спорынья²⁴.

При этом, естественно, нельзя не вспомнить о другом, так сказать, парном атрибуте Деметры и ее жриц - о маках. В традиционной символике маки - атрибут Гипноса - связываются со сном (или сновидениями как результатом действия опиума - ср. Морфей - морфий), атрибут Афродиты - с плодородием и т.д.; для Деметры же они нередко интерпретируются по смежности (хотя мотив плодородия и появляется): маки растут на пшеничном поле²⁵. Такое истолкование атрибута богини, "мистерияльной" по преимуществу, представляется несколько поверхностным. Среди нескольких возможных толкований²⁶ допустимо и правдоподобно и то, где мак и пшеница-спорынья выбираются по сходству: из обоих извлекается вещество, сочетающее свойства яда и наркотика (т.е. возможности для перехода, постоянного или временного, в иной статус, иной мир), и оба являются основными символами плодородия²⁷.

²⁴ См. в связи с этим мифологическую интерпретацию сюжета "Деметра и Триптолем" на примере изображений на двух вазах Эрмитажного собрания: *Топоров В.Н. Семантика мифологических представлений о грибах. - В кн.: Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979, с. 235-237, прим. 4.*

²⁵ Отголоски культа Деметры нередко усматривают в современном греческом обычае украшать маками последний сноп, см.: *Καραπάνης Κ. 'Ο "Δράκος" καὶ τὸ ἀγροτικὸ ἔθιμο Δυτικῆς Μακεδονίας. - In: Πρακτικὰ τοῦ Α' Συνέδριου λαογραφίας Θεσσαλονίκης, 1975, с. 110-111.*

²⁶ Ср. (мифологический словарь Funk and Wagnalls, s.v.): "wheat and poppies in a field are symbolic of life and death".

²⁷ Здесь, пожалуй, уместно вспомнить роль *манн* с первым значением 'спорынья' как символа плодородия для всего карпато-балканского ареала, см.: *Клепикова Г.П. Карпатская лексика в ее отношении к лексике иных зон славянского мира. 1. +man(n)a. - В кн.: Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977. Ср. лат. *robigo* 'спорынья', *Robigo* 'бог, предохраняющий хлеб от спорыньи' и славянского *Спорыша*, ходящего по полям.*

Это подтверждается тем, что, как известно, мак входил в античный "мифологический гербарий" (ср. предположение, что шумерским древом жизни был мак, а не финиковая пальма). Особо отмечен список растений, связанных с циклом Деметры-Персефоны. Это, с одной стороны, цветы, обычно душистые, обладающие наркотическим, усыпляющим действием (гиацинты, нарциссы²⁸, розы, крокусы и т.д.; Деметру, обессиленную поисками Персефоны, усыпили маки). С другой стороны, это различные виды растений, применявшиеся, наряду с некоторыми другими веществами, в Элевсинских мистериях (зерна пшеницы, ячменя, овса, мака, бобовые, рис и т.п.), очевидно, для приготовления галлюциногенных напитков.

При всей "приглушенности" маковой темы все же обнаруживаются и следы этиологических легенд, указывающих на глубинные мифологические связи мак-Деметра²⁹. Впервые Деметра увидела маки в городе, которому в честь этого было дано имя "Маковый", Μηκώνη (впоследствии Сикион); там был воздвигнут храм Деметре. О *цереальных маках* у Вергилия (Georg. I, 212, там же, 150, упоминается и спорынья как болезнь хлеба *ut mala culmos|esset robigo*). Сервий замечает, что в мак был обращен афинянин Мекон, в которого влюбилась Церера ("vel quia Meconem Atheniensem dilexerit Ceres et transfiguratum in papaverem tutelae suae iusserit reservari"), - весьма существенное свидетельство, вводящее в тему мак-Деметра мотив превращения.

Уже эти данные позволяют подойти ближе к сюжету основного мифа, связанному с младшим сыном. Здесь нельзя не обратиться к достаточно таинственному - в том числе и из-за его особой роли в Элевсинских таинствах - образу Иакха, сына Деметры или Персефоны, а может быть, и Деметры, и Персефоны, по некоторым же версиям - мужа Деметры. Во время мистерий его деревянное изображение ночью в торжественном факельном шествии вносили в Элевсин из Афин и помещали в Гиерон³⁰. При всей отрывочности и неопределенности сведений о Иакхе - в частности, неизвестно, кто был его отец, - достаточно ясно проступает мо-

²⁸ К этому глосса Гесихия: Δαρύτρον ἄνθος βροχίου παρ-
κλῶσφ.

²⁹ Основные данные см. в Real-Encyclopädie Pauly-Wissowa,
s.v. Mohn, Demeter.

³⁰ См. описание в кн.: Claudii Claudiani De raptu Proserpinae, I, 11-19:

И озарен Элевсин изнутри священным сияньем,
Пути сорвавши свои, шипят триптолемовы змеи...
Вижу: вдали поднялась Геката [Луна - Прозерпина -
Диана] трехликая, рядом
С нею нежный Иакх грядет, и плюц расцветает
В пышнокудрявых кудрях, парфянской шкура тигрицы
Плечи покрыла, сцепив узлом золоченые когти,
Поступь хмельную [e b r i a vestigia] его меоний-
ский тирс укрепляет.

(пер. Е.Г. Рабинович, любезно предоставленный в наше распоряжение).

тив расчленения, растерзания, Ἰάχου σπαράγμος. Именно это служило основой его отождествления с Дионисом-Загреем, т.е. с растерзанным Дионисом, что, в свою очередь, дает некоторые подступы к реконструкции сюжета об испытании младшего сына для установления его божественного происхождения.

Вначале он - сын неизвестного отца, в определенном смысле не имеющий имени. Можно предположить, что непосредственно воспринималась именно звукоподражательная сторона Ἰάχχος, воспроизводящего вопль при оплакивании мертвых (так называется и гимн в честь Иакха, ὁ μυστικὸς Ἰάχχος)³¹. Безымянный, растерзанный юноша скрывается под землей, чтобы воскреснуть в образе Диониса, т.е. бога (из Нисы), приобретя себе истинное имя и доказав таким образом свое божественное происхождение (он - сын матери-земли Деметры и Громовержца-неба Зевса). Вдобавок можно указать и на некоторую связь Иакха с цветами: Ἰάχχαί назывались венки, посвященные Дионису, ср. к этому у Гесихия: Ἰάχχα: στεφάνωμα εὐώδες ἐν Σικιώνι 'благодарный венок в Сикионе' (т.е. в бывшем "Маковом городе"). С другой стороны, известно изображение Диониса-Загрея в венке из головок мака.

Сказанное, как представляется, создает достаточную мифологическую основу для персонификации "балто-славянского" мака как младшего, маленького сына или брата, утопленного и/или прошедшего сквозь пламя и поднявшегося из-под земли. Если рассматривать корпус загадок как своего рода толковый мифопоэтический словарь, то в ряде загадок о маке можно видеть свернутый сюжет испытания огнем/воскрешения, см. например, загадки из сборника Рыбниковой (Загадки. Л., 1932): *Мертвым в землю ушел, живым из земли встал, красну шапку уронил - и людей усмирил* (№ 566); *Маленький, удаленький в землю ушел (вар.: сквозь землю прошел, № 135) - красну шапочку нашел* (№ 567); *Среди пламени корзина стоит - и не горит* (с. 439); из сборника Садовникова (Загадки русского на-

³¹ Ср. лин, плач по Лину, юному сыну Аполлона и Псаматы, растерзанному собаками. Этимология его имени не установлена. Предположительно оно может быть местным названием цветка (входящего в ряд с Нарциссом, Гиацинтом и т.д.), возможно, здесь есть связь с ἄλλινον, горестным припевом посвященного ему плача. В современной Греции сохранился весенний обряд оплакивания умершего и воскресающего юноши-бога (пережитки культа Адониса, Лина и т.п.). Его изображают девушка или юноша (иногда это кукла), украшенные зеленью и цветами, обычно красными. Персонаж носит разные местные имена Ζαφείρης, Φουκοδέτρι, Κάναβος, Λειδινός, Δάζαρος и др.), см.: Μέγας Γ.Α. Οἱ Ἀδωνίδος κῆποι τῶν Σέρρων. - In: Πρακτικά... Α'; Alexiou M. The ritual lament in Greek tradition. Cambridge Univ. Press, 1974, p. 78-82. Один из плачей по Зафирису весьма близок к античному коммосу; это как бы пример непрерывности традиции; см., например: Ἑλληνικά ἐπιποτικά τραγούδια. Β', Αθήναι, 1959, с. 37).

рода. М., 1959): *Маленькая крошка сквозь землю прошла, красну шапочку нашла* (№ 859а), и особенно *Дрен Дренович, Иван Иванович, Макар Макарович сквозь землю прошел, на голове оловь пронес* (№ 860а, б) и т.п. (к этому болг. народное название мака *пламяница*).

Загадки этого типа примечательны и тем, что второй (или первый?) вариант их разгадки - *гриб*. Это дает возможность не только первичного отождествления по принципу 'растения', но и отождествления сюжетного, поскольку связь *гриб - превращение сыновья Громовержца* в настоящее время представляется несомненной. Не менее существенно, что в загадках этого же типа появляются имена собственные, нередко с выраженной мифологической окраской³²; к уже приведенному см. белорусские загадки: *Мой братка Кандратка (Генат-пракурат, брат Прокурат, Генат-хват) скрозь землю прайшоу, красну шапку найшоу*³³ и т.п. Такая форма имени притягивается лексемой *брат* (или притягивает ее), также значимой в контексте "родственной" темы рассматриваемого сюжета.

Однако наиболее ярким именем персонифицированного мака является *Макар, Макарка*. Недавно был опубликован крайне примечательный в мифопоэтическом плане текст гошения по Макарке, сопровождающий известный обряд вызывания дождя - сеяние мака в колодец и размешивание воды к и е ч к а м и (ср. *кий, палка, палица* как оружие Громовержца)³⁴: "Макарко, сыночок, да вулезь из воды, розлей сълэзы по съветуй земли. Там вот голосом и вела. Уже так голосаць як по мертвому все равно", и также: "... Голосаць жонки: Макарко утопиўса, Макарко утопиўса... Ой, Макарко, утопиўса... Голосаць як пукойнику...". Соотнесение имени *Макарка* с младшим сыном Громовержца в этом контексте весьма вероятно в свете позднейших притяжений *m-k-r* → *мокрый* (в этом плане *Макарка* выступает как мужской/детский вариант *Мокоши*), с одной стороны, и *так* → *мак*, с другой. Показательны фразеологические контексты с этим именем, где ему обычно сопутствует мотив незадачливости, унижения, но и плутовства (от *на бедного Макара все шишки валяться до подпустить Макарку 'сплутовать'* и т.п.)³⁵.

³² Об этом отчасти уже говорилось в работе авторов "К реконструкции одного мифологического текста в балто-балканской перспективе". - В кн.: Структура текста. М., 1980.

³³ БНТ, Загадки, № 781-784; Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі. Складу Я. Рапацовіч, Мінск, 1974, с. 350.

³⁴ Толстые Н.И. и С.М. Заметки по славянскому язычеству. 2. Вызывание дождя в Полесье. - В кн.: Славянский и балканский фольклор. М., 1978, с. 101 и след. - о том, что обряды, связанные с бросанием мака, должны были исполнять д е т и; с. 111.

³⁵ Ср. еще показательный сюжет русской сказки о *Макарке-мертвухе*, добывающем богатство, притворившись мертвым, и оживающем: Сборник великорусских сказок. Изд. А.М. Смирнов, вып. II. Пг., 1917, № 266.

В последнее время появилась возможность связать *Макарку* (=утопленника, мак) < др.-греч. μακάρ, μακάριος 'блаженный' → покойник (ср. н.-гр. μακάρια 'поминки'^{35a}) с и.-е. *māk-, *māk-r-, *māk-n-, обозначающим мокрое, влажное, грязное, с соответствующими семантическими филиациями³⁶. Таким образом оказывается содержательно проясненным один из вариантов имени младшего сына Громовержца, названного "в честь матери". В дальнейшем будет затронут и другой вариант его названия - "по отцу".

Не имея возможности развить сюжет сколько-нибудь подробно, укажем только на показательную связь *мак-камень*, которую можно предполагать уже в совпадении их звуковой организации, различающейся перестановкой элементов *mak-akt*. Роль камня в мифе о Громовержце известна - он обращает сыновей в камни и/или поражает их камнями. Если обратиться к словесной реконструкции текста основного мифа, с учетом анаграмматической структуры, то к восстановленному В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым³⁷

[Перун] *g^hhenti ng^hhim Perunt 'поражает змея на скале'

[Перун] *ognim geden-e duō akmen 'порождает огонь с помощью двух камней'

можно предположительно прибавить

[Перун] *g^hhenti mak(on) duō akmen 'поражает мак с помощью двух камней'.

В переводе на растительный код это действие находит реальное воплощение в растирании зерна, семени между двух камней, соответствующем уничтожению врага-сына³⁸. Дру-

^{35a} Сложно и явно неверно объясняемое Эбботом из ἀδμα-κουρλια 'offerings of blood' made upon the grave to appease the manes". - In: Abbott G.F. Macedonian Folklore. Chicago, 1969, p. 203.

³⁶ Топоров В.Н. Др.-греч. μακάρ, μακάριος и под. - Balcano-Balto-Slavica. См. там (с. 44): "... и в балтославянской традиции в связи с тем же элементом *mak-r-: *mok-r- возникает мотив с м е р т и... понимаемый не как онтологический просчет, несовершенство, а наоборот, как этап перехода к особой полноте и интенсивности жизненного начала".

³⁷ Иванов В.В., Топоров В.Н. Этимологическое исследование семантически ограниченных групп лексики в связи с проблемой реконструкции праславянских текстов. - В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. М., 1973, с. 164.

³⁸ Ср. древнейшие мельницы, представляющие два камня, наложенные друг на друга. В Албании они сохранились до сих пор (*Dojaka A. Enë e orendi të Labërisë*. - Etnografia shqiptare, 1963, II, с. 76 - нечто вроде каменной сковороды с крышкой) и носят название *tokër, tokra*, еще ждущее исследования, поскольку этимологию Мейера вряд ли можно признать удовлетворительной ("*mökere* f. 'Mühlstein'. Aus lat. mächina" - Meyer G. Etymologisches Wörterbuch der Albanesischen Sprache. Strassburg, 1891, s.v.).

гой, может быть, более прямой пример связи мака с камнем – рассказ Плутарха (De fluviis, 21.2) об особом маке, растущем у реки Канк в Мидии: $\mu\eta\kappa\omega\nu \epsilon\chi\omega\nu \alpha\nu\tau\iota \mu\alpha\rho\tau\omega\upsilon \lambda\acute{\iota}\theta\omega\nu$ 'мак, имеющий вместо плода камень'; бросая в свежине борозды эти семена-камни, мидийцы гадают об урожае³⁹.

Наконец, определенные следы сюжета можно предполагать в широко распространенной на славянском ареале игре в коршун⁴⁰. Игра сводится к следующему. Коршун (в вариантах – отчим) таскает у матки детей-птенцов, собирая к а м е ш к и 'детей шугать' или 'детям зубы выбивать' за то, что они забрались к нему в огород и повыдергали или поели разные овощи; среди них весьма часто называется м а к или л у к – м а к. Мак, очевидно, не случаен, поскольку он появляется и в диалоге матки и коршуна: – Вороне, вороне, що за тобою? – М а к о г и н. (Макогін 'деревянный пест для растирания соли, мака, пшена и пр.'). Таким образом, и здесь намечается, может быть, не вполне ясная связь м а к – к а м е н ь, м а к – п а л и ц а⁴¹. Игра эта вообще богата усложняющими мотивами, весьма интересными в плане рассматриваемого сюжета⁴². Она среди прочего указывает на неслучайность связи мака с птицами, которая в разных вариантах, но достаточно постоянно возникает в "маковой" теме (ср. отдаленно в латышской игре "Репу копать": "Мой сын – Соколовский, |Моя дочь – Маковка").

Здесь прежде всего можно напомнить, что целый класс текстов "Как сеют мак" строится в виде диалога птиц или

³⁹ К этому же – параллельные фразеологические обороты, в которых присутствует взаимосвязь мак-камень: блр. *сядзець (сырим) макам 'сидеть в девках'* и *сядзець каменем 'оставаться бобылем, холостым'*, ср.: *каб ты села (сырим) макам! Каб ты сеў каменем!* лит. *kad tu sestais aktau!* (Пеляса); *Каб ты каменем сеў!* (БНТ, Выслоўі, с. 217); Ср. также выражения типа: *Рассипался камешек на маковы зернышки* (Поэзия крестьянских праздников. Л., 1970, № 479, указано нам А.К. Байбуриным).

⁴⁰ Коршун, шуляк, крук, ворон и т.д. – См. материалы Романова, Шейна, Чубинского, Покровского и др. См. также сводку в работе: *Игры народов СССР*. М.–Л., 1933.

⁴¹ Ср. в европейской эмблематике XVI в. – рука с палкой, сбивающая головки мака; надпись *Aequari pavet alta minor 'низший боится сравняться с высшими'* (с возможным обыгрыванием *pavet-papaver*); *Emblemata*. Stuttgart, 1967, S. 310. – Не отсюда ли итал. *gli alti papaveri 'сильные мира сего'* ('высокие маки').

⁴² Коршун т о п и т похищенного цыпленка; тот в конце концов о ж и в а е т и на вопрос, где был, отвечает "на колючках лежал, под головою гады были, под ногами змеи". Мотив воды – бани и хтонических животных (гады, змеи, лягушки, жигелюшки, мыши и т.п.) характерен для этой игры.

обращения к птицам: *соловейку, шпачку, шпачку; гуленьки-голубочки, висенные воркуночки; klausé žvirblis karvelėlio 'спросил воробей голубка'* (или в вариантах – голубок воробья) и т.д.⁴³, ср. болг. *кабънка 'мак'* и 'голубка' или блр. *Ды на гары мак, мак|Салавейка топца* и т.д.⁴⁴ Возможно, сюда же следует отнести и возникающую в русских детских считалках, использующих комплекс *ку-ку-мак*, вырожденную тему кукушки, несчастной матери, потерявшей детей⁴⁵.

Сопоставления такого рода позволяют говорить о перекодировке мака из растительного в другие коды – зооморфный⁴⁶, энтомологический⁴⁷. В последнем случае имеет смысл особо выделить соотношение *мак ↔ бабочка*, естественно, не по внешнему сходству: нежные и яркие лепестки мака сравниваются с крыльями бабочек. В данном случае речь идет о сходном звуковом кодировании мака и бабочки на балканском ареале, когда они оба описываются комплексом **per-*, т.е. имеют названия типа *пеперуса* или *папоруна*.

⁴³ Ср. еще $\mu\eta\kappa\omega\nu \acute{\alpha}\phi\rho\acute{\omega}\delta\eta\varsigma$ 'пенистый мак', *Papaver spumeum* L., о котором у Псевдо-Феофраста есть непонятное замечание, что его лист похож на воробья (?): $\tau\acute{o} \mu\acute{\epsilon}\nu \phi\acute{\upsilon}\lambda\lambda\omega\nu \epsilon\chi\omega\nu\sigma\alpha \omicron\lambda\omega\nu \sigma\rho\omega\nu\theta\acute{o}\varsigma$.

⁴⁴ См. еще народные названия мака, связанные с подражанием крику петуха, типа сербохорв. *кукоријек, кукорик, кукурек, кукуријечак* и т.п. (Симоновић Д. Ботанички речник научних и народних имена биљака са именима на руском, енглеском, немачком и француском језику. Београд, 1959, с. 336); чеш. *kokoňrůky, kokrhéli, kokohrtí* и *kohůtky, kohoutky* – собств. 'петушки' (*Machek V. Česká a slovenská jmená rostlin*. Praha, 1954, s. 55); ср. также лужицк. *kokule, kolule* *макојѣки 'Papaver rhoeas* L.' и *kokula 'кукушка'*, наконец, франц. *coquelicot* и т.д.

⁴⁵ *Шла кукушка мимо сети, |А за нею малы дети* (блр. вариант *п і ш ч а л і д з е ц і*) |И кричали *куку-мак* |У б и р а й один кулак.

⁴⁶ Здесь богатый материал дает народная номенклатура растения, ср. польск. *wilczy mak, żur wilczy 'Papaver rhoeas* L.', *zajęzgy maczek 'Papaver argemone* L.', *szarnucha mysza 'Papaver nudicaule* L.' (*Majewski E. Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich*, t. II), *żabi mak 'Ficaria ranunculoides* Moench' (*Słownik staropolski*, t. 4, z. 2(21), 1963); чеш. *vlčí mák*, словц. *vlčí mak*; кашубск. *vilec makòvka* (Sychta, III, 38), рус. *вороний мак, собачий мак* (Анненков Н. Ботанический словарь. СПб., 1878), *заячий мак* (Даль II, 291–292); ср. лит. *kiškiaaguonė* (LKŽ V, 884); и т.д.

⁴⁷ Ср. текст, актуализирующий связь *мак-муравей* (записан в Ровенской обл.; любезно сообщен нам О.А. Терновской): приготовление "каши от ведьмы" – смесь из *зіл'я, мурав'я* и волокон *коноплі* проливали на землю и при этом произносили: *Посипајим ми двор м а к о м, щоб викидала ведма сир собакам.*

Тогда, обращаясь к балканскому обряду вызывания дождя *пеперуда*, можно попытаться сопоставить его не только с бабочками, о чем уже достаточно говорилось (в частности, о воплощении в бабочке души умершего - в связи с темой Персефоны), но и с маком. Когда в соответствующих обрядовых текстах появляется форма типа *пеперуна*, *папоруна* и под., то есть возможность сопоставлять ее не (или не только) с бабочкой, но и с маком⁴⁸. Тогда обряд может быть назван "маковкой" и представляет собой как бы женский вариант к соответствующим восточнославянским обрядам вызывания дождя, связанным с мужским персонажем, т.е. с Макаркой. "Перемена пола" сопровождается и переменной имени: в данном случае это имя - "по отцу". Кроме того, если в восточнославянских обрядах вызывания дождя сеют в воду семена мака, то здесь, возможно, речь идет о цветах мака.

Специальных указаний на то, что переруду украшают цветами мака, вроде бы нет (как нет и указаний на то, что в ее костюмовке есть нечто, напоминающее бабочку). Косвенным подтверждением ее "макового характера" может служить сообщенный О.А. Седаковой обычай украшать колодец на маковой цветами мака (Украина)⁴⁹, и, кроме того, целый ряд примеров олицетворения в цветке мака молодой девушки. К уже приведенным примерам (хороводные игры "Мак", которые в описаниях обычно определяются как девичьи; речения типа *сидеть маком* 'красоваться в девках') ср. семантику мака в фольклоре, в частности свадебном, где он постоянно выступает как символ девичества (лит. *Augo kieme merguželė, kaip daržely aguonėle; Oi mergiotės, jūs aguonės... LKŽ I, p. 28; блр. Сам жа ён сядзіць, як жар гарыць, дзевачку вядзець, як мак цвіціць... Песні народных свят і абрадаў. Мінск, 1974, с. 159-160; и т.п.); многочисленные сравнения красоты, нежности, скромности девушки с маком. Ср. также распространенную детскую игру - делать из мака куклу в юбочке, отгибая лепестки книзу⁵⁰, и к этому - чешских *макових паненок* из сказки о человеке, заснувшем на маковом поле и увидевшем во сне, что цветы мака, превратившиеся*

⁴⁸ См. непосредственное свидетельство этому в работе: Θεοφίλου Μ.Δ. Οἱ περὶ Θεοῦ καὶ διαβόλου δοξασιές καὶ ἡ μεταθανάτια κίσησιν αὐτῶν ἠπειροῦν. - Πρακτικὰ τοῦ Β' συνεδρίου λαογραφίας. Θεσσαλονίκη, 1976, с. 81-82. Описывая обряд τῆς κίσησιν αὐτῶν ἠπειροῦν, автор "проясняет" эту форму, возводя ее к κίσησιν αὐτῶν 'мак'.

⁴⁹ Ср. также отмеченный на Смоленщине обряд: на духов день бабы бросают в воду мак и ветки березы (*Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь*, с. 396). Как известно, семицко-троицкая обрядность по форме (ср. завивание, уращение, вождение, потопление березки, блр. и укр. "куст") и по смыслу (закливание дождя) всего ближе к обряду Пеперуды и Додолы.

⁵⁰ Ср. к этому детскую потешку "куколка-макуколка" (Традиционный фольклор Владимирской деревни. М., 1972, с. 208).

в девушек, всю ночь танцевали с ним ("jako takovu panenku" - говорится девушкам в красивой обновке)⁵¹. Показательна в этом же плане связь мак - рождение дочери, которая развивается в ряде обрядовых текстов типа: *Возьми сыра - родишь сына, Выньшь мачку - родишь оачку* (*Соколова В.К. Указ. соч., с. 60, 92*).

Эти и другие данные вводят рассмотрение мака в сферу женского, которая, в свою очередь, оказывается амбивалентной⁵². Быстрый расцвет и отцветание мака (лепестки опадают через два дня), контраст между нежным, ярким цветком и высохшей, бесцветной коробочкой вызывают ассоциации не только с возрастными изменениями, но и с превращением (метаморфозой - ср. Морфей - морфий), вообще одним из основных компонентов в символике мака. При этом речь идет о превращении быстром, неожиданным, как бы обманном. Учитывая звуковое оформление мака, соотносимое, как теперь показано, с комплексами, кодирующими реконструированное имя жены Громовержца - Мокошь или Перынь, - можно включить превращение в мифологический контекст, связанный с рассматриваемым сюжетом. Речь идет о мотиве измены, обмана, раскрывающихся неожиданно и резко. Жена Громовержца, молодая красавица, после низвержения с небес превращается в безобразную черную старуху. В смене ликов мака можно видеть ее разоблачение, выявление ее истинного облика, ее сути⁵³. Мифология мака этим не исчерпана: возможно, однако, что намеченная схема укажет дальнейшее направление поисков.

⁵¹ См.: *Machek V. Op. cit., s. 56.*

⁵² Амбивалентность вообще характерная черта мифопоэтической семантики мака. Ср. хотя бы не разбиравшуюся здесь символику головки мака от сакральной - маковка церкви, до обсценной - в соответствующих загадках о маке, "полюбившемся девкам".

⁵³ Эта таинственность, сомнительность мака, ощущаемая как греховность, находит широкое отражение в поэзии, у поэтов, особенно чутких к мифологическому архетипу. Не приводя многочисленных примеров (в русской традиции оказалось весьма богатым ассоциациями звуковое притяжение *мак - мрак*, - ср. у Блока, Сологуба и т.п.), сошлемся только на "Трилистник соблазна" Анненского. Посвященное макам стихотворение дано в двух вариантах, где как бы собраны не только основные признаки мака (алый цвет, мак=бабочка, связь с кровью, огнем, ядом, мраком, сном и т.д.), но где в свернутом виде можно видеть и отголоски основного мифа, с обманом и превращением/разоблачением:

Веселый день горит... Среди сомлевших трав
Все маки пятнами - как жадное бессилье,
Как губы полные соблазна и отрав,
Как алых бабочек развернутые крылья.
Веселый день горит... Но сад и пуст и глух.
Давно покончил он с соблазнами и пиром, -
И маки сохлые, как головы старух,
Осенены с небес сияющим потиром.

СОДЕРЖАНИЕ

О.Н. Трубачев. Реплика по балто-славянскому вопросу	3
Вяч.Вс. Иванов. К пространственно-временной интерпретации балто-славянского диалектного континуума.	6
В.Н. Топоров. Категории времени и пространства и балтийское языкознание	11
Сравнительно-историческая грамматика и древнейшие балто-славянские связи	
В.В. Мартынов. Балто-славяно-иранские языковые отношения и глоттогенез славян	16
В.Н. Чекман. Древнейшая балто-славо-индоиранская изоглосса (*s _{i-k} > *š)	27
А.Б. Брейдак. Древнейшие латгало-селоно-славянские языковые связи	37
В.В. Седов. Начальный этап славянского расселения в области днепровских балтов	45
М.И. Лекомцева. К реконструкции фонологических систем языков голяди и днепровско-двинских балтов (I)	52
С.Ф. Кольбушевский. К географии некоторых фонетических явлений в западнославянских и восточнобалтийских языках (на материале польских и латышских диалектов)	61
В.А. Дябо. К вопросу о системе порождения акцентных типов производных имен в прабалтийском	65
А.А. Зализняк. Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском	89
Р. Эккерт. К названиям бортников в балтийских и славянских языках.	107
Е. Огманьский. Иноземные поселения в Литве XIII-XIV вв. в свете этнонимических местных названий.	112
З. Зинкявичюс. К истории литовской христианской терминологии восточнославянского происхождения	131
Топонимия, антропонимия	
Р.А. Агеева. Проблемы межрегионального исследования топонимии балтийского происхождения на восточнославянской территории.	140
А.П. Ванагас. Литовские гидронимы славянского происхождения.	151
В.Ф. Дамбе. Славянские следы в латвийской гидронимии и микропонимии	157

Вяч.Вс. Иванов. Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии. (К названию Белоруссии)	163
Е.М. Катонина. Данные гидронимии о балто-славянских контактах на севере Белоруссии.	177
М. Кондратюк. Литовские элементы в микропонимии польско-белорусской пограничной полосы	184
А.П. Непокупный. Sudawskie, Sudowlany и еще одно старобелорусское название ятвягов.	191
В.П. Римша. Некоторые белорусские антропонимы балтийского происхождения	195

Современные диалектные контакты

Э. Смуклова. К вопросу о белорусских балтизмах. (Проблема статуса балтизмов в белорусских говорах)	203
Ф.Д. Климчук. К истории распространения белорусских говоров в юго-восточной Литве.	214
И. Грек-Пабисова. О характере и направлениях изменений в лексике островного говора.	221
А.Я. Блинкена. Латышско-русские языковые контакты на современном этапе	229
А.С. Режена. Славизмы в ремесленной лексике южно-латгальских говоров латышского языка	233
О. Буш. Лексические германизмы в латышском, заимствованные через славянское посредство	239

Фольклор, мифология, ритуал, этнография

Б. Кербелите. О причинах сюжетного сходства некоторых литовских и восточнославянских сказок.	244
Э.Я. Кокаре. Некоторые выводы о балто-славянских параллелях в латышских пословицах.	252
Н. Велюс. Velnio banda: 'стадо вяльняса'.	260
Ю.М. Золотов. Остатки древнего святилища на реке Кимерше.	269
В.Н. Топоров. Еще раз о балтийских и славянских названиях божьей коровки (Coccinella septempunctata) в перспективе основного мифа	274
Т.М. Судник, Т.В. Цивьян. Мак в растительном коде основного мифа (Balto-Balkanica)	300

**БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
1980**

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
АН СССР

Редактор издательства *Н.Н. Барская*
Художник *А.Г. Кобрин*
Художественный редактор *Т.П. Поленова*
Технический редактор *Г.П. Каренина*

ИБ № 22350

Подписано к печати 10.11.81. Формат 60х90 1/16
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл.печ.л. 20,0 + 0,1 вкл. Уч.-издл. 23,6
Тираж 1750 экз. Тип. зак. 438. Цена 3р. 90к.
Издательство "Наука", 117864 ГСП-7,
Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90
Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука",
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

3р. 90к.



БІЛГО-СЛАВЯНСКІЕ ИССЛЕДОВАНИА



1980

